ПОРТРЕТЫ

ФИДЕЛЬ КАСТРО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга В. А. Бородаева и Н. С. Леонова содержит обширный материал о жизни и деятельности руководителя Кубы Фиделя Кастро. Авторы в своем описании привлекают богатейший фактический материал, иногда совсем не известный российскому читателю.Книга предназначена всем интересующимся мировой историей и политикой и просто тем, кто с уважением относится к Фиделю Кастро — выдающемуся деятелю международного коммунистического движения.

Главы I-VIII написаны Н.С. Леоновым, главы IX и X — В. А. Бородаевым.

- Фидель Кастро. Политическая биография
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X

Фидель Кастро. Политическая биография

Нации в критические моменты рождают людей, в которых они воплощаются: национальные личности.

Х. Марти

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фидель Кастро сегодня — один из самых известных политических деятелей на мировой арене. Навряд ли кто-нибудь возьмется оспаривать тот факт, что в течение четырех последних десятилетий этот человек, вознесенный на политический Олимп Кубинской революции, по-прежнему не перестает восхищать неиссякаемой силой духа, интеллектуального таланта и способностью, вопреки всем препятствиям, добиваться поставленных целей как своих сторонников, так и оппонентов.

Ф. Кастро — плоть от плоти кубинского народа, но когда наблюдаешь за его деятельностью, то понимаешь, что рамки одной страны не способны вместить его кипучую энергию, тесны для такой масштабной личности. Он — великий латиноамериканец, Выдающийся лидер третьего мира, национально-освободительного и революционного движения. Уже сегодня его имя по праву стоит в одном ряду с такими легендарными личностями современной истории, как Хо Ши Мин, Джавахарлал Неру, Мао Цзэдун, Гамаль Абдель Насер, Нельсон Мандела. Его вклад в формирование нынешней политической картины мира, менталитета лидеров развивающихся государств трудно переоценить.

Ф. Кастро бросил вызов самой могущественной империи современности и сделал это у нее под боком, в небольшой слаборазвитой стране. Под его руководством Куба стала подлинно независимым государством, подорвавшим монополию Вашингтона на политическое господство в Западном полушарии. С 1 января 1959 года, когда, победила Кубинская революция, Фидель Кастро становится одним из объектов нападок со стороны правящей элиты США. Уже тогда в Соединенных Штатах была начата крупномасштабная пропагандистская кампания в целях его дискредитации.

Литература о Кубинской революции весьма и весьма обширна. При этом нет пи одной книги о ней, где бы ни была упомянута деятельность ее вождя. За рубежом публиковались и работы биографического жанра о Фиделе Кастро. Некоторые из них были написаны с симпатией к Ф. Кастро по горячим следам Кубинской революции. В основном они касались романтического повстанческого этапа его деятельности. Однако большая часть произведений биографического характера была создана непримиримыми оппонентами Ф. Кастро из числа кубинских эмигрантов. Эти работы, как правило, были далеки от объективности. Их появление обычно по странной «случайности»

хронологически совпадало с очередной пропагандистской кампанией, затевавшейся против строптивого острова в Вашингтоне.

В нашей стране Куба всегда вызывала большой интерес. О ней было написано немало книг в эпоху советско-кубинского сотрудничества. Однако, как ни парадоксально, до сих пор не опубликовано ни одного биографического исследования о Ф. Кастро. Поэтому у авторов предлагаемой книги, посвятивших многие годы своей жизни кубинским исследованиям, возникло естественное стремление написать политическую биографию Фиделя Кастро.

Потребность в такой работе, на наш взгляд, особенно очевидна сегодня. Куба, которой после ликвидации социализма в Восточной Европе и распада СССР предрекали неизбежный крах, в первой половине 90-х годов успешно преодолела последствия кризиса, вызванного практически полным разрывом связей со своими бывшими союзниками по советскому блоку и усилившейся экономической блокадой со стороны США. Если в конце 80-х годов западные политологи спорили о днях или неделях, которые, по их мнению, оставались до падения «кастровского режима» на Кубе, то сегодня, восемь лет спустя после исчезновения с международной арены Советского Союза, ни один из них больше не берется утверждать чего-либо подобного.

Куба справилась с трудностями, сумела успешно адаптироваться к новым реалиям, проведя серьезные рыночные реформы, и сегодня с уверенностью смотрит в будущее. Одним из подтверждений этого является прошедший в Гаване в июле — августе 1997 г. Международный фестиваль молодежи и студентов. Об этом со всей очевидностью говорят итоги развития страны в 90-е годы, подведенные V съездом Компартии Кубы в октябре 1997 г. Красноречивым свидетельством этого служит также решение североамериканских стран провести свою встречу в верхах в 1999 г. в Гаване. На нынешнем сложнейшем этапе мировой истории Фидель Кастро вновь продемонстрировал свои редкие для нашего времени качества государственного деятеля — гибкого, динамичного, способного к стратегическим прорывам современного политика. Во многом именно благодаря ему Куба смогла найти выход из сложнейшего лабиринта внутренних и международных проблем, а Кубинская революция обрела второе дыхание. Это заставляет вновь пристально взглянуть на роль личности в истории. Сегодня, когда во многих странах мира, переживающих кризис, ощущается дефицит подлинных государственных мужей, интерес к фигуре Фиделя Кастро

приобретает особенно злободневный характер.

Идея книги вызревала давно. Многие годы накапливался источниковый материал, осмысливались и переосмысливались личные впечатления от знакомства с Кубой, анализировались происходившие с калейдоскопической быстротой события. И чем глубже мы погружались в конкретные факты, тем отчетливее вырисовывалось историческое место Ф. Кастро в общей панораме кубинского и мирового политического процесса. Время, подобно ураганному ветру, сметало все сиюминутное и наносное, оставляя главное, принадлежащее вечности. Так сама жизнь год за годом выкристаллизовывала подлинную политическую биографию Фиделя Кастро. Нам лишь оставалось объективно запечатлеть ее.

В ходе подготовки работы довелось встречаться и беседовать с кубинцами и многими нашими соотечественниками, которым при разных обстоятельствах пришлось общаться и работать с Фиделем Кастро. У них мы встретили не просто понимание важности предпринятого дела, но и самую активную поддержку, без которой нам было бы трудно завершить начатое исследование.

Авторы выражают глубокую благодарность сотрудникам отдела военной истории Министерства Революционных Вооруженных сил Республики Куба, которые оказали неоценимую помощь в сборе фактического материала для подготовки книги, обработке кубинской прессы в годы, непосредственно предшествовавшие революции и после ее победы.

Нельзя не отметить большой вклад соратников Фиделя Кастро по революционной борьбе, согласившихся дать авторам интервью и поделившихся своими воспоминаниями о тех годах, которые охватывают период подпольной деятельности и революционной войны, наименее отраженный в сохранившихся документах и в сообщениях средств массовой информации.

Нам довелось побывать на Кубе и в Мексике, посетить места, связанные с подготовкой и развертыванием Кубинской революции. Мы прошли путем Фиделя от казарм Монкада, через тюрьму на острове Пинос до конспиративных квартир в Мексике, побывали на месте высадки экспедиционеров «Гранмы» на Кубе, и штаб-квартире повстанцев в Сьерра-Маэстра, на Плайя Хирон. Везде мы беседовали с очевидцами и участниками событий.

Одному из нас посчастливилось быть личным переводчиком Фиделя Кастро во время его первого посещения нашей страны в апреле-июне 1963 года и увидеть вблизи харизматического лидера, пожалуй, самой романтической по форме и самой глубокой по существу революции второй половины XX века.

Попытка издать эту книгу в 80-е годы натыкалась на тихое,

но непреодолимое противодействие кремлевских верхов. В те времена все, что касалось исторического, литературного или изобразительного труда, героем которого был бы один из лидеров коммунистического или национально-освободительного движения, требовало одобрения Старой площади. И оттуда постоянно струились «замечания» по тексту рукописи, которые тормозили ее выход в свет до самого конца 1991 года. Августовские события 1991 г. и последовавший вскоре Беловежский раздел СССР вызвали в нашем обществе длительный психологический шок, во время которого по разным причинам издание оказалось невозможным.

Работа над рукописью продолжалась в очень трудных условиях. На заключительном этапе решающую поддержку оказал С. Я. Голосов, который в те далекие годы был офицером управления правительственной охраны и почти неизменно руководил охраной Фиделя Кастро во время его визитов в СССР. «Наша служба, -вспоминает С. Я. Голосов, -занималась организацией охраны руководителей партии, правительства и Советского государства, а также видных политических деятелей зарубежных стран. Наиболее тщательно готовились мы к работе по обеспечению безопасности Ф. Кастро. Зная устремления различных спецслужб, мафиозных группировок, эмигрантских и других экстремистских сил по физическому устранению кубинского лидера, руководство КГБ СССР держало под особым контролем подготовку и организацию этих охранных мероприятий. Мне неоднократно приходилось участвовать в обеспечении безопасности Ф. Кастро, находиться рядом с ним и его ближайшим окружением. Я не стану давать политическую оценку деятельности кубинского лидера-с этим успешно справились авторы этой книги, но я хотел бы отметить на основе личных наблюдений, что этот человек несомненно обладает такими чертами характера, как огромная энергия, смелость, мужество, целеустремленность, гибкость, дальновидность, которые присущи только гениальным руководителям. Поэтому приказ обеспечивать безопасность Ф. Кастро мы рассматривали как большое доверие, как оценку нашего собственного профессионализма, и выполнение этого долга порой в очень сложных ситуациях представляло для меня не только высокую честь, но и профессиональный интерес, если можно так выразиться — профессиональный азарт».

Не остался равнодушным С. Я. Голосов спустя годы и к судьбе книги о Фиделе Кастро. Ознакомившись с рукописью, он, ставший теперь бизнесменом, кандидатом юридических наук, выразил готовность всемерно содействовать выходу книги в свет и слово

свое сдержал.

Этой книгой не исчерпывается политическая биография Фиделя Кастро. Кубинская революция идет вперед, проявляя удивительную жизнестойкость. Мы уверены, что читатель найдет в нашей книге многие из ответов, объясняющих этот поразительный политический феномен.

Доктор исторических наук,
профессор МГИМО
Н. С. ЛЕОНОВ

Кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудникИнститута Латинской Америки РАН,
доцент МГУ
В. А. БОРОДАЕВ

Глава I
НАЧАЛО

Шел 1901 год. Совсем немного времени прошло с того дня, когда человечество отметило наступление нового, XX века, казалось бы, обещавшего процветание и мир. С большой помпой было отмечено это событие и на Кубе, только-только сбросившей иго испанского колониального господства, но еще не успевшей в полной мере ощутить тяжесть гнета новых хозяев — США, войска которых разместились во всех стратегически важных местах Кубы, вызывающе подняв на флагштоках свои звездно-полосатые полотнища. Многим под неумолкаемый треск речей политиканов еще казалось, что Кубу, «антильскую жемчужину», ждет действительно эра свободы, демократии и прогресса. В те дни, наполненные надеждами, и высадился на Кубе бедный галисийский крестьянин по имени Анхель Кастро Архиз, оставивший Испанию в поисках лучшей доли.

Анхель Кастро родился 8 декабря 1875 года в небольшой деревушке Ланкара в самой отсталой, заброшенной испанской провинции, какой была Галисия. Бедность всегда была уделом подавляющего большинства галисийских крестьянских дворов. Не была исключением и семья Кастро, едва сводившая концы с концами и ютившаяся в убогой хижине с земляным полом. С ранних лет Анхель Кастро стал работать поденщиком на полях местных помещиков, и казалось, что его ждет обычная горькая судьба бедняка, обреченного на непосильный труд, нищету, раннюю старость. Но в 1898 г. он был мобилизован в испанскую армию, которая в то время вела безнадежную войну за сохранение на Кубе испанского колониального строя. К счастью, ему не пришлось участвовать в боях. В скором времени военные операции закончились поражением испанцев. Куба стала формально независимой, но по существу оказалась на положении протектората США. Американские вооруженные силы, вмешавшись в войну между кубинскими патриотами и испанцами на самом последнем этапе, сделали все, чтобы не допустить полной победы кубинцев, не дать острову подлинной независимости, отстранить от управления Кубой наиболее честных и последовательных патриотов.

Короткое пребывание на Кубе зародило в душе у Анхеля Кастро глубокие симпатии к кубинскому народу. Ему казалось, что галисийский бедняк скорее найдет себя среди кубинских крестьян, на свободной теперь от колониального господства

земле Кубы, чем в родной Галисии, задавленной гнетом помещиков, духовенства и королевских чиновников.

Посоветовавшись с родными и получив их благословение, Анхель Кастро навсегда переселился на Кубу, а его брат Гонсало почти в то же время эмигрировал в Аргентину. В то время половина всех испанцев, покидавших родные края, были галисийцами. Люди уходили с насиженных мест в поисках клочка земли, чуть лучшей доли. Все, что имел с собой Анхель Кастро, умещалось в заплечном мешке, и все свои надежды он возлагал на крепкие жилистые руки и на природную сметливость.

Очень скоро ему пришлось убедиться, что новая буржуазная республика не очень-то щедра на милости к трудовому народу. Работы не было. Прослышав, что в самой далекой восточной провинции Ориенте есть шанс найти работу, Анхель Кастро уезжает туда и становится ночным сторожем на шахтах в Дайкири и Понупо, что недалеко от Сантьяго-де-Куба. Вскоре он перебрался на сахарный завод «Престон» и какое-то время трудился на земляных работах на строительстве железнодорожных линий, по которым срубленный тростник доставлялся на завод. Будучи человеком предприимчивым, Анхель Кастро на паях с другим испанцем-эмигрантом открыл в поселке Гуаро маленькую закусочную, на доходы от которой купил несколько упряжек быков. Теперь он мог выполнять более крупные подряды на строительные и транспортные работы, связанные с сахарной промышленностью.

Но у него не гасла мечта обзавестись своей землей, и, когда удалось поднакопить достаточно денег, он приобрел целинные плодородные земли поместья «Манакас», частично покрытые лесами. После вырубки лесов на их месте были разбиты плантации сахарного тростника. Кроме того поместья, которое имело около 705 кабальерий [Кабальерия-мера площади, равная 13,5 га. Общая площадь земель, которыми владел дон Анхель, составляла 9517 га. Арендованные земли составляли 9652 га.] земли, он взял в аренду еще почти столько же, принадлежащих поместью «Сабанильяс де Биран» (на территории этого владения находились богатые лесные угодья, известные под названием «Пинарес-де-Майяри».

Упрочив свое экономическое положение, он женился на Марии Луисе Арготе Рейсе, которая стала матерью его первых пяти детей: Мигеля Анхель, Лидии, Педро Эмилио, Долорес и Хеорхины. Из-за тогдашних тяжелых условий жизни в живых остались Лидия и Педро Эмилио. Дон Лнхель, как его стали называть, решил начать строительство дома на голом месте в Биране, так как вся его жизнь теперь была связана с работой на

этой земле. Однако, поскольку его часто хворавшая супруга продолжала жить в местечке Гуаро, он ежедневно проделывал верхом на лошади по 40 километров по разбитым дорогам, пользовавшимся дурной славой из-за частых разбойничьих нападений. Через некоторое время Мария Луиса с детьми переехала в Сантьяго-де-Куба, и брак распался.

Вскоре Анхель Кастро соединил свою жизнь с крестьянкой Линой Рус Гонсалес, с которой познакомился во время поисков пропавшей лошади. Родители Лины были родом из провинции Пинар-дель-Рио. Отец, Франсиско, родился в местечке Сан-Хуан и Мартинес, а мать, Доминга, в поместье «Лас-Мартинас» в Пасо Реаль-де-Гуане. Когда дон Анхель впервые попал в дом семейства Рус, он был поражен двумя прекрасными упряжками быков и грузовой тележкой, которые им принадлежали. Он убедил Франсиско перебраться в Биран, и таким образом будущий дедушка братьев Кастро стал первым жильцом дома, который пока оставался пустым. От брака с Линой Рус родились Анхела, Рамон, Фидель, Рауль, Хуана, Эмма и Агу-стина. Фидель был третьим ребенком, родившимся 13 августа 1926 года.

Дом, в котором он родился, выделялся среди других строений в округе [Дом полностью сгорел в сентябре 1954 года и восстановлен по сохранившимся фотографиям и воспоминаниям в 1977-1978 гг.]. Он был построен на крепком каркасе из толстых досок американской сосны двойной обшивки и стоял на сваях двухметровой высоты, что предохраняло его от сырости и обеспечивало хорошую вентиляцию. Первый этаж состоял из 4 комнат, где жили дети, и гостиной. Широкая деревянная терраса опоясывала весь этаж. Наверху помещалась комната родителей, которую называли «наблюдательной вышкой». В этой комнате размещались две большие кровати родителей и три маленькие для младших детей. По мере того как рождались новые дети, старшие перемещались на первый этаж. Обстановка дома была скромной, но включала в себя все самое необходимое. Дон Анхель приобрел электрический движок, поэтому в доме было хорошее освещение и свой водопровод. Усадьба располагалась у подножья горного массива Пинарес-де-Майяри, а перед ней расстилались принадлежавшие семье плантации сахарного тростника. Украшением ее были кокосовые пальмы, деревья ценных пород и апельсиновые сады, посаженные Анхелем Кастро.

Предметом общей гордости было плодородие тамошних земель. Всхолмленный рельеф местности, несколько протекавших речушек, устойчивый режим выпадения осадков позволяли получать хорошие урожаи. Дон Анхель был колоном [Колон-богатый крестьянин, арендующий крупные площади

сельскохозяйственных земель, занятых, как правило, посевами сахарного тростника.] и должен был платить пять процентов от всей продукции владельцам арендуемых земель, хотя сам, и свою очередь, никогда не брал ни копейки с многочисленных субколонов, которые селились на его землях. Выращиваемый тростник отправлялся на переработку на сахарный завод «Миранда» (ныне носит имя Хулио Антонио Мелья), хотя иногда оставался излишек, который предлагался другим заводам. Поскольку в этом районе всегда хватало дождей, повозки с сахарным тростником плантаций дона Анхеля все время питали близлежащие сахарные заводы... В самые урожайные годы на землях дона Анхеля работало почти пятьсот человек из местного населения. Ежегодное производство тростника достигало 7 млн. арроб [Арроб — испанская мера веса, принятая на Кубе, равна 25 фунтам или 11,3 кг]. К этому надо добавить разработку лесных угодий и животноводческое хозяйство. Семейство Кастро в лучшие годы имело до трех тысяч голов крупного рогатого скота и свиней, не считая большого количества домашней птицы. Зачастую скот приобретался в других районах страны, пораженных засухой, а в Биране животные всегда имели тучные пастбища.

Дети дона Анхеля, особенно Фидель, Рамон и Анхелита, часто убегали в бараки, где жили гаитянские эмигранты, и с удовольствием обедали с батраками, предпочитая их трапезу куда более вкусному обеду, оставленному на домашнем столе. Так как из-за тяжелых условий жизни среди рабочих были распространены инфекционные болезни, мать сурово наказывала детей за эти выходы и они обычно кончались принудительной дозой слабительного.

Экономический расцвет поселка Биран при доне Анхеле позволил построить почтовое отделение, пекарню, открыть продовольственную лавку, где продавались и предметы одежды, скотобойню с продажей мяса, закусочную, магазин железоскобяных изделий, а также небольшую школу.

Лина Рус играла решающую роль в воспитании своих детей. Будучи неграмотной крестьянкой, эта неутомимая труженица несла на своих плечах все заботы по дому и по выхаживанию домашних животных. Она неутомимо боролась за то, чтобы ее дети получили образование, которое было недоступно их родителям.

Вспоминая свое детство, Фидель говорил так: «Я родился в семье землевладельца. Что это значит? Мой отец был испанским крестьянином из очень бедной семьи. Он приехал на Кубу как испанский эмигрант в начале века и начал работать в очень

тяжелых условиях. Будучи предприимчивым человеком, он скоро обратил на себя внимание и занял определенные руководящие должности на стройках, которые велись в начале века».

«Ему удалось скопить некоторый капиталец, который он вложил в покупку земель. Иными словами, как деловой человек, он добился успеха и превратился в собственника земли... Подобные вещи были не так уж трудны в первые годы республики. Потом он арендовал дополнительные земли. И когда я появился на свет, действительно родился в семье, которую можно назвать землевладельческой.

С другой стороны, моя мать была простой бедной крестьянкой. Поэтому в нашей семье не было того, что можно было бы назвать олигархическими традициями. Тем не менее, объективно говоря, наше социальное положение в тот момент было таковым, что мы принадлежали к числу семей с относительно высокими экономическими доходами. Наша семья была владелицей земель и пользовалась всеми преимуществами и, можно сказать, привилегиями, присущими землевладельцам в нашей стране».

Нынешние жители поселка Биран бережно хранят все, что связано с Фиделем. Среди памятных мест особое внимание уделяется общественной школе № 29, в которой он начал учиться, когда ему еще не было и четырех лет. Ее с гордостью показывают посетителям. Да и сам Фидель Кастро неизменно заходит туда каждый раз, когда посещает родные места. Биранцы единодушны в том, что «больше всего Фиделя привлекает именно школа».

Много лет спустя, в одном из писем, отправленном им из тюрьмы на острове Пинос в 1954 году, вспоминая о социальной несправедливости тех времен, Фидель с горечью подчеркивал, что его товарищи по школе приходили на занятия босыми и оборванными и под давлением нищеты вынуждены были прекратить учебу и отказаться от мысли вырваться из болота невежества. Тогда не виделось никакого выхода из этого безнадежного положения, в котором одно поколение людей сменяло другое.

Поведение Фиделя в школе было обычным для детей его возраста, но он сразу же стал выделяться среди одноклассников своими быстрыми успехами в учебе, энергичным характером и обостренным чувством справедливости. Впоследствии он неоднократно повторял, что с ранних лет был очень чувствителен ко всяким проявлениям несправедливости, к любым попыткам заставить человека жить и действовать под страхом наказания. Он вспоминает, что, когда кто-нибудь из учителей или вообще кто-либо хотел силой заставить его делать что-то, у него в душе

рождалось чувство неудержимого протеста.

Когда он научился писать и читать, в семье было решено отправить его вместе с одной из сестер в Сантьяго-де-Куба, главный город тогдашней провинции Ориенте, чтобы они могли продолжить образование. По тем временам это было неординарное решение, так как случаи отправки детей за пределы родной деревни на учебу можно было пересчитать на пальцах.

Сантьяго-де-Куба произвел на Фиделя огромное впечатление, поскольку он раньше вообще не видел города. К этому времени относится его первое знакомство с политической борьбой, которая сотрясала Кубу и привела в 1933 году к свержению диктатуры Херардо Мачадо.

По ночам тишину заснувших улиц разрывали взрывы бомб. Фидель просыпался и часами лежал с открытыми глазами, задавая себе, наверное, вопрос, почему люди вели между собой такую ожесточенную борьбу. Однажды он стаи свидетелем, как патруль военных моряков избил и арестовал группу студентов. Эта сцена навсегда осталась в его памяти.

Фидель был определен на учебу в первый класс католического колледжа «Братья Ля Саль», а жил в доме крестных отца и матери, где обстановка была, прямо скажем, неважной. Питание было скверным, мальчику запрещалось самостоятельно распоряжаться своим свободным временем, нередко он получал подзатыльники и выслушивал постоянные угрозы отдать его в интернат колледжа.

Не стерпев, Фидель взбунтовался и заявил своим временным опекунам о несогласии с условиями жизни в их доме. Тогда и было принято решение поместить его в школьное общежитие, т. е. он получил именно то, чего добивался.

Спустя некоторое время к нему присоединились братья Рамон и Рауль, которые, следуя по его стопам, приехали в Сантьяго для продолжения учебы. Все трое разместились в одной комнате, И жизнь с тех пор потекла куда более интересно.

Часто вечерами будущий премьер-министр и будущий военный министр революционных вооруженных сил республики долго бомбардировали друг друга подушками и ботинками, чтобы решить вопрос, кому вставать, чтобы погасить свет. Рамон обычно к этому времени уже спал.

Но все-таки самые счастливые дни наступали вместе с каникулами, когда братья возвращались в родной Бирал и вместе с: друзьями детства вольготно резвились на природе. Фидель любил носиться босиком по полям вперегонки со своими собаками Ураганом, Наполеоном, Эскопетой и Гуарипой. Он мог

часами не вылезать из реки или не слезать с седла своей любимой лошади по кличке Эль Карето. Энергия и физическая выносливость Фиделя, оказывавшегося первым во всех играх и затеях, заметно выделяли его среди сверстников.

По вечерам, когда семья собиралась в гостиной, Фидель расспрашивал отца о подвигах национальных героев Кубы — Антонио Масео, Максимо Гомеса, Игнасио Аграмопте, Каликсто Гарсия. Он еще не решил, какой путь выберет в жизни, иногда на прямые вопросы взрослых отвечал, что станет врачом, но бросалось в глаза, с каким «питанием и жадностью слушал он рассказы о подвигах мамбисес [Мамбисес — так называли себя бойцы кубинской национально-освободительной армии, сражавшиеся против испанцев к ходе Десятилетней войны (1868-187К гг.)], о многолетней, трудной борьбе кубинского пародa за свою независимость и свободу. Об этом же пелось в песнях, передававшихся из поколения в поколение в кубинском народе, которые доводилось не раз слышать Фиделю в Биране воскресными вечерами.

Но кончалось лето, и надо было вновь садиться за парчу в скучном церковном колледже. Рауль Кастро вспоминал, что обстановка среди ребят в колледже была отвратительной. Каждый только и говорил: «У моего папы столько-то кабальерий земли!» А другой тут же отвечал: «А у моего больше!» — или спрашивал: «А сколько у твоего отца земли или дохода?» В разговорах между ребятами, а также между учениками и наставниками все чаще всплывали темы, связанные с социальным статусом семей, дети которых учились в колледже. Каждый старался похвастаться высокими доходами своих отцов. Фидель как-то обронил, отвечая одному из воспитателей: «Подумаешь, мой отец иногда зарабатывает до 300 песо в день». Фидель даже не придал значения этой реплике, но уже на другой день заметил, как изменилось отношение администрации к нему и его братьям. Из высокомерно-презрительного оно стало подобострастным.

Все свободное время Фидель отдавал спортивным увлечениям. Здесь, в колледже «Ля Саль», он начал заниматься бейсболом, баскетболом, боксом, бильярдом. Вообще он азартно брался за все, что попадалось на глаза и под руку. Товарищи вспоминают, что когда он начинал свои тренировки, то мог часами отрабатывать точность движений, силу броска. Занятия прекращались толы» тогда, когда рука синела от напряжения и усталости или когда наступала ночь. Фидель любил плавать и нырять, он и сейчас считается одним из сильнейших мастеров подводной охоты. В период учебы в колледже «Ля Саль» ученики дважды в неделю выезжали на небольшой шхуне в сопровождении

отцов-наставников на пригородный пляж, где им разрешалось порезвиться и поплавать на свободе. Во время одной из таких прогулок Фидель обратил внимание, что двум его товарищам было запрещено входить в воду в наказание за какой-то проступок. Ему стало очень жаль ребят, и он, подойдя к сопровождавшему их священнику, спросил: «Если я сейчас прыгну с самого высокого трамплина в воду, вы отпустите наказанных вместе со всеми в воду?» Тот ответил утвердительно, ибо проявления особой смелости высоко ценились как важное доказательство эффективности педагогических усилий по формированию сильной личности. Фидель забрался наверх и, хотя ему было очень страшно, кинулся вниз головой. Долго не появлялся он на поверхности, а потом вынырнул, ко всеобщему восхищению, освободив ребят от унизительного наказания.

Физически сильный Фидель никогда не был забиякой, но и не оставлял без ответа попытки унизить его. Рауль Кастро вспоминает, что если во время какой-либо потасовки Фиделю доставалось от старших учеников, то на другой день Фидель обязательно искал обидчика, чтобы расквитаться за поражение. И он обычно повторял свои вызовы до тех пор, пока не одерживал победу.

Таким образом прошли четыре года учения в колледже «Ля Саль». Дон Анхель, неизвестно, по какой причине — то ли потому, что к нему поступили жалобы на беспокойное поведение его сыновей в Сантьяго, то ли потому, что он решил побыстрее начать приучать их к ведению своего хозяйства, а не тратить впустую, как ему казалось, деньги на их учебу, — но однажды после рождественских каникул в 1936 г. он объявил сыновьям, что больше они в город не поедут.

Старший брат Рамон воспринял заявление отца довольно спокойно. Ему давно нравилась сельскохозяйственная техника, он хорошо и с любовью управлялся с трактором и автомашинами, не раз он выезжал с отцом на лесоразработки в горы Майяри, присматриваясь к делам, и ему в душе не очень-то хотелось возвращаться к нудным школьным урокам. Рауля определили в частный полувоенный колледж, которым руководил отставной офицер, а Фидель долго при полной поддержке матери уговаривал отца дать согласие на продолжение учебы. Мать всегда была сторонницей того, чтобы дети учились. Им вдвоем удалось убедить дона Анхеля, и Фидель вновь возвращается в Сантьяго, *по* уже не с братьями, а с сестрой, и поступает в колледж «Долорес», который принадлежал местному отделению иезуитского ордена. В нем он проучился до 1942 года. Сначала он опять жил на частной квартире дальних родственников, и опять

повторилась старая история. Под предлогом заботливого отношения к успеваемости Фиделя над ним фактически был установлен жесткий надзор с развитой системой наказаний. Например, ему выдавалось в неделю всего 20 сентаво на карманные расходы, которые разрешалось использовать на строго определенные цели: 10 сентаво — в кино, 5 сентаво — на мороженое после кино и 5 сентаво — на популярные развлекательные публикации. Но стоило, например, появиться в дневнике недостаточно высокой, по мнению опекуна, отметке, как Фидель немедленно лишался права пойти в кино.

Часто после возвращения из школы ему хотелось отдохнуть, послушать радио или просто погулять. Вместо этого Фидель слышал, как щелкает замок в двери его комнаты, отрезавший его от всего мира. Злость и негодование поднимались в душе. По собственным его воспоминаниям, он находил в эти трудные часы успокоение только в том, что начинал вспоминать все прочитанные книги по истории, вызывать в воображении героев и полководцев, представлять себе ход самых знаменитых сражений. Военно-историческая тематика все больше брала верх в числе интересов молодого человека.

В который раз пришлось ему принять смелое решение, чтобы избавиться от унизительных условий жизни, в которых он оказался но воле родителей. Он высказал в глаза хозяевам дома все, что он о них думал, собрал свои пожитки и перебрался в общежитие колледжа. Фидель вообще часто вспоминает изречение Хосе Марти, что «самая лучшая форма убеждать людей — это действовать», и старался следовать этому мудрому совегу.

Учеба шла своим чередом. Фидель всегда выделялся своими успехами в гуманитарных дисциплинах. История, география, литература были его коньком, и по этим предметам он был признанным авторитетом среди своих сверстников. Большое место в школьной программе занимали занятия спортом, которые, как считалось, помогают формированию настоящего подвижнического характера. В этом отношении Фиделю не было равных. Он запросто карабкался по крутым горным склонам, недоступным для большинства одноклассников, не догадываясь еще о той огромной роли, которую суждено сыграть горам в его жизни и в истории Кубы. Он не раз выручал своих товарищей и преподавателей, вызываясь первым перейти вздувшиеся от дождей горные реки, чтобы навести канатную переправу, был мастером по быстрому разжиганию костров, по строительству шалашей. Он мог дважды подряд отстоять вахту дежурного по спортивному лагерю, в то время когда остальные участники похода просто валились с ног от усталости. Все это снискало ему

большой авторитет в колледже.

В то же время, по его собственным словам, в период детства нашлось очень немного людей, в ком Фидель нашел бы полное понимание. В семье это, безусловно, были мать и братья Рауль и Район, с которыми он провел большую часть детства в одной школе, с кем чаще всего он работал и делил досуг в Биране.

Отец, дон Анхсль, в конце 30-х годов начал увлекаться политикой, внимательно следил за событиями гражданской войны в Испании, завел себе знакомых из числа местных политиканов, с которыми часто запирался в своем кабинете и часами обсуждал сложные избирательные маневры, шансы противников и силы сторонников. К нему в Биран зачастили журналисты местных и провинциальных газет, наперебой предлагая опубликовать якобы выгодные для него статьи, разумеется, за приличную мзду. Из далекой Европы все чаще приходили тревожные новости о надвигавшейся мировой войне, фашистские орды ставили на колени одну за другой европейские страны. Вопросы войны и политики все чаще стали обсуждаться в гостиной дома Кастро. Мать Фиделя, донья Лина, не разделяла нового увлечения своего уже немолодого супруга. Во всех приходивших в дом новых гостях она видела с полным основанием только искателей денег или голосов, за которыми охотились неизвестные в Биране кандидаты. По словам Фиделя, его отец тратил в ходе избирательных кампаний в те годы от 8 до 10 тыс. песо, стараясь помочь тем людям, о которых просили его партнеры но бизнесу, состоятельные соседи-землевладельцы. Деньги, заработанные нелегким трудом на сахарных плантациях, на лесоразработках, бесследно исчезали в карманах и портфелях политиканов, что неизменно раздражало донью Лину. Наверное, от нее перенял Фидель интуитивно негативное отношение к этим проходимцам от политики, которое со временем все более и более укреплялось.

В 1942 году Фидель переехал в Гавану и поступил в колледж «Белен», чтобы завершить среднее образование и подготовиться к поступлению в университет. Это было привилегированное учебное заведение для детей из состоятельных семей. На крупные мероприятия, вроде выпускных актов, обычно приезжал архиепископ Гаваны, по традиции являвшийся и кардиналом. Выпускники колледжа, как правило, продолжали учебу в Гаванском университете или выезжали за границу, чтобы но получении высшего образования войти в деловую и политическую элиту Кубы. В известном смысле «Белен» был похож по своим социальным функциям на британский Итон. Высокая плата за обучение позволяла владельцам колледжа нанимать лучших

преподавателей, что в целом обеспечивало хороший уровень подготовки ученикам и давало им дополнительные преимущества перед своими сверстниками.

За три года пребывания в колледже «Белен» Фидель очень повзрослел, серьезно занялся изучением общественных наук, и в первую очередь истории, не оставляя своих прежних увлечений спортом.

Хотя его имя не встречается среди отличников, он продолжал выделяться своими успехами по гуманитарным дисциплинам и получил несколько похвальных грамот, а также премий за отличное знание и глубокое усвоение программ по истории, социологии, испанскому и английскому языкам, сельскому хозяйству. Он принимал участие в работе исторического кружка, а также школьного академического литературного общества имени Авельянеды, где однажды получил первую премию за ораторское искусство.

В те же годы две его сестры тоже учились в Гаване в католическом колледже «Лас Урсулинас». Фидель проявлял о них большую заботу, взяв на себя практически обязанности отца. Он установил контакт с их преподавателями, интересовался ходом занятий, регулярно посещал сестер, помогая им решать самые различные бытовые проблемы.

Тем временем за Атлантическим океаном вовсю бушевала вторая мировая война. Советская армия вела героическую борьбу за свободу и независимость своего народа. Сообщения с советско-германского фронта живо обсуждались и комментировались учащимися старших классов. Симпатии к тогдашней России, всегда характерные для трудящихся масс, охватили и часть молодежи из привилегированных семей. Правящие круги учитывали эти настроения народа, поэтому с 1940 года в состав правительства Кубы даже входили представители коммунистической партии. В 1943 году были установлены дипломатические отношения между нашей страной и Кубой. Отзвуки этих событий проникали за толстые стены колледжа «Белен», как тщательно ни старались отцы-наставники уберечь своих воспитанников от опасного влияния извне.

Сохранились отчеты в гаванской прессе об одном из общественно-политических вечеров в колледже «Белен», на котором выступил Фидель Кастро с докладом на тему «Сравнительный анализ систем народного образования в различных странах». По свидетельству очевидцев, Фидель Кастро шокировал присутствовавших, выдвинув тезис о целесообразности введения государственного образования и постепенной ликвидации системы частных привилегированных

школ. В своем выступлении Фидель подробно разбирал организацию системы государственного народного образования, подчеркивая ее преимущества и демократичность.

Впервые в стенах «Белена» представители высшего духовенства, приглашенные сенаторы и депутаты, высокопоставленные чиновники правительства слышали, как юноша, принадлежавший, казалось бы, к их классу, воспитанный в частных привилегированных учебных заведениях, публично выступал с критикой буржуазной системы образования. Доклад Фиделя был уже достаточно серьезной попыткой критически осмыслить целую область общественной жизни.

Находясь в стенах «Белена», Фидель Кастро по-прежнему оставался признанным спортивным заводилой и лидером студенческой команды. Особых успехов он добился в баскетболе. Не раз именно его появление на площадке придавало команде дополнительные силы и приносило победу. Он всегда играл напористо, агрессивно, был нападающим, как теперь говорят, таранного типа и неизменно приносил команде самые решающие очки. Благодаря ему команда колледжа стала грозой для соперников и почти всегда занимала призовые места на первенствах учебных заведений этого типа. В конце концов Фиделю даже запретили выступать за команду колледжа, потому что он был включен в сборную команду всех колледжей Кубы под названием «Звезды баскетбола». Достичь в короткий срок такого признания Фиделю помогли не только отличные физические данные, но и воспитанное в себе упорство и настойчивость. Его школьные друзья вспоминали, что он попросил администрацию колледжа установить освещение на баскетбольной площадке и после занятий в классах несколько часов в течение месяца тренировался в бросках по кольцу, пока не достиг своей цели.

Как формирующаяся личность, Фидель и тогда отличался твердостью характера, прямотой и открытостью суждений. Рассказывают, что однажды два ученика колледжа под влиянием рассказов о боях в Европе сбежали, поставив запиской в известность своих родителей, что они уходят на «мировую» войну. Событие всполошило администрацию «Белена», которая провела расследование и установила, что чаще и больше других с бежавшими общался в последнее время Фидель. Когда его спросили о планах беглецов, он ответил: «Я знал об их намерениях, но сказать не мог, потому что я дал им слово молчать!» Директор колледжа пригрозил исключением, хотя это было бы самым тяжелым наказанием для Фиделя, но тем не менее он вышел из кабинета директора и попросил у своего классного руководителя, отца Льоренте, ключи от комнаты, чтобы

собрать свои вещи.

Буквально на другой день пропавшие ученики объявились как ни в чем не бывало в колледже, но для Фиделя и его наставников вся эта история приобрела глубокое воспитательное значение.

Каждое лето, во время каникул, Фидель приезжал в дорогой ему Биран. На сэкономленные от школьного содержания деньги Фидель купил 9 комплектов спортивной одежды, мячи и создал у себя в поселке баскетбольную команду, которая успешно выступала в соревнованиях с соседними городками. Азартно сражались биранцы и в бейсбол, очень популярный на Кубе.

Рамон Кастро, вспоминая те годы, рассказывал нам, что в первых соревнованиях с командами окрестных поселков биранцы не имели успеха. Их команда, в которой забойную роль играл Фидель, проиграла с крупным сухим счетом против команды поселка Маркане и возвращалась к себе в Биран, осыпаемая градом насмешек со стороны победителей. Предстояло смывать позор поражения любой ценой. Рамон решил пригласить профессиональных игроков и решил, несмотря на протесты Фиделя, что брат больше не будет выступать в роли центрального игрока.

На следующее воскресенье была намечена ответная игра, на которую биранцы вышли усиленные приглашенными игроками. Уже в конце игры, когда на табло был очень шаткий счет, отражавший небольшое преимущество биранцев, игрок противной команды очень удачно ударил по мячу и тот взвился над стадионом, стремительно уносясь за его пределы. Не поймать этот мяч означало проиграть встречу. Болельщики противников уже скандировали: «По-бе-да... по-бе-да!» И тут Фидель рванулся за мячом, перепрыгнул забор, ограждавший бейсбольное поле, и в невероятном броске поймал падавший мяч и точно направил его товарищам по команде. Игра была спасена, победа обеспечена, а противники в знак признательности пригласили Фиделя выступить в их команде в роли ведущего игрока.

Фидель и Рамон, очень похожие ростом и телосложением, купили боксерские перчатки и тренировались друг с другом. Частенько, взяв ружья, братья отправлялись побродить по лесистым горам Сиерра-де-Нипе.

По традиции школьное дело каждого ученика в «Белене» заканчивалось итоговой характеристикой. Вот выписка из школьного дела: «Фидель Кастро Рус (1942-1945 гг.). Отличался всегда во всех дисциплинах, связанных с литературой. Его успехи блестящи. Великолепный атлет, всегда мужественно и с гордостью защищал честь колледжа на соревнованиях. Сумел завоевать любовь и восхищение своих товарищей. Он намерен

изучать юриспруденцию, и мы не сомневаемся, что он заполнит блестящими страницами книгу своей жизни. Фидель — это великолепный материал, а художник для работы с таким материалом обязательно найдется».

19-летним юношей Фидель Кастро успешно закончил 13-летний курс полного среднего образования. За эти годы у него еще не могло сложиться четкого политического мировоззрения. Сама жизнь в закрытых учебных заведениях не способствовала приобщению учеников к обсуждению жгучих вопросов, которые волновали общество, ограничен был круг литературы, которой пользовались слушатели, да и все они принадлежали практически к одной социальной среде, что обедняло их общественную жизнь. Правильнее будет сказать, что за это время Фидель сумел воспитать свою волю и характер, четко определил и отделил справедливость от несправедливости, заняв свое место рядом с эксплуатируемыми, рядом с униженными, рядом с простым народом. За годы школьной учебы Фидель сумел изучить и полюбить историю Кубы, ее национальных героев, борцов за свободу и независимость. Они все определеннее занимали место кумиров в его сердце, вызывая желание подняться до их уровня в деле самопожертвования на благо родины. Но главное было впереди. Теперь предстояла дорога в Гаванский университет на юридический факультет.

Глава II
УНИВЕРСИТЕТ. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ В ПОЛИТИКЕ (1945-1952 гг.)

Поступление Фиделя Кастро в университет и его первые шаги в политической жизни пришлись на один из самых сложных и трудных периодов в жизни кубинского народа. Только что окончилась вторая мировая война. Но не успел мир вздохнуть как следует воздухом сбывшихся надежд и ожиданий свободы и демократии, как в маленьком американском городке Фултоне Уинстон Черчилль объявил при поддержке президента США Г. Трумэна о начале «холодной войны». Составной частью этой стратегической кампании было ужесточение репрессий против всех демократических сил, нагнетание антикоммунистической истерии.

Все это в полной мере коснулось и Кубы, где в 1944 году на очередной четырехлетний срок президентом был избран бывший университетский профессор, демагог Грау Сан-Мартин. Его приход в президентский дворец положил начало такому расцвету коррупции, казнокрадства, которого до сих пор не знала даже эта видавшая виды страна. Кубинское общественное мнение и широкие политические круги отшатнулись от президента, который вскоре вообще стал жалкой игрушкой в руках преступных банд, беззастенчиво грабивших национальное достояние.

С начала 1946 года имя Фиделя Кастро довольно часто встречается в центральной печати, в информациях о студенческой жизни. Так, газета «Эль Мундо» от 23 марта сообщала о том, что сразу же после поступления в университет Фидель был избран в состав руководства студенческой организации юридического факультета. Вновь, как и в школьные годы, Фидель — душа бейсбольной команды юристов. Он неизменно играет на самом ключевом посту — питчера, т. е. игрока, бросающего сильно и хитро закрученный мяч, чтобы бьющий игрок противной команды не сумел попасть по нему своей тяжелой битой. Впоследствии Фидель не раз пошутит: «Я в жизни всегда был подающим игроком, никогда не был принимающим».

Редкий политический акт проводился без активного участия Фиделя Кастро, привлекавшего внимание своей атлетической фигурой, неотразимой аргументацией и незаурядным красноречием.

27 ноября каждого года по традиции студенты Гаванского университета отмечают годовщину казни 8 своих коллег, совершенной в 1871 году по приказу испанских колониальных властей. В 1946 году на таком памятном митинге выступал от имени Федерации университетских студентов Фидель Кастро. Оратор обрушился с критикой на существовавшие в стране порядки. Он обвинил правительство в том, что оно безучастно наблюдает, как народ умирает с голоду. «Это правительство хуже, чем все предыдущие. Оно убило к себе доверие народа». Фидель напомнил все обещания, данные президентом в ходе предвыборной борьбы и забытые им после прихода к власти, и призвал в заключение членов парламента использовать все их возможности для восстановления подлинного конституционного порядка.

В те годы Фиделю казалось, что парламент далеко не исчерпал своей роли форума народных представителей, что достаточно смело и остро поставить вопрос в Капитолии, чтобы вызвать положительные изменения в практике повседневной политической жизни. В январе 1947 года Фидель Кастро вошел в состав комиссии университетских студентов, которая поставила себе целью мобилизовать общественное мнение на борьбу против намерения президента добиться переизбрания на второй срок.

Можно сказать, что когда Фидель Кастро впервые переступил порог университета, у него не было какого-либо определенного политического мировоззрения. Постоянные занятия, активная общественная работа и природная наблюдательность сформировали его политические взгляды и закалили его убеждения. Он сам впоследствии говорил: «Политическое сознание, которое помогло мне понять жизнь, понять мир, разобраться в обществе и в истории, я приобрел будучи студентом университета. В основном это произошло, когда я познакомился с марксистской литературой, которая оказала на меня огромное влияние и помогла понять вещи, в которых иначе я бы никогда не разобрался».

Один из его университетских друзей, Альфредо Гевара, так характеризует Фиделя тех лет: «Фидель был искателем справедливости. Это был юноша очень умный, с чистым сердцем, чрезвычайно добрый, но заряженный такой жаждой деятельности, что из него мог получиться второй Хосе Марти. Но не дай Бог, если этот сгусток энергии выйдет из-под контроля».

В 1947 году, летом, эта неуемная потребность немедленного действия во имя справедливости и счастья народов привела Фиделя Кастро в ряды участников экспедиции, которая готовилась отплыть к берегам Доминиканской Республики с

целью свержения режима кровавого тирана Л. Трухильо.

Состав участников экспедиции был на редкость неоднородным. Лучшая часть состояла из политических идеалистов, готовых пролить кровь, чтобы свергнуть самого отвратительного ставленника США в Карибском бассейне. Но наряду с ними к экспедиции пристали и различного рода авантюристы, деклассированные элементы и откровенные гангстеры.

Фидель Кастро присоединился в качестве «лейтенанта» к отряду, состоявшему из доминиканских политических эмигрантов. После короткого периода военной подготовки, проходившей в лагере неподалеку от родного дома Фиделя в Биране, в северной части провинции Ориенте, всех экспедиционеров числом более тысячи переправили на пустынный песчаный остров Кайо Конфитес. Там надлежало закончить формирование и экипировку бойцов и оттуда отправиться в поход. Положение экспедиционеров вскоре стало отчаянным. Шли недели за неделями, а руководители операции только разводили руками, когда их спрашивали, когда же наконец придут суда. Не хватало продовольствия. Люди изнемогали от немилосердно палящего солнца.

Тем временем молва о подготовке экспедиции и ее планах широко разнеслась по Кубе и соседним странам. Главную роль защитника Трухильо взяла на себя американская газета «Майями геральд», которая стала систематически публиковать все сообщения американских разведывательных служб о ходе подготовки операции, чем вызвала международный скандал. Военный министр Кубы полковник Дамера был срочно вызван в Вашингтон, где ему прямо заявили о недопустимости таких действий. Сразу же по возвращении из США министр отдал приказ кубинской армии и военно-морскому флоту: арестовать всех участников злополучной экспедиции и доставить их в Гавану.

Около 2 тыс. человек были погружены на три корабля, которые под усиленным конвоем направились в ближайший порт. Когда до берега уже было недалеко, Фиделю удалось прыгнуть незаметно в воду и добраться под покровом темноты до земли вплавь. Он оказался единственным участником этой экспедиции, который избежал позорного ареста.

Разложение государственного аппарата достигло такой степени, что в рядах правящей партии началось брожение, которое в 1947 году стало причиной раскола. Из партии ушла большая группа наиболее радикально настроенных кадров, в основном состоящая из молодежи.

Во главе отколовшихся стоял весьма популярный тогда политический деятель сенатор Эдуардо Чибас. Он назвал вновь созданную партию «ортодоксальной», давая тем самым понять, что будет самым последовательным борцом за чистоту линии Хосе Марти проводимую партией. В качестве главного фронта борьбы против правительства он избрал факты, свидетельствующие о коррупции и моральном разложении администрации президента Грау Сан-Мартина. Эмблемой новой партии стала очистительная метла. Ее сторонники выходили на демонстрации, вооруженные вениками, щетками и метлами. Сам Чибас ежедневно выступал по радио с острыми разоблачительными материалами, которые вызывали живой отклик среди всех честно мыслящих кубинцев. Партия быстро росла численно. Фидель сближается с руководством новой партии, хотя и отдает себе отчет, что партия «ортодоксов» по своим программным заявлениям — не более чем прогрессивно-либеральная реформистская партия. В то же время ей нельзя было отказать в массовости, в ее ряды активно вступали представители крестьянства, рабочие, мелкая буржуазия, студенчество.

Вступление Фиделя в борьбу уже в составе общенациональной партии означало новый шаг в его формировании как политического лидера. Правда, в партии он занимал пока незаметное место, ареной его непосредственных действий по-прежнему оставался университет, а соратниками — студенты.

В октябре 1947 года исполнялась очередная годовщина со дня начала национально-освободительной войны кубинских патриотов против испанского колониального господства. Сигнал к всенародному восстанию был подан 10 октября 1868 года набатным колоколом на сахарном заводе «Демахагуа» Карлосом Мануэлем Сеспедесом. С тех пор сам колокол считался национальной реликвией Кубы и находился на вечном хранении у ветеранов национально-освободительного движения в г. Мансанильо. Было известно, что президент страны хотел использовать этот священный символ для поднятия морального духа своих сторонников. Он направил в городской совет Мансанильо специального эмиссара с просьбой предоставить ему колокол для использования во время торжественных актов, организуемых правительством и посвященных годовщине «клича в Демахагуа». Однако авторитет Грау Сан-Мартина был настолько низок, а доверие к нему так подорвано, что городской совет отказался удовлетворить претензии главы государства, а его посланника чуть не объявили персоной нон грата.

Вот в этот-то момент и пришла Фиделю Кастро в голову идея заполучить в пику президенту символический колокол для использования в антиправительственном политическом акте. Он посвятил в свои планы Альфредо Гевару, развернув перед ним детали фантастического плана. А план был с большим прицелом. «Взоры всей нации, — с пылающими глазами говорил Фидель, — будут прикованы к священному колоколу, когда мы его доставим в столицу. В Гаване будет созван многотысячный митинг. Десятки тысяч людей будут слушать антиправительственные выступления ораторов, а колокол тем временем будет звонить, как восемьдесят лет тому назад, призывая к борьбе за свободу. Когда звуки колокола заполнят узкие улицы города, надо повести массы к президентскому дворцу и потребовать, чтобы Грау Сан-Мартин отказался от поста президента».

Фидель был убежден, что он добьется успеха там, где профессиональные политики потерпели неудачу. Он твердо верил, что коренные жители города Мансанильо, в основном рабочие, поддержат его идею насолить президенту.

С одобрения Федерации университетских студентов Фидель и его друг, Лионель Сото, отправились в Мансанильо — город, который славился производством сахара, изготовлением обуви, рыболовством и был первым городом на Кубе, мэром которого стал коммунист Франсиско Росалес [Росалес был избран мэром в 1940 г., затем ряд лет был депутатом конгресса от этого округа. В 1958 г. убит палачами Батисты.]. Фидель и Сото не ошиблись в своих оценках настроения подлинных патриотов. Вскоре оба они снова ехали в поезде, теперь уже обратно, на запад, с колоколом и двумя сопровождающими из Мансанильо.

Вести о прибытии колокола взбудоражили гаванцев. 15 ноября 1947 года к перрону Гаванского вокзала, куда должен был прибыть исторический колокол, собрались тысячи студентов, рабочих и служащих. Фидель и его товарищи торжественно перенесли реликвию в специально подобранный автомобиль с открытым верхом, и вся процессия медленно тронулась по улицам Гаваны. Вместо первоначально запланированных 29 минут шествие длилось два с половиной часа и превратилось в острую антиправительственную демонстрацию. Затем колокол был доставлен на территорию университета, помещен в кабинет ректора и оставлен под охраной университетской полиции, которая считалась автономной от властей, беспристрастной, а потому и вполне надежной.

В течение нескольких дней, пока колокол стоял в университете, шли жаркие споры относительно планов его использования в ходе политических актов. Правительство всеми

средствами старалось не допустить, чтобы колокол своим набатным звоном сопровождал выступления своих противников, а группы левонастроенных студентов именно к этому и вели дело, не скрывая своих намерений поставить на улицах вопрос об уходе в отставку окончательно скомпрометировавшего себя президента. Гангстерские банды открыто угрожали руководителям студентов расправой, призывая к «всеобщей борьбе против интриг креольского сталинизма». Министр внутренних дел Коссио дель Пино лицемерно твердил, что, мол, «колокол должен призывать к национальному согласию, к единству, патриотизму, а не возбуждать страсти и сеять глубокую обеспокоенность между братьями».

На студенческих же собраниях звучали все более радикальные требования. В частности, было внесено предложение поставить вопрос о передаче всей власти Верховному суду Кубы, немедленно создать специальную Патриотическую хунту, которая взяла бы на себя функции контроля над размерами личного имущества и частной собственности должностных лиц администрации. Пресса тех дней писала, что Фидель был «лидером самого левого крыла оппозиции, тех, кто хотел требовать отставки Грау под удары колокола».

Когда утром 6 ноября, в день намеченного митинга, студенты пришли за колоколом, то оказалось, что бесценный исторический символ исчез. Он был просто-напросто украден преступниками, связанными с гангстерами и политиканами, стоявшими во главе федераций университетских студентов. Фидель Кастро попробовал возбудить уголовное дело против похитителей, сделал резкое разоблачительное заявление представителям печати.

Митинг состоялся, но, увы, без колокола Демахагуа. Выступивший на нем Фидель Кастро со всем юношеским пылом обрушился на правительство Грау Сан-Мартина: «Грау стал чужим народу Кубы, — говорил оратор, — потому что обманул его так же, как обманул университетских студентов и всех тех, кто поверил его предвыборным обещаниям.

Он обещал земельную реформу крестьянам, школы детям, улучшение социального законодательства рабочим и достойный уровень жалованья учителям. Ни одно из этих обещаний не выполнено...

Революцию, о которой он говорил, будучи кандидатом на пост президента, предали. Национализму нанесен серьезный удар. Богатства страны находятся в чужих руках. Таков национализм Грау». В словах Фиделя прозвучало твердое намерение встать на путь длительной борьбы: «Мы, которых

жестоко обманули, должны заявить, что молодежь никогда не скажет: „Мы сдаемся“. Те, кто считает, что нынешнее поколение студентов неспособно превзойти студентов предыдущих поколений, ошибаются...»

Эпизод с колоколом из Демахагуа окончился неудачей для Фиделя и его друзей. Сама реликвия была через несколько дней возвращена «неизвестными лицами».

Для Фиделя Кастро все эти события послужили еще одним серьезным уроком политической борьбы. Судя по всему, он впервые пришел к идее обращения к широким народным массам в качестве наиболее эффективного средства для изменения положения в стране. Впоследствии этот лейтмотив — прямая апелляция к народу — станет преобладающим. Постепенно у него улетучивались иллюзии относительно позиции тех или иных социальных групп и сил. Фидель не мог не заметить, что против прогрессивного студенчества образовался почти единый фронт, состоявший из клевретов правительства, полиции, подавляющего большинства кубинских средств массовой информации, гангстеров и той большой группы приспособленцев, которые всегда оказываются в решающий момент на стороне не самого правого, а самого сильного.

Новый 1948 год начался с грозного симптома. В январе выстрелом в спину был убит генеральный секретарь Национальной федерации рабочих сахарной промышленности Кубы, один из любимых руководителей рабочего класса Хесус Менендес. Десятки тысяч кубинцев прошли у его гроба, установленного в Капитолии. Похоронная процессия была одной из самых грандиозных, которые помнила столица. Фидель Кастро вместе с другими был на кладбище. Рядом с Фиделем стоял известный кубинский репортер Марио Кучилан, который вспоминал, как разгневанный Фидель обернулся к нему и сказал: «А что, если я сейчас поднимусь на могилу и призову народ идти к президентскому дворцу?»

Волна политического терроризма на Кубе поднималась все выше и выше. Более 120 политических противников правительства было убито только за последние годы правления администрации Грау Сан-Мартина. Близкий друг Фиделя в студенческие годы Рене Родригес, находившийся в те дни рядом с ним, вспоминает. «Фидель остался в живых по счастливой случайности. Много раз его пытались убить, и много раз нам приходилось отрываться от преследования на улицах».

Пытаясь положить конец политической деятельности Фиделя, противники обвинили его в убийстве бывшего руководителя Федерации студентов университета Маноло Кастро,

расстрелянного гангстерами на улице в Гаване 22 февраля 1948 года. Враги Фиделя, спекулируя на случившемся, подняли шумиху, даже не зная, кто на деле был при-частен к убийству.

Фидель вместе с двумя товарищами добровольно явился в полицию для выяснения обстоятельств. В соответствии с требованиями следствия Фиделю были сделаны так называемые парафиновые пробы, с помощью которых устанавливается, применяло ли данное лицо в последнее время огнестрельное оружие или нет. Все пробы дали отрицательный результат, т. е. подтвердилась невиновность Фиделя. Покинув полицейский участок, Фидель сделал заявление корреспондентам о своей полной непричастности к происшедшему. Он добавил, что его пытаются скомпрометировать в отместку за то, что он выступает против установленного гангстерами контроля над университетом.

Надо было на какое-то время оставить Кубу, пока не стихнут разбушевавшиеся страсти. К тому времени уже давно шла подготовка довольно острого мероприятия на международной арене, к которому имели самое прямое отношение Фидель Кастро и Альфредо Гевара. Речь шла о созыве в Боготе Антиимпериалистического конгресса латиноамериканского студенчества одновременно с проведением в апреле 1948 года в столице Колумбии очередной, девятой по счету Панамериканской конференции. На этом конгрессе Фидель должен был представлять Федерацию студентов Гаванского университета. Средства на оплату билетов были получены у аргентинцев, так как тогдашнее правительство Аргентины, возглавлявшееся генералом Пероном, вынашивало идею организовать шумную политическую кампанию против колониализма в Латинской Америке. Аргентина не ставила при этом очень широких задач. Ей было важно, чтобы была принята антианглийская резолюция, поскольку у Аргентины с Англией был и оставался нерешенным вопрос о принадлежности Мальвинских островов, на которые не переставала претендовать Аргентина. Главное было навязать IX Панамериканской конференции эту тему, так как США при всех разглагольствованиях на тему об американской солидарности не проявляли даже малейшего желания наносить какой-либо ущерб своему самому преданному союзнику в Европе и в мировых делах. Поэтому-то представителям Перона и приходилось искать поддержки у прогрессивных патриотических студенческих организаций.

К 19 марта 1948 г. все хлопоты были закончены, и делегация была готова вылететь. Но в аэропорту вновь встретилось непредвиденное препятствие. Полицейские власти отказались разрешить Фиделю выехать из страны под надуманным

предлогом о том, что, мол, не закончено расследование по делу о покушении на Маноло Кастро.

Фиделю пришлось вновь возвращаться в город, встречаться с судьей, давать заявления в печати, чтобы снять нелепые наветы. Судья не нашел никаких оснований для отказа Фиделю в праве на поездку за границу, ему были возвращены все проездные документы, и через день Фидель вылетел в Панаму, где должен был провести первый раунд подготовительной работы.

Панама была избрана в качестве важного этапа на пути в Боготу в силу того, что эта страна, равно как и Пуэрто-Рико, как кубинская база Гуантанамо, находилась под прямой оккупацией американскими вооруженными силами, поэтому непосредственное знакомство на месте с обстановкой должно было дать Фиделю материал для задуманной политической акции в Боготе.

Фидель провел несколько встреч с руководителями панамского студенчества, посетил зону Панамского канала, районы трущоб. Повсюду он видел страшные результаты иностранного засилья. Даже здесь не покидал его образ страдающей родины. Фидель с горечью видел, как большое число кубинских женщин заброшено нищетой в Панаму, где они вынуждены были заниматься проституцией около американских военных баз.

Дела торопили, и через несколько дней Фидель вылетел в столицу Венесуэлы Каракас. Перед отъездом он написал своему другу Марио Инчаустеги письмо, в котором высказывал мысль о необходимости революционного восстания в Латинской Америке такого же размаха, каким было национально-освободительное движение в первой четверти XIX века под руководством Симона Боливара.

В Каракасе он провел встречи с руководителями университетского студенчества и получил от них полную поддержку идее проведения студенческого конгресса в Боготе. 1 апреля 1948 года Фидель прибыл в колумбийскую столицу, где ему предстояло пережить один из самых волнующих дней жизни.

Он разместился в гостинице «Кларидж», от которой рукой подать до Капитолия, в котором должны были происходить заседания IX Панамериканской конференции. Уже на другой день началась подготовительная работа студенческого конгресса. На первом заседании был одобрен текст заявления-протеста против целей и намерений Панамериканской конференции, состоявших главным образом в распространении идей маккартизма в Латинской Америке. Заявление было опубликовано в местной прессе, и среди подписавших его есть имя Фиделя Кастро.

Работа студенческого конгресса проходила с немалыми трудностями. Правительство Колумбии фактически саботировало его, организаторам было отказано в аренде помещений, подходящих для этих целей. Тогда студенты обратились к колумбийским профсоюзам, которые предоставили в их распоряжение свои скромные возможности. Участникам запомнилось заседание конгресса, созванное 5 апреля в небольшом конференц-зале Конфедерации колумбийских трудящихся. На нем присутствовало несколько сенаторов и членов палаты представителей. Среди почетных гостей находился известный адвокат Карлос Рей в качестве личного представителя самого популярного в то время в Колумбии политического лидера Хорхе Элиесера Гаитана.

Гайтан был выдающейся фигурой в общественно-политической жизни Колумбии, да и всей Латинской Америки. Именно про деятелей такого типа Фидель говорил позже как о «несостоявшихся демократических руководителях». Гаитан, вышедший из народа и тесно связанный с ним, успевший завоевать своими смелыми выступлениями в защиту демократии огромный авторитет, представлял серьезную альтернативу сложившемуся политическому истэблишменту. Он был известным адвокатом и одним из ведущих лидеров либеральной партии Колумбии. Когда в мире началась «холодная война», Гайтан выступил за мир. Он баллотировался в качестве независимого кандидата на выборах президента страны в 1946 г., и хотя не смог победить, но набрал такое большое количество голосов и сумел пробудить своими пламенными выступлениями такие глубокие симпатии широких народных масс, что всем было очевидно, что на очередных выборах реально на пост главы государства может претендовать только он — Хорхе Элиесер Гайтан.

В его программе четко просматривались идеи антиимпериалистических, антифеодальных, антиолигархических преобразований. Его авторитет давно перешагнул за рубежи родной Колумбии, и за его судьбой следили во многих странах Латинской Америки.

Выступая от имени Гайтана, Карлос Рей призвал к защите демократических положений колумбийской конституции, несовместимых с проектом антикоммунистической резолюции, которую привез с собой глава делегации США Джордж Маршалл и которую он собирался навязать министрам иностранных дел других стран Западного полушария.

На этом заседании, когда было предоставлено слово Фиделю Кастро, он стал развивать тезис о борьбе за демократию и против колониализма. Вдруг совершенно неожиданно его выступление

было прервано репликой делегата конгресса Хесуса Вильегоса, колумбийского коммуниста, который потребовал проверить полномочия Фиделя. Х. Вильегос потом вспоминал, что Фидель говорил языком революционера и коммуниста, а к такой тактической уловке иногда прибегали и люди совсем других взглядов.

Фидель на некоторое время замялся, затем его голос окреп, он заявил, что его полномочия вытекают из последовательной борьбы за права народов, стонущих под сапогом военных диктатур, томящихся под иностранным игом. Он говорил страстно, и публика начала подбадривать оратора, затем послышался гул одобрения, а после выступления раздался гром аплодисментов. О полномочиях никто больше не вспоминал.

Присутствовавшие делегаты избрали Фиделя председателем подготовительной сессии конгресса. Когда к кубинской делегации присоединился прибывший малозаметный юноша, президент федерации студентов университета, возникла сложная ситуация: официально он занимал пост более высокий, нежели Фидель, но последний обладал большим авторитетом как студенческий лидер. Тем не менее возник спор: кто будет председательствовать на последующих заседаниях. Фидель объяснял различным делегатам, что он заинтересован лишь в успехе конгресса, а не в том, чтобы сидеть в кресле председателя конгресса.

Искренность и пыл, с которыми были произнесены эти слова, развеяли все сомнения в искренности его целей. Большинством голосов было решено, что он будет председательствовать на последующих заседаниях. Энтузиазм Фиделя достиг высшей точки, когда у колумбийских студентов родилась идея созвать на главной площади Боготы — площади Гудинамарка — представительный митинг с приглашением Гайтана, который можно будет считать пленарным заседанием конгресса латиноамериканской молодежи. Это должно было совпасть с открытием Панамериканской конференции.

С целью вручения официального приглашения студенты стали хлопотать о визите Фиделя к Гайтану. 7 апреля эта встреча состоялась. Фидель объяснил цели конгресса, и Гайтан поблагодарил его за усилия, которые прилагают студенты для достижения такой благородной цели. На прощание он передал Фиделю тексты некоторых речей. Среди них было и «Выступление в пользу мира» — блестящая речь, произнесенная после крупной манифестации протеста против убийств его сторонников, которые совершались в стране [Эти брошюры с дарственной надписью Гайтана были конфискованы у Фиделя полицией в гостинице, куда Фидель уже не смог вернуться.]. Цели конгресса полностью

совпадали с теми усилиями, которые Гайтан предпринимал, чтобы созвать народную панамериканскую конференцию. С этой целью Гайтан установил связи с различными представителями латиноамериканских стран. Гайтан предложил Фиделю встретиться вновь, через два дня в 2 часа дня. Однако этой встрече не суждено было сбыться.

Днем 9 апреля 1948 года Фидель Кастро и Альфредо Ге-вара после окончания утренней сессии конгресса шли по улице, направляясь в центр города, поскольку до встречи Фиделя с Гайтаном оставалось еще около часа и надо было просто скоротать время. Вдруг послышался тревожный крик: «Гайтана убили!» Его подхватили десятки, сотни, тысячи прохожих. Началось нечто невообразимое, что Альфредо Гевара называет «внезапной коллективной истерией». В считанные минуты вся столица пришла в неописуемое возбуждение. Люди носились из конца в конец, крича сквозь слезы: «Гайтана убили!» Глаза горели местью, в воздух поднимались кулаки, некоторые люди в отчаянии падали на землю и бились в конвульсиях, другие обнимали, рыдая, друг друга, как бы ища защиты и поддержки.

Фидель и Альфредо Гевара решили направиться в университет, чтобы быть рядом со своими товарищами, но отовсюду шли возбужденные толпы народа, закружившие двух молодых людей, и последнее, что вспоминает Гевара, было восклицание Фиделя: «Я сейчас пойду и скоро вернусь!», — с которым он присоединился к толпе, направлявшейся в штаб-квартиру полиции. Вместе с разъяренными горожанами Фидель двинулся к казармам 3-го управления полиции во главе которого стоял в то время майор Арсе Вера, свидетельства которого и легли в основу излагаемого (сам он посетил в 1978 г. Гавану и дал обстоятельное интервью корреспонденту журнала «Богемия»).

К этому моменту майору Арсе Вера уже доложили, что никому не известный человек по имени Хуан Роа Сьерра тремя выстрелами из револьвера убил Гайтана, когда тот выходил из своей конторы, направляясь на обед. Десятки рук схватили убийцу, и, прежде чем полицейским чинам удалось что-либо предпринять, он был линчеван толпой и труп его был брошен перед президентским дворцом.

Смертельно раненный Гайтан был помещен в центральную клинику, перед которой собралась огромная толпа. Она и стала детонатором последующих событий, когда с балкона клиники врачи сообщили о кончине Гайтана. Поскольку население знало о том, что полицейский корпус в основном поддерживал покойного лидера, то первым порывом толпы было идти в полицейские участки и вооружаться. Майор Вера оказался здравомыслящим

офицером. Был отдан приказ не оказывать сопротивления народу и открыть ворота.

В 3 часа дня толпа ворвалась в здание 3-го полицейского управления. Вместе со всеми туда вошел и Фидель. Хотя он оказался одним из первых, кто добрался до оружейных пирамид, все-таки Фиделю досталось только ружье для метания гранат со слезоточивым газом и подсумок с гранатами.

В обстановке общего беспорядка Фидель Кастро поднялся на верхний этаж полицейского управления в надежде найти более подходящее оружие, заглянул в одну из комнат и увидел там группу растерянных офицеров полиции. В большом встроенном шкафу вместо оружия оказались запасные комплекты обмундирования. Фидель присел на диванчик, обул военные ботинки, взял шинель и военную фуражку и, не расставаясь со своим гранатометным ружьем, спустился во двор, где шла беспорядочная стрельба в воздух, видимо, с целью опробования оружия. В одном из отдаленных углов невозмутимый полицейский офицер пытался навести некое подобие порядка и, собрав вокруг себя группу подчиненных, строил их в шеренги. Фидель немедленно примкнул к этому мало-мальски организованному ядру.

Командир, осматривая свой маленький отряд, обратил внимание на вооружение Фиделя, подошел к нему и сказал: «Что ты собираешься делать с этой трубой, когда нам, видимо, придется идти в бой?» Не дожидаясь ответа, он взял у Фиделя его ружье и вручил вместо него старую винтовку «Маузер» и 16 патронов. Вскоре толпа, вооруженная чем попало — от винтовок до стальных прутьев, — вобрав в себя маленький отряд полицейских, двинулась по направлению к президентскому дворцу. Фидель впервые шел в бой с оружием в руках, владеть которым он научился в период подготовки экспедиции на Кайо Конфитес.

Столица тем временем уже превратилась в огромное поле сражения. Повсюду полыхали пожары. Там и сям слышалась стрельба. Крыши были усеяны вооруженными людьми. Повинуясь общему человеческому потоку, Фидель шел к дворцу, когда неожиданный плотный пулеметный огонь заставил толпу отхлынуть назад. С крыши стоявшего на пути массивного здания католической школы вела огонь группа верных правительству военных. Толпа рассредоточилась и начала обстрел и осаду здания. В это время недалеко от Фиделя остановился автомобиль, оборудованный радиоустановкой. Студенты, находившиеся в автомобиле, через громкоговоритель призывали сторонников Гайтана немедленно идти на помощь радиостанции «Насиональ»,

которая была взята левонастроенными студентами и вела передачи, в какой-то мере пытавшиеся внести элемент организованности во всенародное восстание. В частности, по радио передавались адреса тех военных казарм и складов, которые надо было немедленно захватить для вооружения народа. По словам студентов, крупные вооруженные силы, оставшиеся верными консервативному правительству, атаковали радиостанцию. На крыше автомобиля лежало несколько трупов молодых людей, погибших при обороне радиостанции.

Вместе с 7-8 студентами Фидель бросился в указанном направлении на помощь осажденным товарищам. Им удалось наткнуться на вполне исправный автобус, на котором они безуспешно попытались прорваться в район радиостанции. Она оказалась уже плотно блокированной правительственными войсками, которые вели по ней массированный огонь.

«Тогда, — вспоминает Фидель Кастро, — мы, по-прежнему располагавшие всего тремя винтовками, решили действовать самостоятельно и начать борьбу с захвата одного из полицейских участков. Выбор пал на находившееся поблизости 11-е отделение полиции г. Боготы, но когда мы подошли к нему, то, к счастью, оказалось, что оно уже находится в руках восставших сил». В отделении царил относительный порядок. Самым старшим оказался майор полиции, который пытался связаться с другими отделениями, чтобы организовать сопротивление. Затем он, взяв с собой Фиделя, который всем своим поведением сразу же завоевал доверие, направился в штаб-квартиру либеральной партии в надежде получить хоть какие-то указания. Но, по словам Фиделя, в руководящем центре партии не чувствовалось единой воли, единого плана. Майор, побегав по комнатам, вернулся обратно в полицейский участок, оттуда вновь поехал в исполком либеральной партии; во время этой второй поездки с одним из джипов произошла авария, и Фидель, уступив свое место в запасной машине майору, остался на улице с двумя сопровождавшими его студентами.

Ничего другого не оставалось, как вернуться в полицейский участок и переждать там ночь в ожидании сведений об обстановке и указаний о действиях. В помещении 11-го отделения полиции к этому времени собралось около 500 вооруженных бойцов, которые распределялись по ротам. Фидель стал рядовым солдатом одной из них.

Однако он не мог не заметить, что все действия офицеров полиции носили на себе отпечаток нерешительности. Сформированные роты не получили никаких боевых задач, их миссия ограничивалась обороной конкретных служебных

помещений. Тем временем все шире ползли слухи о неминуемой атаке со стороны правительственных сил. В воздухе патрулировали самолеты авиации, сохранившей верность правительству. Фидель наконец решился поговорить с начальником гарнизона и долго разъяснял ему гибельность избранной пассивной тактики выжидания. Он приводил много примеров из истории Кубы, которые подтверждали простую истину, что всякий, кто заранее обрекает себя на оборону, неизбежно терпит поражение. Фидель предлагал сформировать две боевые группы из имевшихся в наличии бойцов, направиться в город, объединить вокруг себя разрозненные отряды повстанцев и начать наступление на президентский дворец. Офицер, казалось, с пониманием выслушал все, что говорил Фидель, но никаких решений не принял.

Наступила ночь с 9 на 10 апреля 1948 года. Фидель прилег отдохнуть в отведенном ему месте и всю ночь размышлял над событиями 9 апреля. Одна мысль с необычайной ясностью окрашивала все впечатления дня: несокрушимая мощь всенародного восстания. Оказалось, что кажущийся незыблемым режим может рассыпаться как карточный домик, буквально в считанные минуты, даже не часы, под напором революционного выступления масс. Без всякого призыва, без руководства, стихийно выплеснувшееся на улицы народное возмущение привело в полное замешательство правящие классы, которые потеряли на время контроль за обстановкой. Было очевидно, что власть их висела на волоске. С величайшим трудом правительству удалось обеспечить лишь относительную безопасность иностранных делегаций, прибывших на Панамериканскую конференцию. Город пылал, улицы многих кварталов превратились в развалины.

Фидель сам видел, что в такие моменты необычайного революционного возбуждения массы в состоянии быстро и решительно брать штурмом военные и полицейские казармы, склады оружия и смело вступать в бой даже с регулярными частями армии.

Но главное, что неотвязно сверлило мозг, это проявившаяся 9 апреля стратегическая беспомощность и бесперспективность могучего стихийного выступления народа, если у него нет ни лидера, ни политической организации. Этот важнейший вывод из уроков боготинских событий всегда оставался у Фиделя на первом плане в ходе всей последующей борьбы на Кубе.

Весь день 10 апреля Фидель с группой находившихся под его командованием солдат патрулировал высоты, господствовавшие над зданием 11-го отделения полиции. Слухи с каждым разом все

тревожнее приходили из города. Становилось ясно, что армия поддержала правительство и постепенно устанавливала контроль за ключевыми пунктами столицы. Очаги сопротивления либо угасали под ударами танков и артиллерии, либо их защитники уходили к окраинам города. Шли разговоры о том, что руководство либеральной партии встало на путь предательства своего народа и решило капитулировать. Вскоре подтвердилось, что группа лидеров либералов в составе Эчардия, Араухо, Льерас Рестрепо явилась в президентский дворец и вступила в переговоры с президентом Оспиной Пересом, который распорядился задержать их. Результатом этих переговоров была сделка, обязывающая руководителей либералов обратиться к своим сторонникам с призывом прекратить всякое сопротивление, объявить о перемирии и о сдаче всего оружия «законным властям».

В ночь с 10 на 11 апреля по радио не раз передали совместное обращение правительства и руководства либеральной партии о перемирии, о прекращении всякого сопротивления со стороны повстанцев. Полицейские офицеры, командовавшие силами в 11-м отделении полиции, решили подчиниться. У Фиделя под угрозой применения силы отобрали оружие и патроны, и ему ничего не оставалось, как вернуться в отель «Кларидж», где находились его нехитрые пожитки и, главное, книги.

С немалым трудом, сквозь завалы битого кирпича и стекла, преодолевая простреливаемые пространства в зонах, где еще продолжались стычки между мелкими группами повстанцев и армией, Фидель добрался до отеля, но здесь его ждало разочарование. Здание было занято военизированными формированиями консервативной партии, которые не впускали внутрь никого, а уж тем более кубинского студента, участника антиимпериалистического конгресса. Без документов, без единого гроша в кармане, Фидель стал искать кого-нибудь из знакомых, чтобы выбраться из создавшейся ситуации. В одном из отелей он буквально за полчаса до наступления комендантского часа нашел нескольких аргентинских делегатов, у одного из которых оказалась автомашина посольства с дипломатическим номером. Фидель настоял на том, чтобы его отвезли в кубинское посольство.

Вскоре там же собрались и остальные члены студенческой делегации. Кубинский консул оказал им необходимую поддержку и помощь. К счастью, в те дни в аэропорту Боготы находился кубинский грузовой самолет, который забрал всех эвакуировавшихся кубинцев и 12 апреля взял курс на Гавану.

Фидель возвращался домой твердо убежденным, что его жизненный путь — это путь профессионального революционера.

Фидель возвратился в Гавану, в стены университета, в самый разгар избирательной кампании. В 1948 году заканчивался мандат президента Грау Сан-Мартина. На 1 июня были назначены новые выборы. На этот раз претендентами на пост главы государства выступали со стороны правящей партии Прио Сокаррас, министр труда в правительстве Грау, а со стороны оппозиции наиболее серьезные шансы имел руководитель новой «ортодоксальной» партии Эдуарде Чибас, который в своей деятельности во многом напоминал Гайтана.

Фидель активно включился в избирательную борьбу на стороне Э. Чибаса. На всех митингах он выступал одним из первых. Очевидцы вспоминают, что на митинге 23 мая в столице провинции Сантьяго Фидель в своей речи предупредил Чибаса о том, что студенты поддерживают его, но если он изменит народу, то студенты не только откажут ему в поддержке, но и станут бороться против него.

Выступая через некоторое время после него, Чибас сказал: «Нет, товарищ Фидель, вы не должны иметь на этот счет никаких сомнений. Когда я почувствую, что теряю доверие народа, то я пущу себе пулю в сердце». Этот эпизод достаточно красноречиво говорит о том, что Фидель считал верность делу превыше верности одному лидеру. Кстати говоря, само слово «Фидель» в переводе со староиспанского означает «верный».

1 июня состоялись выборы. При полной поддержке прежнего правительства, с одобрения американцев, победил Прио Сокаррас. Ортодоксальная партия не смогла оказать пока решающего сопротивления.

Безусловно, неудача на выборах в известной степени сказалась на общей политической активности в стране. Наступили летние отпуска, и общественный тонус несколько спал. К тому же у Фиделя оказались запущенными некоторые личные дела, в частности, предстояло сдать большое количество пропущенных экзаменов за второй и третий курсы. Он засел за учебники и с поразительной быстротой стал наверстывать упущенное. Он сдавал экзамены каждые два-три дня, пока не ликвидировал академическую задолженность.

Летом 1948 г., как обычно, он выехал на отдых в Биран, где в кругу старых друзей и братьев на короткое время отключился от бурной политической жизни в университете. Лето и ранняя осень 1948 года принесли еще одно большое изменение в личной жизни Фиделя. Он влюбился в студентку философско-литературного факультета университета Мирту Диас Баларт, и 12 октября 1948

года они поженились.

Новый учебный год уже начался, накопились требующие его вмешательства проблемы. Надо было вновь поднимать товарищей на борьбу за непрерывно ущемлявшиеся права студенчества и трудового народа. На этот раз остро встал вопрос о борьбе за снижение расценок на проезд в городском транспорте. Злосчастная администрация Грау Сан-Мартина всего за месяц до окончания своего мандата приняла решение о повышении цен на проезд в автобусах Гаваны на 20 процентов (с 5 до 6 центов).

Большая группа радикально настроенных студентов под руководством Фиделя и его друзей решили прибегнуть к прямым действиям, чтобы сорвать намеченное повышение цен. По их призыву студенты начали захватывать на улицах автобусы и перегонять их на территорию университета, куда вход правительственной полиции по традиции запрещен в соответствии со статусом автономии, которым пользуется университет. По требованию хозяев гаванская полиция окружила университет, агенты полиции непрерывно провоцировали студентов, рассчитывая получить предлог для вторжения на территорию студенческого городка. Они не раз открывали огонь по зданиям университета. В ответ сыпался град камней, пустых бутылок, гнилых помидоров. На 72 часа были прерваны все занятия. В конце концов хозяевам автобусных линий удалось найти штрейкбрехеров в среде студентов, и на третью ночь автобусы были тайно угнаны и возвращены хозяевам.

Долго еще не сдавались Фидель и его товарищи, которые отпечатали 50 тыс. листовок с призывом к жителям столицы бойкотировать те линии автобусов, которые повысят цены. Кроме того, они бросили клич об изъятии из обращения монет по одному сентаво, чтобы сделать физически невозможной уплату повышенного тарифа. Все это дало частичные результаты, хотя полной победы одержать не удалось. Но в каждой такой схватке накапливался ценный политический опыт, шлифовались тактика, отрабатывалась методика действия.

За оставшееся время пребывания в университете Фиделю довелось принять самое активное участие в острой антиамериканской акции. 12 марта 1949 года три американских военных моряка с корабля, стоявшего в Гаванской бухте, зашли в Центральный парк, где находится самый почитаемый памятник столицы — монумент Хосе Марти, около которого по традиции проводились протокольные церемонии возложения венков. Находившиеся изрядно под хмелем моряки решили поглумиться над кубинской святыней. Один из них забрался наверх, сел на мраморную голову Марти, другой в это время нагло мочился на

пьедестал памятника. Вызывающее поведение янки вызвало бурную реакцию со стороны кубинцев. Около распоясавшихся хулиганов быстро образовалась толпа, которая угрожала им расправой. В сидевшего наверху полетели пивные бутылки. В этот момент появилась кубинская полиция, которая вместо того, чтобы арестовать американцев, принялась разгонять своих же соотечественников, применяя при этом огнестрельное оружие. Но возмущенная толпа росла, и полицейским пришлось вызвать солидное подкрепление, чтобы спасти моряков от неминуемой расплаты за свое хулиганство.

На другой день, когда факт глумления над апостолом Кубинской революции получил широкую огласку, Фидель Кастро выступил в университете с идеей установления почетного караула около памятника в ночное время. Он же со своими товарищами предложил организовать демонстрацию протеста около американского посольства. Его инициатива была с воодушевлением подхвачена студентами. В первых рядах демонстрантов шел Фидель Кастро. Студенты подошли к зданию посольства и начали забрасывать его камнями, выкрикивать антиамериканские лозунги. Возник даже план сорвать американский флаг с посольства и держать его в качестве символического заложника до тех пор, пока виновные в нанесении оскорбления кубинскому достоинству не будут преданы кубинскому суду. Растерявшийся посол США Роберт Батлер вышел к студентам и начал бормотать свои извинения, когда внезапно из боковых улиц на демонстрантов обрушился крупный отряд полицейских, вооруженных дубинками. Фидель всегда оказывался на первой линии сражения, и здесь ему досталось изрядно, как и другим руководителям демонстрации. Об одном он сожалел и тогда, и позднее, что у студентов не было под руками ничего, чем бы они могли ответить на это жестокое злоупотребление силой.

Инцидент с моряками завершился принесением извинений со стороны американского посла и возложением венка к оскверненному памятнику.

11 сентября 1949 года у Фиделя Кастро родился сын, которому дали в честь отца такое же имя — Фидель. На какое-то время жена, сын и профессия становятся его основными заботами.

Общественная жизнь в университете зашла к концу 1949 года в тупик. Руководство Федерации университетских студентов раскололось почти по всем вопросам. Со стороны правых чаще всего пускались в ход обвинения в принадлежности оппонентов к коммунистической партии. В те годы «охоты за ведьмами» это был самый угрожающий «аргумент». Вполне респектабельный

журнал «Богемия» в номере от 16 октября 1949 г. писал, что во время одного из таких выступлений поднялся Фидель Кастро и сказал: «Если быть коммунистом — преступление, то тогда надо вынести из конференц-зала портрет Хулио Антонию Мелья!» Это замечание было ушатом холодной воды. Вся Куба знала и чтила память одного из самых выдающихся руководителей кубинского студенчества в 20-е годы Мельи, который стал основателем и руководителем коммунистической партии и был убит по приказу диктатора Мачадо в Мексике в 1929 году. Именно Хулио Антонио Мелья был в свое время инициатором трудной борьбы за университетскую реформу.

Начался 1949-1950 учебный год, выпускной для Фиделя. Он по-прежнему основное внимание уделял общественным наукам, дипломатическому, а также административному праву. В годы обучения в университете Фиделя можно было часто видеть на маленькой площади Каденас, которая находится как раз напротив входа в здание юридического факультета и была в то время подлинным сердцем политической жизни университета. Она всегда была заполнена студентами, с которыми он горячо обсуждал какую-нибудь проблему. Когда слушатели не находили, чем ответить на поставленные перед ними вопросы, Фидель сам начинал оспаривать выдвигаемые им тезисы и спор шел с самим собой. Этот процесс искреннего, честного поиска завораживал его слушателей, многие из них становились его верными последователями и соратниками. В те годы студенты имели право на свободное посещение занятий, чем пользовался Фидель, который большую часть времени уделял вопросам политической борьбы. Он часто надолго отключался от занятий, затем залпом сдавал необходимые экзамены. Это было трудное и смутное время, и совершенно ясно, что для революционера, который не мог смириться с социальными язвами, жизнь не могла развиваться иначе. Главным предметом, который Фидель изучал в университете, была, конечно, политика, а не юриспруденция.

Когда после победы Кубинской революции в архивах полиции было найдено личное дело Фиделя Кастро, то в виде резюме его общественной деятельности было написано: «Был постоянным возбудителем и агитатором студенческой массы». Вряд ли можно дать оценку выше!

Сам про себя он впоследствии говорил: «Я был Дон Кихотом университета, и мне всегда доставалось на орехи. То, что я пережил в университете, имеет большую ценность, нежели мой опыт, приобретенный в Сьерра-Маэстре».

Но Фидель успешно завершал и свою профессиональную учебу. 30 июля 1950 года ему удалось добиться разрешения на

сдачу экзаменов для получения степени лиценциата административного права и лиценциата дипломатического права, поскольку он прошел весь курс этих наук. 5 сентября 1950 г. после сдачи всех предметов для получения звания доктора права он подал Ученому совету университета на рассмотрение свою дипломную работу по теме «Вексель в частном международном праве», за нее он получил высшую отметку.

13 октября 1950 года Фиделю Алехандро Кастро Рус было присвоено звание доктора юридических наук. Пятилетнее пребывание в университете было важным этапом воспитания Фиделя как революционера.

В эти годы он приобрел ценнейший опыт работы с массами; он был одним из самых выдающихся руководителей университетских студентов, играл видную роль в решении многочисленных проблем Федерации студентов университета.

Он завязал узы дружбы со студентами-коммунистами, установил широкие контакты с политическими деятелями Кубы и других американских стран. Вступил в ряды Партии кубинского народа и активно участвовал в политической жизни страны. Он непосредственно ощутил обстановку в странах Латинской Америки в ходе своих поездок в Панаму, Венесуэлу, Колумбию. Исключительно большую роль в формировании политических взглядов Фиделя сыграло его участие в грозных событиях 9-10 апреля 1948 года в Боготе.

Но занятия политикой не обеспечивали никакого дохода, а у Фиделя уже была на руках семья. Поэтому он вместе с двумя другими адвокатами, Хорхе Аспиасо Нунес де Вильявисенсио [Аспиасо работал до 1982 г. в Министерстве юстиции Кубы. Сейчас на пенсии и занимается научно-исследовательской работой в области права.] и Рафаэлем Росенде Вигоа [Рафаэль Росенде в период военной диктатуры Батисты работал в качестве административного секретаря одного из депутатов палаты представителей. А после победы революции эмигрировал в США в 1960 г. и канул в безвестность], создал небольшую адвокатскую контору. Фидель и Аспиасо были однокурсниками по юридическому факультету, и между ними давно сложились дружеские отношения, а Росенде был с другого курса. Все трое принадлежали к тем выпускникам, которые вступают в жизнь самостоятельно, без помощи состоятельных родителей. Они сняли скромное помещение, состоявшее всего из небольшой приемной и 1 кабинетика, по адресу: ул. Техадильо, 57, в старой Гаване. Когда выяснилось, что надо заплатить владельцу помещения 120 долларов арендной платы за два месяца, то у всех трех партнеров оказалось всего 80 долларов. Пришлось

упрашивать хозяина поверить в долг. Так же в долг была получена самая необходимая мебель и куплена в рассрочку старая пишущая машинка.

Уже первое их деловое соглашение было не похоже на привычную юридическую практику. Фидель и его коллеги договорились с фирмой, торговавшей древесиной «Мадерерас Ганседо», что фирма поставит необходимые для обстановки конторы материалы, а адвокаты обязуются как бы в уплату за них взыскать старые долги с краснодеревщиков и столяров, которые брали у фирмы в кредит древесину. На практике адвокаты скоро убедились, что бедные ремесленники оказались в долгах лишь потому, что им самим не платили вовремя их клиенты из буржуазных семей. С тех пор Фидель и его партнеры использовали свои юридические знания главным образом для выколачивания долгов в пользу рабочих и ремесленников. Знакомство с семьями ремесленников показало, в каких неимоверно тяжелых условиях работают и живут эти люди. Аспиасо вспоминает, как однажды Фидель, посетивший мастерскую одного столяра на ул. Порвенир, был так тронут картиной бедности и отчаяния, что достал из кармана последний 5-долларовый билет и незаметно сунул его под тарелку, стоявшую на столе. Всем своим клиентам из числа трудящихся адвокаты советовали не торопиться с уплатой долгов компании. Разумеется, так долго продолжаться не могло, и вскоре владельцы «Мадерерас Ганседо» отказались от их услуг.

Известно, что Фидель вел дело одной бедной крестьянской семьи из местечка Мелена дель Сур, которую хотели согнать с принадлежавшей ей земли владельцы сахарного завода «Мерседитас». Благодаря участию Фиделя благополучно разрешилось аналогичное дело для группы крестьян из местечка Сайта Крус дель Сур. Он выступал в качестве адвоката группы рабочих центрального рынка, которые стали жертвой произвола администрации и местного желтого профсоюза.

Большую известность в 1951 г. получил процесс по делу группы студентов Гаванского университета, которых обвиняли в нарушении общественного порядка. Фидель так остро, с юридической точки зрения, построил защиту и провел ее настолько ярко, что председатель трибунала был вынужден поздравить Фиделя с образцово решенной задачей.

Но, разумеется, наиболее крупными и громкими уголовно-политическими делами были его разоблачения беззаконных действий тогдашнего президента страны Прио Сокарраса и его связей с гангстерскими группами.

Фиделю удалось собрать острые компрометирующие

материалы на Прио Сокарраса. Из этих материалов было видно, что в свое время один из крупных землевладельцев по имени Эмилио Фернандес Мендигутия был отдан под суд по обвинению в изнасиловании 10-летней крестьянской девочки. Его адвокатом на процессе выступал Прио Сокаррас, который в то время еще не занимал поста главы государства, а занимался частной адвокатской практикой. Приговор был таков: 6 лет тюремного заключения и 10 тыс. песо денежного возмещения родителям пострадавшей. Прошло немного времени, Прио Сокаррас стал президентом республики и, злоупотребляя своими правами, он личным декретом помиловал этого преступника. Но Фидель установил, что, выйдя на свободу, Мендигутия стал играть роль подставного лица, на имя которого приобретались земли президентом Кубы и его родственниками. Таким путем Прио Сокаррасу удалось скупить значительные площади земель в пригородах Гаваны, на которых строились виллы, продававшиеся затем по спекулятивным ценам.

Для того чтобы представленные материалы были еще более впечатляющими, Фидель задумал провести киносъемку не только этих поместий, но и незаконного использования для их обработки государственных технических средств и рабочей силы. Вместе со своим другом Рене Родригесом Крусом, который обладал навыками кинооператора, они ночью незаметно проникали на территорию владений Прио Сокарраса, прятались в надежном месте, а с рассветом начинали снимать разоблачительные кадры. Так удалось снять, как по приказу президента Прио Сокарраса по утрам в поместья привозили на грузовиках солдат, которые целыми днями занимались строительными и садово-огородными работами, на которых к тому же использовалась техника (тракторы, бульдозеры), принадлежавшая министерству общественных работ.

Иногда, когда появлялось несколько лишних песо, Фидель арендовал за 20 долларов в час частную авиетку и вел киносъемку с воздуха.

Собранные с таким риском материалы позволили Фиделю возбудить уголовное дело против президента страны, которого он обвинил в незаконном приобретении имущества, нарушении основных положений трудового законодательства, в извращении функций вооруженных сил Кубы, в насаждении латифундий и т. д. и т. п. Разоблачительные сведения публиковались, как правило, в очень популярной и широко читаемой гаванской газете «Алерта» и передавались по радио «Голос Антильских островов».

Эти материалы серьезно подрывали позиции правительства, разоблачали его грязные махинации в глазах самых широких масс

трудящихся и одновременно содействовали росту политической известности Фиделя Кастро.

В феврале 1952 года Фидель решился на чрезвычайно опасное дело: вскрыть с неопровержимыми фактами в руках связь между правительством, погрязшим в махинациях, и преступно-уголовным миром гангстеров. Ему удалось собрать уникальный материал, который опубликован в газете «Алерта» 20 февраля 1952 года. Фидель дал исторический анализ появления на Кубе гангстеризма как социального явления, проследил за социальным составом людей, втягиваемых в эту деятельность, подверг разбору причины, по которым политические деятели стали активно использовать это явление в своих интересах. А затем дал потрясающей силы материал, указав, что президент страны лично в конвертах вручает руководителям преступного мира по 18000 песо ежемесячно плюс предоставил им в общей сложности 2000 постов в различных звеньях государственного аппарата, где гангстеры только получают зарплату, не являясь никогда на работу. Фидель поименно назвал лиц, которые являются в министерства и ведомства для получения выделенных на ту или иную банду чеков. Он точно указал, сколько синекур имеет каждая банда. Так, самая грозная и беспощадная банда Поликарпио имела право на получение 600 мест, другая под руководством Масферрер «располагала» 500 ставками, группа «Колорадо» получала содержание за 400 чиновничьих должностей и т. д., вплоть до самой мелкой банды.

Фидель обвинил президента республики в том, что тот «покупал и продавал убийства».

По свидетельству очевидцев, этот отчаянный шаг Фиделя Кастро заставил всех остолбенеть от ужаса. Отмечают, что в то время «никто не дал бы и сухой мухи за жизнь Фиделя»; полагали, что он будет убит в самое ближайшее время, потому что никто никогда не отваживался сказать вслух даже тысячной доли того, что публично разоблачил Фидель. До сих пор кое-кто мучается в поисках ответа на вопрос, почему Фидель остался жив. Но наилучшей защитой Фиделю и на этот раз стала полная поддержка общественного мнения, не имеющая границ личная смелость Фиделя и его постановка вопроса в широкой политической плоскости. Фидель почувствовал, что общество, страна устали от политического террора, что в рядах самих гангстеров появились признаки брожения и недовольства той грязной ролью, которую им отводят политиканы, и нанес точно рассчитанный, сокрушительный удар.

В начале февраля 1952 года руководство ортодоксальной партии огласило имена кандидатов от своей партии в конгресс. В

их числе не оказалось Фиделя. Но Фидель думал по-другому.

«Я обратился прямо к народу, — вспоминал он позднее. — У меня была радиопрограмма, и я также часто публиковал свои статьи в прессе. В то время существовал огромный политический вакуум. Не было лидеров. А поскольку рядовые члены партии были людьми в своей основе честными и свободными, то аппарат не мог навязать им свою волю.

У меня были адреса 80 тысяч членов партии в провинции Гавана. Я разослал письма по всем адресам. Друзья помогали мне запечатывать конверты. Для бесплатной пересылки писем я пользовался партийной печатью. Я не имел права этого делать, но у меня не было иного выхода...

Лидеры не могли сдержать меня. Я поставил перед собой цель, о которой я так много думал. Они не могли мне помешать. Им это не нравилось, но народные массы поддерживали меня. Поэтому лидеры не могли препятствовать мне выставить свою кандидатуру. Конечно, моя популярность все еще ограничивалась партией, хотя мои разоблачения нашли отклик у всего народа в целом».

Главным бастионом Фиделя, выдвинувшим его кандидатуру в конгресс, был рабочий район Кайо Уэсо, в котором было множество складов, ремонтных мастерских, мелких предприятий и, конечно, море пролетарских трущоб. Его поддерживали и многие другие партийные организации провинции, и в особенности Сантьяго-де-Лас-Вегас, где он собирал данные о земельных махинациях президента Прио.

Фидель ничуть не сомневался в своей победе на выборах. Привлекательность выдвинутой им популистской программы, поддержка со стороны низовой партийной организации и избирателей, огромная энергия и целеустремленность должны были, безусловно, обеспечить ему место в палате представителей. После получения мандата, а вместе с ним депутатской неприкосновенности, права свободно выступать с законодательной инициативой Фидель намеревался на первом этапе представить на рассмотрение конгресса ряд революционных по своему существу законов, которые, скорее всего, были бы отвергнуты корпусом законодателей, но дали бы возможность полностью разоблачить противников преобразований, завоевать популярность своей программы, а главное, создать массовое движение своих сторонников. Лишь когда народу стало бы предельно ясно, что обычным путем не удастся добиться проведения в жизнь этих законов, тогда наступил бы этап революционной работы.

В целом выборы 1952 года приближались на такой высокой

волне общенародного недовольства, что все предвещало победу партии ортодоксов. Проведенный в декабре 1951 года опрос общественного мнения показал, что 50,5 процента избирателей осуждали политику правительства и лишь 33,7 процента высказывались в ее поддержку. Перспектива выборной кампании не могла радовать ни США, ни правящие круги Кубы. Задолго до дня проведения выборов начались поиски «сильного человека», способного остановить нарастание революционного брожения на Кубе. Выбор пал на Фульхенсио Батисту, который был достаточно известен на Кубе. 4 сентября 1933 года он возглавил так называемый «заговор сержантов» («маленькой группы сержантов, промышлявших политикой», — как говорил Ф. Кастро), в результате которого армия присоединилась к программе революционных реформ, за которую выступали все здоровые силы Кубы. Сам Батиста впоследствии стал полковником (перескочив через все промежуточные звания), командующим вооруженными силами Кубы, и, удовлетворив свои честолюбивые устремления, все дальше и дальше отходил от тех социальных сил, с помощью которых выдвинулся на политическую арену. В 1940-1944 гг. он, будучи президентом Кубы, был вынужден идти в одном строю с Объединенными нациями в борьбе против сил фашизма и милитаризма.

После 1944 года Батиста выехал на длительное проживание в США, где он купил в Дайтоне роскошную виллу, стал заводить контакты среди политических деятелей США, руководителей армии и спецслужб. В 1948 г. он, не приезжая на Кубу, выставил свою кандидатуру на пост сенатора, победил и, уже пользуясь парламентской неприкосновенностью, возвратился на Кубу, где развернул активную работу по вербовке сторонников для задуманного им государственного переворота.

На выборах 1952 года Батиста фигурировал уже в качестве кандидата на пост президента республики, но его шансы были невелики из-за крайне настороженного отношения к нему подавляющего большинства народа, знавшего о тесных связях Батисты с США и его склонностях к диктаторской системе правления. Но именно такой человек и был нужен США, которые благословили планы по осуществлению на Кубе военного переворота.

Глава III
МОНКАДА

Глухой ночью 10 марта 1952 года Фульхенсио Батиста вместе с группой заговорщиков появился в главном военном городке Гаваны «Колумбия». Там его уже ждала большая группа офицеров, которые все подготовили для захвата этого военного лагеря и других опорных пунктов столицы.

В 2.40 утра, как и было задумано, совершился военный переворот. Он произошел без особых осложнений. Пока Куба мирно спала, Фульхенсио Батиста под покровом ночной темноты силой ворвался на политическую арену страны, неся репрессии, горе и нищету.

Наутро, как только стало известно об этом событии, по всей стране прокатилась волна протестов. Уже в половине восьмого утра 10 марта руководители Федерации университетских студентов прибыли в президентский дворец и сообщили уже низложенному президенту, что они просят дать студентам оружие, чтобы выступить против военных заговорщиков. Делегация ушла, получив обещание президента Прио направить оружие как можно раньше в университет.

В университете собралось несколько сот человек из числа рабочих и студентов, готовых немедленно и с оружием в руках выступить против переворота. Фидель находился там же, среди тех, кто пришел первым, и с нетерпением ожидал обещанного оружия, которое так и не прибыло. Президент Прио Сокаррас после длительных колебаний решил покинуть дворец и просить политического убежища в мексиканском посольстве.

Народное возмущение было всеобщим, однако мало-помалу разочарованные люди стали расходиться по своим домам.

Новоявленный диктатор первым же правительственным распоряжением великодушно повысил жалованье чинам полиции и денежное содержание в армии. Никаких серьезных политических аргументов для переворота не было выдвинуто. На первой краткой пресс-конференции Батиста в качестве причины свержения правительства утверждал, что, мол, ему стало известно, что Прио Сокаррас готовил на 15 апреля государственный переворот, поскольку кандидат от правящей партии все больше и больше терял шансы на успех на летних выборах.

Ф. Батиста по телефону связался со всеми основными гарнизонами и опорными пунктами армии и отовсюду получил

заверения в поддержке его действий. В какой-то мере вновь сработал исторический фатализм, по которому считалось, что тот, кто контролирует военный городок «Колумбия», владеет Гаваной, а кто является хозяином Гаваны, тот и задает тон на всей Кубе.

Вскоре к Батисте потянулись политические деятели, воротилы делового мира, директора газет, чтобы засвидетельствовать свою поддержку совершенному беззаконию. Всем становилось ясно, что путчисты победили и в стране наступил новый этап — этап ликвидации буржуазно-демократических порядков и установления военно-полицейской диктатуры.

Первым решением Фиделя было уехать в пригород Гаваны с двумя товарищами. Там, на небольшой ферме, принадлежавшей одному из активистов ортодоксальной партии, он составил свой первый антибатистовский манифест, в котором Фидель самыми беспощадными словами клеймил Батисту и его подручных, совершивших военный переворот. «Это не революция, а подлый удар из-за угла. Вы не патриоты, а палачи свободы, узурпаторы, люди вчерашнего дня, авантюристы, жаждущие золота и власти.

Вы совершили переворот не против беспомощного, находившегося в прострации президента Прио, а против народа, да еще сделали это накануне выборов, результаты которых практически были известны заранее...»

Фидель пророчески предупреждал Батисту: «Своими действиями вы сеете не мир, а зерна ненависти. Не счастье, а скорбь и горе испытывает наш народ перед открывающейся трагической перспективой... Наступил час борьбы и самопожертвования. Отдать жизнь — это значит ничего не потерять, а вот жить в кандалах — это жить в позоре. Умереть за родину — значит стать бессмертным!» Такими словами закончил свой документ Фидель Кастро, поставивший под ним свою подпись. Этот документ был послан Фиделем во все крупные газеты Гаваны, но ни одна из них в те дни не решилась опубликовать его из-за страха перед неминуемыми репрессиями в свой адрес.

11 марта был распущен конгресс Кубы, а законодательная власть перешла к совету министров. На полтора месяца прекращалось действие конституционных гарантий. Вскоре была отменена Конституция 1940 года, которую заменили ублюдочными «конституционными статусами», которые лишали кубинский народ всех демократических завоеваний.

Военно-политический режим пришелся по вкусу деловым и официальным кругам Вашингтона. Американский посол на Кубе

Артур Гарднер даже заявил, что «история Кубы начинается с 10 марта 1952 г.».

Тем временем Фидель Кастро напряженно работал над другим документом, в котором поставил задачей суммировать все преступления, совершенные Батистой, чтобы потребовать его наказания в уголовном порядке. 24 марта он закончил работу, и документ был представлен в гаванский суд по особо важным и срочным делам. В нем Фидель изложил общеизвестные факты, относящиеся к совершенному военному перевороту, а затем, ссылаясь на действующее и никем не отмененное законодательство, в частности, на кодекс законов о защите общества, перечислил конкретные статьи, которые были нарушены самым грубым образом Батистой. В частности, статья 147 этого кодекса предусматривала наказание сроком от 6 до 10 лет тюремного заключения для каждого, кто путем насилия будет пытаться частично или полностью изменить действующую конституцию или форму правления.

После того, как Фидель тщательно указал все нарушенные статьи законодательства, он сделал в своем документе следующий вывод: «Господин Фульхенсио Батиста в общей сложности совершил преступления, за которые должен быть приговорен на срок более 100 лет тюремного заключения».

Фидель потребовал предания суду и наказания Батисты, поставив при этом с большим подтекстом следующий вопрос: «Каким же образом сможет в противном случае этот трибунал судить простого гражданина, который выступит с оружием в руках против этого незаконного режима, пришедшего к власти в результате предательства? Совершенно ясно, что осуждение такого гражданина было бы абсурдом, несовместимым с самыми элементарными принципами справедливости». Иначе говоря, уже 24 марта Фидель Кастро поставил публично вопрос о правомерности вооруженной борьбы с военной диктатурой Батисты. В заключение Фидель, обращаясь к судьям, писал, что если они не найдут в себе силы выполнить свой профессиональный и патриотический долг, то пусть лучше снимут с себя судейские мантии, подадут в отставку, чтобы всем было ясно, что на Кубе одни и те же люди осуществляют и законодательную, и исполнительную, и судебную власть.

Фидель, честно говоря, и не рассчитывал, что судьи окажутся достаточно мужественными, чтобы поставить под угрозу свое личное благополучие, но он считал необходимым публично выразить свою точку зрения. Содержание документа, выражения, в которых он был составлен, весь тон и дух его говорили о том, что Фидель Кастро объявляет войну режиму Батисты, причем

делает это открыто, честно, с поднятым забралом.

Иногда историки кубинского революционного процесса задаются вопросом, почему Батиста не предпринял своевременных мер по нейтрализации своего врага, оказавшегося, как выяснилось потом, смертельным. Видимо, Батиста недооценил выступление молодого адвоката. За Фиделем не стояли ни влиятельные социальные силы, ни традиционные политические организации, у него не было ни средств, ни влиятельных друзей — одним словом, ничего. Стоило ли обращать внимание на, казалось, пустое сотрясение воздуха и омрачать себе радость легкой победы.

Но Фидель и не думал ограничиваться только объявлением войны. Он стал ее практически готовить. А. Гевара вспоминает, что когда он после 10 марта 1952 года обратился к Фиделю с просьбой поддержать очередную политическую кампанию по расширению зоны автономии университета на соседние кварталы, то Фидель сказал ему, что он занимается подпольной работой по организации вооруженного сопротивления и что ему теперь не до политических кампаний, и просил больше его по этим мелочам не беспокоить.

По словам Лионеля Сото, в последние годы пребывания в университете и после его окончания у Фиделя уже сложился круг друзей из числа молодежи ортодоксальной партии, которые были чем-то вроде маленькой армии, которая отличалась дисциплинированностью, собранностью и преданностью. Из числа молодых рабочих, служащих, сельскохозяйственных пеонов и стали подбираться первые кандидаты в армию героев Монкады.

Для создания руководящих кадров движения Фидель всегда мог рассчитывать на своего брата Рауля, готового идти в огонь и в воду за справедливое дело. Вскоре Фидель познакомился с Хесусом Монтане, служащим местного отделения «Дженерал моторс», куда обратился Фидель в поисках подходящего автомобиля. Они быстро нашли общий язык, Монтане безоговорочно поддержал намерения Фиделя начать подготовку вооруженного выступления и полностью отдал себя в его распоряжение. Более того, он порекомендовал установить контакт с Абелем Сантамария, который работал на фирме «Понтиак». Оба они принадлежали к лучшей части молодежной организации ортодоксальной партии, были честными, мужественными юношами.

Постепенно сложилось военное руководство движением, в которое вошли Фидель Кастро, Абель Сантамария, Хесус Монтане, Педро Мирет, Хосе Луис Тасенде и Ренато Гитарт Росель (двое последних погибли в событиях, связанных со

штурмом Монкады). Педро Мирет, студент инженерного факультета, имевший склонность к работе с оружием и сам прекрасный стрелок, безоговорочно согласился возглавить стрелковую подготовку бойцов и даже умудрился использовать старое подвальное помещение под главной лестницей университета в качестве учебного тира.

Фидель придавал первостепенное значение конспирации. Для принятия в ряды потенциальных бойцов требовалось тщательное изучение кандидата. Люди распределялись по боевым ячейкам (численностью не более 10 человек), члены которых знали только своего непосредственного командира. Всем присваивались псевдонимы, которыми бойцы пользовались во время занятий. Работа велась в основном в двух направлениях: повышение политической подготовки членов движения путем проведения с ними бесед о положении страны, о задачах революционного авангарда и боевая подготовка, включавшая в себя главным образом привитие навыков пользования легким огнестрельным оружием.

Очень серьезные трудности встали перед Фиделем в деле изыскания финансовых средств для приобретения оружия и боеприпасов. Позже в своей знаменитой речи «История меня оправдает» Фидель сам рассказал о том, как решил он эту задачу.

«Мы собрали свои средства лишь благодаря беспримерным лишениям. Например, юноша Элпидио Соса продал свою должность и однажды явился ко мне с 300 песо, как он сказал, „для нашего дела“. Фернандо Ченард продал аппаратуру из своей фотостудии, в которой он зарабатывал себе на жизнь. Педро Марреро отдал на подготовку восстания свое жалованье в течение многих месяцев, и пришлось строго ему приказать, чтобы он не продал также свою мебель. Оскар Алькальде продал свою лабораторию фармацевтических товаров. Хесус Монтане отдал деньги, которые он копил более пяти лет. Так поступили многие другие, отказываясь от того немногого, что имели». В общей сложности, по словам Фиделя, было собрано 20 тыс. песо, сумма ничтожная для такого рода мероприятия. Ее хватило с грехом пополам для покупки оружия для 165 бойцов, которые были отобраны для участия в штурме одного из крупных военных объектов Кубы, хотя, как выяснилось потом, общее число подготовленных бойцов составляло около 2 тыс. человек.

Военная подготовка какое-то время шла параллельно с общеполитической работой. Еще до знакомства с Фиделем Абель Сантамария и Хесус Монтане приобрели старенький ротатор и выпускали скромный бюллетень под названием «Они все те же», как бы подчеркивая полное родство между правительством Грау и

Прио, с одной стороны, и диктатурой Батисты, с другой. После знакомства с Фиделем, по его предложению, было решено сменить название бюллетеня на более короткое и выразительное «Обвинитель». Фидель стал писать туда статьи под псевдонимом «Александр», который так и закрепился за ним в качестве боевой и подпольной клички до самой победы революции. Из материалов, подготовленных Фиделем, заслуживают особого внимания две статьи, опубликованные в одном номере бюллетеня от 16 августа 1952 года.

Первая статья под названием «Критический анализ положения в партии ортодоксов» содержала по существу объявление об открытом разрыве с дискредитировавшим себя руководством партии. «Основная масса членов ортодоксальной партии готова идти в бой, она полна решимости, как никогда ранее. Напрашивается в эти решающие часы один вопрос... Куда спрятались те, кто претендовал на крупные государственные посты? Где те, кто любил занимать места почетных гостей на собраниях и митингах, кто совершал предвыборные поездки, кто олицетворял собою различные тенденции, кто всегда стоял на трибунах во время демонстраций? Почему они сейчас не разъезжают по стране, почему не приводят в движение улицу и не требуют почетного места в первой линии сражения? Такое положение в партии способно навеять пессимизм на тех, кто смотрит на политику с привычного угла. А вот для тех, кто беспредельно верит партийным массам, кто убежден в несокрушимой силе великих идей, — для этих людей сложившееся положение не будет причиной деморализации. ПУСТОТА, ОСТАВЛЕННАЯ НАШИМИ БЫВШИМИ ЛИДЕРАМИ, БУДЕТ СКОРО ЗАНЯТА НОВЫМИ ЧЕСТНЫМИ ЛЮДЬМИ, КОТОРЫЕ БУДУТ ВЫДВИНУТЫ ИЗ ЕЕ РЯДОВ.

Нынешние времена — это времена революционной, а не политической борьбы... А революция открывает дорогу не липовым, а настоящим заслугам, людям, у которых есть идеалы и мужество, людям, которые готовы подставить грудь под пули и готовы высоко поднять боевое знамя. РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПАРТИЯ ДОЛЖНА ИМЕТЬ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ РУКОВОДСТВО, МОЛОДОЕ ПО ВОЗРАСТУ И НАРОДНОЕ ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ, КОТОРОЕ В СОСТОЯНИИ СПАСТИ КУБУ».

Нечего удивляться, что номера бюллетеня «Обвинитель» стали одновременно ненавистны и лидерам ортодоксальной партии, и Батисте. Агенты военной разведки разнюхали, где печатался «Обвинитель», и вскоре были арестованы Абель Сантамария, Хесус Монтане, Мельба Эрнандес. Правда, вскоре им удалось выйти на свободу, скорее всего, потому, что в глазах

правительства эти жалкие критиканы-идеалисты с их почти ученическим бюллетенем, печатавшимся на желтой, рыхлой бумаге, не заслуживали чести быть признанными «государственными преступниками». Да, откровенно говоря, в первые месяцы пребывания у власти Батиста не старался сажать в тюрьму направо и налево, чтобы сохранять какую-то видимость либерального диктатора. А кроме того, ему было выгодно оставить на свободе группу политических деятелей, которые своим критическим огнем ослабляли, как казалось Батисте, ортодоксальную партию.

Другая статья под коротким энергичным заголовком «Я обвиняю» была направлена лично против Фульхенсио Батисты. Фидель обвинял его в вопиющем разрыве между его заявлениями и его делами. Батиста представал в статье как бессовестный демагог, прикрывающий лицемерными словами самые грязные дела. В статье есть и такие редкие для тех времен слова: «Ты (обращаясь к Батисте), наконец, говоришь о родине, а являешься всего-навсего верным псом империализма, холуем всех послов». Не стоит пояснять, что речь идет об американских послах. Фидель впервые поставил на одну доску своего злейшего врага Батисту и американский империализм. Чего же стоят тогда натужные попытки доказать, что, мол, Фидель отвернулся от США только после победы революции.

В 1953 году исполнялось 100 лет со дня рождения Хосе Марти. Правительство со своей стороны, а прогрессивная общественность по-своему готовились отметить этот юбилей. Миллионы кубинцев с возмущением отвергали лицемерные попытки властей примазаться к славной годовщине. Наибольший размах и патриотическую глубину приобрели мероприятия, которые готовились и проводились в университете, который оставался оплотом влияния Фиделя Кастро.

Столетие со дня рождения Х. Марти, исполнившееся 28 января., было решено отметить факельным шествием в ночь с 27 на 28 января. Это факельное юбилейное шествие было своего рода парадом бойцов движения, которые уже в течение нескольких месяцев проходили военную подготовку. Они несли факелы особого устройства. Под зажженной паклей виднелись утыканные гвоздями концы факелов. Колонна членов «Движения» выделялась своей компактностью, дисциплиной и воинственным видом. Во главе колонны шли Фидель, Рауль и их боевые друзья.

После этих событий Фидель стал все реже и реже появляться в ходе публичных актов, он с головой ушел в подготовку вооруженного выступления. Для него важно было сохранить все в глубокой тайне, не дать возможности полиции сорвать

намеченное дело. И это ему удалось.

Все люди, привлеченные Фиделем к обеспечению ударного отряда всем необходимым, оказались надежными. Чтобы не провалиться при покупке оружия, Фидель предпочел делать ставку на охотничьи автоматические ружья и на малокалиберные винтовки, продажа которых была совершенно свободной в магазинах. Это оружие не требовало никакой специальной регистрации, что давало возможность сохранить факт его приобретения в относительной тайне. Среди друзей Фиделя были люди, пользовавшиеся доверием в кругах охотников и торговцев охотничьим оружием, поэтому после Монкады выяснилось, что часть вооружения была взята в кредит и не оплачена, а боеприпасов было куплено всего на 160 долларов.

Одному из участников Движения, солдату, несшему службу в военном городке «Колумбия», было поручено раздобыть военные мундиры солдат регулярной армии, в которые планировалось одеть повстанцев. Было известно, что солдаты нередко практиковали продажу крестьянам запасных комплектов брюк и гимнастерок, чтобы поправить свои финансовые дела. Крестьяне с удовольствием покупали у них крепкие, хотя иной раз и слегка поношенные вещи, годившиеся для полевых работ. Таким путем было приобретено более 100 комплектов солдатского и сержантского обмундирования. Остальные недостающие комплекты были изготовлены группой женщин-патриоток в квартире Мельбы Эрнандес по имевшимся выкройкам и из купленной типовой армейской ткани.

Что касается места выступления, то было решено штурмовать казармы Монкада [Свое название казармы в Сантьяго получили по имени знаменитого кубинского патриота, героя национально-освободительной борьбы против испанского колониального господства Гильермо Монкада. Его имя пытались использовать в своих целях буржуазные правительства Кубы.] в Сантьяго-де-Куба, где был расквартирован армейский полк численностью 400 человек. Сантьяго находится от столицы на расстоянии почти 800 км, и переброска туда войск не могла быть осуществлена в короткий срок. Кроме того, рядом находится самая мощная на Кубе горная система Сьерра-Маэстра, полукольцом охватывающая сам город. В случае успеха операции эффект падения второй военной крепости страны был бы огромным психологическим преимуществом для повстанцев. Фидель, отличный знаток истории своей страны, знал, что жители провинции Ориенте исстари отличались свободолюбивым, бунтарским характером. Недаром все повстанческие движения против испанского колониального господства начинались в Ориенте. Там же

высаживался, сражался и погиб Хосе Марта. Одним словом, в Ориенте была гарантирована наиболее благоприятная среда для осуществления операции.

С весны 1953 года Фидель приказал начать практические приготовления к штурму Монкады. Для организации повстанческой базы в пригороде Сантьяго была приобретена ставшая теперь легендарной небольшая ферма «Сибоней», где имитировалась организация птицеводческого хозяйства. Были построены навесы для большого количества автомобилей, а среди окружения была пущена версия, что это павильоны для клеток с птицей. Глубокий, но сухой колодец, стоявший рядом с домом, был приспособлен под склад оружия. Для маскировки он закрывался сверху большим тазом с насыпанной в него землей и посаженным апельсиновым деревом.

За хозяйку выступала Айде Сантамария, сестра Абеля. Она вспоминает, что, когда она покупала в магазине два десятка матрацев, ее спросили, не собирается ли она превратить свою ферму в казарму. Она отшутилась, сказав, что на праздники карнавала, проходившего в конце июля, должны были приехать друзья из Гаваны, а с отелями в городе сейчас очень плохо. Оружие на ферму «Сибоней» из Гаваны доставляли только проверенные и надежные товарищи. Не раз возила оружие и Айде Сантамария. Однажды в поезде она познакомилась с молодым солдатом, который поинтересовался, что она везет в таких тяжелых ящиках. «Уж не динамит ли, девушка?» — сострил он, не догадываясь, как недалеко от истины он был. Но Айде ответила, что везет книги, и даже попросила солдата помочь вынести багаж из вагона. Когда встречавшие товарищи увидели Айде в сопровождении солдата, тащившего заветный груз, у них оборвалось сердце. Они решили, что произошел провал. Только услышав, как мило прощались попутчики, у них отлегло от сердца.

Наконец все оружие и боеприпасы были на месте. Фидель в целях конспирации 24 июля посетил следственный отдел полицейского управления под предлогом наведения справок об одном из клиентов. На самом деле он проверял, нет ли у полиции каких-либо подозрений относительно его ближайших намерений. Все было спокойно.

Выступление было намечено на 26 июля потому, что в это время в Сантьяго проходят традиционные карнавалы, что давало возможность скрытно перебросить из Гаваны в провинцию Ориенте личный состав отряда и совершать необходимые передвижения в городе в ночное время, не привлекая особого внимания со стороны властей. Кроме того, учитывалось, что

дисциплина в казармах в дни праздников обычно ослабевает, многие получают увольнительные, а офицеры частенько отсутствуют на месте службы.

К вечеру 25 июля все участники операции собрались на ферме «Сибоней». Всего оказалось 134 человека, среди которых было две женщины — Айде Сантамария и Мельба Эр-нандес, присутствие которых заметно влияло на моральное состояние бойцов. Поздно вечером прибыл Фидель, который находился в городе, проводя последнюю разведку. Всем участникам было выдано по стакану молока. Фидель обратился к бойцам с короткой речью. Он сказал: «Друзья, завтра вы либо победите, либо погибнете, но что бы ни случилось, начатое вами движение победит. Если вы завтра станете победителями, свершится то, за что боролся Хосе Марти. А если нет, ваш подвиг станет примером для народа Кубы. Мы с нашими скромными средствами покажем продажным политикам, что можно сделать. Народ поддержит нас в Ориенте и во всей стране. Как в 1868 и 1895 гг., здесь, в Ориенте, мы поднимаем клич: „Родина или смерть!“

По просьбе Фиделя несколько слов сказал Абель Сантамария, назначенный заместителем командующего операцией.

Участникам было роздано оружие, разъяснен план и характер операции, все спели вполголоса национальный гимн и стали готовиться к бою. Фидель еще раз поехал в город и вернулся уже в третьем часу утра. Кажется, он пытался найти знакомого ему радиокомментатора, чтобы тот выступил по радио с текстом заготовленного заявления, но не нашел его и решил отложить это дело.

Перед тем, как отдать приказ: «По машинам!» — Фидель еще раз обратился к бойцам: «Вам ясна задача. План, без сомнения, опасен, и всякий, кто сейчас идет со мной, должен действовать по своей доброй воле. Еще есть время решиться остаться здесь, в любом случае кое-кому придется остаться из-за нехватки оружия. Все, кто твердо решил идти, сделайте шаг вперед!» Почти все вышли вперед, но кое-кто дрогнул в последний момент. 11 человек по тем или иным причинам решили остаться [Двое из них были убиты солдатами, еще трое арестованы и осуждены вместе с участниками штурма, а остальным удалось скрыться.]. Фидель попросил всех заколебавшихся не покидать ферму до того момента, когда весь отряд отправится на выполнение боевой задачи, а затем им предоставлялось право поступать по своему усмотрению.

Последним напутствием Фиделя были слова: «Прошу иметь в виду, что не надо убивать, когда в этом нет абсолютной необходимости. Мы должны взять главные ворота казармы

Монкада внезапным ударом. Эта операция весьма рискованная, и для нее нужны только добровольцы». Снова вышла вперед большая группа. Фидель отобрал Хуана Альмейду, Хесуса Монтане, Ренато Гитарта, единственного жителя Сантьяго, оказавшегося в рядах бойцов, и Хосе Суареса. Им поручалось выдвинуться вперед и захватить врасплох часовых у ворот, через которые должна была войти на территорию казармы вся колонна автомашин, после чего по сигналу Фиделя бойцы должны были дружно ворваться во внутренние помещения и арестовать спавших солдат.

Для поддержки основной операции выделялись две специальные группы: одна под командованием Абеля Сантамария численностью 24 человека, должна была занять здание госпиталя, которое находится сзади казарм Монкада и контролирует тыл противника. Кроме того, эта группа должна была обеспечить оказание помощи раненым. В ее составе был врач.

Второй группе в составе 10 человек под руководством Рауля Кастро надлежало занять массивное и высокое здание Дворца правосудия, примыкавшего к одному из боков казармы. В обязанности отряда Рауля Кастро входило подавлять огневые точки противника, размещенные на крыше казармы.

Двух женщин включили в состав атакующих групп только после их настойчивых просьб. Фидель долго не соглашался и в конце концов предоставил решение этого вопроса Абелю Сантамария, потому что одна из женщин была его родной сестрой. Обе они были включены в качестве медсестер в отряд, который направлялся в госпиталь.

Стрелка часов приближалась к пяти часам утра, когда кортеж из 26 автомашин, в которых разместились бойцы, направился к цели. Повстанцы были одеты в форму солдат батистовской армии, большинство имело нашивки сержантов. Фидель ехал в головной машине. Штурм должен был начаться в 5 часов 15 минут утра.

Все, казалось, шло по плану. Однако уже при подъезде к самой казарме встретилось совершенно непредвиденное препятствие, которое существенно, если не сказать решающим образом, повлияло на исход операции. Когда уже оторвалась от колонны и ушла вперед машина с группой захвата главных ворот, появился пеший патруль, совершавший внешний обход. Патрульные не обратили особого внимания на основную колонну, но увидели, что около главных ворот происходит что-то неладное (а там как раз происходил захват и разоружение часовых). Они изготовились к бою, и Фидель, видевший из головной машины всю опасность для передовой группы создавшейся ситуации,

остановил свою машину, выскочил из нее, чтобы привлечь к себе внимание патруля. Дальнейшее развитие событий пошло по незапланированному варианту. Часть бойцов решила, что они уже у цели, раз Фидель вышел из машины с пистолетом в руках. Они бросились в соседние здания (города никто из них не знал, и они думали, что стоявшие рядом дома — это казарма Монкада). Послышались первые выстрелы, в результате которых был потерян важнейший элемент плана — внезапность. Когда удалось нейтрализовать патруль и приблизиться к казарме, грохот выстрелов уже разбудил казарму. Часовые, несшие службу внутри здания, успели включить сигнал боевой тревоги, и по всей округе раздавался действующий на нервы звук электрического звонка. Фидель часто говорил потом, что он не слышал грохота развернувшегося боя, ему казалось, что все звуки забивает этот противный, неумолчный сигнал тревоги.

Основная часть штурмового отряда, таким образом, была вынуждена принять бой в самых невыгодных для себя условиях. Во-первых, сражение разгорелось за пределами казармы, а во-вторых, оно приняло позиционный характер, т. е. создались в результате случайности такие условия, которых тщательно хотел избежать Фидель при планировании операции.

Характер сражения, развернувшегося вокруг казармы, был крайне невыгоден для штурмующих. Он обрекал их на неудачу. Ведь в казарме находился целый полк регулярной армии плюс кавалерийский эскадрон. Достаточно было противнику прийти в себя и начать частью сил охват повстанцев с тыла, как дело сразу же могло приобрести угрожающий характер. Приходится удивляться, насколько долго (почти два часа) продолжался бой при фантастическом неравенстве сил и вооружений. Офицеры, командовавшие гарнизоном Монкады, очень долго находились в состоянии оцепенения и не могли принять никаких активных мер, лишь наращивая огонь из окон и с крыши казармы.

Фидель, по единодушному свидетельству всех участников, был всегда в самом центре боя. С пистолетом в руках он руководил действиями бойцов, сам вел прицельный огонь по огневым точкам в здании казармы. Ему приходилось прикидывать план вывода из боя основных сил отряда по мере того, как становилось ясно, что шансы на успех исчерпаны.

Уже рассвело, когда он отдал сигнал к отступлению.

Группа Рауля Кастро сражалась до тех пор, пока затухание огня в районе боя и замеченное ими с крыши отступление бойцов не убедили их в том, что главный удар не удался. Было принято решение отступить, а ранее захваченных пленных запереть в одном из помещений Дворца юстиции. Но когда группа

попыталась покинуть помещение, бойцы увидели, что к зданию направляется армейский патруль. В этот критический момент Рауль проявил большую выдержку и мужество. Ему с товарищами удалось разоружить патруль и арестовать 9 человек. Все арестованные были заперты в отдельной комнате, после чего группа Рауля отступила. Она не потеряла ни одного человека.

Для прикрытия отхода бойцов основной группы оставалась группа снайперов в составе 6 человек во главе с Педро Миретом. Большая часть людей смогла возвратиться к оставленным автомашинам и направилась на ферму «Сибоней». Туда же прибыл вскоре и Фидель Кастро, которого забрала одна из последних групп отступавших. Всего на ферме собралось 40 человек. Настроение было подавленное. Но Фидель оставался Фиделем. Герберт Мэтьюс, американский журналист, посвятивший значительную часть своей жизни изучению Кубы и Кубинской революции, правильно уловил одну характерную черту Фиделя Кастро. Он писал: «Его главная черта состоит в том, что он никогда не считает себя побежденным. Он отвергает идею поражения как таковую». В другом месте он говорил, что Фидель обладает иммунитетом против чувства упадка и деморализации. И это наблюдение совершенно точно. И в школьные годы, и в период студенчества он никогда не оставался битым. Бывали в его жизни неудачи, но он всегда считал их обязательной прелюдией победы. Так было и на этот раз. Казалось бы, обрушившаяся катастрофа должна была раздавить волю человека, взявшего на себя ответственность за жизни стольких людей и так, казалось, просчитавшегося. Поражение всегда порождает уныние, но Фидель тут же, на ферме «Сибоней», предложил продолжать борьбу с оружием в руках. 18 человек последовали за Фиделем в горный кряж, известный под названием Гран-Пьедра. Почти все, кто пошел с Фиделем, остались в конце концов живы, а имена тех, кто предпочел остаться, через некоторое время появились в списках «убитых в бою». Они были зверски расстреляны после захвата их на ферме «Сибоней» и в ее окрестностях [Всего в бою у крепости Монкада погибло 6 человек, а еще 55 было убито в последующие дни].

В тот же день и в тот же час окончилось неудачей и вспомогательное военное выступление, которое осуществили члены Движения в г. Байямо. По плану Фиделя была сформирована еще одна штурмовая группа в составе 25 человек, которой поручалось осуществить синхронизированную по времени с нападением на Монкаду атаку казарм в Байямо. В случае успеха операции предполагалось, так же как и в Сантьяго, вооружить народ, призвать его к общему выступлению против

тирании и, главное, плотно блокировать шоссейную дорогу, ведущую в Сантьяго. Байямо должен был сыграть роль форпоста. К сожалению, выступление там также окончилось неудачей, опять-таки из-за потери фактора внезапности.

На участников героического штурма Монкады было вылито море лжи и клеветы. Фидель не раз говорил вообще о годах диктатуры: «Нас женили на лжи и заставляли все время жить с нею». Почти два месяца, пока не начался суд над Фиделем и его товарищами, правительство изощрялось, чтобы настроить общественное мнение против бойцов Монкады.

В первые же часы после отступления повстанцев от Монкады озверевшая военщина организовала самую настоящую охоту за патриотами, над которыми организовывались зверские расправы. Чтобы представить себе мучения, пережитые героями-монкадистами, попавшими в руки батистовских палачей, достаточно привести заявление врача судебной медицины Мануэля Приэто Арагона, который осматривал трупы убитых. Вот его слова: «Осмотр трупов врачом судебной медицины был ужасным делом... Все фиделисты были одеты в мундиры цвета желтоватого хаки, под которыми были рубашки и брюки, а у некоторых только брюки. Все мундиры оказались целыми. Никаких следов пуль на них не обнаружено. На некоторых трупах мундиры были надеты наизнанку. Когда их раздели, то стала видна вся жестокость, садизм, жертвой которых они стали. У одного под мундиром оказалась пижама пациента гражданского госпиталя. Они были одеты в мундиры после их задержания.

У большого числа трупов голова была раздроблена автоматной очередью, выпущенной в упор. У многих были изуродованы половые органы. У других были выбиты зубы. У троих были вырваны глаза. Не было ни одного, кто бы не был подвергнут страшным пыткам, прежде чем быть прикончленным».

После ухода с фермы «Сибоней» ранним утром 26 июля 1953 года Фидель и его группа сначала направились прямо на юг к морскому побережью с целью сбить с толку встревоженных и напуганных соседей фермы. Затем группа круто повернула в горы и в течение суток двигалась по обрывистым лесистым склонам. Ранним утром следующего дня, 27 июля, Фидель и его товарищи наткнулись на убогую крестьянскую хижину, в которой жила 70-летняя негритянка. Она рассказала о том, что в свое время помогала еще мамбисам — солдатам армии Х. Марти и Антонио Масео. Она была так бедна, что ничего не могла предложить измученным, голодным бойцам отряда. Зато она отдала им все скудные запасы сигарет, которые имелись в ее доме. Монкадисты впервые ощутили человеческое тепло первого встретившегося им

жителя гор. Старушка попросила своего 18-летнего внука проводить Фиделя и его отряд на вершину Гран-Пьедра по самой короткой дороге, и через три часа монкадисты достигли вершины.

Голод становился все нестерпимее. Для многих прошло уже более двух суток с тех пор, как они обедали в последний раз.

Ночи бойцы проводили в горах, чтобы не быть застигнутыми врасплох преследователями. Для ночлега выбирали самые труднодоступные места. Иногда останавливались на склонах такой крутизны, что на ночь надо было привязываться к стволам деревьев, чтобы нечаянно не свалиться вниз. Донимали сырость и холод.

28 июля Фидель вышел на небольшой хутор, где хозяева радушно встретили монкадистов, дали им молока, сигарет, а главное — здесь впервые Фидель послушал радиопередачи, в которых сообщались списки погибших при нападении на казарму Монкада. Среди погибших фигурировала вся группа Абеля Сантамария и даже имена нескольких дезертиров, которые не пошли на штурм, а попробовали с фермы «Сибоней» выйти к морскому побережью. Оказывается, они были обнаружены армейскими патрулями, рыскавшими всюду, и убиты по подозрению в участии в выступлении. Вот уж поистине обидная смерть. Фидель сидел, опустив голову, потом спросил: «А Рауль? Его в списке не было?» «Нет, его не было», — последовал ответ. Фидель встал и, как бы пожалев, что задал вопрос слишком личного характера, сказал: «Ну что ж, все товарищи — мои братья».

Группа продолжала свой путь. Идти становилось с каждым часом все труднее, люди не имели никаких навыков передвижения по горам, все они были горожанами, к тому же обувь была совершенно не приспособлена для трудных походов и расползалась прямо на глазах. Было решено отправить группу больных и раненых в Сантьяго, с тем чтобы они попытались пробиться в одно из иностранных консульств и получить там политическое убежище. Ушло таким образом 6 человек, из которых четверо были схвачены вскоре патрулями, а еще двое долго, более месяца, прятались у местных крестьян, после чего смогли скрыться, воспользовавшись некоторым ослаблением бдительности со стороны армии и полиции.

В оставшейся с Фиделем группе численностью 12 человек настроение было тяжелое. Голод, жажда делали свое дело. Вся зона была плотно блокирована армейскими патрулями.

В этой обстановке Фидель предложил смелый план: вновь спуститься вниз, переплыть ночью на лодке залив Сантьяго, чтобы

выйти кратчайшим путем в основной горный массив Сьерра-Маэстра и уже всерьез и надолго развертывать партизанскую борьбу. При обсуждении плана мнения разделились. 7-8 человек поддержали Фиделя, у остальных были опасения, что они не смогут преодолеть тяготы такого прорыва, и они предпочитали остаться на Гран-Пьедре. Таким образом, группа разделилась и основная часть во главе с Фиделем тронулась в путь. (Оставшиеся сохранили жизнь, потому что после ареста Фиделя были прекращены все операции по прочесыванию гор и они смогли незаметно уйти.)

31 июня, на шестой день после неудачного штурма, Фидель прибыл на небольшой горный хутор, принадлежавший крестьянину по фамилии Сотело. Он назвал себя и от крестьянина узнал, что обстановка в городе значительно изменилась за это время.

Уже с 28 июля со всех сторон Кубы стали поступать в адрес правительства и духовных властей требования и просьбы прекратить позорную охоту за беззащитными людьми. Симпатия и сочувствие к монкадистам захватили не только молодежь, но и часть влиятельных представителей общественности, которые также ставили вопрос о недопустимости расправ для удовлетворения чувства мести. Много таких просьб получил кардинал Кубы Артеага, который связался по телефону с архиепископом Сантьяго Пересом Серантесом и попросил его принять участие в гуманной миссии прекращения истребления молодых людей. 30 июля Серантес договорился с полковником Рио Чавиано о том, что он со своей стороны постарается убедить скрывающихся монкадистов не продолжать бессмысленное сопротивление, а власти гарантируют им личную безопасность. Архиепископ один в черной сутане выезжал за рулем джипа на горные дороги и через усилитель кричал, что жизнь тех, кто сдастся, гарантирована под честное слово церкви.

Фидель, узнавший об этом, проинформировал товарищей и добавил, что они могут теперь воспользоваться представившейся возможностью, а на прорыв пойдут только трое — он, Фидель, Хосе Суарес и Оскар Алькальде. Голод и усталость настолько измотали людей, что было решено отложить обсуждение этого вопроса до утра 1 августа. Но именно в 2 часа ночи армейский патруль под командованием лейтенанта Педро Саррия получил приказ прочесать зону, где находился хутор с расположившимися на нем измученными монкадистами.

Саррия был своего рода белой вороной среди офицеров батистовской армии. Он был, во-первых, негром, во-вторых, ему было уже 53 года, а он все оставался лейтенантом. Он самоучкой

получил образование, был теснейшим образом связан с простым народом окраин города, где он жил. Саррия был высокого роста, отличался огромной физической силой и от природы был человеком добрым и благородным.

На рассвете 1 августа солдаты патруля полукольцом оцепили постройку, в которой спали Фидель и его товарищи. Солдаты ворвались внутрь, и кто-то из них дал очередь из автомата. Полдюжины стволов уперлись в Фиделя и двух его товарищей. Жизнь монкадистов повисла на волоске. Но в этот момент вошел лейтенант Саррия, который приказал: «Не стрелять, я хочу доставить их живыми!»

Трое задержанных в окружении солдат двинулись к шоссе, когда внезапно со стороны дороги раздалась частая стрельба. Лейтенант приказал всем лечь, опасаясь, что в суматохе, так сказать, под шумок, озлобленные солдаты могут убить Фиделя. Вся группа легла на землю, но Фидель остался стоять, Саррия был потрясен. Он подошел к Фиделю, и между ними состоялся такой краткий разговор. Начал его Фидель:

— Лейтенант, я как раз тот человек, которого ты подозревал сразу же. Мое имя Фидель Кастро.

— Да, но ты знаешь, что уже объявлено о твоей смерти?

— Поспешили. Послушай, лейтенант, если ты меня убьешь, то станешь капитаном.

— Я не из такой породы.

— Тогда убьют тебя.

— Ну и пусть! Каждый решает дела по своей совести!

Группа вышла на шоссе. Всех арестованных погрузили на открытую платформу грузовика, Фиделя посадили в кабину между водителем и лейтенантом Саррия для большей безопасности.

По дороге в Сантьяго их остановил сильный армейский отряд во главе с самым кровожадным человеком, майором Пересом Чаумонтом. Он узнал Фиделя и стал требовать его выдачи, но Саррия наотрез отказался подчиниться.

Грузовик долго кружил по улицам Сантьяго, чтобы не попасть в близкие к казарме Монкада районы. Несмотря на приказ передавать всех арестованных в Монкаду, Саррия вез своих пленников в гражданскую тюрьму. Он отдавал себе отчет, что в Монкаде их прикончат в любом случае. Когда грузовик въехал во двор тюрьмы и лейтенант Саррия сдал под расписку своих подопечных тюремным властям, можно было вздохнуть чуть свободнее. Теперь, когда факт передачи Фиделя в добром здравии в руки официальной юстиции был документально оформлен, палачи Батисты не могли уже так просто свести с ним счеты.

Прощаясь, Саррия [Саррия вскоре был арестован властями за неповиновение и осужден. Лишь за три месяца до бегства Батисты с Кубы в ночь на новый 1959 год он вышел из тюрьмы, но продолжал оставаться под домашним арестом. После революции он стал адъютантом президента Кубы и умер в 1972 году. В числе провожавших его в последний путь был и Фидель Кастро.] положил руку на плечо Фиделя и сказал: «Ну что ж! Нам повезло. Всего тебе хорошего, парень!»

Весть о том, что Фидель Кастро жив и находится в тюрьме, молнией разнеслась по камерам, где сидели монкадисты. Первыми его увидели сквозь решетки окна Аиде Сантамария и Мельба Эрнандес. Аиде вспоминает: «Было почти невероятно видеть его живым, хотя мы никогда и не допускали, что может оборваться такая невероятная жизнь». Она говорила потом: «Там, в застенках Монкады, после штурма были моменты, когда нам действительно хотелось умереть, потому что мы не знали, что с Фиделем. Мы сидели там с абсолютной уверенностью, что если Фидель жив, то будет жив и пример Монкады, что если Фидель жив, то будет много других Монкад... А если Фидель погиб, то все наши потенциальные герои будут жить для нас, но кто их откроет для нации, как умел открывать он. И, узнав, что Фидель жив, мы сами ожили, ожила вся эпопея Монкады, выжила Революция».

29 июля далеко от Сантьяго на пересечении дорог около местечка Сан Луис был арестован Рауль Кастро, который пешком пытался добраться до Бирана. Он назвался другим именем, долго водил за нос следователей, утверждая, что был на карнавальных праздниках. Ему удалось выиграть время, но в конце концов какой-то случайный посетитель опознал его. Но к этому времени кампания в защиту жизни монкадистов уже набрала силу, и когда его доставили в Сантьяго, то самые трудные времена были уже позади.

Ко 2 августа все арестованные были переведены в провинциальную тюрьму г. Бониато. Понимая, что все попытки убить Фиделя оказались сорванными, противник решил представить его журналистам. Один из участников этой встречи, которому удалось записать слова Фиделя, вспоминает: «Фидель стоял в центре, держался очень прямо. Если не ошибаюсь, на нем была светлая рубашка с короткими рукавами и брюки, выцветшие на коленях. По-моему, они были из джинсовой ткани. Было заметно, что его лицо с пробивающейся бородой было опалено солнцем.

Хотя моя память не позволяет мне восстановить текстуально его слова, но, отвечая на мой вопрос, он в сжатой и конкретной форме рассказал о программе, которую ставили перед собой

революционеры в случае победы.

Он отметил, что они намеревались восстановить суверенитет народа, обеспечить крестьянам право оставаться на своей земле, гарантировать людям, жившим сельским трудом, безопасность от насильственных выселений и от безработицы в так называемые мертвые сезоны, допустить трудящихся к участию в прибылях, создаваемых их трудом, подтвердить права мелких землевладельцев, дать медицинскую помощь нуждающимся в ней, а детям — школы и учителей, оздоровить государственную администрацию и сделать более достойной жизнь всей страны. «Одним словом, мы хотим возродить Кубу».

В тюрьме Фиделя поместили в камеру-одиночку, запретили пользоваться книгами, не выдавали даже сочинения Х. Марти, ограничили право переписки и до предела ужесточили правила посещений. 75 дней одиночного заключения были им использованы на подготовку к схватке с противником, но в новой форме и в новых условиях. Он понимал, что теперь наступает время для другой операции, которая будет носить политический характер. Все заботы были теперь направлены на сбор материалов о том, что произошло после штурма Монкады, чтобы разоблачить действия антинародного диктаторского правительства. Он исподволь начал готовить речь, заучивал ее наизусть из-за опасения, что письменные наброски или тем более текст могут быть отобраны.

Суд начался 21 сентября, т. е. спустя почти два месяца после событий в Сантьяго, и проходил в здании Дворца правосудия, откуда в свое время вела огонь по казарме группа Рауля Кастро. Из отряда монкадистов перед судом предстало 30 человек.

Само судебное разбирательство проходило в особых условиях. Зал был переполнен солдатами. Публика была ограничена только кругом ближайших родственников и некоторых представителей прессы. Всем присутствующим запрещалось разговаривать и обмениваться какими-либо жестами с обвиняемыми. Журналистов обыскивали как при входе, так и при выходе в зал, чтобы никто не мог пронести ни фотоаппараты, ни звукозаписывающую аппаратуру. Число журналистов с каждым разом урезалось, и на последнее заседание, на котором Фидель произнес свою знаменитую речь, было допущено только 4 представителя прессы.

Все шоссейные дороги, ведущие в Сантьяго, были перекрыты заслонами сельской гвардии, а в самом городе были выведены на основные магистрали бронетанковые подразделения. В воздух были подняты боевые самолеты. Так велик был страх диктатора перед группой молодых людей, которые вместо того, чтобы

играть в политику, писали своей кровью историю Кубы.

Уже на первом заседании суда Фидель категорически потребовал, чтобы со всех обвиняемых сняли наручники, и суд был вынужден удовлетворить это справедливое требование. Следуя своей наступательной тактике, Фидель поставил вопрос о предоставлении ему права вести свою собственную защиту, поскольку он является адвокатом. Суд был обязан по закону удовлетворить и эту просьбу.

Наибольший интерес, с политической точки зрения, представляют ответы Фиделя Кастро на вопросы прокурора. Когда встал вопрос о том, кто является идейным вдохновителем нападения на казармы Монкада, Фидель ответил: «Никто не должен беспокоиться, что на него возложат ответственность как на идейного вдохновителя Революции, потому что единственным вдохновителем штурма Монкады является Хосе Марти, апостол нашей независимости». Эти слова Фиделя вызвали оживление в зале, обвиняемые стали аплодировать, в связи с чем судья сделал угрожающее предупреждение о недопустимости «беспорядка».

Фидель категорически отвергал какие-либо контакты с известными политическими деятелями и с партиями как таковыми, хотя и признал, что подавляющее большинство его бойцов происходило из молодежи «ортодоксальной партии». Он подчеркнул, что все участники штурма шли на операцию сознательно и добровольно. В этом месте он сделал психологическую паузу, сказав, что, может быть, теперь кое-кто из них раскаивается в содеянном. В этот момент все обвиняемые монкадисты дружно закричали: «Никто! Никто!», — и судья вторично должен был призывать зал к порядку.

23 сентября Фидель написал своим родителям письмо, в котором поделился своими впечатлениями от первых судебных заседаний. С исключительной теплотой Фидель писал: «Мои дорогие родители! Я надеюсь, что вы меня простите за то, что я поздно пишу вам. Не думайте, что это прошло из-за моей забывчивости или черствости. Я очень много думал о вас, и меня больше всего беспокоит, как у вас идут дела и какие же на вас свалились страдания ни за что и ни про что из-за нас.

Суд уже идет два дня. Он протекает хорошо, и я доволен его ходом. Разумеется, нас осудят, но я должен бороться и отвести наказание от всех невинных людей. В конечном счете людей судят не судьи, а история, а ее вердикт будет в конце концов, безусловно, в нашу пользу.

Я взял на себя свою собственную защиту и, думаю достойно воспользовался этим правом. Больше всего я хочу, чтобы вы не считали, будто тюрьма является для нас чем-то отвратительным.

Она никогда не бывает такой для тех, кто защищает справедливое дело и выражает законные чувства всего народа. Все великие кубинцы, которые создавали нашу родину, прошли через те же испытания, через которые нам приходится идти сейчас.

Кто страдает за нее и выполняет свой долг, всегда найдет в своей душе более чем достаточно сил, чтобы спокойно и уверенно переносить превратности судьбы. Речь идет об одном-единственном дне; если сегодня судьба преподносит нам часы горечи, то это потому, что свои лучшие времена она заготовила нам на будущее.

Я абсолютно уверен, что вы поймете меня и постоянно будете помнить, что ваше спокойствие и мир будут для нас лучшим утешением.

За нас не беспокойтесь, не тратьте ни энергию, ни средства. Нам ничего не надо, обращение с нами нормальное...

Впредь я буду писать вам чаще, чтобы вы знали о нас и не беспокоились. Любящий и часто вас воспоминающий сын

Фидель».

Батиста внимательно следил за ходом процесса. Он был раздражен самим фактом предоставления Фиделю права вести самому свою защиту, ибо это позволяло ему не только надевать традиционную тогу адвоката и занимать место в ложе, отведенной для защитников, но и самое главное — вести опрос свидетелей и обвиняемых, чем мастерски пользовался Фидель для разоблачения преступлений, совершенных армией и полицией. Само присутствие Фиделя в зале поднимало дух остальных обвиняемых и влияло на атмосферу судебных заседаний.

Было сфабриковано заключение тюремных врачей о том, что Фидель в силу болезни не может физически присутствовать на суде и его дело следует выделить в отдельное судопроизводство. Несмотря на то, что суду было представлено личное заявление Фиделя о его хорошем самочувствии, а через некоторое время и заключение независимых врачей, осмотревших Фиделя в камере и пришедших к выводу, что он вполне здоров, суд все же настоял на своем. Фидель больше на общем процессе не появлялся.

16 октября 1953 года состоялось одно, но ставшее историческим судебное заседание по делу Фиделя Кастро, оно проводилось в помещении Гражданского госпиталя, в небольшом зале, где обычно работают медицинские сестры, и продлилось около 4 часов. Это было сделано сознательно с целью максимально ограничить число людей, которые могли послушать выступление главного политического противника батистовской диктатуры.

Помещение представляло собой комнату квадратной формы, примерно четыре метра в длину на четыре в ширину.

В этом крошечном и убогом помещении Фидель произнес свою речь, которую теперь все знают под названием «История меня оправдает». Она обошла весь мир и по праву считается одним из самых блестящих образцов революционного ораторского искусства.

Фидель начал с того, что объяснил еще раз причину, по которой ему пришлось взять на себя свою собственную защиту. Он сказал, что самые уважаемые адвокаты страны предлагали ему свои услуги в качестве защитника. Один из них встречался с Фиделем в его тюремной камере. Но в нарушение всех существующих порядков представители военной разведки постоянно присутствовали при встречах Фиделя с адвокатом, стараясь вынюхать, каким же образом Фидель собирается строить свою защиту. Пришлось в интересах дела готовить защитительную речь в одиночестве.

Свою задачу на суде Фидель определил так: «Я приступил к выполнению миссии, которую считал наиболее важной в этом процессе: окончательно разоблачить трусливую, бесстыдную, вероломную и коварную клевету, которую использовали против наших борцов; неопровержимо доказать, какие страшные и отвратительные преступления были совершены в отношении пленных, показать перед лицом всей нации, перед лицом всего мира ужасающее несчастие этого народа, страдающего от самого жестокого и бесчеловечного гнета за всю его историю».

Отвечая прокурору, обвинившему Фиделя в незаконной борьбе против конституционных властей, Фидель удивленно спросил его: «В какой стране вы живете, господин прокурор? Ведь на Кубе существует антиконституционная диктатура. Батиста отменил конституцию, как же можно считать его власть конституционной?».

Фидель подробно рассказал, как готовилось выступление патриотов в Монкаде, кто входил в состав бойцов, как по крохам собирали финансовые средства для приобретения оружия, продемонстрировав тем самым, что все лживые утверждения правительства не стоят и ломаного гроша. Ведь основные обвинения со стороны правительства заключались как раз в том, что монкадисты действовали по указке из-за границы, где окопались бывший президент Прио и его приспешники, которые-де предоставили миллионы песо на организацию операции.

Фидель очень подробно рассмотрел весь ход сражения при Монкаде, доказав, что его бойцы проявили высокое мужество, сражаясь каждый против 14 солдат тирании, что их отличало

строгое соблюдение дисциплины и законов ведения войны, гуманное отношение к солдатам, в то время как армия запятнала себя чудовищной жестокостью по отношению к безоружным пленным, которые были захвачены значительное время спустя после окончания сражения. Фидель привел подробные данные практически о каждом погибшем в застенках крепости Монкада.

До сих пор ни один автор работ по истории Монкады не смог ответить на вопрос, каким образом Фиделю, сидевшему все время в камере-одиночке, удалось собрать такой богатый, исчерпывающий материал о действиях репрессивного аппарата тирании. Можно предположить, что кто-то из числа лиц, постоянно работавших в тюрьме, стал его доверенным человеком и активно помогал ему в сборе и доставке сведений. Обаяние личности самого Фиделя, благородство идеалов, за которые выступало руководимое им Движение, глубокие симпатии всего населения Сантьяго к участникам штурма Монкады — все это было достаточно солидной базой, на которой могло произойти сближение с нужным для революции человеком.

Говоря о позорных действиях армии, Фидель не ставил всю ее на одну доску. Он возложил основную ответственность на Батисту, его генералов, высших офицеров, которые заставили солдат, сержантов и офицеров участвовать в пытках и расправах над безоружными людьми. Ложь, клевета, сознательное натравливание кубинцев в военной форме на кубинцев в гражданской одежде — вот что создало благоприятную основу для совершения частью военных неописуемых зверств по отношению к пленным. Фидель не обвинял огульно всю армию, все вооруженные силы. Он тщательно отобрал и назвал имена честных офицеров, которые не дали опозорить свои мундиры и благодаря усилиям которых многие монкадисты остались в живых.

Вообще следует отметить, что Фидель с самого начала своей революционной деятельности и до победы революции вел в отношении армии четко выработанную им последовательную политику, рассчитанную на использование в интересах революционного процесса тех здоровых патриотических сил, которые в ней имелись. Он ни разу не противопоставил всю армию революции, ни разу не призвал своих сторонников к тотальной войне против вооруженных сил.

Квинтэссенцией речи Фиделя было его изложение социальных целей Движения, тех идеалов, за которые пошли «на штурм неба», как парижские коммунары, бойцы Монкады. Он сказал, что основной предпосылкой, на которой основывалась вера монкадистов в успех, были причины социальные,

безграничная вера в народ. Далее он сказал: «Когда мы говорим „народ“, мы имеем в виду не зажиточные и консервативные слои нации, которым по нраву любой угнетающий режим, любая диктатура, любой вид деспотизма и которые готовы бить поклоны перед очередным хозяином, пока не разобьют себе лоб. Под народом мы понимаем, когда говорим о борьбе, огромную угнетенную массу, которой все обещают и которую все обманывают и предают, но которая жаждет иметь лучшую, более справедливую и более достойную родину. Мы имеем в виду тех, кто веками рвется к справедливости, ибо поколение за поколением страдает от несправедливости и издевательств. Мы имеем в виду тех, кто хочет мудрых и больших преобразований во всех областях и готов отдать за это все до последней капли крови, когда верит во что-то или в кого-то, особенно если достаточно уверен в самом себе. Но чтобы люди искренне и от всей души уверовали в какую-то идею, надо делать то, что никто не делает: говорить людям с предельной ясностью и безбоязненно все. Демагоги и профессиональные политики хотят сотворить чудо, сохраняя во всем и со всеми хорошие отношения, при этом неизбежно обманывая всех и во всем. Революционеры же должны смело провозглашать свои идеи, определять свои принципы и выражать свои намерения так, чтобы никто не обманывался в них — ни друзья, ни враги.

Когда речь идет о борьбе, мы называем народом те 600 тысяч кубинцев, которые не имеют работы и хотят честно зарабатывать на хлеб, а не быть вынужденными эмигрировать из страны в поисках средств к существованию; 500 тысяч сельскохозяйственных рабочих, живущих в жалких хижинах и работающих всего четыре месяца в году, а в остальное время голодающих, разделяющих нищету со своими детьми, не имеющих ни клочка земли для посевов, людей, чье существование должно было бы вызвать сострадание, если бы не было столько каменных сердец; 400 тысяч промышленных рабочих и чернорабочих, чьи пенсионные кассы целиком разворованы, у них отнимают завоеванные ими права, и они живут в ужасающих жилищах, а их заработок из рук хозяина попадает прямо в руки ростовщика, людей, которых в будущем ожидает понижение по работе и увольнение, жизнь которых — это постоянная работа, а отдых — только могила; мы говорим также о 100 тысячах мелких землевладельцев, которые живут и умирают, обрабатывая землю, не принадлежащую им, глядя на нее с грустью, как Моисей на землю обетованную, но так и умирают, не получив ее, обязанные заплатить за свои клочки земли, словно феодальные крепостные, часть своего урожая; они не могут лелеять эту землю, улучшать

ее, украшать ее, посадить на ней кедр или апельсиновое дерево, ибо сами не знают, когда придет судебный исполнитель с сельской гвардией и сгонит их с этого клочка. Мы говорим также о 30 тысячах самоотверженных учителей и преподавателей, принесенных в жертву людей, столь необходимых для лучших судеб будущих поколений, но с которыми так плохо обращаются, им так мало платят за труд; мы говорим и о 20 тысячах мелких торговцев, отягощенных долгами, разоряемых кризисом и окончательно добиваемых множеством грабителей — чиновников и взяточников; о 10 тысячах молодых специалистов: врачах, инженерах, адвокатах, ветеринарах, педагогах, зубных врачах, аптекарях, журналистах, художниках, скульпторах и т. д., — которые покидают учебные аудитории с дипломами, с желанием бороться, полные надежд, а попадают в тупик, натыкаясь повсюду на закрытые двери, безразличие к их просьбам и требованиям. Вот это и есть народ, т. е. кто переживает все несчастия и поэтому готов бороться со всей отвагой! Этому народу, печальные пути которого вымощены фальшивыми обещаниями и ложью, — этому народу мы не скажем: «Мы вам все дадим». Мы ему скажем: «Отдай борьбе все силы, чтобы свобода и счастье стали твоим достоянием!»

«Земля, индустриализация, жилища, безработица, образование и здравоохранение — вот те шесть проблем, шесть конкретных пунктов, на решение которых были бы направлены наши настойчивые усилия наряду с завоеванием общественных свобод и политической демократии».

В своей речи Фидель Кастро предстает как последовательный революционер, развернувший перед судом политическую философию и программу, подрывающую саму основу классовых привилегий в кубинском обществе. В этой речи были заложены зачатки всех последующих революционных мероприятий. Никто из известных политических деятелей Кубы никогда не говорил таким ясным и четким языком революционера.

В то же время программа в качестве политической задачи ставила объединение всех кубинцев против непосредственного врага-диктатуры Батисты, поэтому позже Фидель подчеркивал: «Программа была составлена достаточно осторожно, в ней был поставлен ряд основных вопросов, но в то же время она не содержала формулировок, которые могли бы сузить поле нашей деятельности в ходе революции и сделать движение, ставившее целью нанести поражение режиму Батисты, малочисленным и ограниченным. Иначе говоря, мы должны были попытаться придать как можно более широкий характер этому движению».

Фидель уже знал к моменту своего выступления на суде, что

по делу остальной группы монкадистов приговор был вынесен. Рауль и еще трое товарищей были осуждены на 13 лет тюремного заключения, 20 человек по 10 лет, трое к трем годам заключения, а обе женщины к 6 месяцам каждая, поэтому он в конце речи сказал: «Я не поступлю так, как поступают все адвокаты, которые просят свободы для подзащитного. Я не могу просить ее, когда мои товарищи уже страдают на острове Пинос в позорном заточении. Пошлите меня к ним разделить их судьбу. Ведь понятно, что честные люди должны либо погибать, либо сидеть в тюрьме в такой республике, где президентом является преступник и вор». И закончил так: «Что касается меня, я знаю, что тюрьма будет для меня тяжелым испытанием, каким не была никогда ни для кого другого. Она полна для меня угроз, низкой и трусливой жестокости. Но я не боюсь тюрьмы, так же как не боюсь ярости презренного тирана, который отнял жизнь моих 70 братьев! Выносите ваш приговор! Он не имеет значения! История меня оправдает!»

Суд приговорил Фиделя к 15 годам тюремного заключения.

17 октября 1953 года он был доставлен в тюрьму на острове Пинос, где уже находились его товарищи. Когда он вошел в корпус, где содержались монкадисты, раздались крики радости, все бросились обнимать его, выражая твердую решимость продолжать борьбу.

Пребывание Фиделя в тюрьме стало важным этапом в развитии его военно-политических взглядов.

После всего пережитого во время штурма Монкады, в трагические дни массовых расправ 26, 27, 28 и 29 июля, в опасные месяцы одиночного заключения в Сантьяго тюрьма на острове Пинос показалась монкадистам более подходящим местом, чтобы серьезно заняться пополнением своих политических и общих знаний. С первого же дня пребывания в тюрьме Фидель организовал для своих соратников политическую школу имени Абеля Сантамария. Заключенные получили право иметь в своем распоряжении книги, поэтому со всех сторон друзья и родные посылали им бандероли с литературой, подобранной по их заказу.

В письме от 22 декабря 1953 года Фидель подробно описал, как проходил их день в тюрьме: «Ровно в пять часов утра, когда кажется, что только-только удалось заснуть, раздается голос: „На поверку!“, — который напоминает нам, что мы находимся в тюрьме, а то, чего доброго, мы могли забыть об этом, пока видели сны. Яркие лампочки, которые не гасятся всю ночь, разбрасывают слепящий, режущий свет, в голове тяжесть, будто ее налили свинцом, и крик: „Подъем!“

Конечно, я трачу менее 30 секунд, чтобы надеть брюки, рубашку и ботинки, больше мы не ложимся до 11 часов ночи, когда сон застает меня за чтением Маркса или Роллана, а если пишу что-нибудь, как сегодня, то ложусь, когда закончу. Короче: в 5.30 утра завтрак, с 8.00 до 10.30 — занятия; в 10.45 — второй завтрак; с 2 до 3 часов — занятия, потом до 4 свободное время; в 4.45 — обед; с 7 до 8.15— занятия политэкономией и чтение общей литературы; с 9.30 до 10 часов вечера я поочередно читаю курс — один день философии, другой день всеобщей истории. Занятия по истории Кубы, грамматике, арифметике, географии и английскому языку ведут другие товарищи. Совсем поздно мне приходится читать политэкономию, а дважды в неделю заниматься с товарищами ораторским искусством, если это можно назвать таким словом. Мой метод состоит в следующем: вместо уроков политэкономии я читаю товарищам в течение получаса описание какой-нибудь битвы, скажем, штурма Угомента пехотой Наполеона Бонапарта, или затрагиваю какую-нибудь идеологическую тему, или читаю обращение Х. Марти к Испанской республике, или что-то подобное. Немедленно различные товарищи, вызываемые произвольно, или добровольцы должны в течение трех минут выступить по затронутой теме. Выступления носят соревновательный характер, и специально избранные судьи награждают победителей премиями.

26 числа каждого месяца мы отмечаем празднества, каждое 27 число — день скорби, поминовения погибших, размышлений и воспоминаний на эту тему. В день скорби, разумеется, отменяется всякий отдых и развлечения. Дни занятий охватывают с понедельника до полудня субботы».

В этом письме Фидель рассказывает, как относятся его товарищи к занятиям по повышению политического и культурного уровня. «Ребята просто молодцы! Это настоящая элита, потому что они прошли через тысячи испытаний. Те, кто научился владеть оружием, теперь учатся овладевать книгами для великих боев, которые нам предстоят в будущем. Дисциплина у нас спартанская, жизнь спартанская, воспитание спартанское — все у нас спартанское. А вера и несокрушимая твердость таковы, что можно также повторить: „Со щитом или на щите!“

Фиделю Кастро прислали много книг из его личной библиотеки. Среди них были романы Бальзака, Анатоля Франса, Максима Горького и Дж. Кронина («Звезды смотрят вниз»), двухтомная история политической мысли, четырехтомник сочинений Х. Марти. В библиотеке имелись такие книги, как «Экономика и общество» Макса Вебера, «Свобода, власть и демократическое планирование» Карла Маннейма, книга

социально-политических очерков о Перу основателя перуанской компартии Хосе Карлоса Ма-риатеги, труды Ленина и Маркса и полдюжины книг аргентинского философа-социалиста Хосе Инхениероса.

В письме от 18 декабря 1853 года Фидель пишет, что он много времени уделяет чтению: «В последние дни я прочитал несколько книг, представляющих интерес: „Ярмарка тщеславия“ Уильяма Теккерея, „Дворянское гнездо“ Ивана Тургенева, „Жизнь Луиса Карлоса Престеса“ Жоржи Амаду, „Тайна советской крепости“ архиепископа Кен-терберийского, „Беглецы любви“ Эрика Найта, „Как закалялась сталь“ Николая Островского (современный русский роман, волнующая автобиография автора-юноши, который принял участие в революции), „Цитадель“ Дж. Кронина. Кроме того, я углубленно изучаю „Капитал“ Карла Маркса (пять огромных томов по экономике, исследованной и изложенной с самой строгой научностью)».

В письме от 19 декабря Фидель очень проникновенно сказал о своей решимости продолжать борьбу любой ценой. Он писал: «Какая великолепная школа — тюрьма. Здесь я имею возможность оформить свое мировоззрение и окончательно определить смысл своей жизни. Не знаю, долго ли, коротко ли я буду находиться здесь, будет ли пребывание здесь полезным или нет. Но чувствую, что мое убеждение бороться и идти на самопожертвование крепнет все больше и больше».

В середине февраля 1954 года тюрьму, где сидели монкадисты, посетил диктатор Батиста. Фидель организовал акцию шумного протеста и в наказание был помещен в одиночную камеру, расположенную к тому же напротив тюремного морга, решетчатая дверь в которой была едва закрыта полотняной занавеской. Сам он описывал свое житье на новом месте так: «Сижу без света уже 17 дней, считая сегодняшний. Свечи не разрешают приносить. Вчера к темноте и одиночеству прибавился дождь. Как только смерклось, небо вокруг загрохотало, молнии почти ежесекундно разрывали темноту ночи, освещая камеры сквозь маленькие высоко расположенные окошечки и оставляя в дальних углах тени оконных решеток. Вскоре начался проливной дождь. Потоки воды, подхватываемые ветром, врывались в окна, защищенные только решетками, заливая все вокруг. Я как мог спасал книги, засунув их в чемодан и прикрыв сверху одеялом. Постель тем временем промокла насквозь, на полу было полно воды, и по камере гулял холодный ветер, разнося изморось. Сжавшись в углу, продрогнув до костей от холода и сырости, я с величайшим терпением дожидался, когда окончится буря!» (письмо от 1 марта 1954 года).

И тем не менее Фидель продолжал использовать каждую минуту своего пребывания в этой камере для чтения. Достаточно маленького улучшения в условиях существования, чтобы это наполняло его радостью. Так, 22 марта 1954 года он писал: «У меня теперь есть свет. Сорок дней я жил без него, и теперь я понял, что это такое. Я его никогда не забуду, как и всегда буду помнить унижающее действие темноты. Против нее я все время боролся и отвоевал у нее почти 200 часов с помощью бледного дрожащего огонька масляного светильника. От негодования сердце мое обливалось кровью и глаза горели. Из всех проявлений человеческого варварства я менее всего понимаю бессмысленную жестокость».

Страсть Фиделя Кастро к чтению и способность охватывать огромный диапазон знаний является вообще одной из его характерных черт. В каких бы сложных ситуациях он ни оказывался потом, он никогда не разлучался с книгой. В Сьерре-Маэстре каждую свободную минуту он устраивался где-нибудь с книгой в руках и, если позволяли обстоятельства, с удовольствием отдавался своему самому любимому занятию. Десятки людей с радостью выполняли его поручения о подборках книг, удивляясь той скорости, с которой он их читал. И даже сейчас, обремененный огромным объемом государственной и партийной работы, он всегда находит время для постоянного пополнения своих знаний за счет чтения книг. Книга стала его постоянным спутником. Его автомашина похожа на передвижную библиотеку, и, несмотря на возражения врачей, он использует даже свои поездки для чтения. Иногда интенсивность работы не позволяет взять книгу в руки по нескольку дней. Тогда он при первой возможности устраивает так называемые «библиотечные дни», когда он запирается один на один с книгами и вновь переживает «счастливые минуты», о которых писал в письмах из тюрьмы.

Фидель не только использовал годы тюрьмы для всестороннего пополнения своих знаний, он активно начал разработку и осуществление ряда крупных практических мер, которые должны были создать условия для более успешного развития революционного процесса в стране. Одним из главных направлений этой работы была организация мощной политической кампании по разоблачению зверств диктатуры Батисты, по пропаганде программы монкадистов, что в конечном итоге было нацелено на завоевание на сторону революции большинства кубинского народа. Агитационно-пропагандистская работа становится во главу угла на этом этапе борьбы с Батистой. Фидель очень тяжело переживал те ограничения, которые

накладывал на него тюремный режим, с его цензурой переписки, ограничением встреч с близкими и родными, досмотром передаваемых с воли передач. Но он и его друзья наладили конспиративные формы передачи бесцензурной корреспонденции.

Фидель мобилизовал возможности всех немногих надежных людей для налаживания от имени движения агитационно-пропагандистской работы. В феврале 1954 года вышли на свободу после отбытия своего срока Айде Сантамария и Мельба Эрнандес — испытанные бойцы Монкады, и им вместе с надежными сторонниками пришлось взять на себя проведение в жизнь плана, разработанного Фиделем. Очень много и плодотворно помогала Фиделю его сестра Лидия, которая жила в Гаване и тесно сотрудничала с Движением.

В письме к Мельбе Эрнандес от 17 апреля 1954 года Фидель пишет: «1. Нельзя забывать ни на минуту о пропаганде, потому что она является душой любой борьбы. Наша пропаганда должна отличаться собственным стилем и согласовываться с обстановкой. Нужно разоблачать, не переставая, убийства. Тебе расскажу об одной брошюре, имеющей огромное значение по своему идейному содержанию и своей обвинительной силе, на которую я обращаю твое особое внимание. Необходимо, кроме того, достойно отметить 26 июля. Следует во что бы то ни стало добиться проведения митинга на университетской лестнице. Это был бы ужасный удар по правительству, который по-умному надо готовить уже сейчас, равно как и митинги в институтах, в Сантьяго-де-Куба и за границей...»

Брошюра, о которой идет речь в письме, представляла собой восстановленный по памяти текст речи «История меня оправдает», который был написан Фиделем лимонным соком между строками книг, выносившихся из тюрьмы на волю, и таким образом оказался в руках руководителей Движения.

18 июня 1954 года он развертывает в письме целую программу работы по пропаганде этого документа. Он пишет: «Я знаю, как тяжело вести вам борьбу, но не падайте духом. Постоянно следуйте тому, о чем я вам пишу в каждом письме... Ваша задача — готовить условия, поддерживать стойкость у наиболее ценных людей, которых никогда не бывает слишком много, и привлекать на нашу сторону всех, кто может быть полезен. На Кубе полно достойных людей, нужно лишь найти их.

Между тем хочу дать вам ряд поручений, которым нужно уделить наибольшее внимание:

1. Речь. («История меня оправдает». — *Н. Л.)*. Следует распространить по меньшей мере 100 тыс. экземпляров в течение

четырех месяцев. Нужно проделать это в соответствии с четко организованным планом на территории всего острова. Она должна быть доставлена по почте всем журналистам, во все адвокатские конторы, врачебные кабинеты, общества преподавателей и людей свободных профессий. Нужно принять все меры предосторожности, чтобы не был обнаружен ни один из складов и никто не был арестован. Действуйте столь же тщательно и осмотрительно, будто речь идет об оружии. Нужно напечатать речь по крайней мере в двух типографиях и найти самые дешевые. Ни одна из партий в 10 тыс. экземпляров не должна стоить более 300 песо. В этом деле вам надлежит действовать очень согласованно. Оно имеет решающее значение. Речь содержит программные и идеологические установки, без которых невозможно думать ни о каком по-настоящему большом предприятии. Кроме того, она полностью разоблачает преступления, правда о которых еще недостаточно предана гласности, а это наш первостепенный долг перед погибшими. В ней также отмечается роль, которую вы вдвоем сыграли (речь идет об адресатах Айде Сантамарии и Мельбе Эрнандес). Нужно, чтобы о ней знали, так как это облегчит вашу работу. По завершении этой работы необходимо перейти к выполнению ряда организационных и пропагандистских задач, которые я сейчас продумываю».

Прошел всего один день после отправки этого письма, как Фидель садится за новое и опять растолковывает и объясняет товарищам, оставшимся на свободе, главное направление их деятельности в данный момент. Он пишет: «Неотложной задачей в настоящий момент является привлечение на нашу сторону общественного мнения, пропаганда наших идей и завоевание поддержки со стороны народных масс. Наша революционная программа — самая полная, наша линия — самая ясная, наша история — самая самоотверженная. У нас право на доверие народа, без которого — я готов повторять это тысячу раз — невозможно осуществить революцию».

Много лет спустя Айде Сантамария вспоминала, что, когда она и Мельба, выйдя на свободу и установив контакт с Фиделем, начали по страничкам получать от него речь «История меня оправдает», Фидель потребовал, чтобы они отпечатали и разослали 100 тыс. экземпляров. «Мы аж испугались, потому что в тот момент было невозможно отпечатать и распространить такое огромное количество. Мы пытались аргументировать, а Фидель твердо стоял на своем, доказывая, что отпечатать 25 экземпляров — это то же самое, что и 100 тыс. С величайшими трудностями удалось в конце концов напечатать 10 тыс., о чем

ему и сообщили в тюрьму. Он ответил: „Ну вот и хорошо! Я ведь задал вам невыполнимую задачу, чтобы вы сделали максимум возможного. А ведь, скажи я вам, что надо сделать 500 экземпляров, вы бы и удовлетворились этим“.

Второе направление его усилий — это наметки организационных мер по приданию Движению характера массовой общенациональной политической организации. В то время знамя борцов Монкады было настолько популярно, что традиционные политики были не прочь приспособить его для своих целей, и их эмиссары постоянно искали возможности привлечения отдельных групп монкадистов к себе с очевидной целью приукрасить свой фасад. Фидель, достаточно хорошо информированный об этих тенденциях, писал в уже цитировавшемся письме от 17 апреля 1954 года: «Следует с максимальной осторожностью относиться к любому намерению наладить координацию с другими силами, чтобы не допустить простого использования нашего имени; потеряв свой престиж, эти силы могут запятнать любую группу, под сенью которой они хотят действовать. Не допускать никакой недооценки, не идти ни на какое соглашение, если оно не зиждется на прочной и ясной основе, не обещает вероятный успех и не несет выгоды Кубе. В противном случае предпочтительнее, чтобы вы шли одни, высоко неся наше знамя, вплоть до того момента, когда выйдут из тюрьмы эти прекрасные ребята, которые очень упорно готовятся к борьбе. „В умении ждать, — говорил Марти, — заключается великий секрет успеха“.

По отношению ко всем, кто набивается в друзья, Фидель рекомендовал избрать политику внешнего доброжелательства и тактику улыбок. Не искать себе без нужды врагов. Он писал: «Потом будет более чем достаточно времени, чтобы раздавить разом всех тараканов». Это выражение исчерпывающе характеризует отношение Фиделя к дельцам от политики, которые преследовали только свои личные или узкокастовые цели.

Все свои надежды Фидель связывает с народом Кубы, а не с дискредитировавшими себя различными политическими партиями и группировками буржуазной государственной машины. Он пишет своим друзья из тюрьмы: «Революция — это не возвращение к власти людей, которые морально и исторически ликвидированы, которые целиком и полностью повинны в нынешней ситуации. Хорошо запомните, что возможность нашей победы зиждется на уверенности в том, что народ окажет поддержку усилиям честных людей, с первых шагов выдвинувших революционные законы, поддержку, на которую не могут

рассчитывать те, кто его обманул и предал».

Две главные мысли окрашивают все высказывания Фиделя в этом отношении: полная политическая самостоятельность Движения и опора непосредственно на народные массы. В то время Движение еще было недостаточно развито, чтобы приобрести черты политической партии, хотя дело, безусловно, развивалось в этом направлении. Фидель в письмах (просто тогда не было другой формы передачи им своих мыслей на свободу) подчеркивает, что в любом случае надо рассматривать группу монкадистов, находящихся в заточении в тюрьме на острове Пинос, как руководящее ядро Движения, без одобрения которого нельзя предпринимать никаких принципиальных решений или действий.

14 августа 1954 года, на другой день после того, как ему исполнилось 28 лет, он пишет письмо на волю, в котором формулирует свое понимание принципов организационного построения будущего «Движения 26 июля»: «Условиями, необходимыми для создания подлинного политического движения, являются идеология, дисциплина и руководство. Все три условия являются главными, но фундаментальным является вопрос о руководстве... Не может быть настоящего движения, если каждый его участник будет считать себя вправе делать, не консультируясь, публичные заявления, нечего ждать от движения, если оно будет состоять из людей-анархистов, которые при первых же разногласиях пойдут по тем дорожкам, которые им нравятся, раздирая и разрушая весь механизм».

Фидель настойчиво рекомендовал своим соратникам на свободе ни в коем случае не растрачивать силы в так называемых повстанческих операциях, беречь людей для крупного дела, готовить их к этому, держаться подальше от всяких соблазнительных предложений экономической помощи и оружием с оплатой этих подачек кровью самых лучших сыновей кубинского народа. «Любой план немедленных насильственных действий следует отставить», — пишет Фидель. Казалось бы, эти слова противоречат всему существу Фиделя — человека действия, неистового поборника кратчайшего пути к свержению диктатуры. Но Фидель в тюрьме на острове Пинос уже сделал огромный шаг на пути политической зрелости и понял, что любые подобные действия только дадут повод правительству обрушить на патриотов дополнительные репрессии, что затормозит развитие глубокого революционного процесса, приведет к растрате ценных кадров. Фидель вел дело к подготовке не одного боя с диктатурой, а готовил широкую и окончательную войну.

Время пребывания в тюрьме совпало для Фиделя с тяжелыми

личными переживаниями, вызванными тем, что его (упруга Мирта Диас Баларт не выдержала давления со стороны своей семьи и «отказалась от любой деятельности, связанной с тобой», — как писала 19 июля 1954 года Фиделю сестра Лидия. Жена уехала из Гаваны, увезя с собой единственного сына, 4-летнего Фиделито. На это тяжкое известие Фидель ответил: «Моя дорогая и преданная сестра. Не беспокойся за меня. Ты знаешь, что у меня стальное сердце и я не потеряю достоинства до последних дней моей жизни».

С одним не мог примириться Фидель — с мыслью, что семья жены может взять к себе сына и воспитывать его в полном противоречии с мировоззрением отца. Забегая чуть вперед, следует сказать, что сын Фиделя Кастро с момента победы революции всегда был рядом с отцом, после получения среднего образования на Кубе блестяще окончил физико-математический факультет Московского государственного университета, защитил в Москве диссертацию и вернулся на родину, где активно участвует в решении народнохозяйственных задач своей родины.

Тем временем диктатор Батиста стал готовить на 1 ноября 1954 года так называемые президентские выборы, чтобы легализовать свое пребывание у власти. В условиях, когда самые непримиримые противники Батисты — монкадисты — находились в заключении, народно-социалистическая партия Кубы была объявлена вне закона, а другие оппозиционные партии переживали период разброда и шатания, было ясно, что Батиста заранее готовил простую «легитимизацию» своей власти.

Фидель из тюрьмы повел борьбу против намеченного избирательного фарса. Он решительно выступил за то, чтобы все здоровые политические силы нации воздержались от участия в «выборах», так как в стране не существовало самых элементарных условий для обеспечения свободного волеизъявления. Однако силы Движения были пока недостаточны, чтобы сорвать планы диктатуры. Более того, бывший президент Грау Сан-Мартин согласился выставить свою кандидатуру, чем создал иллюзию вроде бы равных возможностей для оппозиции прийти к власти законным путем. Решение Грау подыграть диктатору встретило всенародное осуждение, и он после длительных колебаний решил всего за несколько часов до проведения голосования снять свою кандидатуру.

Формальный успех на выборах, в ходе которых он по существу не имел конкурентов и набрал едва 50 процентов голосов, безоговорочная поддержка со стороны США создали у Батисты ощущение полной уверенности в прочности своей власти.

Он стал заигрывать с оппозицией, давая понять, что готов согласиться на ее существование, если она признает законными результаты разыгранного избирательного фарса.

Поскольку общественное мнение все громче и громче требовало предоставления амнистии монкадистам, правительственные подголоски стали подбрасывать мысли о том, что Батиста-де готов рассмотреть и этот вопрос при условии, что монкадисты согласятся молчаливо признать правительство и как бы откажутся вести против него борьбу. И тогда появилось знаменитое письмо Фиделя от 15 марта 1955 г., в котором он выступил страстным защитником политической принципиальности, врагом всяких сделок и комбинаций. Он писал: «Для проведения амнистии необходимо предварительное обязательство признать режим. Подлецы, предлагающие это, полагают, что за 20 месяцев изгнания или тюремного заключения на острове, под воздействием самых жестких мер, принятых против нас, мы утратили стойкость. С доходных и удобных позиций в правительстве, которые им хотелось бы сохранить навечно, они имеют низость разговаривать подобным образом с теми, кто, будучи в тысячу раз честнее их, похоронены в тюремных застенках. Пишущий эти строки вот уже 16 месяцев изолирован в одиночке, но у него достаточно сил, чтобы не унизить свое достоинство...

Наша личная свобода есть неотъемлемое право, принадлежащее нам как гражданам, родившимся в стране, которая не признает никаких хозяев. Силой можно отобрать у нас это и все другие права, но никогда никому не удастся добиться от нас, чтобы мы согласились пользоваться ими ценой недостойного компромисса. Словом, за наше освобождение мы не отдадим ни крупицы нашей чести...

Нет, мы не устали. После 20 месяцев мы стойки и непоколебимы, как и в первый день. Мы не хотим амнистии ценой бесчестия. Мы не станем к позорному столбу, поставленному бесчестными угнетателями. Лучше тысяча лет тюрьмы, чем унижение. Лучше тысяча лет тюрьмы, чем утрата достоинства. Мы делаем это заявление обдуманно, без страха и ненависти».

Фидель не раз высказывал мысль о том, что монкадисты не выступали и не хотят выступать в роли поджигателей гражданской войны, если будут восстановлены и действительно открыты все пути для нормальной политической жизни, но если в стране будут царить насилие и диктатура, то преступлением будет не поднять гражданскую войну для возвращения народу его свобод.

Давление на правительство постоянно нарастало, требование амнистии ширилось и грозило превратиться в мощный объединяющий лозунг всех антиправительственных сил. В этих условиях Батиста счел более целесообразным распространить в конце концов ранее принятый закон об амнистии и на монкадистов.

15 мая 1955 г. Фидель, Рауль и их соратники по героической эпопее покинули ворота тюрьмы на острове Пинос.

Первую пресс-конференцию пришлось давать журналистам, поджидавшим Фиделя и его товарищей в вестибюле единственной гостиницы в Нуэва Хероне, единственном городке на острове Пинос. Фидель сказал: «Амнистия является результатом исключительно активной мобилизации народа, дружно поддержанной кубинской печатью, которая выиграла одну из самых блестящих битв. Мы от души благодарим поэтому народ и журналистов, которым будем искренне признательны всегда».

Освобождение монкадистов стало новостью номер один на Кубе, вся страна жадно ловила их выступления, жесты, комментировала их поступки. Это были первые в истории Кубы политические деятели, которые не имели никакой собственности, были в большинстве случаев буквально бездомными, все пожитки которых умещались в маленьком чемоданчике. Но это только увеличивало их притягательную силу.

Фидель поселился у своей сестры Лидии, которой он подробно описал в последнем письме из тюрьмы от 2 мая 1955 г., как он хотел бы устроиться на свободе: «Что касается материальных удобств, то, если бы не необходимость жить при минимальном материальном благополучии, поверь мне, я был бы счастлив, имея пристанище в коммунальной квартире и ложась спать на кушетку с ящиком для хранения постельного белья. Мне достаточно одного блюда маланги или картошки, которые я нахожу столь изысканными, как манна небесная. Несмотря на всю дороговизну жизни, я могу роскошно жить на 40 разумно использованных сентаво в день. Это вовсе не преувеличение, я говорю откровенно... Чем меньше будут связывать меня нужды материальной жизни, тем независимее и полезнее я буду... Я бедняк, у меня ничего нет, я ни разу не украл ни одного сентаво, ни у кого не попрошайничал, а своей карьерой пожертвовал ради нашего дела...

Мне необходимы лишь книги, а книги я рассматриваю как духовные ценности...»

Именно так и стал жить Фидель, вырвавшись из заключения.

За короткое время пребывания на свободе на Кубе (с 15 мая

по 7 июля 1955 г.) Фидель развернул активную работу в двух направлениях: организация мощного пропагандистского наступления на правительство и формирование организационной структуры Движения, которому на борту парома, на пути с острова Пинос, было присвоено название «Движение 26 июля».

Фидель и его сторонники не льстили себя надеждой, что перед ними откроются все пути для ведения законной политической деятельности. Они даже называли себя «морскими свинками», которые сознательно становятся объектом опыта, который должен показать, изменила ли диктатура свою природу, надев на себя конституционное обличье. Они не скрывали своих целей, состоявших в борьбе за власть законными средствами. Но очень скоро им пришлось убедиться, что все их опасения оказались совершенно обоснованными.

Правительство Батисты и в самом деле не собиралось мириться с «воинственной оппозицией», как себя, не таясь, называли сторонники Фиделя. Оно с первого же момента начало создавать вокруг них вакуум, чтобы лишить их каналов для обращения к общественному мнению. Когда 19 мая 1955 г. Фидель выступил в передаче по одной из гаванских радиостанций, полиция на другой же день арестовала управляющего радиостанцией с целью запугать его.

На 20 мая было намечено проведение массового митинга в университете, на котором в качестве главного оратора должен был выступать Фидель Кастро. Но правительство опять вмешалось. Сначала оно запретило проводить радиотрансляцию митинга, а вскоре, прибегнув к широкой демонстрации силы, наложило вето и на проведение самого митинга. Фидель не смог пройти сквозь сплошную цепь полицейских, окруживших университет.

Прошло всего четыре дня, когда 25 мая полиция без всяких оснований вновь ворвалась в дом амнистированного монкадиста Педро Мирета, арестовала его, а также находившихся вместе с ним родственников и знакомых, которых в наручниках отправили в тюрьму. Полицейский офицер, проводивший эту «операцию», представил в суд письменное требование об аресте и Рауля Кастро. Обыск в доме, разумеется, ничего не дал провокаторам, не было найдено ни компрометирующих документов, ни вооружения. И тем не менее судья, отпустив задержанных под честное слово, назначил на 15 июня формальное слушание дела.

Фидель вновь бросается на защиту друзей. Он опять созывает представителей печати, разоблачает абсурдность утверждений правительства, с иронией отмечает, что опыт, поставленный на «морских свинках» — амнистированных монкадистах, —

показывает, что амнистия превращается в кровавый фарс.

Обстановка вокруг монкадистов быстро и опасно накалялась. 10 июня 1955 г. в различных районах Гаваны произошло 7 взрывов. Не было сомнения, что взрывы были делом рук полицейских провокаторов, которые хотели создать предлог для расправы с монкадистами. Нельзя исключать, что в отдельных случаях к террору могли прибегать также отчаявшиеся и введенные в заблуждение противники режима. Но Фидель всегда последовательно выступал против такой формы борьбы. Он заявлял: «Я настолько убежден в огромном вреде, который они наносят борьбе против диктатуры, что не боюсь публично осудить банду дикарей, которые оказывают столь ценную услугу Батисте, в то же время выдавая себя за революционеров». Как и предвидел Фидель, серия этих взрывов дала правительству Батисты желанный повод для нанесения удара по оппозиции.

Правительство вело дело к подготовке крупного политического процесса. К делу о «подрывной деятельности» была привлечена и народно-социалистическая партия Кубы. Одновременно был арестован редактор газеты «Ля Калье», которая предоставила свои страницы для выступлений Фиделя Кастро. Стало ясно, что мирный путь к политическому решению проблем Кубы закрыт наглухо, пока у власти стоит Батиста. По решению Фиделя Рауль Кастро обратился в мексиканское посольство с просьбой о предоставлении политического убежища и вскоре выехал в Мексику, сократил свои открытые выступления, чтобы не позволить противнику спровоцировать себя и дать повод для физической расправы.

Все внимание Фиделя было уделено на этом этапе созданию организационной структуры «Движения 26 июля». В конце июля под руководством Фиделя в доме по адресу: ул. Фактория, № 62, в Гаване, состоялось совещание, в работе которого приняли участие Антонио Лопес Фернандес («Ньико»), Педро Мирет Прието, Аиде Сантамария Куадрадо, Мельба Эрнандес Родригес дель Рей, Педро Агилера Гонсалес и Хосе Суарес Бланке — все участники штурма Монкады 26 июля 1953 года. Также присутствовали Армандо Харт Давалос, Фаустино Перес Эрнандес и Луис Бонито Мильян, первые двое из рядов Национального революционного движения, а последний был выходцем из «ортодоксальной партии».

На совещании было принято решение о создании организации, в руководство которой вошли все присутствовавшие. Было решено назвать организацию «Революционное движение 26 июля». Тогда же каждому из членов руководства был намечен участок работы, и перед каждым

поставлены ближайшие задачи.

В Гаване шло активное формирование негласного пропагандистского аппарата, изыскивались возможности для приобретения множительной техники, бумаги, краски. Нескольким товарищам было поручено заняться решением финансовых вопросов, т. е. наладить сбор добровольных пожертвований от сторонников. Как и прежде, активную роль в этой работе Фидель отводил испытанным бойцам Монкады — Аиде Сантамарии и Мельбе Эрнандес. Ряды Движения получили значительное подкрепление. В него влилась часть бойцов — членов молодежной ортодоксальной организации.

Когда Фидель Кастро убедился, что «Движение 26 июля» может действовать и развиваться без его физического присутствия, он принял решение покинуть Кубу.

Перед отлетом в Мексику Фидель Кастро направил во все газеты свое заявление, в котором он открыто сказал как о причинах, толкнувших его на добровольное изгнание, так и о целях, за достижение которых он будет бороться. В заявлении говорилось: «Я покидаю Кубу, потому что передо мной закрыты все пути для политической борьбы. Я буду жить где-нибудь в районе Карибского моря.

Из таких поездок, в которую отправляюсь теперь я, обычно не возвращаются, а если возвращаются, то после разрушения до основания тиранического режима.

Гавана, 7 июля 1955 года Фидель Кастро Рус».

Уже после его отлета журнал «Боэмия» опубликовал полученную от Фиделя статью под заголовком «Мы еще вер немея», в которой говорилось: «Мы вернемся, когда сможем принести нашему народу свободу и право на достойную жизнь без деспотизма, без голода... Так как все двери для политической борьбы народа захлопнуты, перед нами не остается другого пути, чем тот, по которому шли наши предки в 1868 и 1895 годах», т. е. вооруженной борьбы.

Глава IV
«ГРАНМА»

7 июля 1955 года Фидель вылетел в Мексику, где его дожидались Рауль и другие товарищи. Начинался новый этап борьбы.

Мексика была избрана Фиделем в качестве временного пристанища по ряду соображений. Эта страна после своей революции 1910-1918 гг. считалась одной из самых демократических в Латинской Америке. Ее правительства традиционно предоставляли убежище лицам, которых преследовали по политическим мотивам. Мексика первой из латиноамериканских стран признала в 1924 г. СССР. В 1929 г. никарагуанский патриот Аугусто Сесарь Сандино, который возглавил тяжелую борьбу своего народа против американских оккупационных войск, на некоторое время получил убежище в Мексике, где ему надо было пройти курс лечения от тропической лихорадки и немного отдохнуть. После поражения республиканской Испании в 1939 г. Мексика широко раскрыла двери для борцов против фашизма. Десятки тысяч испанских республиканцев прибыли тогда в Мексику, принеся с собой огромные знания, опыт, которые сыграли свою положительную роль в развитии Мексики.

В конце 40-х годов, когда по Латинской Америке с началом «холодной войны» прокатилась волна реакционных переворотов, немало прогрессивно мыслящих патриотов были вынуждены покинуть свои страны, и они неизменно находили пристанище в Мексике. Крупный поток политических эмигрантов хлынул в Мексику после свержения усилиями ЦРУ прогрессивного правительства Хакобо Арбенса в Гватемале в 1954 г. Тысячи людей, спасаясь от фашистского террора, искали спасения в Мексике. В стране действовали десятки латиноамериканских землячеств, эмигранты налаживали между собой контакты, проводили совместные политические акты и пользовались поддержкой мексиканцев.

Фидель полагал, что в такой обстановке можно будет с наименьшими издержками собрать значительное число кубинских эмигрантов, организовать их, обучить и подготовить ударный отряд вторжения.

Мексика — это самая близкая соседка Кубы, надо лишь пересечь Юкатанский пролив, чтобы оказаться на кубинском берегу, поэтому она была идеальным плацдармом для

поддержания связи с подпольем и организации военной экспедиции.

Фидель Кастро прилетел из Гаваны в Мериду, столицу Юкатана, оттуда он на самолете местной компании направился в портовый город Вера-Крус, а уже там сел на автобус и поехал в Мехико.

Вместе с Раулем и другими кубинскими товарищами на встречу Фиделя пришла и худенькая немолодая женщина по имени Мария Антония Гонсалес Родригес, которая уже несколько лет назад эмигрировала с Кубы и теперь была готова полностью связать свою судьбу с фиделистами. Она предоставила в распоряжение монкадистов, которые прибыли ранее, свою квартиру, находившуюся на улице Эмпа-ран в доме 49, свои рабочие руки и все свое время. Дом и квартира Марии Антонии стали штаб-квартирой подготовки вооруженной экспедиции.

«Фидель приехал с одним чемоданом, — вспоминает Мария Антония, — набитом книгами, под мышкой он держал еще один сверток с книгами. Никакого другого багажа не было». Все личные средства измерялись несколькими долларами. Фидель прибыл в Мексику не как политический эмигрант, а как турист.

Друзья сначала разместили его в маленькой комнатушке, снятой Раулем на верхнем этаже на окраине города, но через несколько дней, взвесив свои финансовые возможности, Фидель оставил эту комнату и переехал на квартиру Марии Антонии.

Первые дни адаптации к новой обстановке, к новым людям, к новому климату (Мехико стоит на 2500 м выше уровня моря, и там значительно холоднее) были довольно трудными. Но более всего страдал Фидель от вынужденного временного нарушения нормальной связи с Кубой, откуда он не получал известий.

В своем первом письме Мельбе Эрнандес он пишет 24 июля 1955 г.: «Мне крайне необходимо отрегулировать связь с вами. Я буквально схожу с ума от нетерпения узнать, как идут дела на Кубе, как у вас налаживается сотрудничество, и какие трудности вы встречаете в работе. Если бы у меня сейчас были средства, я бы послал к вам специального гонца. Из этого вы можете заключить, что на начальном этапе нашим самым большим препятствием является нехватка денег — это наша вечная мука в этой борьбе. Пока я не получу от вас первых сообщений, я не смогу даже спать спокойно».

Он сообщает, что закончил работу над составлением Манифеста № 1 от имени «Движения 26 июля» к кубинскому народу и намеревается направить на Кубу несколько сотен, а может быть, и тысяч экземпляров манифеста. «Скоро эта страна и этот город станут для меня тем же, чем была Куба в месяцы,

непосредственно предшествовавшие 26 июля.

Но надо помнить, что я работаю сейчас, преодолевая огромные трудности из-за нехватки средств. Не знаю, может быть, всем нам здесь придется поголодать в эти первые месяцы. Чтобы достать деньги на печатание Манифеста № 1, я решил заложить мое пальто: ломбарды здесь принадлежат государству, и они берут невысокие проценты. Я не поколеблюсь ни на секунду, если и остальные предметы моего гардероба должны будут последовать за пальто!..»

Он сразу дает Мельбе Эрнандес указание о необходимости соблюдения строжайшей конспирации. Так, он просит достать ему пару адресов надежных людей на Кубе, куда бы он мог направлять корреспонденцию. Причем просит, если можно, пусть лучше адресатами будут женщины, они вызовут меньше подозрений. Для связи с ним Фидель просит всех прибывающих в Мексику обращаться к портье дома, в котором проживал в это время Рауль Кастро, и оставить у него название отеля и номер комнаты, в которой остановился приезжий. С ним установят контакт в самое кратчайшее время. В интересах предосторожности Фидель оставляет всю инициативу в установлении контакта за собой, чтобы быть уверенным в безопасности.

Он также советует товарищам на Кубе пользоваться самым дешевым видом транспорта для направления связных в Мехико: пароходом из Гаваны в Вера-Крус, а оттуда автобусом, что обойдется не более 60 долларов.

Вторую годовщину штурма Монкады Фидель Кастро отметил возложением венка у памятника детям-героям в парке Чапультепек [Памятник героям-кадетам, павшим в неравном бою с армией США при защите города Мехико в войне 1847-1848 гг.]. На ленте венка была сделана надпись: «Мученикам, отдавшим свои жизни за Мексику и за Кубу». Это самый почитаемый памятник в мексиканской столице, к которому редко пытаются подходить представители США. Когда однажды генерал Риджуэй, герой корейской войны, решил оставить цветы у этого монумента, то на другое утро они оказались у дверей посольства США с ответной надписью: «От убийц венки не принимаем!»

1 августа пришел первый денежный перевод на 85 долларов и первые сведения о положении на Кубе, что сразу же подняло настроение Фиделя, который пишет 2 августа письмо «Товарищам из руководства (Движения)», в котором дает свой анализ обстановки в стране и указания о практических действиях на ближайший период.

«В политической области, — указывает Фидель, — нашим

самым большим врагом является капитулянтская тенденция на проведение частичных выборов.

Вот с ней надо бороться огнем и кровью во всех манифестах и прокламациях».

Фидель сообщает, что он уже отпечатал Манифест № 1, но просит подготовить на Кубе матрицу и откатать еще не менее 50 тыс. экземпляров.

15 августа в Гаване, в театре им. Х. Марти, должна была открыться национальная конференция ортодоксальной партии. В связи с ней Фидель настоятельно рекомендовал руководству «Движения 26 июля» использовать момент для всяческого противодействия компромиссным настроениям.

Он советовал послать на съезд самых боевых товарищей, которые должны выдвигать и горячо поддерживать лозунг революционного пути решения проблем, предложить всей конференции почтить минутой молчания память погибших в борьбе и всячески вести работу по привлечению к себе надежных людей. «Надо, чтобы конференция убедилась, что мы живы и активно действуем, и вы увидите, как рухнет завеса молчания вокруг нас и как начнет расчищаться путь к новым стратегическим перспективам.»

Он засыпает своих коллег вопросами: «Как идут дела по организации ортодоксальной молодежи по всей Кубе? ...Как ведется работа в профсоюзах? Все ли сделано в этом отношении? Не забыли ли, между делом, что это самое главное? ...Как развиваются контакты с Гражданским женским фронтом им. Марти? Надо вести дело к тому, чтобы превратить этот фронт в женскую организацию „Движения 26 июля“... Составляйте списки всех более или менее состоятельных людей, которым, по вашему мнению, мне стоит написать письма с просьбой об оказании помощи. Я готов написать тысячи писем... Все зависит от наших усилий. Нет ничего невозможного, когда есть воля к борьбе».

Фидель заканчивает письмо так: «Свою задачу я думаю выполнить полностью. Я имею в виду не только составление писем и манифестов в этой маленькой комнатке, но кое-что не менее важное... Я еще раз повторяю, что если то, чего мы страстно желаем, окажется невозможным, если мы останемся совершенно одни, то вы увидите, что я один приплыву на лодке с винтовкой и высажусь на берега Кубы...» В этих словах наиболее ярко отразился характер Фиделя: его несокрушимая воля, перед которой должны, просто обязаны отступить все препятствия. Он верил, что человеческая воля может двигать горы, и заражал этой верой окружающих. Когда хозяйке квартиры, где готовилась экспедиция, Марии Антонии был задан вопрос, верила ли она в

успех дела, на которое вел Фидель своих товарищей, она ответила, что никаких оснований для уверенности не было, скорее можно было предположить, что все они сложат головы в столь опасной операции, но от Фиделя исходила такая спокойная уверенность в победе, что не верить было просто нельзя.

Это видно также из свидетельства Эрнесто Гевары де ля Серны: «Моим самым первым впечатлением после первых занятий (он имеет в виду занятия по военной подготовке. — Н. Л.), которые велись в период формирования экспедиции, было ощущение возможности победы, в которой я очень сильно сомневался при моем вступлении в ряды бойцов, под руководством повстанческого командира, с которым меня связывали с первых дней узы романтической, авантюристической симпатии и убеждение, что стоило умереть на чужом берегу за столь чистый идеал».

8 августа 1955 г., ровно через месяц после прибытия в Мексику, Фидель подписал первый политический документ, обращенный ко всему народу Кубы, — Манифест № 1. В нем в самых первых строках сообщалось о создании революционного «Движения 26 июля». Специально указывалось, что это не политическая партия, а именно движение, ряды которого широко открыты для всех кубинцев, желающих восстановления в стране политической демократии и социальной справедливости. В документе содержался призыв ко всем гражданам сотрудничать с движением, не только в форме прямого участия в боевых группах, но также и путем оказания экономической помощи, участия в распространении пропагандистских материалов и готовности поддержать революцию в форме присоединения к всеобщей забастовке, когда это станет необходимо.

Манифест № 1 содержал 15 конкретных пунктов, в которых была изложена программа преобразований, за которую выступало «Движение 26 июля». Первым требованием Движения было «запрещение латифундий, распределение земли между крестьянами, передача земли в неотчуждаемую собственность всем мелким арендаторам, колонам, издольщикам, оказание им экономической и технической помощи со стороны государства, сокращение налогов». Далее говорилось о «восстановлении всех завоеваний рабочего класса, ликвидированных диктатурой, праве трудящихся на значительную долю прибылей всех крупных промышленных, горнорудных и торговых компаний...» Документом предусматривалась индустриализация страны на основе единого разработанного государством плана, национализация отраслей экономики, связанных с обслуживанием всего общества (электричество, газ, телефон),

резкое снижение квартирной платы, забиравшей у 2,5 млн. кубинцев треть заработка; создание 10 крупных детских городков, где могли бы получить образование 200 тыс. детей рабочих и крестьян, которые сейчас лишены возможности нормально питаться и учиться. Остальные реформы предусматривали реорганизацию государственного аппарата в интересах широких масс трудящихся. Последний пункт звучал угрожающе для тех, кто нечестным путем сколотил состояние: «Подлежит конфискации имущество всех казнокрадов всех правительств без исключения. Страна должна получить сотни миллионов песо, которые были безнаказанно украдены у нее, и вложить их в исполнение указанных в манифесте программ...»

Другой документ, составленный Фиделем в первые дни августа 1955 года, был адресован делегатам национальной конференции ортодоксальной партии. Этот волнующий документ ставил своей целью только одно: открыть глаза партии на полную невозможность решить политические проблемы страны, пока у власти стоит Батиста. Он звал всех честных членов ортодоксальной партии под знамена Движения, на революцию. «Нечего плакать, как Магдалена, надо набраться мужества, чтобы потребовать с достоинством того, что нам принадлежит». Про себя он писал, что приедет на Кубу так же, как и патриоты освободительной войны против Испании, т. е. с оружием в руках. Когда послание Фиделя было зачитано на съезде, то большинство делегатов встали с мест и начали скандировать: «Революция... Революция... Революция». Начинался медленный процесс перехода на сторону «Движения 26 июля» широких народных масс, всего общественного мнения Кубы.

В Мексику со всех сторон ехали к Фиделю люди, готовые к любым жертвам во имя свободы кубинского народа. Через некоторое время после прибытия Фидель познакомился с аргентинским врачом Эрнесто Гевара, который после длительной одиссеи по странам Латинской Америки оказался в Гватемале в дни контрреволюционного переворота 1954 г. и был вынужден бежать в Мексику.

Эрнесто Гевара, вскоре получивший прочно приставшее к нему прозвище «Че» (это восклицание типично для аргентинцев, выражающих им все оттенки чувств), позднее вошедшее в его полное имя, стал врачом будущей экспедиции, поскольку он был медиком по образованию и имел к этому времени некоторую врачебную практику. Он был зачислен в состав бойцов и вместе с другими должен был пройти полный курс боевой подготовки.

В этот момент экспедиция не имела ни корабля, ни оружия, ни бойцов. Вместе с Раулем Че составил группу из двух человек, с

которых потом начался список экспедиционеров «Гранмы».

Фидель получил письмо из Майами от Хуана Мануэля Маркеса, который был активистом ортодоксальной партии, а теперь находился в эмиграции. Он полностью ставил себя на службу революции и уже вел активную работу среди кубинцев, проживающих в США. Хуан Мануэль был постарше большинства экспедиционеров, ему уже перевалило за 40, когда водоворот революции целиком захватил его. Он оказался чрезвычайно полезным человеком для подготовки «Гранмы», но, к несчастью, погиб в первые же дни после высадки.

Несколько позже к Фиделю из США приехал будущий герой революционной войны Камило Сьенфуэгос. Камило покинул родину в надежде найти работу в США, долго бедствовал в «стране всеобщего благоденствия», пока наконец не оказался в Калифорнии, где работал в ресторане. Там он и узнал о прибытии в Мексику Фиделя, который не скрывал своих планов подготовки вооруженного вторжения на Кубу. Камило, всегда восторгавшийся Фиделем, бросил с трудом найденную работу и присоединился к революционерам. По одному прибывали монкадисты, которых судьба забросила в Коста-Рику, приезжали товарищи из Кубы.

Встал вопрос об организации быта и учебы всех экспедиционеров. По решению Фиделя в различных районах города Мехико стали снимать квартиры-общежития для участников будущей операции. Обычно в одной квартире селили от 7 до 10 человек. Это была первичная боевая единица, члены которой не знали ничего о других квартирах и о других людях, входивших в состав экспедиции. Фидель Кастро лично разработал и подписал регламент, который определял жизнь всех бойцов. Поскольку этот документ дает очень яркое представление о принципах, на которых строилась жизнь и учеба солдат революции, имеет смысл познакомиться с ним подробнее.

В соответствии с этим документом «Движение 26 июля» обеспечивало всем бойцам, которые не получали никакой помощи от своих родственников, оплату жилища, питания, стирки белья и одежды, медицинской помощи, бумаги, почтовых марок и других необходимых потребностей. Кроме этого, каждому бойцу выдавалось в неделю на личные расходы 10 мексиканских песо (около 1 доллара). Поскольку денежные ресурсы Движения всегда были весьма скудными, участникам рекомендовалось изыскивать пути получения финансовой поддержки со стороны родственников, друзей и знакомых. В случае получения кем-либо из товарищей денежного перевода на сумму меньше 20 долларов он должен был сдавать на общие нужды половину полученной суммы, а если размер перевода превышал 20 долларов, то в

общий бюджет должно быть сдано 60% от общей суммы.

У кого в результате получения помощи извне образовывался избыток личных денег, тот был обязан поделиться с другими, менее обеспеченными товарищами.

Подъем для всех устанавливался в 8 часов утра, завтрак с 9 до 10, обед с 2 до 3 часов дня, ужин с 7.30 до 8.30. Не позже 12 часов ночи все должны были быть на своих местах. Нарушения режима допускались только в интересах учебного процесса (ночные походы и пр.).

В каждой квартире-общежитии должен был царить полный порядок, запрещалось бросать на пол окурки и другой мусор. От всех требовалось проявлять полнейшее уважение к посторонним лицам, которые будут оказывать помощь в обслуживании квартир.

Категорически запрещалось без каких-либо исключений давать свой адрес какому-либо другому члену Движения, проживающему в другом месте, и уж тем более посторонним лицам. Всякая попытка наводить справки по таким вопросам рассматривалась как основание для подозрений. Рекомендовалось избегать водить дружбу с посторонними людьми, а если уж придется с ними оказаться в городе, то ни в коем случае не приводить их к дому, в котором находится общежитие, а распрощаться за несколько кварталов.

Корреспонденцию бойцы получали на другой адрес.

Встречи между членами различных групп запрещались, за исключением случаев, которые санкционированы руководством Движения.

В каждом общежитии должна была быть подборка книг, содержащихся в полном порядке. За этим был обязан следить специально выделенный товарищ. Тематика книг охватывала вопросы общей культуры, но в особенности военную и революционную проблематику.

Бойцам запрещалось комментировать и обсуждать друг с другом то, чем они занимаются или будут заниматься. Самая строжайшая конфиденциальность должна была соблюдаться во всем, что касается тренировок, оружия, практических стрельб и т. д. Разглашение этих сведений приравнивалось к предательству.

Всякий член Движения, прибывавший в Мексику, считался посвятившим себя одной и единственной цели, поэтому он не мог заниматься другими делами, в том числе личными, которые бы отвлекали его от выполнения главной задачи. Единственной причиной для неявки на выполнение тех или иных поручений считалась только серьезная болезнь, которая действительно не позволяла бойцу быть там, где ему велит долг.

Свободное время использовалось главным образом для чтения и учебы. Само по себе использование свободного времени было показателем крепости характера человека, его умственного и волевого настроя.

Между товарищами должны были господствовать чувства взаимного уважения. Запрещались всякие колкости и шутки, отпускаемые в адрес других. Предписывалось быть великодушными между собой и помогать друг другу, как братья.

Всякие острые личные столкновения рассматривались как тяжелое нарушение дисциплины и подлежали суду дисциплинарного совета. Обо всех непорядках рекомендовалось ставить в известность старшего по группе, а не шушукаться по углам.

Указывалось, что пессимизм, упадочное настроение, равно как и замкнутость, не совместимы с характером настоящего революционера.

Руководство Движением было обязано внимательно следить за поведением каждого бойца, отмечать его достижения в учебе, чтобы в нужный момент поставить на такое место, которому он соответствует своими способностями, заслугами и поведением. Малейшее проявление слабости или недисциплинированности должно было немедленно браться на учет.

«Эти нормы поведения, — говорилось в заключение, — имеют целью обеспечить безопасность всех и каждого в отдельности, они проникнуты заботой об успехе нашего великого дела, в служении которому мы поклялись перед народом и перед самими собой... Эти правила должны еженедельно зачитываться в каждой группе ее руководителем».

Бойцам отряда, формировавшегося в Мексике, было категорически запрещено употреблять спиртное. Разговаривая как-то с владельцем продовольственного магазина, расположенного рядом со штаб-квартирой на улице Эмпаран, Фидель сказал ему: «Послушай, Рамон, наши ребята должны быть в хорошей спортивной форме, поэтому можешь давать им в кредит все что хочешь, но только не алкогольные напитки. За это ты несешь личную ответственность». И Рамон Белес строго следил за выполнением приказа Фиделя.

Какими бы суровыми они ни казались, выработанные правила поведения были совершенно необходимы для подготовки столь опасного и рискованного мероприятия, как вооруженная экспедиция на остров.

Все время, проведенное в изгнании, Фидель работал как бы на два фронта: с одной стороны, ему приходилось внимательно следить за развитием событий на Кубе, принимать эмиссаров,

приезжавших от внутреннего руководства Движением, посылать своих связников, вести активную переписку, давая каждый раз развернутые указания по основным направлениям практической деятельности, а с другой — уделять повседневное внимание подготовке непосредственно экспедиции.

После долгих поисков преподавателя военного дела для бойцов отряда Фиделя выбор пал на бывшего полковника испанской республиканской армии Альберта Байо, который к этому времени был уже немолодым 63-летним владельцем мебельного магазина в городе Мехико, все его жизненные грозы уже отшумели, и оставалось лишь спокойно доживать свой век на чужбине, торгуя спальными и столовыми гарнитурами. С друзьями он иногда вспоминал свою богатую событиями военную жизнь. В свое время он окончил Академию сухопутных сил в Мадриде и Школу военных летчиков. Немало ему пришлось повоевать в Африке в составе экспедиционного корпуса против марроканских партизан. Волей-неволей тогда ему пришлось изучать приемы и методы действий в партизанской войне. Когда началась гражданская война в Испании, полковник Байо был адъютантом командующего Барселонским военным округом генерала Батета, который был впоследствии расстрелян фашистами. В общем Байо был несомненно опытный военный, хорошо знакомый с различными сторонами этого нелегкого ремесла.

Вот к нему-то и пришел однажды Фидель с предложением взять на себя военную подготовку экспедиционеров. Сначала ошарашенный Байо наотрез отказался, уж очень сомнительным показался ему план, схематично набросанный Фиделем. «Я боюсь, что мне не хватит веры в нашу победу. Вы же очень молоды, вам всего 29 лет!» — сказал он, обращаясь к Фиделю, который уже уловил в интонациях голоса полковника подспудное желание еще раз «тряхнуть стариной». И Фидель так горячо и убежденно стал рассказывать о своих планах, о людях, которые шли за ним, о кубинском народе, ждущем освободителей, что разговор кончился тем, что Байо дал согласие. Вскоре он продал свой мебельный магазин и незаметно для самого себя полностью отдался работе по подготовке экспедиционеров.

В интересах конспирации занятия по военному делу камуфлировались под уроки английского языка, которым полковник Байо владел в совершенстве. Он составил очень напряженный учебный план, включавший освоение базовых знаний по тактике, по партизанским и противопартизанским действиям, владение различного рода оружием, практические стрельбы, военно-спортивную подготовку и пр. Трехлетний

полный курс военной школы надо было втиснуть в несколько месяцев, отведенных Фиделем. Для учебы на местности Фидель подобрал ранчо, расположенное в 40 км к югу от Мехико в районе Чалко. Ранчо принадлежало некоему Эрасто Ривере, про которого рассказывали, что в годы мексиканской революции он был солдатом знаменитого Панчо Вильи. Утверждали, что он был захвачен в плен солдатами американского карательного экспедиционного корпуса, вторгнувшегося на территорию Мексики в 1916 году под предлогом наказания Панчо Вильи, и был по приговору генерала Першинга, командующего корпусом, расстрелян на кладбище в г. Чиууа вместе с группой товарищей. Однако, к счастью, полученные им раны оказались несмертельными, и он ночью выбрался из-под груды трупов и вновь вернулся к Панчо Вилье, чтобы бороться против американцев.

Ранчо этого ветерана мексиканской революции было довольно большим по площади, оно тянулось на 16 км в длину и 9 км в ширину, но это была вздыбленная горами бросовая, бесплодная земля, покрытая камнями и жесткими колючками. Она была непригодна для сельского хозяйства, зато оказалась очень удобной для практических занятий экспедиционеров. «Санта-Роса» — так называлось ранчо — стала местом напряженной учебы бойцов Фиделя. Там был оборудован полигон для стрелковой подготовки, благо большие размеры ранчо и складки местности позволяли скрывать звуки выстрелов. По окрестным горам пролегали изнурительные походные маршруты. Учеба давалась нелегко. Трудиться приходилось в условиях кислородного голодания, потому что район «Санта-Росы» находится на высоте около 3000 метров над уровнем моря. Пронизывающий холод, наступавший с закатом солнца, пронимал до костей кубинцев, привыкших к благодатному климату своей страны, но еще больше их беспокоила постоянная возможность встречи со скорпионами, фалангами, гремучими змеями, которые неизвестны на Кубе, но которыми кишат поросшие кустарником горные склоны центральной Мексики. И все-таки бойцы стоически переносили все трудности.

Тренировки в походах по горам вскоре стали усложняться большими нагрузками. Все бойцы разделялись на пары, и сначала один тащил другого в гору, а затем они менялись. Практиковались длительные марш-броски с полной боевой выкладкой, но без еды и питья, т. е. максимально приближенные к практике партизанской борьбы.

Первым в учебе и в практических занятиях был Эрнесто Гевара. Отличные показатели были и у Рауля Кастро.

В сентябре 1955 г. Фидель Кастро установил необходимые контакты и разработал план поездки по Соединенным Штатам Америки, точно по тому же маршруту, по которому в конце XIX века ездил великий кубинский патриот Х. Марти, призывавший кубинских эмигрантов принять участие в борьбе за освобождение родины от испанского колониального господства. Вообще имя Х. Марти, его идейное наследие, его богатый политический и военный опыт были краеугольным камнем всей деятельности Кастро в революционной борьбе против диктатуры Батисты.

Главной задачей было мобилизовать на борьбу против диктатуры многочисленную колонию кубинских эмигрантов, добиться их единства и получить финансовую помощь для оснащения экспедиции.

18 октября 1955 г., имея на руках железнодорожный билет только в один конец (на большее не хватало средств), Фидель Кастро отправился в США и 20 октября прибыл в Филадельфию. Оттуда началось его замечательное семинедельное турне. После Филадельфии он посетил Юнион-сити (штат Нью-Джерси), Бриджпорт (штат Коннектикут), Нью-Йорк, Майями, Тампу и Кайо-Уэсо. Основной формой работы во время поездки была организация и проведение патриотических митингов, на которых Фидель выступал с изложением политических и социальных задач «Движения 26 июля», с анализом обстановки на Кубе и с призывом к соотечественникам оказать патриотам всю возможную помощь.

Всюду Фиделю приходилось преодолевать огромные трудности, связанные с тем, что агенты Батисты, да и сами американские власти, по требованию кубинских консулов и других официальных представителей делали все возможное, чтобы сорвать поездку Фиделя. Для этой цели распускались всякого рода провокационные слухи, что, мол, те, кто будут присутствовать на митингах, либо потеряют право на проживание в США, либо не смогут впредь получить визы на въезд к родным на Кубу. Организаторам митингов угрожали осуществлением диверсий в зале во время проведения акций. Но, как подчеркивал 13 декабря 1955 г. Фидель Кастро в письме к сторонникам «Движения 26 июля» в Нью-Йорке: «Всюду, где мы становились жертвами какого-либо агрессивного акта, во много крат возрастал энтузиазм и симпатии к нашему Движению, и наши усилия неизменно вознаграждались самым полным успехом».

Выступления Фиделя действительно повсюду проходили с большим успехом. Наиболее крупным по числу участников и по значимости выступлений был митинг, проведенный 30 октября в Нью-Йорке в зале «Палмгарден». На нем присутствовало более

800 представителей кубинской колонии.

Участники митинга почтили минутой молчания память героев, погибших при штурме Монкады.

Фидель выступил с речью, в которой рассказал своим землякам, что он ведет борьбу не только против нынешних правителей Кубы, но и против тех условий жизни, в результате которых у многих кубинцев не нашлось места на родной земле и им пришлось ехать на чужбину в поисках куска хлеба. Здесь, в Нью-Йорке, впервые Фидель публично произнес свою клятву, которая во многом определила дальнейший путь его действий. Он сказал: «Могу с полной ответственностью сказать вам, что в 1956 году мы будем либо свободными, либо мучениками. Эта борьба началась для нас 10 марта, она длится уже почти четыре года, и она закончится лишь в последний день существования диктатуры либо в последний день нашей жизни».

В своем выступлении Фидель сказал и о социальном содержании будущей революции. Это высказывание часто цитируется исследователями кубинского революционного процесса как доказательство нараставшей радикализации взглядов Фиделя. Он сказал: «Кубинский народ хочет нечто большее, чем простая смена власти. Куба стремится к радикальным переменам в каждом аспекте ее политической и социальной жизни. Народ должен получить нечто большее, чем абстрактные свободы и демократию, — каждому кубинцу должна быть гарантирована хорошая жизнь. Государство не может игнорировать судьбу ни одного из своих граждан, которые родились и выросли в этой стране. Нет большей трагедии, чем трагедия человека, который может и хочет работать и который вместе с семьей страдает от голода, потому что у него нет работы». Фидель открыто осудил террористические методы борьбы, а также покушения на политических деятелей, еще раз подчеркнув, что «Движение 26 июля» ставит вопрос о всенародной революции. Фидель — блестящий оратор, он всегда заканчивал свои выступления яркими цитатами из Марти и хлесткими афористическими фразами, вызывавшими бурное одобрение аудитории. Так и на этот раз он, мысленно полемизируя с оппозиционными политиканами, оставшимися на Кубе, сказал словами Марти: «На их щеках уже не осталось места даже для того, чтобы влепить им очередную оплеуху!» и далее, обращаясь к собравшимся, спросил: «Разве может встать на ноги нация, если ее пытаются возглавить попрошайки, вымаливающие себе кусочки прав?» «С помощью страха ни разу не удалось решить ни одной проблемы там, где нужно мужество». «Я посылаю горячий привет кубинскому народу и наше твердое

обещание: мы вернемся!»

Слова Фиделя встречались неизменно бурными аплодисментами. После этого на столе президиума появлялась традиционная соломенная кубинская шляпа, из тех, в которых шли в бой в прошлом веке патриоты, воевавшие под знаменами Марти и Масео, и все присутствующие приглашались пожертвовать, кто сколько может, на дело освобождения Кубы от диктатуры Батисты.

Так проходили митинг за митингом, встреча за встречей. Кроме выступлений, приходилось проводить большой объем организационной работы по созданию прямо на местах патриотических клубов поддержки «Движения 26 июля», по подбору наиболее подходящих кадров, которые могли бы возглавить их работу по налаживанию прочных связей между Национальным руководством Движения и вновь создаваемыми группами сторонников в США. Фидель не раз впоследствии в письмах друзьям признавался, что ему с трудом приходилось выкраивать время для сна во время этой трудной поездки.

Лейтмотивом его выступлений в США звучала тема народности революции, которую готовили Фидель и его соратники. Он всегда подчеркивал, что не стесняется обратиться за помощью к народу от имени родины, что его революция будет делаться на честные деньги честных людей. И кубинцы дружно откликались на его призыв.

По завершении основной работы на территории США Фидель выехал на несколько дней на Багамские острова и там, в г. Нассау, он составил Манифест № 2 «Движения 26 июля» к кубинскому народу. В этом документе поднимался один вопрос: оказание революции финансовой помощи со стороны всех честных кубинцев. Фидель подробно информировал кубинский народ о результатах своей поездки по США, давал положительную оценку позиции кубинской эмиграции и теперь обращался к соотечественникам на Кубе с настоятельной просьбой помочь революции. Он просил каждого гражданина не сходить один раз в кино, не заглянуть без нужды в бар, а внести свою лепту в общее дело. «Пусть каждый гражданин внесет по одному песо, пусть каждый работающий пожертвует однодневную зарплату за 28 января (день рождения Х. Марти. — Н. Л.), как это сделали кубинские эмигранты, и вы увидите, как тирания рухнет гораздо раньше, чем многие себе предполагают». «Другие просят деньги для себя лично и отдают в залог дома, земли, одежду, мы же просим деньги для Кубы, а в залог отдаем наши жизни». Этот манифест также был отпечатан в Мексике и в огромном количестве распространялся на Кубе, содействуя притоку средств

в бюджет Движения.

13 декабря Фидель возвратился в Мексику и сразу же активно включился в работу по подготовке экспедиции. Но его внимание отвлекла грязная пропагандистская кампания, начатая проправительственными газетами на Кубе, которые в попытке дискредитировать Фиделя и Движение стали намекать на бесконтрольность расходования средств, собранных в США. Ни один из политических деятелей буржуазных оппозиционных партий не поднял голос в защиту патриотов «Движения 26 июля», хотя многие из них лично знали, в каких невероятно трудных материальных условиях велась работа в Мексике. Эта клеветническая кампания, очевидно, устраивала теперь уже всех, потому что Фидель стал опасным не только для правительства Батисты, но и для руководителей ортодоксальной партии и партии аутентикос [Аутентикос — праволиберальная буржуазная политическая партия на Кубе. Стояла у власти накануне переворота, совершенного Батистой 10 марта 1952 г. Само название партии связано с расцветом коррупции, преступности, а также пресмыкательством перед США.]. Стал незримо складываться единый фронт против Фиделя.

Известный политический комментатор журнала «Боэмия» писал, к примеру, в номере от 4 декабря 1955 г.: «Фидель Кастро слишком опасный соперник для некоторых лидеров оппозиции, которые в течение трех с половиной лет не смогли занять правильную позицию в отношении кубинской ситуации. И они отлично знают об этом. Они чувствуют себя вытесненными ростом влияния „Движения 26 июля“ в сражении против Батисты».

И уж совершенно откровенным признанием прозвучали слова одного из влиятельных тогдашних политиков из лагеря Батисты, который писал 14 декабря 1955 г.: «Всем нам, политическим деятелям, без какого-либо исключения, очень важно воспрепятствовать развитию повстанческих планов Фиделя Кастро. Если мы будем дремать на палубе корабля и будем продолжать упорно закрывать пути для политического решения вопросов, то тем самым мы будем все шире открывать возможности для революционного пути Фиделя Кастро». «Хотел бы я знать, — саркастически спрашивал Педро Алома Кессель, — кто из нас, из правительства и из оппозиции, спасется, если фиделизм победит на Кубе». Именно это понимание общности угрозы сплотило всех деятелей традиционной политической машины против единого врага — Фиделя Кастро и его Движения. Именно на этой основе началась кампания травли революционеров, находившихся в Мексике.

Фидель Кастро ответил на клеветнические наскоки гневной статьей в «Боэмии» под заголовком «Против всех», в которой он открыто заявил о разрыве со всеми традиционными политическими партиями и группировками, которые погрязли в мелком политиканстве и скатились на уровень пособничества диктатуре. Эта статья, написанная в канун Рождества, стала водоразделом, за которым «Движение 26 июля» уже было свободно от всех организационных и тем более идеологических связей с бывшими попутчиками из числа традиционных партий и деятелей.

Наступил 1956 год, которому суждено было стать самым тяжелым и самым славным годом для кубинских революционеров. Пока все шло в соответствии с намеченными планами. Регулярно шли занятия с экспедиционерами, ряды которых все время пополнялись, установились надежные формы связи с Кубой, постепенно наладилось финансирование всего революционного мероприятия. Люди упорно работали, помня обещание Фиделя, что до конца 1956 года они уже будут сражаться на кубинской земле.

Главной заботой стало приобретение оружия. Большую помощь оказал один из владельцев оружейного магазина в Мехико — Антонио дель Конде Понтонес, он помогал доставать винтовки с телескопическими прицелами, боеприпасы и другое снаряжение. Обычные армейские карабины типа «Маузер», но местного, мексиканского производства, удавалось покупать у рабочих оружейной фабрики, которые по частям выносили продукцию цехов, а потом продавали собранные винтовки, помогая тем самым своему семейному бюджету.

Через надежных людей в оружейных магазинах в США было приобретено некоторое количество пистолетов и американских винтовок. При этом всегда старались обзаводиться таким оружием, чтобы под него подходили боеприпасы, которыми пользовалась кубинская армия. Расчет был на то, чтобы облегчить снабжение боеприпасами после того, как экспедиция окажется на кубинской земле.

Из Кубы тем временем приходили тревожные вести о нараставшей политической нестабильности и лихорадочных попытках правящей верхушки найти выход из кризиса. Попробовали добром уговорить Батисту уйти от власти, но он и слушать не хотел. Тогда было решено убрать его путем «классического» военного заговора кадровых офицеров, но интрига была раскрыта и путчисты отправлены в тюрьму. Страну буквально трясло.

29 апреля 1956 г. группа молодежи под сильнейшим

влиянием примера монкадистов решила на свой страх и риск атаковать армейские казармы в г. Матансас. Около пятидесяти патриотов, захватив несколько грузовиков, ворвались на них на территорию казармы, но операция была спланирована плохо и офицеры, видимо, были заранее предупреждены о возможности нападения. Автомашины нападавших были встречены кинжальным огнем крупнокалиберных пулеметов, казалось, только и поджидали атакующих. 17 человек было убито, остальным удалось отступить и найти убежище в гаитянском посольстве в Гаване. Правительство Батисты пошло на вопиющее нарушение принятого в Латинской Америке права на политическое убежище и направило отряд полицейских на штурм посольства. В здании дипломатической миссии произошло настоящее побоище патриотов, все они были расстреляны.

Обострилась обстановка и вокруг Фиделя в Мексике. Однажды во время выхода по хозяйственным делам Мария Антония наметанным глазом заметила подозрительного человека, который крутился в непосредственной близости от ее дома. Она немедленно сообщила об этом экспедиционерам, были приняты меры по установлению личности подозрительного субъекта, и оказалось, что это был террорист, нанятый кубинским правительством для физического уничтожения Фиделя Кастро. Это был известный гангстер Поликарпо Солер, который взялся за это грязное дело за 10 тыс. долларов. Руководство всей операцией было возложено на военного атташе кубинского посольства в Мексике, который держал связь непосредственно с Батистой и начальником генерального штаба. Пришлось усилить конспирацию и проявлять больше предосторожности. Было принято решение о том, чтобы Фидель всегда выходил в сопровождении товарищей, сократил число появлений в городе.

Кубинское посольство, убедившись, что своими силами ему не справиться с Фиделем, решило навести на него мексиканскую секретную полицию — федеральное управление безопасности. Среди сотрудников этого ведомства было много авантюристов, вымогателей, лиц с сомнительным прошлым, поэтому представителям Батисты не составило труда найти среди них за приличную сумму людей, готовых взяться за нейтрализацию Фиделя и его соратников.

21 июня 1956 года агенты секретной полиции Мексики захватили квартиру на улице Эмпаран, а вскоре, пользуясь обнаруженными там бумагами, нагрянули и на «Сан-та-Роса». В обоих местах были проведены тщательные обыски. Были найдены кое-какие документы. В частности, в руки полиции попал текст регламента о внутреннем распорядке квартир-общежитий,

отдельные тексты политических листовок, манифестов, кое-какие личные письма. На ранчо полицейским удалось обнаружить и захватить небольшое количество оружия.

На улице Эмпаран и на ранчо полиции удалось арестовать около двух десятков экспедиционеров. Фидель был задержан одним из первых. По рассказам Рауля Кастро, на ранчо «Санта-Роса» произошел любопытный случай. В момент захвата ранчо полицейскими Че Гевара сидел высоко на дереве, откуда он с биноклем в руках корректировал огонь своих товарищей. Он сверху спокойно наблюдал всю процедуру ареста и обыска, будучи не в силах оказать друзьям помощь. Сам же он оставался незамеченным. Но, когда арестованных повели к полицейским машинам, он закричал с дерева: «Эй вы, подождите, здесь еще есть один!» С этими словами он спрыгнул вниз и присоединился к товарищам, которых не захотел оставить одних в беде.

За Фиделя и его товарищей вступились влиятельные политические деятели Мексики, в их числе бывший президент страны генерал Ласаро Карденас (1934-1940 гг.), который проявил себя последовательным противником фашизма, был антиимпериалистом и провел в 1938 г. первую в Латинской Америке национализацию мексиканской нефтяной промышленности. Он пользовался огромным политическим влиянием и не поколебался оказать помощь кубинским патриотам. Его вмешательство, да к тому же чрезвычайно скудные доказательства, полученные полицией, из которых никак не удавалось сшить шумного дела, стали склонять чашу весов в пользу Фиделя. Его самого допрашивали несколько раз, но он так умело отвечал на вопросы следователя, что не давал оснований для обвинения его в нарушении миграционных законов.

После 22 дней заключения Фидель и его товарищи вышли на свободу. Стойкость, мужество, принятые своевременно меры конспирации сделали свое дело. Провалился еще один план Батисты и его агентов устранить Фиделя как политический фактор.

Работа по подготовке экспедиции не прерывалась и в период задержания Фиделя. Кстати говоря, в руки полиции попало всего 23 человека, что говорит о действенности разработанной им системы конспирации. Например, Рауль Кастро все время продолжал работать, принимая меры по рассредоточению экспедиционеров по запасным лагерям в других городах Мексики, где полиция не находилась под таким давлением кубинского посольства.

Арест и тюрьма содействовали еще большему обострению политической бдительности экспедиционеров. Конспирация стала

еще жестче, меры по обеспечению экспедиции еще скрытнее.

Вторая половина 1956 года отличалась огромной насыщенностью работы для руководителя «Движения 26 июля» и всех его товарищей. Надо было компенсировать потерянное время, чтобы успеть выполнить данное кубинскому народу обещание. Еще сорок человек присоединилось к группе. Все они были немедленно размещены и приступили к тренировкам.

Один из основных руководителей подпольного движения на Кубе Франк Паис Гарсия приехал в августе в Мехико для получения инструкций от Фиделя. В беседе, которая состоялась между ними, они уточнили некоторые части генерального плана, который надлежало выполнить в стране. Договорились не посылать больше людей в Мексику, зато стимулировать развитие внутренних ячеек с таким расчетом, чтобы они были готовы поддержать высадку экспедиции военными действиями по всей территории страны. Одобренный план предусматривал материальное укрепление организации на Кубе, что требовало увеличения финансовых средств. Поэтому было решено, что 80% всех денежных поступлений в фонд Движения, которые раньше посылались в Мексику, теперь должны расходоваться на подготовку боевых операций непосредственно в стране, а остальные 20 % будут поступать в распоряжение Национального руководства.

В письме к Марии Антонии Фигерос, отвечавшей за финансы Движения в провинции Ориенте, от 8 августа 1956 года Фидель высказал свое мнение о Франке Пайсе: «Я полностью убедился в том, что ты была права, когда рассказывала мне о его великолепных качествах организатора, его мужестве и способностях. Мы очень хорошо поняли друг друга. Его приезд сюда оказался очень полезным».

В том же августе 1956 г. руководитель «Движения 26 июля» провел другую важную встречу, на этот раз с руководителем Федерации университетских студентов Хосе Антонио Эчеверрия Бианчи. Еще в июле они несколько раз встречались в предварительном порядке, а теперь состоялись переговоры, результаты которых были изложены в документе, который вошел в историю Кубы под названием «Мексиканская хартия». В совместном заявлении, обнародованном 2 сентября на Кубе и в других странах, обе организации заявляли о своей решимости объединить усилия для борьбы против тирании в соответствии с конкретными планами каждой организации. Обе организации осудили капитулянтские выборы и другие соглашательские сделки, которые предлагались различными течениями среди оппозиционных сил. Одновременно было подчеркнуто, что

политические и социальные условия были подходящими для того, чтобы в 1956 году добиться свободы для кубинского народа.

В октябре 1956 года Фиделя постигло личное горе. В Мексику пришло сообщение о том, что скончался дон Анхель Кастро, отец Фиделя и Рауля. Известие было не из легких. Мария Антония, первая узнавшая об этом, немедленно поехала к Фиделю, который обсуждал с самыми близкими соратниками планы операции. Кое у кого на глазах появились слезы, многие, особенно монкадисты, состояли в переписке с отцом Фиделя и уважали его за прямой, открытый характер. Фидель, несколько раз прочитав полученную телеграмму, глубоко вздохнул и сказал: «Ну что ж! Мы не имеем права плакать».

Времени на личные переживания не оставалось, дни бежали, а работы по подготовке операции оставалось много. В тот момент одним из важнейших вопросов, стоявших на повестке дня, было приобретение корабля, на котором можно было бы перебросить отряд революционеров на Кубу. В этом отношении уже предпринимались некоторые попытки. Долгие поиски корабля увенчались наконец успехом. В сентябре во время одной из поездок по району мексиканского города Тукспан, которую совершал Фидель для подбора мест для испытания оружия, его внимание привлекла стоявшая на якоре в устье реки прогулочная яхта. Он поинтересовался, что это за корабль, и узнал, что яхта принадлежала некоему Роберту Эриксону, американскому гражданину, проживавшему в Мехико. Стало известно, что американец был готов продать яхту при условии, что покупатель одновременно приобретет и дом, расположенный на берегу реки Тукспан в местечке Сантьяго-де-лас-Пеньяс.

Дель Конде, которому было поручено вести это дело, не мешкая подписал контракт. Он заплатил 15 тыс. долларов за яхту и 2 тыс. долларов в качестве задатка за дом. Ставшая теперь исторической яхта «Гранма» (по-английски «Бабуся») тогда находилась в плачевном состоянии. Она была спущена на воду в 1943 г., 10 лет спустя она затонула и некоторое время находилась под водой. При длине 13,25, ширине 4,79 и высоте 2,40 метра она имела возможность принять на борт не более 25 пассажиров. «Гранма» имела два шестицилиндровых мотора и четыре бака с горючим емкостью в 8 тыс. литров. Ежечасный расход составлял 20 литров.

Хесус Монтане Оропеса, участник экспедиции «Гранма», вспоминает, что, когда Фидель впервые показал ему фотографию яхты, заметив при этом шутя, что это самый быстрый корабль во всем Карибском море, мы полагали, что речь шла о вспомогательном катере, который будет использован для

переброски нас на большой корабль. Но оказалось, добавлял Монтане, что надо было пересекать все море на этой яхте.

Изгнание подходило к концу, наступал новый этап — этап вооруженной борьбы на родной земле.

Подготовка экспедиции, обучение людей военному делу, повышение их политической сознательности свидетельствуют об упорстве, революционной непримиримости, мужестве и безграничной вере в победу, которые были характерны для Фиделя и группы революционеров, следовавших за ним без колебаний. Люди, входившие в состав экспедиции, несмотря на все трудности, выпавшие на их долю в Мексике, получили хорошую подготовку, достаточную, чтобы успешно бороться против армии диктатора. Во время встречи с офицерами, передовиками политической и боевой подготовки, состоявшейся в 1973 г., Фидель говорил: «...Из 82 человек, которые у нас были, по крайней мере 40 соответствовали требованиям, предъявляемым к командному составу».

По приказу Фиделя бойцы двинулись из города Мехико, Виктория, Веракрус и Халапа в неблизкий путь.

В ночь на 24 ноября 1956 года в Тукспане собралось 82 человека, из которых 21 был участником штурма Монкады. Средний возраст участников экспедиции составлял 27 лет. Из их числа было 53 служащих, 16 рабочих, 4 студента и 9 лиц свободной профессии и инженерно-технического состава. Четыре экспедиционера были иностранцами: 1 — аргентинец, 1 — доминиканец, 1 — мексиканец, 1 — итальянец. Общим для всех было желание и твердая решимость начать и довести до конца революционную войну на Кубе. Неутомимый Фидель успевал принимать решения по всем деталям. Вот уже на борт яхты было погружено оружие, горючее, скудные запасы продовольствия и поднялись все бойцы. В эту историческую ночь с 24 на 25 ноября состоялось очень трогательное прощание. Мельба Эрнандес, а также мексиканцы Антонио дель Конде и Пьедад Солис были свидетелями этого необычайного события — отплытия Фиделя и экспедиции «Гранмы», которые отправлялись выполнить свое обещание родине.

Все силы Движения были приведены в боевую готовность в ожидании получения условленного сигнала с указанием даты высадки. Самим сигналом должна была стать телеграмма из Мексики со словами: «Тираж книги, которую вы просили, весь распродан».

«Гранма» подняла якоря около 1 часа 30 минут ночи в воскресенье, 25 ноября 1956 г. В ту ночь бушевала буря и лил проливной дождь. Экспедиционеры сбились в тесных

помещениях, огни были потушены; яхта, соблюдая полнейшую тишину, чтобы не привлечь внимания портовых властей, которые из-за плохой погоды запретили выход в море маломерным судам, взяла курс к Будущему. Как только «Гранма» вышла в открытое море, встретившее их сильным волнением, все экспедиционеры с энтузиазмом спели национальный гимн Кубы и «Марш 26 июля» и завершили их криками: «Да здравствует Революция!»

Натиск бурного моря скоро сказался на людях, большинство которых тяжело страдало от морской болезни. За исключением нескольких бывших моряков и полдюжины бойцов, все остальные стали жертвами жестокой качки. Те, кому довелось пережить подобное, знают, как угнетает морально и изматывает физически эта внезапно приходящая и бесследно исчезающая болезнь. «Гранма» превратилась в сплошной лазарет. Люди вповалку лежали где попало, о чистоте и порядке думать уже не приходилось. На второй день плавания кто-то обнаружил, что в каюты поступает вода, уже затопившая весь пол. Поскольку спасательными средствами на такое большое количество людей яхта не была обеспечена, то людьми овладела тревога. Была дана команда вычерпывать воду подручными средствами, а также выбросить за борт все лишнее, чтобы облегчить судно. Когда все было сделано, то (и смех и грех) выяснилось, что всего-навсего забыли закрыть краны цистерн с питьевой водой и она заливала каюты.

Все экспедиционеры теперь неизменно с юмором вспоминают события, связанные с переходом на «Гранме», а Че Гевара в своих «Эпизодах революционной войны» назвал тогдашнюю обстановку на яхте «трагикомическим зрелищем». Однако мало-помалу участники похода свыклись с морской болезнью, и положение стало выправляться. Экспедиционеров теперь уже мучил голод, потому что постоянно вывернутые наизнанку желудки давно уже не обеспечивали энергией организмы. Фидель был сосредоточенно напряжен из-за того, что «Гранма» шла с меньшей скоростью, чем та, на которую делался расчет. Крупная встречная волна еще больше сбивала ход. Становилось ясно, что в запланированные пять дней не удастся добраться до берегов Кубы. А ведь условная телеграмма Франку Пайсу уже ушла, и товарищи в Сантьяго готовились к восстанию. Предупредить их о том, что экспедиция задерживается, не было никакой возможности, так что синхронность операции уже была нарушена.

30 ноября, точно в установленный срок, Фидель по радио услышал сообщение о выступлении боевых групп «Движения 26 июля» в Сантьяго. Более 400 молодых людей на рассвете начали штурм штаб-квартиры полиции, здания морской полиции и

других военных объектов в городе. На несколько часов восставшие практически установили контроль над вторым по величине городом Кубы, но удержать захваченные позиции не могли. Общими усилиями гарнизона крепости Монкады, полиции и флота правительственным силам удалось оттеснить повстанцев из центра города. Одновременно сильные военные заслоны на дорогах отрезали патриотам пути для ухода в горы. Начались массовые аресты молодежи. Фидель слушал эти сообщения с болью в сердце. «Как бы я хотел быть сейчас там, вместе с ними!» — говорил он и поминутно требовал увеличить обороты мотора, который уже и так задыхался, как хронический астматик.

Правительство, напуганное всем развитием событий, принимало новые и новые меры для усиления контроля за территориальными водами Кубы и наиболее вероятными подходами. Уже недалеко от кубинских берегов яхта «Гранма» встретилась с военным кораблем береговой охраны. Казалось, что все кончено. Экспедиционеры мгновенно слетели с верхней палубы и набились, как сардины, во внутренние помещения. Яхта снаружи выглядела обычной прогулочной посудиной какого-нибудь состоятельного бизнесмена, только в бойницах выглядывали стволы противотанковых ружей, готовые открыть огонь в случае задержания и попытки абордажа. Но, к счастью, все обошлось благополучно. Невинный вид «Гранмы» оказался в этот раз как нельзя кстати.

В ночь с 1 на 2 декабря, по всем расчетам, яхта уже должна была подойти к кубинским берегам. Команда всматривалась в темноту, надеясь увидеть вспышки маяка в Кабо Крус, чтобы ориентироваться по нему, но горизонт был пуст. Тогда бывший лейтенант флота Роберто Роке, который выполнял обязанности штурмана и совершил подвиг, приведя неоснащенную яхту к берегам Кубы, решил забраться на крышу рулевой рубки, чтобы с самой высокой точки еще раз попробовать увидеть вспышки маяка. Но не успел он подняться во весь рост, как сильный удар волны резко накренил «Гранму», и штурман слетел в море. До берега, все понимали, оставалось совсем немного. Останавливаться на месте было чрезвычайно опасно, но Фидель, не колеблясь, дал команду стопорить машину и начать поиски Роберто Роке. В кромешной тьме среди бушующих волн найти человека казалось совершенно невозможным, тем более что по инерции яхта ушла на несколько сот метров от места происшествия. Кое-кто ворчал о бессмысленной потере времени, но Фидель настоял на продолжении поисков, причем распорядился включить прожекторный фонарь, хотя это грозило полностью демаскировать местонахождение яхты и навести на

нее патрульные корабли батистовского флота. Было потеряно несколько ценных часов, но наградой было спасение Роке и того духа беззаветной готовности к взаимовыручке, которая характерна для экспедиции. Роберто Роке жив-здоров по сей день, но каждый раз досадует на свою неловкость и благодарит в душе своих товарищей, когда вспоминает ту злополучную ночь на 2 декабря 1956 года.

Восток уже начал бледнеть. В тропиках переход от ночи к дню и наоборот совершается быстро, без затяжных рассветов и закатов, к которым привыкли мы, жители высоких широт. Надо было действовать чрезвычайно быстро. И Фидель отдал команду взять курс прямо на кромку берега. Времени на поиск удобных мест для высадки уже не оставалось. Предательское солнце было готово вот-вот выпрыгнуть из-за горизонта. «Гранма» шла на низкий берег, покрытый сплошной невысокой растительностью, и вскоре днище яхты зашуршало по мелководью, хотя до берега оставалась добрая сотня метров. Мотор зачихал и заглох. Началась операция по выгрузке, которую Че Гевара образно сравнил с «кораблекрушением». Маленькая шлюпка, которую нагрузили оружием и спустили на воду, тут же перевернулась и затонула.

Бойцы стали прыгать в воду, которая доходила им почти до шеи, и, держа винтовки над головой, брели по илистому дну к береговым зарослям. Во время разбора оружия произошли два случайных выстрела, которые еще больше обострили нервное напряжение бойцов. Ведь каждую минуту можно было ожидать появления авиации или кораблей правительства. Рассветало, как назло, очень быстро. Заниматься переправкой в заросли тяжелых ящиков с запасным оружием и боеприпасами было некогда, в первую очередь надо было спасать отряд, и, по команде Фиделя, бойцы, захватив только личное оружие и минимум боеприпасов, двинулись в заросли.

Иногда кажется, что сама судьба уготовила экспедиционерам самые трудные испытания, чтобы проверить пределы человеческой воли и физической выдержки. Когда вся группа углубилась в заросли, им стало ясно, что высадка произошла в заболоченном мангровом лесу, которому не было видно ни конца, ни края. Сейчас, когда на месте высадки построен мемориал, а от кромки твердой сухой земли уходит к морю построенная для посетителей дорожка длиной в 1355 метров, всякий может только поражаться мужеству и стойкости людей, преодолевших это адское болото.

Брести приходилось по пояс в густой липкой грязи, сами мангровые заросли создают над болотом такое плотное

переплетение стволов и корней, что продираться сквозь них равносильно борьбе с паутиной, каждая ниточка которой — это 5-7-сантиметровой толщины ветви крепчайшей древесины. Удушливый запах веками гниющего тропического болота вызывал тошноту. Хотя мангровые заросли невысоки, они тем не менее очень плотно закрывают своей густой кроной землю. Этот зеленый полог удерживает духоту и зловоние, но, кроме того, он лишает бойцов возможности ориентироваться. К тому же утро 2 декабря было ненастным, туманным, и можно было заблудиться в, казалось, бескрайних топях.

Рауль Кастро рассказывал потом, что самой страшной мыслью, которая сверлила мозг, было опасение, что высадка произошла не на основной территории Кубы, а на одном из прибрежных островов, каких вокруг Кубы тысячи. Тогда, конечно, спасения не было. Но и эту мысль бойцы гнали прочь и упорно шли вперед.

Более пяти часов нечеловеческих усилий понадобилось отряду, чтобы преодолеть эти неполные полтора километра. И все-таки люди вышли, наконец, на твердую землю, измученные, покрытые с ног до головы грязью, со сбитыми в кровь ногами, потому что намокшие ботинки были полны песка и грязи. Сил буквально не было, чтобы стоять на ногах. Сказались и долгие дни морской болезни. Но они были счастливы, потому что стояли на земле Кубы и что выполнили обещание, данное ее народу, — начать войну с диктатурой до конца 1956 г. А ведь всего за несколько дней до высадки Фиделя командующий батистовской армией генерал Табернилья хвастливо заявил: «Всякая возможность десанта, о котором говорит Фидель Кастро, исключается. С технической точки зрения, планы группы крикунов, не имеющих ни дисциплины, ни военных знаний, ни соответствующего вооружения, обречены на провал... Мы готовы к отражению любого нападения...» Какие опрометчивые слова!

Одним из первых крестьян, которые встретились им на земле Кубы, был Педро Луис Санчес, который занимался выжигом и продажей древесного угля. Он провел бойцов к колодцу, достал им воды, напоил, ответил на первые вопросы относительно действий армии в окрестностях и показал по их просьбе путь по направлению к Сьерра-Маэстре.

Отряд ушел в указанном направлении. А уже с раннего утра над районом высадки начали кружиться самолеты правительственной авиации, а у берега непрерывно крейсировал военный корабль. Но только к ночи стали прибывать крупные пехотные части батистовской армии, блокировавшие полностью побережье и отрезавшие путь назад к морю. Начиналась новая

страница в кубинской революции — война в Сьерра-Маэстре.

Первые сообщения о высадке отряда Фиделя на Кубе были очень туманными и противоречивыми. Только информационные агентства США сразу же определили свою позицию. Корреспондент Юнайтед Пресс Интернэшнл в Гаване Фрэнсис Маккарти сочинил и пустил по белу свету широко подхваченную в те дни утку о том, что воздушные и военно-морские силы кубинского правительства перехватили экспедиционеров «Гранмы» и что Фидель и Рауль Кастро вместе с тридцатью восемью другими бойцами убиты. Не надо искать источник, откуда американский журналист взял эти сведения. Дезинформировать кубинское и мировое общественное мнение в самый острый момент внутриполитической ситуации — это не прихоть безответственного журналиста, а строгое политическое задание самых высших сфер в Вашингтоне. В данном случае было очень важно хотя бы на короткое время посеять растерянность в рядах сторонников «Движения 26 июля», дать правительству Батисты дополнительную психологическую поддержку, сбить с толку тех людей, к которым мог бы обратиться Фидель и его товарищи за помощью.

А отряд экспедиционеров медленно уходил от берега по направлению к синевшим вдалеке горам.

Глава V
СЬЕРРА-МАЭСТРА

Первые дни экспедиционеров на кубинской земле были чрезвычайно трудными. Много лет спустя, 13 января 1974 года, Фидель Кастро встретился с группой офицеров Революционных вооруженных сил. Деловая беседа как-то незаметно, чисто по-фиделевски, перешла в неофициальный дружеский вечер воспоминаний о войне в Сьерра-Маэстре, и Фидель стал рассказывать, что тогда и он сам, и другие товарищи плохо знали горы Сьерра-Маэстры. «Чтобы не раскрывать предварительно наши намерения, — говорил Фидель, — мы никого не посылали на разведку в те места, где собирались воевать. Исходили из того, что все будет яснее прямо на месте.

Очень мало сведений было у нас и о берегах Кубы, хотя нам и помогал один товарищ, который в прошлом служил в военно-морском флоте. Изучая по карте побережье провинции Ориенте, мы пришли к решению высадиться в Колорадас, затем захватить городок Никеро, блокировать другой город Пилон, а потом уже податься в горы».

Конечно, в таком положении, в каком оказались экспедиционеры после похода через мангровое болото, ни о каких наступательных действиях против гарнизона городка Никеро не могло быть и речи. Поэтому, едва бойцы утолили жажду, Фидель дал команду выступать в сторону горного массива.

Почти все запасы продовольствия были брошены в болоте, и вскоре бойцов начал мучить голод. В своих воспоминаниях о первых днях на суше Че Гевара впоследствии написал так: «И вот мы уже на твердой земле, заблудившиеся, спотыкающиеся от усталости и представляющие собой армию призраков, движущихся по воле какого-то механизма».

Из дневниковых записей Рауля Кастро видно, что колонна шла три дня, 2, 3 и 4 декабря, без воды и почти без пищи в направлении Сьерра-Маэстры. Изнемогавшие от голода и жажды, бойцы рубили стебли сахарного тростника и жевали на ходу жесткие волокна, высасывая из них сладковатый сок, но при этом остатки этой жалкой трапезы бросали на дороге, что стало дополнительным демаскирующим фактором. В небе, не умолкая, ревели моторы разведывательных самолетов. По 30-40 раз в день приходилось прерывать движение и прятаться от воздушных наблюдателей под деревьями или в густой траве.

Измученные, голодные, с разбитыми в кровь ногами,

экспедиционеры не могли двигаться дальше, когда 5 декабря Фидель уступил многочисленным просьбам сделать длительный привал в местности, известной под названием Алегрия де Пио. Он сам потом говорил, что при выборе места было допущено много ошибок. Часовых расставили слишком близко к самому бивуаку. Они выдвинулись всего на десятки метров, а надо было послать за 300-400 метров. С места расположения отряда плохо просматривалась окружающая местность. Хотя и невысокий, но длинный бугор почти полностью закрывал от экспедиционеров видимость с одной стороны. И именно с этой стороны на лагерь экспедиционеров вышла рота батистовских солдат, численностью около 100 человек, которая вела прочесывание местности. Условия были совершенно неравные. Противник был уже развернут в боевой порядок, большая часть солдат имела автоматическое оружие, в составе роты был расчет станкового пулемета.

Внезапный плотный огонь противника захватил бойцов врасплох. Простреливаемый со всех сторон лесочек превратился в западню. Грохот выстрелов, крики раненых не давали возможности расслышать команды. Фидель, Рауль, Альмейда пытались наладить оборону, но это не удавалось потому, что часть бойцов уже начала беспорядочное отступление в сторону тростниковой плантации. Все-таки около четверти часа отряд удерживал свои позиции. Однако становилось ясно, что противник частью сил пытается завершить охват отряда, и тогда Фидель и остальные экспедиционеры стали уходить в зеленое море тростника.

Отходили кто как мог: и группами, и в одиночку. Фидель, не выпускавший из рук винтовку и сохранивший 100 патронов, оказался в компании с двумя товарищами, Фаустино Пересом и Универсо Санчесом. Они также стали отходить подальше от злополучного места.

Солдаты между тем подожгли плантацию тростника, чтобы вынудить экспедиционеров выйти на открытое пространство, авиация непрерывно висела над полем боя и вела пулеметный обстрел каждого подозрительного места, где могли укрываться в зарослях тростника повстанцы. С захваченных позиций противник вел пулеметный обстрел плантации, но не решился однако пуститься в погоню, хотя и видел, куда отступили бойцы отряда.

Экспедиционеры были рассеяны, и собрать их в густых, труднопроходимых зарослях тростника не представлялось возможным, тем более что на всякий звук почти наверняка мог выйти противник.

Стихийно образовались три главные группы: Фидель со

своими двумя спутниками, Рауль Кастро с пятью товарищами и Хуан Альмейда с четырьмя экспедиционерами. В последней группе оказался Че Гевара, раненный в шею. Каждая из этих групп пережила свою собственную одиссею, пока не добралась до отрогов Сьерра-Маэстры.

Несколько дней Фидель со своей группой, избегая засад противника, обходя заслоны, упорно двигался к намеченной цели. Глубокой ночью 11 декабря они наткнулись на первую крестьянскую хижину в предгорьях Сьерра-Маэстры. Какая же радость наполнила их сердца, когда хозяин дома, узнав, кто они такие, сразу же приготовил самый лучший обед, рассказал им, куда они попали и какими путями целесообразно двигаться далее, чтобы не наткнуться на засады. Но в то же время они здесь впервые узнали о разгроме основной части экспедиции, о зверствах по отношению к пленным, о том, что 2 тыс. солдат ведут преследование и вылавливание отдельных бойцов «Гранмы».

Годы спустя Батиста в своей книге «Ответ», написанной после свержения режима, признал, что в глубине души он сомневался в распространенных американскими агентствами слухах о смерти Фиделя и имел предчувствие, что Фидель ушел в горы. Именно эта внутренняя неуверенность заставила власти отпечатать и распространить в горах листовки, которые предлагали всякому, кого это может заинтересовать, следующее: «Настоящим доводится до сведения, что каждый, кто предоставит информацию, способствующую успеху операции против какой бы то ни было повстанческой группы, возглавляемой Фиделем Кастро, Раулем Кастро, Кресенсио Пересом, Гильермо Гонсалесом (Гарсиа) либо другим главарем, будет вознагражден в зависимости от важности сообщения суммой не менее чем в 5000 долларов. Вознаграждение может быть повышено до 100000 долларов. Последняя сумма предлагается за голову Фиделя Кастро. Имя информатора будет сохраняться в тайне».

В ту же ночь, получив проводника, Фидель с товарищами отправился в дальнейший путь.

Через пару дней затяжных и утомительных марш-бросков по горам Фидель со своей группой добрался до горного кряжа Сьерра-Маэстры, где мог чувствовать себя в относительной безопасности. Отряд остановился в гостеприимном доме местного крестьянина Рамона Переса. По указанию Фиделя сопровождавший его проводник вернулся назад с целью поискать и привести оставшихся в живых заблудившихся экспедиционеров, а также собирать брошенное оружие и боеприпасы.

18 декабря проводники привели к Фиделю группу Рауля

Кастро, которая в полном составе с оружием пробилась в горы. Радостные объятия, восклицания, торопливые вопросы-все перебил голос Фиделя: «Сколько у тебя винтовок?» «Пять!» — ответил Рауль. «Плюс две, которые есть у нас, — продолжал Фидель, — итого семь. Теперь, считайте, что мы победили!»

В общей сложности к 21 декабря на ранчо Рамона Переса собралось 15 человек из состава экспедиции. Больше ждать было некого. От крестьян и из сообщений радио они уже знали, что более 20 человек из числа экспедиционеров было захвачено и убито, часть находилась в тюрьмах, некоторым удалось вырваться из окружения и уйти в центральную часть страны. Началась подготовка к походу в горы.

25 декабря, в самое Рождество, маленький отряд Фиделя был полностью готов к уходу в горы. Перед выступлением он предложил бойцам прочитать подготовленный им документ и подписать его, если у них не будет возражений. На листке бумаги было написано: «Перед тем, как уйти в поход в Сьерра-Маэстру, где мы продолжим борьбу до победы, если не погибнем, мы хотим выразить нашу глубокую благодарность товарищу Рамону Пересу Монтанья и его семье, которые помогли реорганизовать первую часть нашего отряда, обеспечивая его всем необходимым в течение 8 дней, и помогли ему вступить в контакт с Движением в остальной части страны.

Помощь, которую мы получили от него и от многих таких же, как он, в эти самые критические дни Революции, придала нам новые силы, чтобы продолжать борьбу с твердой верой в то, что наш народ заслуживает, чтобы ради него пойти на самопожертвование. Мы не знаем, кто из нас отдаст свои жизни в борьбе, но пусть останутся подписи всех наших товарищей как выражение нашей бесконечной благодарности».

25 декабря 1956 года все расписались: Фидель первым, Рауль — последним. Была дана команда трогаться, и отряд около полуночи выступил в путь.

А дальше пошли трудные боевые будни. Дни сменялись ночами, менялся пейзаж вокруг отряда, но постоянными оставались ежедневные тяжелые марши, сосущий голод и вечная усталость. Время от времени к отряду присоединялись другие отыскавшиеся экспедиционеры, которых приводили проводники. Это был этап в жизни Повстанческой армии, который Че Гевара назвал «кочевым», когда у отряда не было постоянного района дислокации и он кружил по горам без видимого ясного плана, однако постепенно забираясь все глубже и глубже в сердце Сьерра-Маэстры.

Фидель, разумеется, меньше всего думал о том, чтобы тихо

отсиживаться на горных вершинах. Все его мысли были сосредоточены на решении главной в тот момент политической задачи: как сделать, чтобы вся Куба узнала правду о последних событиях. Ведь и правительство Батисты, и американские информационные агентства официально упорно твердили, что Фидель погиб, а от экспедиции, прибывшей на «Гранме», не осталось никакого боеспособного ядра. Надо было во что бы то ни стало быстрее убедить Кубу и весь мир в обратном, выставить Батисту и его покровителей в жалкой роли лжецов, вдохнуть новые силы и надежды в многочисленных противников диктаторского режима, поднять моральный дух своего крошечного войска и начать его боевую закалку в реальных боевых операциях.

Чтобы доказать существование в горах боеспособной партизанской армии, Фидель принял решение совершить первую наступательную операцию. В качестве объекта его внимание привлек небольшой армейский гарнизон из 12 солдат, расположенный в районе устья реки Ла-Плата, почти на берегу Карибского моря. В отряде Фиделя к этому времени насчитывалось 29 бойцов, все повстанцы были вооружены. Труднее было с боеприпасами, но даже новичкам было выдано по 10 патронов на каждую винтовку. После длительного перехода, к вечеру 15 января, отряд вышел к своей цели и в течение почти 30 часов вел разведку местности.

Хорошо замаскировавшись, бойцы наблюдали приход и уход вражеского катера, доставившего новых солдат на замену части старого гарнизона. Посланные Фиделем разведчики доложили, что в округе нет дополнительных опорных пунктов противника. Судьба батистовцев была предрешена.

Бой у Ла-Платы длился немногим более получаса. Повстанцы, ведя постоянный прицельный обстрел казармы, смогли поджечь все строения гарнизона, и это окончательно решило исход боя. У бойцов Фиделя не было ни одной царапины, в то время как противник потерял двух солдат убитыми, пятеро были ранены, остальные попали в плен. Бежать удалось только сержанту — командиру гарнизона. В руки партизан попали первые боевые трофеи: 9 винтовок, пулемет «Томпсон», около тысячи патронов, подсумки, горючее, ножи, обмундирование и немного продовольствия. Главным богатством были боеприпасы, потому что во время нападения повстанцы сами израсходовали 500 патронов, и если бы атака окончилась безрезультатно, то отряд практически оказался бы небоеспособным из-за отсутствия патронов. Стоит сказать, что снабжение боеприпасами в течение всех долгих месяцев борьбы составляло предмет первоочередных

забот руководства Повстанческой армии. У Фиделя Кастро в его маленьком штабном домике всегда стоял специальный длинный ящик, разделенный на несколько отсеков. В каждом лежали тщательно пересчитанные патроны для различных типов оружия. Он лично контролировал запасы патронов, сам выдавал их руководителям групп и требовал самого бережного и экономного их расходования. Заряженный магазин или просто горсть патронов всегда были дорогим подарком или наградой за смелость в бою.

Нагруженный военными трофеями отряд Фиделя стал быстро уходить в горы. Настроение у бойцов было превосходное, радость победы, казалось, подталкивала людей вверх по крутым тропам. Каждый повстанец чувствовал, что, сколько бы трудностей ни ждало их впереди, окончательная победа придет обязательно.

Скромные военные размеры боя у Ла-Платы несопоставимы с его морально-политическим значением. Бой сплотил и закалил само ядро Повстанческой армии. Успешный разгром опорного армейского пункта укрепил авторитет партизан среди местного населения.

Как ни старалось правительство скрыть правду о бое у Ла-Платы, но слухи о нем распространились по стране. Жестокая цензура не позволяла писать о бое открыто, но приостановить устные комментарии правительство было не в силах. Оставшиеся в живых солдаты рассказывали своим сослуживцам о гуманном отношении партизан к пленным и к раненым.

Появлялись первые трещины в сознании людей, отравленном официальной пропагандой.

Отходя в горы, Фидель, учитывая психологию противника, точно предположил, что солдаты наверняка бросятся за ним в погоню, поэтому он приказал организовать на дороге засаду. 22 января головная часть вражеской колонны наткнулась на заранее подготовленную партизанскую ловушку и, потеряв в бою пять человек убитыми, остановилась.

Это была еще одна победа, и опять ее значение было гораздо важнее в моральном и политическом отношении, нежели в чисто военном. В принципе такие оценки можно будет отнести к большинству сражений в Сьерра-Маэстре. Каждое поражение правительственных войск было падением камешка в горах, который вызывал настоящую лавину политических и моральных последствий. Первым, кто ощутил на себе разрушительное действие этих партизанских побед, было военное командование, которое с озабоченностью наблюдало, как быстро ухудшается моральное состояние войск. Под любыми предлогами офицеры и солдаты старались увильнуть от выполнения военных задач в

горах.

Военные и гражданские власти, запугивая население горных хуторов предстоящей бомбардировкой с воздуха, стали сгонять население к берегу моря. Людям приходилось оставлять насиженные места, скот. Сначала крестьяне действовали только под влиянием страха, а затем, когда стали известны планы захвата их временно брошенных земель местными латифундистами, начала зарождаться острая ненависть к правительству, которая стала предпосылкой массового присоединения их к партизанам.

28 января 1957 г, Фидель отправил одного из надежных бойцов с конфиденциальным поручением в Гавану — найти и привезти в Сьерра-Маэстру иностранного журналиста, предпочтительнее всего американца, который мог бы получить интервью у Фиделя Кастро и рассказать на страницах своей газеты о партизанах Сьерра-Маэстры.

Гонец благополучно достиг столицы и там с помощью подполья установил контакт с корреспонденткой «Нью-Йорк таймс» Руби Харт Филипс. Руководство газеты увидело в этом соблазнительном предложении счастливый случай выделиться среди своих коллег, нажить себе немалый рекламный капитал. В Гавану специально для этой операции вылетел 57-летний Герберт Мэтьюз, который имел опыт военного корреспондента. «Я, — вспоминал он, — как охотник за исключительной информацией, готов на голове подняться на Гималайский хребет, чтобы сделать подобный репортаж».

А дальше, как в приключенческом фильме, подпольщики «Движения 26 июля» повезли Мэтьюза с его женой через всю страну в г. Мансанильо, откуда его, уже одного, под видом богатого американца, присматривающего себе рисовые плантации для покупки, повезли в конспиративный дом одного из преданных крестьян.

С 12 ночи до 5 утра 17 февраля Мэтьюз отчаянно месил ботинками грязь на горных тропках, пробираясь вслед за проводниками к дому, где была намечена встреча. Рауль Кастро, вспоминая ту ночь, рассказывал, что для создания впечатления о крупных партизанских силах они вели Мэтьюза такой зигзагообразной дорогой, чтобы один и тот же пост партизан с пулеметом мог, меняя позиции, не раз спросить пароль. При входе в дом Фиделя все бойцы встали по стойке смирно и отдали воинскую честь. Вместе с Фиделем были Рауль, Вильма Эспин и Хавиер Пасос. Двое последних служили переводчиками.

Фидель подробно рассказал о всех событиях, которые произошли после высадки экспедиции на Плайя Колорадас.

Говорил он очень спокойно, с глубокой убежденностью в правоте своих оценок и планов. Мэтьюз был поражен молодостью Фиделя и записал в своих заметках: «Складывалось впечатление, что он непобедим». Фидель рассказал, что война идет уже 76 дней, что в ходе боев было взято много пленных, которых партизаны, как правило, отпускают, не причиняя им никакого вреда, что моральное состояние противника очень низкое. Солдаты воюют только потому, что им приходится отрабатывать нищенское жалованье.

Беседа продолжалась более трех часов. Рене Родригес за это время сделал простеньким фотоаппаратом несколько снимков, которые затем облетели весь мир.

Затем тем же путем Мэтьюз возвратился в Гавану, откуда они с женой самолетом направились в Нью-Йорк. Под корсетом у Нэнси Мэтьюз лежали заветные записи беседы с Фиделем.

24 февраля в «Нью-Йорк таймс» появилась первая статья под заголовком «В гостях у кубинского повстанца». Она произвела потрясающее впечатление. Из всех экземпляров газеты, поступивших на Кубу, эта статья была вырезана, но остановить утечку информации было невозможно. 25 и 26 февраля последовали новые статьи. Сенсация приобрела международный характер. Батиста счел более разумным отменить цензуру печати, и все основные газеты и журналы Кубы воспроизвели статью Герберта Мэтьюза. Цель Фиделя Кастро была достигнута целиком и полностью.

Какой огромной вдохновляющей силой стали эти репортажи для всех патриотов Кубы! Теперь все встало на свои места: Фидель жив, партизанская армия борется, в стране идет гражданская война, у которой не может быть иного исхода, кроме свержения диктатуры.

Проведение интервью с Мэтьюзом было использовано для того, чтобы сразу после него провести и заседание Национального руководства «Движения 26 июля», поскольку наиболее видные деятели его были в той или иной форме задействованы в этой журналистской акции и собрались на ферме в отрогах Сьерра-Маэстры.

На заседании присутствовали, кроме Фиделя и Рауля, руководитель подполья в Сантьяго Франк Пайс, Армандо Харт, Селия Санчес, Аиде Сантамария, Фаустино Перес и Вильма Эснин. Была достигнута окончательная договоренность о необходимости направления в горы Сьерра-Маэстра подкреплений из Сантьяго. Фидель получил подробные отчеты о деятельности подпольных организаций в равнинной части страны, были обсуждены формы и пути оказания

систематической помощи Повстанческой армии. Фидель составил «Обращение к народу», которое было решено издать и широко распространить через сеть подпольных организаций.

Визит американского корреспондента совпал по времени с возникновением второй «наиболее опасной ситуации» (по словам Ф. Кастро) на протяжении войны в Повстанческой армии. На этот раз смертельная угроза нависла из-за того, что батистовцам удалось схватить в горах одного из проводников отряда, Эутимио Герру. Под угрозой пыток предатель согласился выполнять все поручения батистовского военного командования. Ему было предложено давать сведения о передвижении отряда, о местах стоянок, а самому приказано убить Фиделя Кастро. Для этой цели он получил пистолет и две ручные гранаты, которые должен был использовать в случае необходимости при отрыве от преследователей. За выполнение задания Эутимио Герра получил бы 10 тыс. долларов и пост в армии.

Первые подозрения у Фиделя относительно благонадежности проводника возникли, когда 30 января, после того как Эутимио Герра отпросился под предлогом посещения больной матери, над местом расположения отряда внезапно появились вражеские самолеты «Б-26», которые с первого захода начали прицельное бомбометание и пулеметный обстрел партизанского лагеря. Противник, видимо, настолько точно знал местонахождение партизан, что одна из бомб легла в слегка дымившуюся кухню, другая угодила в укрытие, где обычно располагался дозор. Потом выяснилось, что Эутимио Герра лично находился в головном самолете и направлял действия летчиков. Повстанцам удалось избежать потерь только благодаря тому, что при приближении самолетов они отбежали метров на 200-300 от лагеря.

9 февраля при, казалось, совершенно спокойных обстоятельствах отряд батистовских солдат под командованием майора Касильяса скрытно вышел в район дислокации отряда и с близкого расстояния открыл огонь по бойцам. Лишь предельная бдительность, быстрые натренированные ноги и хорошее знание местности помогли партизанам избежать окружения. Но все-таки в ходе отступления они рассыпались на несколько групп и заново соединились только три дня спустя.

Сопоставление всех этих данных привело Фиделя к выводу, что Эутимио Герра является предателем. При первом появлении он был арестован. Предатель даже не запирался, когда его обыскали и изъяли имевшееся при нем оружие. Че Гевара так описывает «самую страшную ночь», о которой рассказал сам Эутимио: «В одну из последних ночей, перед тем как мы узнали о его предательстве, Эутимио заявил, что у него нет одеяла, и

попросил Фиделя одолжить ему свое. В горах было холодно. Фидель сказал, что под одним одеялом все равно будет прохладно, и предложил спать вместе. В ту ночь Эутимио имел при себе пистолет, который дал ему Касильяс, и пару гранат, чтобы защитить себя во время бегства. Прежде чем лечь спать, предатель спросил меня и Универсо Санчеса, все время находившихся около Фиделя, как организована охрана, и посоветовал „быть начеку“. Мы ответили ему, что неподалеку стоят трое часовых и, кроме того, я и Санчес, ветераны „Гранмы“ и верные друзья Фиделя, будем охранять его, сменяя друг друга. Всю ночь Эутимио был рядом с вождем революции, выжидая удобного момента для убийства, но так и не решился на это. На протяжении всей ночи судьба революции в значительной мере зависела от исхода борьбы в душе предателя, в которой желание иметь деньги и власть, вероятно, наталкивались на угрызения совести или на страх перед расплатой за совершенное преступление. К нашему большому счастью, Эутимио не смог перебороть страх, и следующий день начался, как обычно». Гевара пишет дальше: «После ареста и обыска у Герры, конечно, не было сомнений относительно того, что его ожидает. Упав на колени перед Фиделем, он сам стал просить заслуженной смерти. Этот человек сразу как-то постарел, на висках стала заметна седина, которой раньше не было видно. Эта сцена была чрезвычайно напряженной. Фидель гневно осудил его предательство, Эутимио признавал свою вину и просил лишь скорейшей смерти. Всем нам, кто присутствовал при этом, запомнился момент, когда Сиро Фриас, бывший друг Эутимио, стал говорить с ним. Фриас напомнил ему обо всем, что сделал для него и его семьи. Но Эутимио отплатил неблагодарностью и выдал батистовцам его брата. Длинным и взволнованным был этот монолог, который Эутимио слушал с опущенной головой. Когда предателя спросили, есть ли у него какие-нибудь пожелания, он стал просить нас позаботиться о его детях» [Революция сдержала слово. Старший сын Эутимио в настоящее время является членом компартии Кубы и бойцом-интернационалистом. Другой — квалифицированный рабочий текстильной промышленности, а третий работает на никелевом комбинате в Моа, в провинции Ольгин. 4 дочери окончили среднюю школу. Вдова получила в 1977 г. юбилейную медаль по случаю XX годовщины Вооруженных революционных сил как признание ее услуг, которые она оказала Повстанческой армии во время войны, и ее деятельности в поддержку революции.].

Перед расстрелом предателя разразилась очень сильная гроза, пошел ливень и стало совсем темно. И в момент, когда

блеснула молния и прогремел раскат грома, закончилась бесславная жизнь Эутимио Герра. Даже близко стоявшие от места казни товарищи не слышали выстрела.

Март 1957 года оказался богатым на события. Партизанская война в Сьерра-Маэстра, несомненно, оказалась отличным катализатором для борьбы против диктатуры по всей Кубе. Митинги протеста, демонстрации, кампании неповиновения следовали одна за другой.

13 марта 1957 г. в Гаване под руководством «Революционного директората» была предпринята героическая попытка захватить президентский дворец и физически уничтожить Батисту. Около 50 членов директората, в основном студенты, ворвались во дворец и вступили в бой с многочисленной охраной и подоспевшими вскоре на помощь ей войсками. Участники нападения проявили редкое мужество, прорываясь к верхним этажам здания, они даже захватили личный кабинет Батисты, но после того, как половина участников погибла и выяснилось, что сам диктатор скрылся в наглухо отрезанном от нижних этажей помещении, куда попасть можно было только специальным лифтом, заблокированным охраной, остаткам атаковавших пришлось отступить. В последовавших облавах многие участники были схвачены и убиты.

В эти же часы другая группа «Революционного директората» под руководством его генерального секретаря Хосе Антонио Эчеверрии захватила радиостанцию и успела передать призыв к восстанию, однако и она почти вся погибла в бою с преследовавшей ее полицией. Пал смертью героя и Хосе Антонио Эчеверрия, который подписывал в Мексике с Фиделем пакт о единстве действий с «Движением 26 июля».

Через два дня после трагических событий в Гаване, 15 марта, как бы подчеркивая реальность и жизненность пути, избранного Фиделем и его соратниками, в Сьерра-Маэстру прибыло крупное пополнение. Из Сантьяго-де-Куба подошел отряд молодежи в составе 50 человек, подобранный, подготовленный и экипированный подпольщиками во главе с Франком Паисом.

Март и апрель стали периодом реорганизации и учебы для всей пока немногочисленной армии.

К весне 1957 года все бойцы и командиры Повстанческой армии отрастили бороды или длинные волосы. «Бородачи» (»барбудос») — стало нарицательным названием повстанцев. Искать в этом какой-то особый символ, наверное, пустое занятие. Из истории кубинского национально-освободительного движения известно, что в середине прошлого века один из лидеров кубинских патриотов Доминго де Гойкоурия отращивал себе

бороду, дав клятву не бриться до тех пор, пока не станет свободна его родина. Он погиб от рук испанских палачей на эшафоте.

Некоторые объясняют появление бород у повстанцев их желанием создать нечто вроде своего отличительного признака. Ведь батистовцы десятками расстреливали беззащитных крестьян, выдавая их за повстанцев, а наличие бороды сразу отделяло солдат свободы от обычных сельских жителей и в какой-то мере облегчало последним их участь в случае захвата противником. Но, скорее всего, трудные условия Сьерра-Маэстры, личный пример Фиделя Кастро привели к тому, что повстанцы стали бородачами. А с течением времени борода стала предметом гордости всех, кто прошел суровую школу Сьерра-Маэстры.

Монотонность партизанских будней нарушило неожиданное происшествие, прибавившее популярности повстанцам. Трое американских юношей, находившихся вместе со своими родителями на американской военной базе в Гуантанамо, начитавшись репортажей Герберта Мэтьюза о Фиделе и его бойцах, решили сбежать и присоединиться к бородачам. Двоим из них было по 17 лет (Виктор Буэльман и Чарльз Райян), а одному — 15 (Майкл Гарвей). Все они оставили прощальные письма своим отцам и отправились на поиски Фиделя Кастро. На перехват беглецов были брошены патрули США и силы кубинской армии, но юноши благополучно миновали все кордоны и пятнадцать дней бродили по горам, пока не наткнулись на партизанские заставы. Искатели приключений сильно исхудали. Их накормили, экипировали, но оставлять их в отряде было нельзя, потому что они руководствовались в своих действиях в основном внешней романтикой революции, не понимая сущности ее проблем. Вскоре они были возвращены родителям.

С этого времени можно уже говорить об организованной партизанской армии, которая до сих пор была одним отрядом. Теперь в ее рядах насчитывалось более 80 человек. Они были разделены на три боевые группы, во главе которых стояли Рауль Кастро, Хуан Альмейда и Хорхе Сотус, только что пришедший в качестве командира подкрепления.

Фидель внушил всем идею о том, что, прежде чем начинать боевые операции, надо приучить бойцов к трудностям партизанской жизни в горах, к постоянным переходам, к жизни, наполненной опасностями и лишениями.

Партизанская колонна начала тренировочный поход через Сьерра-Маэстру. Поход носил и заметно выраженный политический характер. Бойцы посетили те места, где за несколько недель до этого ядро Повстанческой армии едва не было уничтожено. Там новые бойцы могли из уст самих

участников событий узнать о тех трудных временах.

К концу апреля 1957 года относится еще одна пропагандистская удача Фиделя Кастро. 23 апреля в его лагерь прибыл, следуя по стопам Герберта Мэтьюза, корреспондент «Коламбии бродкастинг систем» Роберт Табер, которого сопровождал оператор Уэнделл Хоффман. Они выразили пожелание снять телевизионный фильм о партизанской армии Фиделя Кастро. Съемочная группа совершила вместе с партизанской колонной поход на высочайшую точку Сьерра-Маэстры — пик Туркино, — и кинолента, снятая ими и показанная в США в середине мая, произвела очень сильное впечатление.

Каждый такой профессиональный успех американских репортеров разжигал страсти среди менее предприимчивых коллег. Поездка в Сьерра-Маэстру стала считаться чем-то вроде патента на профессиональную пригодность. С середины 1957 года и до последних дней войны поток просьб американских журналистов все время возрастал. Правда, теперь многие из них ехали не просто в поисках сенсационной информации, а по заданию Центрального разведывательного управления для изучения политических взглядов руководителей движения, их личных качеств, планов и намерений. С такой миссией приезжал, например, Эндрю Сент Джордж, который был разоблачен уже тогда как агент ЦРУ. Очень долго крутился около «Движения 26 июля» сотрудник ЦРУ Жюль Дюбуа, выступавший в роли корреспондента газеты «Чикаго трибюн». Но повстанцы очень умело строили свои отношения с американскими журналистами, используя их возможности для популяризации своих идей, своей политической программы и в то же время не забывая о бдительности.

18 мая в лагерь Фиделя из Сантьяго было доставлено оружие, которое подпольщикам удалось добыть через свои связи среди революционно настроенной молодежи. Перед восхищенными глазами партизан предстали три станковых пулемета, три ручных пулемета, девять карабинов М-1 и 10 автоматических винтовок. Все это дополнялось 6 тыс. патронов. Это был самый радостный праздник для повстанцев. Теперь можно было планировать серьезные операции.

По решению Фиделя в качестве объекта атаки на этот раз была выбрана казарма в местечке Уверо, опять на побережье Карибского моря. Там располагался довольно крупный гарнизон противника, насчитывавший 52 человека во главе с лейтенантом. Колонна партизан, подошедшая к Уверо, имела в своем составе 80 бойцов, из которых многие впервые должны были понюхать

пороху. Тактика ведения боя во многом напоминала операцию у Ла-Платы: так же повстанцы полукольцом охватили на рассвете казарму, так же по сигналу Фиделя открыли огонь по вражеским позициям. Расчет был на то, что внезапность нападения и плотный кинжальный огонь заставят противника быстро капитулировать. Но на этот раз пришлось преодолеть более упорное сопротивление гарнизона, который имел к тому же выдвинутые посты боевого охранения, оборонявшиеся в подготовленных окопах. Тем не менее героизм и мужество партизан, не останавливавшихся перед огнем противника, сделали свое дело. После почти 3 часов борьбы остатки гарнизона капитулировали. Батистовцы потеряли 11 человек убитыми, 19 раненными и 14 человек пленными. Лишь нескольким вражеским солдатам удалось уйти по кромке прибоя. Но и потери партизан были ощутимыми: 7 человек из их состава были убиты и 8 ранены.

В руки партизан попало 24 винтовки типа «Гаранд», 20 винтовок НС, 1 ручной пулемет «Браунинг», 6 тыс. патронов и, кроме того, мундиры, обувь, вещмешки, холодное оружие и т. д.

Бой при Уверо стал во многих отношениях переломным. Противник стал вообще отводить все свои мелкие гарнизоны в районы расположения главных сил. Тем самым он оставлял под контролем партизан обширные территории и облегчал им свободу маневра. Дух Повстанческой армии окреп, еще сильнее стала вера в победу.

Рост авторитета и престижа Повстанческой армии, повышение политического веса Сьерра-Маэстры поставили перед традиционными оппозиционными партиями Кубы сложные задачи. Их руководители, которые раньше снисходительно относились к повстанцам и считали их второстепенным фактором, игравшим вспомогательную роль в общей борьбе против диктатуры, с каждым разом убеждались, что время работает против них. Поэтому в горы потянулись многие представители оппозиционных буржуазных партий. В июле 1957 г. к Фиделю Кастро прибыли сразу два видных эмиссара оппозиционной политической эмиграции: Рауль Чибас, руководитель ортодоксальной партии, и Фелипе Пасос, представитель бывшего президента Прио Сокарраса. Они приехали с целью выработки единой политической позиции с руководством партизан.

Буржуазная оппозиция уже готовилась делить шкуру еще не убитого медведя и загодя стала строить планы о послереволюционном устройстве страны. Фидель Кастро согласился на встречу с ними, исходя из давно провозглашенной

линии на единство всех сил для свержения диктатуры — главной и ближайшей цели всех форм антидиктаторской борьбы. Поэтому обе стороны на этих переговорах пошли на определенный компромисс, разработав и подписав 16 июля 1957 г. так называемый «Пакт Сьерра-Маэстры». Документ призывал к единству все силы, которые выступали против диктатуры.

В качестве программы-минимум «всем оппозиционным партиям, всем общественным организациям и всем революционным силам предлагалось следующее»: создание Гражданско-революционного фронта с единой стратегической линией борьбы, назначение беспристрастного лица руководителем временного правительства, немедленная отставка диктатора. По настоянию Фиделя Кастро в текст был внесен специальный пункт, в соответствии с которым Гражданско-революционный фронт не должен ни просить, ни принимать посредничества никакой иностранной державы для решения внутренних проблем Кубы. Здесь же содержалось обязательство просить правительство США прекратить поставки вооружения нынешнему диктаторскому правительству Кубы.

Также под нажимом Фиделя в документ удалось включить заявление, что Гражданско-революционный фронт никогда не согласится, чтобы в качестве временного правительства выступала бы военная хунта. Армия в будущем должна быть отделена от политики.

Среди тех задач, решением которых ограничивалась деятельность временного правительства, фигурировали освобождение политических заключенных, обеспечение свободы печати и устной информации, назначение временных руководителей местной власти, демократизация профсоюзной жизни, немедленное начало кампании по ликвидации неграмотности. Большое значение имело указание на необходимость проведения аграрной реформы. Правда, в этом документе пока предусматривалось только распределение пустующих земель, а также передача в собственность колонам, издольщикам, арендаторам тех небольших наделов земли, на которых они работают, с предварительной денежной компенсацией владельцам этой земли, будь то частные лица или государство.

Идя навстречу другим оппозиционным силам, Фидель согласился включить положение о том, что для всех рабочих контактов необязательно каждый раз приезжать в Сьерра-Маэстру, ибо «Движение 26 июля» может направить своих представителей в Гавану, Мехико или другое место. Но в конце твердо говорилось: «Пусть никого не обманывают утверждения

правительственной пропаганды о положении в Сьерра-Маэстре. Сьерра-Маэстра уже является неприступным бастионом свободы, завоевавшим сердца наших соотечественников. Мы сумеем здесь воздать должное тому доверию, которое оказал нам народ».

Несмотря на то, что Фидель не был удовлетворен содержанием этого договора, он считал его в то время подходящим и необходимым, полагая, что впоследствии буржуазная оппозиция отойдет от этого документа. Последующие события подтвердили эти оценки.

Оба заезжих деятеля с удовольствием попозировали фотографам на небольшой полянке в горном лесу и постарались удрать из Сьерра-Маэстры. Им казалось, что они добились своего, получив подпись Фиделя Кастро и его согласие на подбор временного президента Кубы. Их больше ничего в тот момент не интересовало.

В день празднования четвертой годовщины штурма Монкады, 26 июля 1957 года, приказом Фиделя была сформирована новая колонна, получившая наименование «Колонна № 2», которой было поручено самостоятельно вести боевые действия в районе к востоку от пика Туркино. Командиром колонны был назначен Эрнесто Че Гевара, которому первому из партизанских вожаков было присвоено высшее воинское звание «команданте».

Фидель вообще с большим вниманием и неизменной сердечностью относился к Че Геваре, видя в нем зрелого политического руководителя, беспредельно преданного революционера и стойкого мужественного бойца.

Но революция не только рождала крупных талантливых руководителей, но и теряла своих героев. 30 июля 1957 года вся армия партизан была потрясена сообщением о том, что в Сантьяго погиб Франк Пайс, один из надежнейших и преданнейших руководителей подполья. Полицейские ищейки выследили его, окружили и хотели схватить живым, но Франк предпочел смерть в неравном бою смерти в застенке. Погиб Франк, которому вся Повстанческая армия всего 4 дня назад писала письмо, в котором были такие строки:

«Дорогой брат! В нынешних условиях трудно найти слова, если они вообще существуют, чтобы выразить тебе чувства, которыми переполнены наши души. Может быть, крепкое и молчаливое объятие сможет заменить их и сказать кое-что большее».

Эта трагическая новость потрясла город, и глубоко возмущенный народ начал стихийную всеобщую забастовку. На похороны Франка Пайса, одетого в военную форму повстанцев, вышло много людей, траурная процессия прошла по всему

городу.

Фидель в исполненном драматизма письме в связи со смертью Франка Пайса писал: «Не могу выразить всю горечь, возмущение и бесконечную скорбь, которые переполняют нас. Какие варвары! Они трусливо застрелили его на улице, пользуясь всеми преимуществами преследователя, который идет по следам борца-подпольщика. Какие звери! Они не знают, какой ум, какой характер, какую личность они убили. Народ Кубы не подозревает, кто такой был Франк Пайс, какое в нем было величие и как много он обещал...

После убийства Франка Пайса, самого ценного, самого полезного, самого выдающегося из наших бойцов, чего еще ждут тысячи и тысячи кубинцев, стремящихся к действию...

Настал час потребовать от каждого, кто называет себя революционером, от каждого, кто называет себя оппозиционером, от каждого, кто считает себя достойным и порядочным человеком, к какой бы группе, партии или организации он ни принадлежал: хватит пустопорожней болтовни!»

Смерть Франка Пайса была невосполнимой утратой для Фиделя, для революции. Она тем более была тяжела, что обрушилась в период возникновения определенных разногласий между частью руководства «Движения 26 июля», действовавшего в подполье, в городах (их условно называли «Долина»), и большинством руководства, которое находилось в Сьерра-Маэстре (их условно называли «Горы»). Существо разногласий сводилось к тому, что представители «Долины» с непониманием относились к решающей роли повстанцев, ведущих боевые действия в Сьерра-Маэстре.

Представители «Долины» не всегда торопились посылать в Сьерра-Маэстру добытое оружие, боеприпасы, денежные средства, без которых партизанам было на первом этапе чрезвычайно трудно. «Долина» сводила свою деятельность к подготовке массовых акций в виде всеобщей забастовки, которая, по их представлениям, была бы сама по себе достаточной для свержения диктатуры.

«Горы», или, точнее, руководство Повстанческой армии, настаивало на том, чтобы не распылять силы и средства, всемерно укреплять повстанческие силы, которые станут главным фактором свержения ненавистной диктатуры.

Настойчивая работа Фиделя Кастро с товарищами из равнинного руководства, сама обстановка в стране, постепенное политическое мужание руководителей «Движения 26 июля» — все это привело мало-помалу к сглаживанию внутренних разногласий, но отдельные симптомы продолжали чувствоваться

до конца войны.

Между тем нараставшее недовольство режимом Батисты все больше и больше раскачивало самые, казалось бы, надежные опоры диктатуры — вооруженные силы. К сентябрю 1957 г. в военно-морских силах созрел крупный антиправительственный заговор, который должен был вылиться в одновременное восстание нескольких военно-морских баз. Но по каким-то причинам руководители восстания в Гаване отложили день выступления на более поздний срок, не сумев вовремя предупредить силы базы ВМС в г. Сьенфуэгосе на южном побережье Кубы. Там в назначенный день, 5 сентября, вспыхнуло восстание, начатое членами «Движения 26 июля» и матросами, руководили которым Хулио Камачо и лейтенант Сан-Роман. Повстанцы овладели городом, но, не имея ясного плана дальнейших действий, потеряли наступательный темп, чем немедленно воспользовался Батиста. Правительственная авиация подвергла военно-морскую базу и город варварской бомбардировке и обстрелу ракетами. На город были двинуты бронетанковые и пехотные части.

Восстание было зверски подавлено. Дионисио Сан-Роман был захвачен на борту одного из кораблей, перевезен в Гавану и там замучен пытками до смерти.

Камачо, которому удалось избежать многочисленных опасностей, вместе с другими руководителями восстания был спасен «Движением 26 июля» и тайно вывезен из города.

К концу первого года войны военное положение в Сьерра-Маэстре несколько стабилизировалось. Повстанческие силы, численностью более 200 человек, контролировали обширную территорию. Противник, получив ряд ударов, уже не рисковал подниматься в горы крупными силами, а партизанские отряды пока не располагали возможностями для ведения наступательных операций за пределами освобожденной территории. Война приняла позиционный характер. Правительственные части старались создать как можно более плотное кольцо вокруг районов, охваченных движением, чтобы задушить партизан голодом и лишениями. Повстанцы, со своей стороны, стали энергично создавать собственную автономную систему жизнеобеспечения. В частности, с местными крестьянами, до революции специализировавшимися на выращивании и продаже кофе, были заключены договоры, по которым крестьяне обязывались выращивать кукурузу, рис, бобы, овощи и фрукты для партизан, а те гарантировали покупку всего урожая за наличные деньги. С торговцами из близлежащих сел и поселков было оговорено, что они будут продавать повстанцам часть

продовольствия для переправки его тайными тропами в горы.

Была разработана система конфискации у крупных латифундистов скота, который угонялся на освобожденную территорию, где на простенькой бойне мясо солили и коптили, чтобы его можно было транспортировать в отдаленные отряды, находившиеся на боевых позициях. Поскольку покупка соли представляла особые трудности, повстанцы организовали добычу соли выпариванием морской воды.

Стала налаживаться медицинская служба в армии, появились настоящие квалифицированные врачи: Серхио дель Валье, Рене Вальехо, Мартинес Паэс и др. В труднодоступном месте был создан настоящий госпиталь, в котором производились даже сложные хирургические операции. С невероятными трудностями в госпиталь был доставлен электрический движок и холодильник для хранения медикаментов, консервированной крови и т. д.

Развивалась тыловая служба. Поскольку к этому времени определился основной район дислокации командования — верховья реки Ла-Плата, — там и стали создаваться стационарные служебные постройки. Одной из первых возникла оружейная мастерская, где ремонтировалось вышедшее из строя оружие и изготовлялись самодельные гранаты и мины. Из неразорвавшихся авиационных бомб противника партизаны стали делать крупные фугасы. Начало действовать кустарное предприятие по ремонту и пошиву обуви, вещмешков и других предметов снаряжения. Потом была создана целая пошивочная мастерская, где несколько партизанок-мастериц шили военное обмундирование. К удовольствию курящих, было налажено даже производство сигарет. В лесу заработала лесопилка, где бойцы вручную изготовляли доски для строительства необходимых зданий, постепенно заменявших шалаши.

Одним словом, Повстанческая армия по-хозяйски закрепляла свой контроль над обширной территорией всерьез и надолго. Огромную помощь партизанам оказывало местное население, которое несло ответственную разведывательную службу, оповещая партизан о всех передвижениях противника, разоблачая и обезоруживая его агентуру. Крестьяне уже полностью убедились, что только повстанцы могут обеспечить защиту от репрессий, которым они неизбежно подвергались со стороны батистовцев.

Первостепенное значение Фидель Кастро уделял поддержанию строжайшей дисциплины в рядах Повстанческой армии, революционного порядка на всех территориях, освобожденных от противника. В феврале 1958 года был принят устав «Революционной армии 26 июля», в котором говорилось,

что такие преступления, как предательство, шпионаж в пользу противника, убийство или изнасилование, карались смертной казнью. Могли быть приговорены к высшей мере наказания также лица, признанные виновными в вооруженном нападении с целью грабежа, воровстве, дезертирстве, доносительстве, грубом неподчинении приказу, оставлении позиций в бою и т. д.

За менее тяжкие преступления виновные могли быть приговорены к тюремному заключению, однако из-за отсутствия тюрем отбытие наказания откладывалось на время после победы революции.

Все случаи приговора к смертной казни подлежали утверждению со стороны Фиделя Кастро как командующего революционными войсками в Сьерра-Маэстре. Все случаи подлежали тщательному судебному разбирательству с полным соблюдением законности, с обязательным выделением защитника для обвиняемого.

Че Гевара оставил яркое описание одного из тогдашних судебных процессов с участием Фиделя Кастро. Существо дела состояло в том, что командир одного из отрядов, Лало Сардиньяс, пытаясь приструнить одного из нарушителей дисциплины, сгоряча стал угрожать ему пистолетом. Неожиданно произошел случайный выстрел — и виноватый боец был убит наповал. В отряде возникла угроза бунта. Лало был арестован и началось следствие. Опрошенные свидетели разделились: половина утверждала, что было совершено преднамеренное убийство, другие не менее горячо доказывали, что произошел несчастный случай. «Все знали, — пишет Гевара, — Сардиньяса как отважного командира, непримиримого к нарушениям дисциплины, как человека, которому было присуще чувство самопожертвования. Смертного приговора для него требовали как раз те, кто не отличался особой дисциплинированностью.

Заслушивание свидетелей продолжалось до глубокой ночи. К тому времени к нам в лагерь прибыл Фидель. Он был решительно против того, чтобы выносить Лало Сардиньясу смертный приговор, но в то же время считал, что будет неразумно принимать решение, не выяснив мнения всех товарищей. В ходе суда Фиделю и мне выпала задача быть защитником обвиняемого...

Было уже поздно, а споры все продолжались. Мы зажгли факелы и несколько свечей. Затем в течение часа выступал Фидель. Он разъяснил нам, почему не следовало применять в отношении Лало Сардиньяса высшую меру наказания. В этой связи Фидель подробно остановился на всех наших недостатках, рассказал об отсутствии крепкой дисциплины, о совершаемых

нами ежедневных ошибках, о наших личных слабостях; в заключение он заявил, что отвратительный сам по себе поступок Лало Сардиньяса был совершен в конечном счете в интересах укрепления дисциплины и что нельзя было упускать это из виду.

Голос Фиделя, его страстная речь, могучая фигура, озаряемая факелами, оказали сильное воздействие на людей, и многие из тех, кто настаивал на казни Сардиньяса, постепенно стали соглашаться со своим руководителем. В ту ночь еще раз подтвердилась огромная способность Фиделя убеждать людей.

Но не всех убедило темпераментное и красноречивое выступление Фиделя. В конце концов сошлись на том, чтобы поставить на голосование каждое из двух предложений: немедленная казнь через расстрел или разжалование в рядовые... Результаты этого необычного голосования были следующими: из 146 присутствующих 76 высказались против вынесения смертного приговора, 70 — за. Лало Сардиньяс был спасен».

Помимо солдат Повстанческой армии, революционным трибуналам приходилось рассматривать дела предателей и бандитов, которые, выдавая себя за повстанцев, занимались грабежами, насилиями, а нередко и убивали местное население. Впоследствии Фидель говорил, что за все время войны, за 25 месяцев, число расстрелянных составило не более 10 человек, но эти меры очистили всю зону действия партизанских отрядов от всякого рода бандитов, компрометировавших своими преступлениями высокое звание повстанцев.

С момента введения революционной законности на освобожденной территории практически не было серьезных преступлений.

В Повстанческой армии с разрешения Фиделя Кастро действовали несколько священников в качестве капелланов. Наибольшей известностью пользовался отец Гильермо Сардиньяс, который был настоятелем церкви в г. Новая Херона на острове Пинос, а после начала войны в Сьерра-Маэстре с согласия церковного начальства выехал в расположение армии. Гильермо Сардиньяс некоторое время ходил с партизанами по горам, а потом он стал вести оседлый образ жизни, занимаясь крещением, венчанием и отпеванием среди крестьян Сьерра-Маэстры. В конкретных условиях Сьерра-Маэстры в то время появление там священника было также определенной формой облегчения положения людей. Ведь очень многие бойцы Повстанческой армии были верующими, не говоря о крестьянах гор. Они нуждались в отправлении некоторых обрядов, к которым привыкли на протяжении веков.

Самый конец 1957 года был отмечен крупной

принципиальной конфронтацией Фиделя Кастро с буржуазными оппозиционными партиями и организациями. Она была вызвана тем, что 1 ноября 1957 года в Майами собралась группа лидеров кубинской эмиграции и буржуазной оппозиции, в их числе Прио Сокаррас, Мануэль Антонио де Варона (бывший председатель сената), Роберто Аграмонте и др. Они подписали документ «о единстве кубинской оппозиции перед лицом диктатуры Батисты», который получил название «Пакт Майами». В этом опусе объявлялось о создании Хунты кубинского освобождения и выставлялось требование, чтобы США и Организация американских государств признали Хунту воюющей стороной, поскольку, мол, на Кубе идет война. От имени «Движения 26 июля» его подписал уже упоминавшийся Фелипе Пасос и два малозначительных представителя, которые не имели на это никаких полномочий. Сформированная таким образом Хунта вскоре назначила временным президентом Кубы Фелипе Пасоса и тем самым постаралась предопределить весь характер послереволюционного устройства Кубы. Как только документ был подписан, он был предан широкой гласности. В Сьерра-Маэстру он попал 20 дней спустя и вызвал резко отрицательную реакцию со стороны Фиделя Кастро, который созвал Национальное руководство «Движения 26 июля» для обсуждения ответа на эту провокацию. Отправленный авторам «Пакта» 14 декабря 1957 года ответ Фиделя носит принципиальный характер для понимания его кредо в разгар революционной войны.

Он начал послание с подчеркивания того факта, что 20 ноября, в самый разгар боевых действий, которые партизаны ведут одни, не получая никакой помощи от других оппозиционных партий и группировок, был неожиданно получен документ, который ставит под сомнение «не только наш престиж, но и саму историческую роль событий 26 июля».

«Для революции, — писал Фидель, — важно не единство само по себе, а принципы, положенные в его основу, та форма, в которой оно осуществляется, и те патриотические идеи, которые его вдохновляют.

Принять решение в пользу соглашения о единстве на условиях, которые мы даже не обсуждали, согласиться, чтобы это соглашение подписали люди, которые на это не уполномочены, без всяких церемоний провозгласить единство из какого-нибудь уютного города, расположенного за пределами нашей страны, и тем самым поставить руководство «Движения 26 июля» перед необходимостью противостоять общественному мнению, обманутому мошенническим пактом, — все это представляет собой гнусную ловушку. Нельзя допустить, чтобы в эту ловушку

попалась по-настоящему революционная организация. Это обман общественного мнения страны, обман мирового общественного мнения».

Первое, против чего категорически возражал Фидель, — это снятие пункта о недопустимости иностранного вмешательства в дела Кубы. Он пишет: «Обойти в документе о единстве вопрос об отрицательном отношении ко всякого рода иностранному вмешательству во внутренние дела Кубы — означает в патриотическом плане равнодушие и трусость».

Вторым положением, вызвавшим возмущение Фиделя, была договоренность о создании Хунты для временного управления республикой. «В этом документе отсутствует пункт, в котором говорилось бы о том, что военная хунта в любом виде неприемлема. Замена Батисты военной хунтой была бы губительной для нации, тем более что существует обманчивая иллюзия, будто кубинскую проблему можно решить путем устранения диктатора...»

Фидель Кастро категорически возражал против наличия в «Пакте» так называемых секретных, т. е. необнародованных положений. Он приводил слова Х. Марти о том, что «в революции методы борьбы должны храниться в секрете, а цели борьбы всегда должны быть достоянием общественности».

Далее следовало заявление, вообще не оставляющее камня на камне от честолюбивых намерений профессиональных политиканов, рассчитывающих прийти к власти за счет подлинных революционеров.

«Руководство борьбы против тирании, — писал Фидель, — находится и впредь будет находиться на Кубе. Тот, кто хочет, чтобы в настоящем и будущем его считали вождем революции, должен находиться в стране, где идет борьба, неся на своих плечах ответственность, идя на риск, принося жертвы, которые требует в настоящий момент кубинская действительность.

Те, кто находится в эмиграции, должны принимать участие в этой борьбе, но было бы абсурдным допустить, чтобы из-за границы нам диктовали, какую высоту мы должны взять, какую плантацию сахарного тростника мы должны сжечь, какой акт саботажа мы должны осуществить или в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой форме нам следует провести всеобщую забастовку. Это не только абсурдно, это просто смешно».

Поставил точку в своем письме Фидель словами: «Чтобы погибнуть с честью, не нужна компания».

В этих обстоятельствах было особенно важно, чтобы Повстанческая армия нанесла чувствительный удар правительственным войскам и делом доказала, что именно она

является решающим фактором в борьбе против диктатуры.

16 февраля 1958 года партизаны атаковали местечко Пинодель-Агуа, гарнизон которого успел организовать круговую оборону и вызвал на помощь подкрепления из близлежащих воинских частей. Однако такой прием противника был просчитан Фиделем заранее, и подходившие подкрепления попали в засады, понесли большие потери и вынуждены были отступить, смирившись с неминуемым разгромом самого окруженного гарнизона. В этом бою партизаны захватили 5 пулеметов, 33 винтовки и большое количество боеприпасов. Фидель в этом бою все время находился в передней линии своих боевых порядков.

Подобный метод действий на втором году войны стал основным в практике революционной армии. Фидель очень хорошо изучил психологию военного командования. Он позже напишет так: «Ни одна армия в мире не оставит в беде окруженное подразделение, она обязательно пойдет на выручку, а самым слабым местом у противника было именно движение на марше, когда он становится максимально уязвимым. Повстанцы никогда не штурмовали в лоб вражеские позиции. Для этого у них не было сил. Атака движущегося противника из засады, нанесение ему чувствительных потерь стало главным законом партизанской войны. Особенно тяжело переносили части батистовцев атаки, наносившиеся одновременно и с фронта, и с флангов, а если еще добавлялся удар с тыла, то они полностью деморализовались. Нас всегда окружали батальоны противника, и нас это особенно не беспокоило, а если мы окружали у них один батальон, то начиналась настоящая паника». Масштабы боев, их частота и ожесточенность непрерывно нарастали. В этих условиях руководители колонн и всех подразделений Повстанческой армии пришли к выводу, что личное участие Фиделя Кастро в боях является недопустимым с точки зрения интересов революции.

19 февраля 1958 г. он с некоторым удивлением получил такое письмо: «Товарищ команданте Фидель Кастро! Офицеры и весь личный состав Повстанческой армии, принимая сложившуюся обстановку и вытекающие из нее требования, хотят выразить чувство признательности, которое испытывают к Вам бойцы за Вашу помощь в руководстве боями и Ваше непосредственное участие в боевых операциях.

Мы просим Вас не подвергать без нужды риску свою жизнь и тем самым не ставить под угрозу тот успех, который был достигнут в результате вооруженной борьбы и который мы должны закрепить победой революции.

Знайте, товарищ Фидель, что это не проявление какого-либо сектантства, не стремление показать свою силу. Когда мы пишем

это письмо, нами движет чувство любви к родине, к нашему делу, к нашим идеалам.

Вы без сомнения должны понять ту ответственность, которая лежит на Ваших плечах, и те чаяния и надежды, которые возлагают на Вас вчерашнее и завтрашнее поколения. Сознавая все это, Вы должны учесть нашу просьбу, которая носит характер приказа. Может быть, это сказано слишком смело и повелительно, но мы делаем это ради Кубы и во имя Кубы ждем от Вас еще большего самопожертвования.

Ваши братья по борьбе и идеалам. Сьерра-Маэстра, 1958 г.»

Фиделю пришлось подчиниться этому приказу Повстанческой армии, тем более что стремительно нарастал объем новых забот и обязанностей армии и революции. 24 февраля впервые в эфир вышла радиостанция, смонтированная с огромными трудностями в Сьерра-Маэстре, и Фидель обратился с речью к кубинскому народу. Батиста спешно отдал приказ глушить «Повстанческое радио», но оно с каждым днем расширяло свою аудиторию. Народ стал презрительно называть правительственное радио «балабошкой», и все радиоприемники настраивались на волну мятежного передатчика.

27 февраля произошло еще одно крупное событие в истории революционной войны. В этот день приказом Фиделя Кастро была создана новая колонна партизанских войск, которой поручалось вторгнуться в северную часть провинции Ориенте и развернуть там второй фронт партизанской борьбы. Командиром колонны был назначен Рауль Кастро, произведенный в высшее повстанческое воинское звание «команданте».

Открытие второго фронта говорило о том, что у Повстанческой армии нарастали силы для переноса военных действий в новые районы, что в руководстве революцией выросли и закалились руководители, которые могли правильно и твердо, а главное, самостоятельно проводить революцию в обширных отдаленных зонах, не имея возможности каждый раз советоваться с главным штабом. Для противника это был тяжелый морально-психологический удар, к которому добавлялась необходимость еще больше растягивать фронт своих сил.

В тот же самый день Фидель подписал приказ о повышении в звании капитана Хуана Альмейду Боске и назначении его командиром еще одной колонны, которая должна была вести действия на территории Сьерра-дель-Кобре к востоку от Маэстры. Команданте Альмейда получил те же полномочия, что и Рауль Кастро.

Война начала распространяться в зоны, отдаленные от центра первоначальных действий в Сьерра-Маэстре. Фидель считал, что

появление революционных сил на новых территориях послужит катализатором для всех имевшихся там революционных элементов.

Утром 1 марта бойцы, составившие колонны № 3 и № 4, вышли из Сьерра-Маэстры и собрались в установленном месте, где была намечена встреча с Главнокомандующим Фиделем Кастро, который прибыл, чтобы проводить их перед выходом на выполнение исторической миссии.

Когда все собрались, Фидель объяснил, что они идут открывать новые фронты, предупредив их об опасностях, с которыми они встретятся при выполнении своей задачи, и призвал их выполнить свой долг, несмотря ни на что. Сказал Раулю, что его первый контакт по прибытии в зону будет с Вильмой Эспин, которая получила задание обеспечивать поставки новому фронту (в тот момент она находилась в Сьерра-Маэстре).

По окончании сбора Фидель попрощался с товарищами, затем Рауль Кастро, который задержался, слушая новости по радио, попрощался с Фиделем. После стольких месяцев войны, не считая многих лет, проведенных вместе в тюрьме и в изгнании, они расставались, и возможность новой встречи в этот момент была далека. Без слов братья крепко пожали друг другу руки, и, уходя, Рауль крикнул: «Удачи!»

Март 1958 г. ознаменовался новыми успехами Повстанческой армии, которая стала пробовать свои силы уже за пределами традиционно признанной освобожденной зоны. По многим признакам чувствовалось, что наступает агония диктатуры Батисты. На другом конце острова в горах Эскамбрай из различных оппозиционных сил сформировался еще один очаг партизанской борьбы. Фауре Чомон, один из руководителей Революционного директората, оставшийся чудом в живых после атаки на президентский дворец, сумел подготовить на территории США экспедицию, которая благополучно достигла берегов Кубы, пересекла остров поперек и создала свою опорную базу в Эскамбрае. Фидель со специальным гонцом направил бойцам Эскамбрая письмо, в котором приветствовалось открытие нового фронта борьбы против диктатуры, и обещал им всю возможную помощь со стороны подпольного аппарата «Движения 26 июля». Он по-товарищески советовал повстанцам, если окажется невозможным продолжать сопротивление в Эскамбрае, пытаться прорваться в Сьерра-Маэстру. Со своей стороны, бойцы Сьерра-Маэстры давали обещание своими боевыми действиями сковать противника и не давать ему возможности наваливаться всеми силами на новый очаг партизанского движения.

Расширение повстанческого движения в стране, углубление

всех видов подпольной деятельности в городах, включая пропагандистскую работу, диверсионно-саботажнические акции, исполнение акций возмездия против наиболее кровавых палачей диктаторского режима — все это, казалось, говорило о приближении краха Батисты. Складывалось впечатление, что подошло время для начала всеобщей политической забастовки, которая на фоне побед Повстанческой армии должна была привести к победе.

У Фиделя были определенные сомнения относительно благополучного исхода такого варианта действий. Ведь он и его товарищи, находившиеся в горах, не могли знать в деталях, как развивалась подготовка к гражданскому выступлению, не могли чувствовать степени подготовленности масс, уровня координации между отдельными отрядами сопротивления, ориентировавшимися на различные политические силы, и им приходилось верить на слово своим коллегам из равнинного руководства. Но, со своей стороны, Повстанческая армия готовилась сделать все возможное.

12 марта за подписями Фиделя как главнокомандующего повстанческими силами и Фаустино Переса как делегата Национального руководства «Движения 26 июля» был обнародован манифест, в котором говорилось об объявлении в скором времени общенациональной забастовки и содержался призыв ко всему населению готовиться к этому.

Доводилось до всеобщего сведения, что 1 апреля объявлялись прерванными все транспортные сообщения по дорогам провинции Ориенте. По любым нарушителям мог быть открыт огонь без предупреждения. Запрещалась уплата налогов правительству Батисты и предписывалось платить налоги революционным властям. Всем чиновникам государственного аппарата предлагалось подать в отставку с 5 апреля под угрозой быть объявленными государственными преступниками. Все военнослужащие, которые будут продолжать после 5 апреля оставаться в вооруженных силах диктаторского режима, теряют право служить в армии после победы революции. Поскольку правительство объявило о призыве новых 7 тыс. человек в армию, манифест объявлял всякого, кто вступит в вооруженные силы в соответствии с распоряжением Батисты, предателем, подлежащим суду военного трибунала. В заключение манифеста говорилось: «Начиная с этого момента страна должна считать себя в состоянии тотальной войны с диктатурой. Оружие, которое находится в армии, флоте и полиции, принадлежит народу. Оно должно быть поставлено на службу народу. Никто не имеет права применять его против народа, а кто поступит иначе, тот не

заслуживает никакого снисхождения. Чтобы дать время для доведения содержания этого документа до заинтересованных лиц, мы будем ждать до 5 апреля, после чего начнется кампания уничтожения всех, кто служит с оружием в руках диктатору. Начиная с этого числа война против военных станет беспощадной. Чтобы вернуть себе свое оружие... народ будет вынужден уничтожать военных, где бы они ни находились, как злейших врагов своей свободы и счастья».

Из содержания и тона этого документа можно сделать вывод, что он в значительной степени основывался на излишне оптимистической оценке обстановки за пределами Сьерра-Маэстры, которую давали товарищи из равнинного руководства. Манифест воспринялся так, как будто не было никаких сомнений в том, что речь шла о последнем и решительном бое, для которого все было подготовлено. Впервые за все время войны Фидель Кастро употреблял в отношении военных такой жесткий язык. Складывалось впечатление, что Фидель рассчитывал нанести этим документом последний удар деморализующего характера по противнику, чтобы вызвать окончательное замешательство и панику в самый решающий момент. Но, к сожалению, как показали последовавшие события, обстановка в стране была несколько иной, чем информировали Фиделя Кастро товарищи из равнинного руководства. Они просто-напросто скрыли крупные недостатки в своей работе по подготовке всеобщей забастовки.

Они полагали, что достаточно будет объявить о начале забастовки да к тому же подкрепить свой призыв некоторыми военными акциями, рассчитанными на внешний успех, как победа будет обеспечена. Люди, которым было доверено вести работу среди рабочего класса, не имели для этого необходимых данных. Они много рассуждали о всеобщей забастовке, но не занимались повседневной организационной работой на заводах, фабриках, в мастерских.

Поэтому, когда 9 апреля вооруженные командос «Движения 26 июля» захватили в столице радиостанцию, вышли в эфир и передали призыв к забастовке, среди рабочих коллективов возникла немалая сумятица. Кое-кто расценил это как возможную провокацию, другие не были достаточно подготовлены, третьи просто не слышали призыва, потому что радиостанция была вскоре вновь захвачена правительственными силами. На местах в большинстве случаев не были заблаговременно созданы забастовочные комитеты, которые взяли бы в свои руки практическое осуществление выдвинутого лозунга. В результате всех этих факторов забастовка, к которой столь долго готовилось

«Движение 26 июля», окончилась по существу горькой неудачей.

Однако неудавшаяся попытка забастовки была проигранным боем, но не поражением в войне. У революции остались огромные резервы и решимость народа к борьбе. Естественно, что неудача акции, на которую возлагались столь большие надежды, сначала повергла в отчаяние повстанцев. Тирания решила, в свою очередь, что революционное движение не сможет противостоять мощному наступлению, которое оно готовилось начать против Повстанческой армии в Сьерра-Маэстре.

3 мая 1958 года в горах в штабе Повстанческой армии состоялось совещание Национального руководства «Движения 26 июля», на котором были подвергнуты серьезному анализу объективные и субъективные причины провала забастовки 9 апреля. Кроме членов комитета, на совещании присутствовали Че Гевара, который оставил отчет о нем в своей книге «Эпизоды революционной войны». Заседание длилось с раннего утра до 2 часов ночи. Были заслушаны доклады ответственных лиц, а затем выступил с большой речью Фидель Кастро, который подверг острой критике равнинное руководство «Движения 26 июля». Было единодушно признано, что руководство равнинных революционных организаций недооценило силы противника и слишком преувеличило свои силы, использовало неправильные методы борьбы.

Дискуссии закончились полным поражением равнинного руководства. Престиж и авторитет Фиделя Кастро резко возрос. Он был единогласно провозглашен Главнокомандующим всех революционных сил, включая народную милицию, подчинявшуюся до того времени подпольному руководству. Кроме того, Фидель был назначен Генеральным секретарем «Движения 26 июля». Впредь и политическое, и военное руководство всей борьбой против Батисты переходило в Сьерра-Маэстру.

Был создан секретариат «Движения» в составе пяти человек, который должен был заниматься проблемами политического, финансового и организационного характера. Вопросы сношений с заграницей, контакты с зарубежными представительствами «Движения 26 июля», получение и распределение оружия и другие переходили в ведение непосредственно Генерального секретаря, т. е. Фиделя Кастро.

В данном случае неудачу забастовки 9 апреля воистину можно прокомментировать, приведя старую пословицу, что нет худа без добра. Она вскрыла все недостатки подпольного руководства и позволила организованно решить все наболевшие вопросы одним ударом, расчистив путь к консолидации

революционных сил и к резкому повышению эффективности их действий.

Батиста, со своей стороны, также сделал вывод из неудачи забастовки 9 апреля. Он посчитал, что подполье полностью деморализовано и ослаблено, что силы его оказались не такими большими, как это представлялось, другие оппозиционные силы и группировки были разгромлены (военные моряки, Революционный директорат и др.), что, следовательно, обстановку в стране можно считать стабилизированной и надо сосредоточить все внимание на скорейшей ликвидации партизанского очага в Сьерра-Маэстре. Правительству было известно, что к маю 1958 года в Повстанческой армии насчитывалось приблизительно 300 вооруженных бойцов да имелось в резерве еще около 400 человек, которые проходили разные курсы подготовки, но не имели оружия и боеприпасов, чтобы включиться в борьбу. Силы повстанцев были разбросаны на огромной территории провинции Ориенте. Поэтому батистовские генералы разработали план ликвидации главного оплота Повстанческой армии-колонны № 1, которой командовал Фидель Кастро. В район Сьерра-Маэстры было переброшено от 10 до 12 тыс. солдат батистовской армии, усиленных американскими танками «Шерман», бронемашинами, горной артиллерией. Авиации предписывалось обеспечить постоянную поддержку действиям наземных сил. Планом предусматривалось полностью блокировать район расположения основных сил Повстанческой армии, отрезать второй фронт, а затем одновременным наступлением с севера и юга разрезать надвое контролируемую колонной № 1 зону и захватить район, где размещались все штабные подразделения и основное тыловое хозяйство повстанцев (госпиталь, радиостанция, оружейные мастерские и пр.). Противник рассчитывал, что, располагая многократным превосходством, он сможет не только рассеять организованные силы революционной армии, но и уничтожить большую часть партизан. На карту было поставлено многое, и повстанцы готовились к отпору.

Уверенный в том, что армия может нанести мощный удар, Фидель отдал приказ о подготовке территории, чтобы успешно отразить штурм противника. Началось оборудование траншей на основных дорогах и подступах, где мог появиться противник. Было дано указание о строительстве укрытий не только от ударов с воздуха, но и артиллерии.

Кроме того, командующий повстанцев приказал начать создание телефонной сети, которая тянулась бы от ставки Главного командования по всей Сьерре до ее главных проходов.

Это, естественно, позволило бы существенно улучшить связь, которая до этого поддерживалась через посыльных.

Другим вопросом, которому командующий уделил особое внимание в этот подготовительный период, было снабжение. Учитывая, что любой доступ на территорию, где располагались основные силы Повстанческой армии, будет перекрыт, было решено реквизировать крупный рогатый скот у помещиков и политиков, поддерживавших тиранию Батисты, чьи поместья находились в отдаленных зонах.

Удалось раздобыть около десяти тысяч коров, которые предназначались для питания бойцов и крестьян, оставшихся в зоне боевых действий.

В эти и последующие дни Фидель отдавал многочисленные письменные указания различным повстанческим группам, содержавшие точные инструкции.

Один из таких документов, направленный 8 мая капитану Рамону Масу, заканчивался такими словами: «На всех дорогах мы будем оказывать врагу сопротивление, постепенно отходя в сторону Маэстры, стремясь нанести ему максимальные потери. Если противнику удастся проникнуть на всю нашу территорию, каждый взвод должен превратиться в партизанский отряд и наносить удары противнику, перехватывая его на дорогах, заставляя его вновь уйти. Это решающий момент. Надо сражаться как никогда прежде».

После восемнадцати месяцев военной кампании Главнокомандующий Повстанческой армии знал зону, где будут разворачиваться события, как свои пять пальцев, что в какой-то мере компенсировало преимущество противника в живой силе и технике. Правильное использование территории было одним из факторов, который Фидель сделал своим союзником. Воля и вера в победу Фиделя в этот решающий момент чувствовались на каждом шагу и прослеживались в каждом письме.

Наступление началось 24 мая 1958 года, и, по оценке Фиделя, в ходе его сложилась в третий раз чрезвычайно опасная ситуация для судьбы революции. Две крупные армейские группировки начали медленное продвижение вглубь горного массива. Завязались тяжелые бои.

Партизаны противопоставили противнику невероятный героизм, упорство, находчивость в бою. На дорогах ставились фугасы и мины, чтобы остановить тяжелую технику; на удобных для обороны местах стали возводиться укрепленные позиции классического типа. Засады и постоянные тревожащие нападения изматывали противника. Партизаны, конечно, превосходили армию Батисты своим боевым опытом. Но главным оставался

непревзойденный моральный дух Повстанческой армии, который удесятерял силы защитников Сьерры-Маэстры. Наступавшая с севера группировка вскоре была блокирована в местечке Санто-Доминго и надолго застряла там, теряя людей от меткого огня повстанцев. Но решающие события развернулись на южном участке фронта, где высадившиеся 10 июля с кораблей войска противника наиболее коротким путем пытались проникнуть в район Ла-Платы, где находился со своим штабом Фидель Кастро. Ударным батальоном противника командовал майор Хосе Кеведо. Солдатам Батисты удалось продвинуться далеко в глубь освобожденной территории, и в один из самых напряженных моментов между северной и южной группировками противника оставалось не более 7 километров по прямой. Под контролем повстанцев оставался лишь небольшой пятачок Сьерра-Маэстры, но Фидель и его соратники не теряли присутствия духа. Заблаговременно были приняты меры по концентрации в районе действия колонны № 1 других партизанских сил, ранее отправленных в другие зоны. Строжайше выполнялся приказ о всемерном изматывании противника. Фидель Кастро лично возглавил операции против передового батальона, наступавшего с юга, который удалось окружить в местности, известной под названием Эль Хигюэ. С 11 по 20 июля 1958 года там происходило военное и в то же время психологическое сражение, исход которого в значительной степени повлиял на судьбу всего правительственного наступления. Батальон противника, окопавшийся на берегу реки Ла-Плата и идущей вдоль нее дороги, вскоре оказался в трудном положении из-за нехватки продовольствия, воды. Он находился под непрерывным снайперским огнем партизан. Вскоре, по приказанию Фиделя, к месту боя были доставлены громкоговорители, которые вели политическую обработку личного состава батальона. Его командиру Фидель написал несколько писем, призывая его, как честного офицера, капитулировать в интересах родины и не проливать бессмысленно кровь за диктатора.

Повстанцы регулярно информировали осажденных о провале попыток армейского руководства деблокировать окруженный батальон. И в самом деле, многоступенчатые засады, поставленные в нескольких местах, перекрыли дорогу и неизменно отбрасывали противника с большими потерями обратно к морю. Мастерски организованное Фиделем морально-психологическое воздействие на окруженных дало свои результаты. На десятый день осады майор Кеведо уведомил Фиделя, что батальон готов сложить оружие. Это была огромная победа.

В руки Повстанческой армии попали: 91 винтовка, 47 стволов автоматического оружия, безоткатное орудие, 81-мм миномет, 60-мм миномет с боеприпасами, 35 тыс. патронов пополнили всегда скромные резервы боеприпасов. 170 солдат и офицеров противника оказались в плену, а если учесть и тех, что были пленены во время засад, в которое попадали шедшие к Эль Хигюэ подкрепления, то общие потери противника составили 260 человек. Все пленные были вскоре переданы через посредство Международного и Кубинского Красного Креста, а в Ставке Фиделя остался только командир батальона Хосе Кеведо, который вскоре начал активно сотрудничать с повстанцами в подготовке их военных резервов для будущих боев. Он так и остался в рядах революционных сил и впоследствии стал полковником и был военным атташе Кубы в Москве.

Победа при Эль Хигюэ явилась решающим военным и политическим успехом летней кампании 1958 года. После нее начался быстрый отвод частей батистовской армии из Сьерра-Маэстры. Деморализация охватила все части вражеских войск, принимавших участие в наступлении. Очень красноречиво признание высшего армейского руководства относительно состояния своих войск, сделанное в приказе по действующим частям от 26 июля 1958 года. В разделе «Моральное состояние» говорится: «Очень низкое. Наши последние неудачи, осознание того, что противник теперь значительно лучше вооружен, все это вместе с убежденностью, что противник мягко обращается со сдавшимися в плен и с офицерами, которые капитулируют со своими подразделениями, и что попасть в плен означает решить разом все свои проблемы, — все это подрывает желание сражаться у всех категорий военнослужащих... Очень большие потери мы несем из-за сознательного нанесения себе травм и самострелов. Иногда приходится прибегать к угрозе применения силы, чтобы заставить целые части занимать отведенные для них позиции... Общее состояние личного состава и боевой техники не позволяет возобновить наступательные действия».

Итоги наступления были катастрофическими для Батисты. 17 батальонов, посланных им в Сьерра-Маэстру, вернулись потрепанными, понеся большие потери, данные о которых правительство тщательно скрывало. В руки партизан попало 507 единиц оружия, включая 2 танка, 10 минометов, 12 станковых пулеметов и т. д. В общей сложности повстанцы возвратили через систему Красного Креста 443 взятых ими пленных. 18 и 19 августа Фидель в своих выступлениях по повстанческому радио рассказал о полной победе революционных сил, подчеркнув, что победы на войне выигрываются не количеством оружия, а

главным образом высоким боевым духом бойцов.

После поражения противника в ходе летнего наступления Фидель подписал приказ по Повстанческой армии, в котором говорилось, что «партизанская война прекратила свое существование, она стала позиционной и маневренной войной». Сбылась затаенная мечта Фиделя Кастро — перенести войну в другие районы страны.

18 августа Фидель Кастро подписал приказ по армии, которым создавалась специальная колонна вторжения во главе с команданте Камило Сьенфуэгосом. Колонне поручалось пересечь всю территорию страны, следуя вдоль ее северного побережья, достичь крайней западной провинции Пинар-дель-Рио и развернуть там революционную войну. Колонне было присвоено имя национального героя Антонио Масео, который во время освободительной войны в конце XIX века предпринял похожий поход по всему острову, во время которого погиб в бою недалеко от Гаваны.

21 августа был отдан аналогичный приказ о создании другой колонны вторжения, которая под руководством Че должна была пройти южным побережьем страны в провинцию Лас-Вильяс и открыть там новый постоянный фронт борьбы с базированием в горном массиве Эскамбрай.

Прошло немногим больше недели, и 30 августа новым приказом Хуан Альмейда получил задание плотно блокировать с суши Сантьяго, столицу провинции Ориенте и второй по величине город страны. В тот же день в одном из писем Фидель Кастро сделал запись: «Именно сейчас революция развивается самым великолепным образом».

Сложной проблемой в годы революционной войны являлось изыскание средств для финансирования расходов Повстанческой армии. Ведь партизаны воздерживались от каких-либо реквизиций (за исключением особых случаев) у местного населения. Все, что крестьяне Сьерра-Маэстры поставляли повстанцам, оплачивалось наличными. Но откуда брались средства? Главным образом они поступали в виде добровольных пожертвований от членов «Движения 26 июля» или его сторонников.

С середины 1958 г. руководство Повстанческой армии стало облагать налогами крупный бизнес в зоне, находившейся под ее контролем или в радиусе ее действия. В августе Фидель Кастро выделил специального эмиссара, которому было поручено посетить всех владельцев сахарных заводов, расположенных в провинции Ориенте (это главный сахаропроизводящий район страны) и уведомить их, что по распоряжению Повстанческой

армии им надлежит уплачивать налог в размере 15 центов за каждый мешок сахара весом в 250 фунтов урожая 1958 года. Регулярная уплата этого налога являлась гарантией безопасности как посевов сахарного тростника, так и промышленных сооружений данного завода. В случае неуплаты налога к нарушителям применялись санкции.

Аналогичные налоги были распространены на всех скотоводов, владельцев кофейных плантаций, собственников рисовых полей и рисорушек.

В сентябре 1958 г. Фидель Кастро в письме представителю руководства «Движения 26 июля» в Гаване сообщил, что по решению командования Повстанческой армии и гражданской администрации освобожденных территорий кубинская банковская система облагалась разовым налогом размером в 1 млн. долларов. Каждый банк должен был уплатить причитающуюся ему часть в зависимости от его доли в общем финансовом обороте страны. После победы революции эти суммы будут вычтены из тех налогов, которые банки должны платить правительству.

К крестьянам Сьерра-Маэстры Фидель и в годы войны, и после нее питал и питает глубокие чувства симпатии и благодарности за их бесценный вклад в победу революции. Еще в дни непрестанных боев с батистовцами, окруженный плотным кольцом армейских гарнизонов и опорных пунктов, Фидель Кастро изыскивал малейшие возможности, чтобы оказать местному населению максимальную помощь. По его распоряжению врачи Повстанческой армии обеспечивали крестьянам бесплатное медицинское обслуживание. Че Гевара не без горького юмора описывает, как ему приходилось из-за катастрофической нехватки медикаментов прописывать одни и те же лекарства своим многочисленным пациентам. Правда, он отмечает, что все они страдали одним и тем же: желудочно-кишечные заболевания как следствие антисанитарных условий жизни и ранняя общая изношенность, преждевременное разрушение организма в результате непосильной работы. Для их лечения нужны были социальные перемены, а не медикаменты, и не только врачи.

Когда появилась возможность захватывать крупный рогатый скот у помещиков в долинных районах, Фидель немедленно наладил массовый угон скота и распределение его среди крестьян. Вот как он рассказывал об этом своем опыте в письме к Камило Сьенфуэгосу 26 апреля 1958 года: «Я на этих днях занимаюсь многими делами, в том числе распределением 10 тыс. голов мясного и молочного скота среди крестьян. Я надеюсь

таким образом хотя бы немного облегчить тяжелое положение населения. Под самым носом у армии мы захватываем весь скот на равнине... Наша система направлена не на сокращение животноводства, а на увеличение его. Категорически запрещается убивать коров. Отелившихся и стельных коров мы распределяем как молочный скот, а телки остаются в резерве, чтобы распределить их потом. Всякий, кто продаст или забьет полученную корову, теряет право на землю. Даже если скот получит случайное повреждение, его запрещается пускать в пищу. Это единственная форма предотвратить массовый забой скота. Мы передаем скот в пользование, но после окончания войны крестьяне получат на него право собственности. Маленьких бычков крестьяне могут продавать только нам. Я тебе пишу об этом на тот случай, если тебе придется проводить что-то подобное в районе твоих операций».

22 февраля Фидель Кастро подписал регламент о порядке снабжения гражданского населения Сьерра-Маэстры (на освобожденной территории проживало к этому времени около 10 тыс. крестьянских семей. — Н. Л.), Все население делилось на три категории: «А» — семья, один из членов которой постоянно находился в рядах Повстанческой армии, служил проводником или исполнял другие обязанности; «Б» — семья, один или несколько членов которой оказывали временные услуги Повстанческой армии; «В» — семья, члены которой не связаны с Повстанческой армией, но которые добросовестно обрабатывают принадлежащую им или арендуемую землю. Крестьяне, входившие в категорию «А», получали бесплатно необходимые продукты и товары и были обязаны только честно и добросовестно обрабатывать землю, на которой они жили. Семьи, входившие в категорию «Б», платили половину цены за получаемые товары, а категория «В» оплачивала их полностью, но могла производить оплату не деньгами, а излишками продуктов земледелия и животноводства.

В этом регламенте был специальный пункт, касавшийся распределения скота. В нем, в частности, указывалось, что молочный скот в первую очередь передается многодетным семьям, имеющим наибольшие заслуги перед революцией. Преимущество отдавалось тем крестьянам, которые никогда ранее не имели в своей собственности коров. Ни скот, ни получаемые от них продукты не могли подлежать продаже без санкции военного командования Повстанческой армии. Все ограничения, налагавшиеся на крестьян, были направлены только на то, чтобы они приучились сами потреблять продукты животноводства. 10 октября 1958 года, в годовщину начала

освободительной войны против Испании, Фидель Кастро подписал закон «О праве крестьян на землю» (его иногда называют первым законом об аграрной реформе). В соответствии с ним все арендаторы, издольщики и незаконно поселившиеся на пустовавших государственных землях крестьяне получали документы на право владения этими участками земли, причем в пределах до 28 га без всякой компенсации ее стоимости бывшим владельцам.

Обе колонны — Че Гевара и Камило Сьенфуэгоса — общей численностью около 200 человек, преодолевая огромные трудности, связанные с необходимостью совершать тяжелые марши по заболоченным малодоступным местам, чтобы избежать ненужных столкновений с правительственными войсками, постепенно продвигались вперед. Более месяца они затратили на переход из Сьерра-Маэстры в провинцию Лас-Вильяс, где они соединились в октябре и стали готовить операцию по рассечению острова пополам. По указанию Фиделя Камило и его колонна приостановили свой поход в Пинардель-Рио, поскольку неотложные военно-политические задачи требовали создания в центре страны сильной военной группировки.

Наступало время последних сражений. Хотя общее развитие обстановки в стране, безусловно, складывалось в пользу повстанцев, все-таки армия Батисты располагала совершенно очевидным преимуществом и в численности, и в вооружении.

В такие напряженные моменты истории страны многое зависит от того, какая сторона окажется инициативнее, энергичнее, кто сможет склонить чашу весов в свою сторону. Батиста в течение длительного времени готовился к проведению очередного избирательного фарса, поскольку срок его пребывания во дворце кончался и надо было избрать нового «президента» страны. На этот пост он выдвинул кандидатуру своего ставленника Андреса Риверо Агуэро. День проведения выборов был назначен на 3 ноября 1958 г. Каким-то инфантилизмом попахивало от расчетов Батисты на то, что приход к власти нового «президента» может способствовать ослаблению внутриполитического конфликта. Всякому мало-мальски разумному человеку было ясно, что эти выборы были обречены на полный провал с самого начала.

Фидель выступил по «Радио Ребельде» 24 октября 1958 г. Он твердо сказал: «Какими бы ни были результаты этих выборов, чье бы имя ни вписала диктатура в избирательные бюллетени, Революция неизменно будет следовать своим курсом. Никто не в состоянии изменить его, и 4-го числа народ узнает о результатах сражений, которые мы дадим, чтобы проложить настоящую

дорогу к миру».

Фидель выделил следующие моменты: «Задача Повстанческой армии на данном этапе состоит в том, чтобы на период с 30 октября по 4 ноября парализовать движение на автомобильных и железных дорогах. В день выборов граждане не должны покидать своих домов. Иностранные журналисты узнают, кто является настоящим хозяином положения».

Действуя в сговоре, правительство Батисты и Вашингтон выискивали предлоги, чтобы оправдать прямое вмешательство американских войск в события на Кубе. В частности, Госдепартамент воспользовался фактом задержания повстанческим патрулем группы в составе 2 американцев и 7 кубинцев, которые работали на предприятиях компании «Тексако» и оказались в зоне военных действий.

Представитель Госдепартамента Линкольн Уайт в этой связи сделал несколько оскорбительных для патриотов заявлений и намекнул на возможность принятия ответных мер.

Батиста, со своей стороны, сначала отдал приказ своим частям оставить территорию принадлежавших США никелевых заводов в Никаро, а когда эта зона была занята повстанцами, диктатор вновь высадил десантные части около Никаро, чтобы спровоцировать военные действия и последующее разрушение американской собственности, что явилось бы явным основанием для интервенции.

Фидель выступил по «Радио Ребельде» 25 октября с разоблачением истинных намерений США. Он в заключение ясно и недвусмысленно сказал: «Мы предупреждаем, что Куба — свободное и суверенное государство. Мы хотим поддерживать самые дружеские отношения с США. И хотим, чтобы между Кубой и ее северным соседом никогда не возникало конфликта, который нельзя было бы разрешить, руководствуясь здравым смыслом и принимая во внимание права народов.

Однако, если Государственный департамент США и дальше будет потворствовать интригам Смита [Посол США в Гаване] и Батисты и совершит непоправимую ошибку, прибегнув к иностранной агрессии против суверенитета нашей страны, мы знаем, как защитить ее с честью. Есть долг перед Родиной, который мы выполним любой ценой. Угрозы, которые содержатся в ваших последних заявлениях, не делают чести такой большой и могущественной стране, как США. Угрозы могут подействовать на трусливый и покорный народ, но они никогда не запугают людей, готовых умереть, защищая свой народ».

В ответ на эти маневры правительства Фидель Кастро приказал начать крупную военную операцию по освобождению

города Гиса на равнинной части провинции Ориенте. Фидель лично на себя взял руководство этим сражением, в котором был блестяще применен весь опыт двухлетней войны с противником. Особенность этой операции состояла в том, что она проводилась практически под носом у армейского командования провинции Ориенте, главный штаб и основные силы которых находились в Байямо в 12 км от места событий.

Повстанцы блокировали гарнизон Гисы 20 ноября, перерезали все дороги, связывающие Гису с Байямо, но речь шла уже не о засадах, а о настоящих оборонительных позициях с отрытыми в полный профиль траншеями, с применением инженерных сооружений для противодействия движению танков противника. Ожесточенные бои продолжались в течение 10 дней, и за все это время только один раз, в самом начале событий, противнику удалось прорваться в Гису и доставить подкрепление гарнизону. В дальнейшем, сколько бы попыток батистовцы ни предпринимали, бросая в бой танки «Шерман», механизированную пехоту, постоянно подвергая бомбардировке и обстрелу с воздуха позиции повстанцев, им не удалось потеснить солдат армии свободы ни на шаг.

Были моменты, когда противник бросал на позиции повстанцев сразу по два батальона солдат под прикрытием танков и плотного артиллерийского огня, но подразделения колонны № 1 стойко отражали все атаки, нанося врагу большие потери. Хотя части гарнизона удалось вырваться из окружения, его отступление было похоже на бегство.

Одним словом, сражение под Гисой было проведено по всем правилам уже не партизанской, а классической войны, причем в нем приняли участие главные силы противостоявших противников. Руководили операциями непосредственно командующие войсками той и другой стороны. По ожесточенности боев операция под Гисой значительно превосходила все бои, проведенные ранее Повстанческой армией. С полным основанием это сражение можно назвать генеральным в революционной войне 1957-1958 гг. Оно окончилось полной победой патриотов. Противник потерял более 200 человек убитыми, раненными и пленными. В руки повстанцев попали богатые трофеи, в том числе танк, который по ходу сражения впервые был использован для штурма осажденной казармы в Гисе.

Из Гаваны тем временем поползли упорные слухи о неизбежном военном перевороте. Фидель, всегда опасавшийся именно этого, немедленно с поля боя дает указание руководству повстанческого радио подготовить передачу с инструкциями

«Движению 26 июля» и народу.

Существо мероприятий, продуманных Фиделем на этот случай, сводилось к следующему: отсечь провинцию Ориенте от остальной части страны; приказать Че Геваре двигаться на главные города в центре — в частности, на Санта-Клару; Камило Сьенфуэгосу двигаться или в направлении Гаваны, или поддержать Че Гевару, в зависимости от обстановки; всем вооруженным силам Движения надлежало занять города и наиболее важные позиции, поддерживать порядок, арестовывать всех военных и полицейских преступников и доносчиков, предотвращать грабежи, поджоги, анархию. Своими указаниями Фидель старался предотвратить любое замешательство среди революционных сил, заранее дать четкую линию поведения всем активистам и бойцам Движения в предвидении наиболее вероятного направления развития обстановки.

В этот момент до Фиделя Кастро дошли сообщения об угрозе вмешательства США в события на Кубе. Американский журнал «Тайм» опубликовал статью, в которой утверждалось, что сахарная промышленность Кубы находится в опасности из-за военных действий повстанцев, контролирующих 65 процентов всех посевов, что в результате этого население США может оказаться под угрозой нехватки этого продукта, а потому журнал требовал от правительства США постановки вопроса в Организации американских государств о вмешательстве в события. Фидель саркастически откомментировал это сообщение, сказав: «Ну и нашли же эти люди время, чтобы высунуться со своими интервенционистскими предложениями и приглашением ОАГ. Когда диктатура десятками и сотнями рубила головы патриотам, их это совсем не тревожило. Пусть уж и теперь они ни о чем не беспокоятся»... «Мы не примем никоим образом никакого вмешательства в этот конфликт. Мы категорически отвергаем подобные предложения. Мы не примем ничего, кроме безусловной капитуляции Батисты и военного городка „Колумбия“... Всякий, кто захочет вмешиваться в наши дела, пусть знает, что он встретит вооруженное сопротивление... Кроме всего прочего, я думаю, что ни одна латиноамериканская страна не поддержит такое предложение, более того, они все выступят против этого». Эта точка зрения Фиделя Кастро, высказанная им открыто, стала главным препятствием на пути осуществления интервенционистских планов.

Вообще отношения повстанцев с Соединенными Штатами складывались очень сложно, и наибольшее обострение их произошло чуть раньше, в дни летнего наступления батистовцев. Тогда через доверенное лицо «Движения 26 июля», работавшее в

аппарате военного и военно-воздушного атташе посольства Кубы в Вашингтоне, Фидель получил секретные документы и фотографии, которые свидетельствовали о том, что военные самолеты Батисты приземлялись на аэродроме американской военной базы Гуантанамо, пополняли там свой боекомплект бомб, ракет и снарядов, после чего отправлялись на бомбардировку повстанческих районов. Фиделю Кастро не раз лично приходилось быть под бомбежкой и видеть результаты варварских налетов на мирные хутора и отдельные крестьянские дома в Сьерра-Маэстре. Повстанцы не имели никакой возможности защитить население от систематических бомбардировок и обстрелов с воздуха. 5 июня 1958 года Фидель Кастро написал короткое письмо Селии Санчес, в котором поклялся отомстить американцам за пособничество политике геноцида, которую проводил Батиста. В письме говорилось: «Селия! Когда я увидел, как ракетами был уничтожен дом Марио, я поклялся, что американцы дорого заплатят за то, что они творят. Когда эта война закончится, для меня начнется другая война, гораздо более долгая и большая: война, которую я поведу против них. Я чувствую, что это будет мое подлинное призвание».

Рауль Кастро предпринял буквально через несколько дней так называемую операцию «Правда», получившую широкий международный резонанс. 22 июня 1958 г. он отдал приказ о том, чтобы были задержаны все американские граждане в специально оговоренных зонах и доставлены в штаб Второго фронта. Предлагалось задерживать только мужчин, хорошо с ними обращаться и содержать в скрытых местах, чтобы они не стали жертвой стихийного гнева населения. Цель задержания американцев определялась так: «Чтобы сами американские граждане, против которых мы ничего не имеем лично, побыв с нами некоторое время, воочию убедились в гнусных преступлениях, которые их правительство совершает против беззащитного кубинского народа. Единственная опасность, которая угрожает задержанным, не превышает того самого риска, которому подвергаемся и мы, т. е. выдерживать бомбардировки».

В соответствии с этим приказом повстанческие отряды задержали 26 июня 12 инженерно-технических работников принадлежавшей американцам «Моа бей майнинг компани». 10 задержанных были гражданами США Через два дня группа партизан остановила автобус с 30 американскими солдатами и матросами, которые возвращались с увеселительной прогулки в Гуантанамо (кубинский город того же названия, расположенный в нескольких километрах от военной базы США. — Н. Л.), и отправила его под конвоем в штаб Второго фронта. После

проведения еще нескольких рейдов количество задержанных американских граждан составило 50 человек.

Когда задержанным американцам были показаны результаты и последствия бомбардировок батистовской авиации, многие из них были потрясены. Пять американцев написали письмо руководству своей компании «Стеббинс энджиниринг энд мэнифэкчуринг К°» с просьбой предпринять соответствующие шаги в Вашингтоне, чтобы прекратить пособничество Батисте. В письме говорилось: «Они (повстанцы. — Н. Л.) вынуждены были пойти на эти крутые меры, потому что американские бомбы и снаряды убивают ни в чем не повинных людей, включая женщин и детей. Разумеется, любой американец с отвращением отнесется к этим фактам».

30 июня в лагере повстанцев появился консул США Парк Уоллем, которому пришлось полемизировать со своими соотечественниками, обвинявшими правительство США в незаконном расходовании тех средств, которые граждане платят в виде налогов. Он пытался отвергать приведенные факты, тогда ему были предъявлены фотографии батистовских самолетов в момент бомбовой загрузки на базе в Гуантанамо, копии документов, которыми оформлялись поставки боеприпасов и продемонстрированы осколки напалмовых бомб с четкой надписью «Собственность ВВС США», но со стертой датой выпуска. Консул оказался не в состоянии что-либо противопоставить этим доказательствам.

Сложившаяся ситуация имела громкий резонанс в Соединенных Штатах, получили огласку и все факты скрытого сотрудничества между Батистой и США.

2 июля Фидель Кастро дал по радио указание Раулю Кастро отпустить задержанных иностранных граждан.

В конце июля 1958 г. Батиста внезапно отвел свои войска из местечка Ятеритас, где находились насосные станции, подававшие воду с территории Кубы на военную базу США Гуантанамо. Американцы немедленно заняли станцию, совершив тем самым акт агрессии против Кубы. Батиста рассчитывал столкнуть повстанцев, выступавших последовательными защитниками суверенитета и независимости страны, и американцев. «Движение 26 июля» выступило с резким протестом против действий США. Оно обратилось к кубинскому народу, ко всем странам Латинской Америки, к общественности США с разоблачением агрессивных действий военного командования базы в Гуантанамо.

В ходе начавшихся переговоров представители США предложили объявить зону Ятеритас нейтральным районом в

обмен на фактическое признание повстанцев воюющей стороной. Но патриоты твердо стояли на своем и требовали немедленного отвода американского военного персонала, признания этой зоны частью Кубы, а со своей стороны давали слово не мешать нормальной работе станции. Американцам пришлось уступить и отвести свои подразделения.

В ходе этих и других более мелких конфликтов с Повстанческой армией во время революционной войны американцы должны были убедиться, что они имеют дело с последовательными патриотами Кубы, твердо стоящими на страже суверенитета своей родины, не поддающимися никаким угрозам и давлению.

23 декабря руководители «Движения 26 июля» в Гаване имели встречу с полковником Флорентино Россел, командующим инженерными частями батистовской армии в провинции Лас-Вильяс, который предложил объединить части правительственной армии, дислоцированные в трех восточных провинциях страны, с Повстанческой армией и вместе вторгнуться на запад Кубы. Он одновременно предложил создать военно-гражданскую хунту. Полковник Россел добавлял, что этот план был уже согласован с Государственным департаментом, который поддержал его и пообещал немедленное признание этой хунты правительством США.

На это предложение Фидель Кастро ответил кратко и категорически: «Все условия отвергнуты».

Ясность политической линии, твердость в ее проведении имели самое главное значение в эти критические дни конца 1958 года, когда рождались десятки политических комбинаций выхода из войны. Фидель, поддерживавший постоянный контакт с колоннами Че Гевара и Камило Сьенфуэгоса по радио, давал им четкие указания. 26 декабря он сообщил Че Геваре: «Война выиграна, силы противника разваливаются на глазах. В Ориенте мы связываем и блокируем 10 тыс. вражеских солдат. Гарнизоны провинции Камагуэй находятся в мешке. Все это является результатом только одного — наших усилий...

Поэтому исключительно важно, чтобы продвижение к провинции Матансас и к Гаване осуществлялось исключительно силами «Движения 26 июля». Колонна Камило должна идти в авангарде и занять Гавану, когда диктатура рухнет...»

В самом конце года большую активность развил генерал Эулохио Кантильо, командир полка, расквартированного в городе Сантьяго. Ему казалось, что он может стать вершителем судеб Кубы, поскольку ему полностью доверяли американцы, к нему благоволил Батиста и с пониманием, как он думал, относились

повстанцы. Он попытался имитировать сговорчивость и добиться от Фиделя хотя бы временного ослабления наступательных операций. Ему нужно было выиграть время. Он срочно запросил о личной встрече с Фиделем. Главнокомандующий революционными силами дал согласие. Встреча состоялась утром 28 декабря около сахарного завода недалеко от Сантьяго, куда генерал Кантильо прилетел на вертолете. На встрече присутствовали члены руководства «Движения 26 июля» Рауль Кастро, Селия Санчес, Вильма Эспин, а также Хосе Кеведо.

Фидель так рассказал о ней: «...24 декабря мы получили сообщение о желании генерала Кантильо встретиться с нами. Предложение было принято. Я признаюсь, что, принимая во внимание развитие событий (победоносное шествие наших войск), я не имел особого желания обсуждать боевые действия. Но я понимал, что это был наш долг, долг людей, которые несли за все ответственность, не поддаваясь чувствам. Я считал, наша прямая обязанность — выслушать предложение военных, если они могли бы привести нас к победе с меньшими потерями и меньшей кровью.

Я поехал на встречу с сеньором Кантильо, который прибыл на переговоры от имени всей армии. Мы встретились 28 числа на сахарном заводе «Ориенте», куда он прилетел на вертолете в 8 час. 00 мин. утра. Беседа продолжалась 4 часа...

...После того как был сделан подробный анализ стоящих перед Кубой проблем, уточнены все детали, генерал Кантильо решил с нашего согласия предпринять революционное выступление военных.

...В случае военного переворота в соответствии с соглашением между нами военные преступники должны быть переданы в наши руки... И я ему сказал прямо, что возражаю против побега Батисты. Я объяснил, какого рода действия он должен предпринять и что ни я, ни «Движение 26 июля», ни народ не поддержали бы военного переворота...

Я довольно ясно дал понять ему, что для того, чтобы военные могли завоевать доверие и дружеское отношение со стороны народа и революционеров, вовсе не надо тайком поднимать в 2 или 3 часа ночи военный лагерь «Колумбия», как привыкли делать эти господа. Необходимо просто призвать гарнизон Сантьяго-де-Куба, наиболее преданный и хорошо вооруженный, к восстанию против диктатора, начав тем самым революционное движение среди военных. Затем присоединить народ и революционеров к этому движению, которое при сложившихся для режима обстоятельствах окажется неодолимым, ибо я уверен, что к нему сразу же присоединятся все остальные гарнизоны.

...Восстание должно начаться 31 числа в 15 час. 00 мин., и поддержка революционного движения вооруженными силами должна быть безусловной. Президента назначают руководители революционного движения. Они же определяют посты для примкнувших военных. План разработан во всех деталях. 31 числа в 15.00 должен был выступить гарнизон Сантьяго-де-Куба. Одновременно несколько повстанческих колонн вошли бы в город, и между военными, повстанцами и народом сразу началось бы братание. Ко всей стране было бы адресовано революционное обращение, которое приглашало бы всех честных военных присоединиться к движению. Было договорено, что все танки, которые находились в городе, поступают в наше распоряжение. Я сам предложил двинуться к столице во главе танковой колонны, но не потому, что я собирался дать сражение, а потому, что нужно было иметь свой авангард как можно ближе к столице на случай, если революционное движение в Гаване потерпит поражение».

В принципе результаты переговоров устраивали руководство Повстанческой армии, ибо бескровный переход на сторону революции 2-тысячного гарнизона Сантьяго с большими запасами оружия и боеприпасов означал на деле гарантию свержения диктатуры.

Однако после окончания переговоров генерал Кантильо полетел не в Сантьяго, чтобы готовить переход войск на сторону революции, а в Гавану, где он продолжал с помощью политических комбинаций выискивать шансы для создания военной хунты. 30 декабря он оттуда сообщил, что, мол, возникли некоторые трудности с переходом войск на сторону повстанцев и что сдача Монкады откладывается на 6 января. Но Фиделя Кастро такими приемами обмануть было нельзя. Повстанческая армия получила приказ готовиться к генеральному штурму Сантьяго.

Однако события в столице развивались стремительно. В ночь с 31 декабря на 1 января 1959 года диктатор Фульхенсио Батиста собрал в военном городке «Колумбия» наиболее приближенных к себе лиц и зачитал им свое заявление об отставке. Одновременно он назначил генерала Эулохио Кантильо командующим всеми вооруженными силами. Временным президентом был назначен старший по стажу судья Верховного суда Карлос Мануэль Пьедра. Затем Батиста вместе с главными военными преступниками, которым грозило справедливое возмездие, сел в самолет, стоявший здесь же на взлетной полосе военного городка, и в 2 часа утра вылетел в Санто-Доминго.

Известие о бегстве Батисты и военном перевороте в Гаване застало Фиделя в 9 часов утра 1 января 1959 г. на сахарном

заводе «Америка» недалеко от Пальма Сориано. Фидель воскликнул: «Это же трусливое предательство. Предательство. Они всеми силами хотят не допустить победы революции». Он поднялся из-за стола, на котором стоял недоеденный завтрак, подошел к двери и позвал своих соратников, сказав им: «Я сейчас же направлюсь в Сантьяго. Мы должны взять Сантьяго прямо сейчас. Если они столь наивны, что рассчитывают парализовать революцию с помощью государственного переворота, то мы докажем, что они ошибаются».

К этому времени повстанцы уже задействовали мощную радиостанцию в г. Пальма Сориано. Фидель Кастро немедленно направился туда и прямо в микрофон обратился с воззванием ко всем командирам Повстанческой армии и к соотечественникам. Он сказал: «Какие бы сообщения ни поступали из столицы, наши войска ни в коем случае не должны прекращать боевых действий. Наши силы будут продолжать операции против войск противника на всех фронтах... Военные действия будут вестись до поступления специального приказа от командования об их прекращении. Приказ будет отдан лишь после того, как восставшие в столице армейские части перейдут под начало революционного командования. Революции — да! Военному перевороту — нет! Военному перевороту, согласованному с Батистой, — нет! Он означает лишь продолжение войны! Попыткам вырвать у народа победу — нет! Они лишь заставят нас продолжать войну до окончательной победы народа! После семи лет борьбы необходимо, чтобы демократическая победа народа стала окончательной, только тогда не повторится в нашей стране переворот 10 марта.

Не допускайте, чтобы вас вводили в заблуждение или обманывали!

Народ, и особенно трудящиеся всей республики, должны внимательно слушать передачи повстанческого радио и в срочном порядке готовить все рабочие центры к всеобщей забастовке. Если будет необходимо пресечь какую-либо попытку контрреволюционного переворота, им следует начать забастовку сразу же по получении приказа.

Народ и Повстанческая армия должны быть как никогда едины и непоколебимы, чтобы у них не вырвали завоеванную победу, которая так дорого обошлась».

В тот же день, 1 января, около 14.00, Фидель собрал товарищей из руководства «Движения 26 июля». Они приняли решение объявить всеобщую забастовку в стране на следующий день, т. е. на 2 января. Исключение составил Сантьяго-де-Куба, где, в связи с намеченной военной операцией, население

призвали прекратить всю деятельность с 15.00 1 января.

Население Гаваны и других городов дружно откликнулось на этот призыв Фиделя Кастро. Остановился транспорт, замерли предприятия, закрылись магазины. Страна была парализована. «Движение 26 июля» действовало рука об руку со всеми патриотическими силами. В этой обстановке повстанческие войска Камило Сьенфуэгоса и Че Гевары на реквизированных у буржуазии машинах и грузовиках торопились по центральному шоссе в столицу, выполняя приказ Верховного главнокомандующего революционными силами. Фидель приказал Раулю Кастро выехать в крепость Монкаду, чтобы информировать офицеров и солдат о складывающейся обстановке и сказать им, что командующий Повстанческой армией предлагает всем офицерам прибыть на встречу с ним в пригород Сантьяго.

Около 8 вечера Рауль вошел в Монкаду, где провел беседу с офицерами, которым объяснил бесполезность и бессмысленность какого-либо сопротивления Повстанческой армии, а также важность встречи, предложенной Фиделем.

Находясь в окружении офицеров в Монкаде, Рауль Кастро снял со стены и разбил об пол портрет Батисты с кличем: «Да здравствует революция!», и все ответили: «Да здравствует!». Затем Рауль вышел к солдатам, собравшимся на плацу, после чего послал всех офицеров на автобусах на встречу с Фиделем.

Вечером в местечке Эсканделе собрались практически все офицеры гарнизона города.

«Я собрал, — вспоминал Фидель, — этих военных и рассказал им о наших целях, о наших революционных чувствах к Родине. Я рассказал им о том, чего мы хотим для своей страны, о том, как мы всегда относились к военным, о вреде, причиненном тиранией армии, о несправедливости одинакового отношения ко всем военным, о том, что преступники составляли только незначительное меньшинство и что в армии было много достойных людей. Я знал тех, кто ненавидел преступность, злоупотребления и несправедливость».

После того как были приняты предложения Фиделя, уточнили детали вступления в город. Революция выиграла новое сражение — Сантьяго был освобожден без кровопролития.

Фидель вечером 2 января 1959 года вступил вместе с передовыми частями Повстанческой армии в Сантьяго. Он ехал в джипе, украшенном черно-красным знаменем «Движения 26 июля». Все население города от мала до велика высыпало на улицы. Жители восторженно приветствовали бородачей, засыпая их цветами. В такой обстановке ни о каком сопротивлении со стороны гарнизона речи быть не могло, хотя Фиделя сопровождал

лишь небольшой отряд. Фидель вместе с Раулем направились в крепость Монкада, где командующий гарнизоном полковник Рего Рубидо официально заявил о капитуляции и отдал себя в распоряжение революционной власти. Революция победила в той же самой крепости, где она и началась 26 июля 1953 года. Со дня исторического штурма Монкады прошло ровно 5 лет, 5 месяцев и 5 дней, наполненных беспримерным политическим и личным героизмом Фиделя Кастро, которому удалось создать могучую политическую организацию и Повстанческую армию, совершившую вместе с другими революционными силами самую радикальную революцию в Западном полушарии.

На митинге, стихийно собравшемся на главной площади, Фидель произнес свою первую речь после победы революции. Он сказал, обращаясь к восторженно гудевшей бескрайней толпе: «На сей раз, к счастью для Кубы, будут действительно достигнуты цели революции. Она не будет такой, как в 1898 году, когда пришли американцы и стали здесь хозяевами. Она не будет такой, как в 1933 году, когда народ поверил в то, что совершается революция, а Батиста пришел, предал ее, захватил власть и установил жестокую диктатуру. Она не будет такой, как в 1944 году, когда массы горячо поверили в то, что народ наконец взял власть в свои руки, но ее захватили авантюристы.

Никаких авантюристов, предателей и интервентов! На сей раз — да, это революция!» Далее Фидель добавил: «Мы не думаем, что все проблемы будут легко разрешены. Мы знаем, что предстоит трудный путь, но мы оптимисты и нам не привыкать преодолевать сложные препятствия. Народ может быть твердо уверен в том, что хотя мы можем ошибаться, но чего мы никогда не сделаем — это никогда не предадим Движения».

Фиделю Кастро в то время было только 33 года. Он стоял на пороге своей мечты «перевернуть страну до основания». Он также откровенно сказал в своей первой речи народу: «Революция совершается не за один день, а закрепляется последующим развитием. Мы сделаем это».

Над Кубой занимался рассвет новой исторической эпохи.

Глава VI
ВЫБОР ПУТИ

К утру 3 января 1959 года туман политической и военной неразберихи, всегда сопровождающий крах любого строя, стал несколько рассеиваться. Фидель не очень доверял оптимистическим докладам, поступавшим по радио и телефону из Гаваны: хотя Камило Сьенфуэгос с 500 повстанцами и вступил в военный лагерь «Колумбия», но там же находился и ее прежний гарнизон численностью в 5 тыс. солдат и офицеров, а Че Гевара занял только крепость «Ля Кабанья». Фидель стал готовиться к походу на столицу. Город Сантьяго был объявлен временной столицей Кубы.

В провинции Ориенте Фидель оставил старшим политическим и военным начальником Рауля Кастро, а сам собрал всех сдавшихся на милость победителей офицеров батистовской армии, рассказал им про переговоры с генералом Кантильо, о том, как тот предал революцию, и призвал их присоединиться к восставшему народу. Наутро была сформирована военная колонна в составе 1 тыс. бородачей и 2 тыс. солдат бывшей армии, захвативших с собой всю артиллерию и большую часть танков (партизаны не могли управлять этой техникой), которая двинулась вдоль всего острова Куба по центральному шоссе из Сантьяго в Гавану.

Колонна спустилась с гор, и началось триумфальное шествие Повстанческой армии по Кубе. Но эта операция была задумана не для оваций. Поход через всю страну имел целью утвердить революцию на местах, создать новую власть, узаконить ее. Фидель с этой поездки начал гигантскую работу агитатора и пропагандиста по разъяснению всему народу целей и задач победившей революции. Кубинский народ столько лет подвергался целенаправленной идеологической обработке, был так напичкан антикоммунистическими предубеждениями, что теперь приходилось день за днем ломать десятилетиями сложившиеся чуждые предоставления об общественной жизни. Эта работа займет у Фиделя несколько лет жизни. Если Марти про себя говорил, что он писал до такого состояния, что у него распухала рука, то Фидель выступал перед народом, разъясняя политику революции, тоже до полного изнеможения. Радио и телевидение стали его кафедрой, аудиторией была вся страна.

Весь поход до Гаваны, длившийся до 8 января, он практически не спал. Те, кто впервые видели его близко,

поражались его огромной физической выносливости. Он непрерывно выступал, принимал делегации, неотрывно следил за развитием обстановки в Гаване, руководил действиями своих соратников. А там не все было благополучно.

Наиболее характерным моментом в те дни было появление большого количества группировок и организаций, претендовавших на свои особые заслуги в деле свержения диктатуры и требовавших своей доли постов, почета, оружия и денег. Происходили самовольные захваты гостиниц, типографий, радиостанций, помещений профсоюзных организаций и т. д. Каждый старался заручиться какой-то базой для дальнейшей торговли с правительством. Да и сам состав первого правительства, назначенного в первые дни победы, казалось, поощрял на такие действия. Возглавил кабинет министров Миро Кардона, который до этого был деканом ассоциации адвокатов Кубы. Он был широко известен как представитель крупных капиталистических интересов. Министром иностранных дел стал Роберто Аграмонте (из партии ортодоксов). Маневр с составом правительства был также важным элементом для выигрыша времени. Правящие круги США и крупная кубинская буржуазия оказались в состоянии растерянности и не сразу сообразили, каким образом им следовало реагировать на приход к власти такого правительства. Таким образом, когда Фидель вступил с Повстанческой армией в Гавану, его приветствовали все, в том числе и представители крупной буржуазии. Фидель, официально занимавший пост генерального представителя президента в вооруженных силах страны, отчетливее всех понимал, что главным гарантом революции является Повстанческая армия. У кого под контролем будут находиться вооруженные силы, тот и будет реальным хозяином положения. Поэтому все внимание было уделено этому, решающему в тот момент участку работы. Рауль Кастро по-прежнему оставался полномочным эмиссаром революции в провинции Ориенте, Камило Сьенфуэгос был назначен военным министром, Гильермо Гарсия, бывший крестьянин, впервые в жизни попавший в Гавану, стал командующим гарнизоном крупного военного лагеря «Манагуа», расположенного в пригороде столицы.

4 января, выступая в городе Камагуэй, Фидель Кастро призвал кубинский народ прекратить всеобщую забастовку, ибо победа революции стала свершившимся фактом.

В дороге было объявлено об отмене цензуры. Повсюду, куда приходила повстанческая колонна, сразу начинал проводиться в жизнь закон о земле 1958 г., приступали к работе новые местные власти, формировавшиеся в основном из представителей

подполья «Движения 26 июля».

8 января по призыву Объединенного национального рабочего фронта население Гаваны высыпало на улицы, чтобы встретить колонну ставших легендарными бородачей во главе с Фиделем Кастро. Радость и ликование населения не имели границ. Все улицы были запружены народом, и колонне с трудом приходилось пробиваться сквозь многотысячные толпы. Когда повстанцы проходили вдоль берега бухты, Фидель закричал от неожиданности, увидев стоявшую на приколе у пирса захваченную в свое время батистовцами яхту «Гранма». Он и немногие оставшиеся в живых экспедиционеры не могли удержаться, чтобы не сказать нескольких теплых слов у борта неказистого суденышка, сыгравшего такую огромную роль в революции.

Затем торжественный кортеж проследовал к президентскому дворцу, где состоялся краткий митинг, а затем направился к военному городку «Колумбия», куда уже давно стекались в ожидании Фиделя сотни тысяч жителей Гаваны.

Поздним вечером состоялся грандиозный митинг, где выступил Фидель Кастро. Содержание его речи было тщательно продумано, чтобы не дать основания никаким врагам революции сразу начать разрушать с таким трудом выкованное единство нации. Он призвал кубинский народ к поддержанию мира и порядка, высказался против раскольнических действий отдельных претендентов на роль маленьких вождей и просил вести против них беспощадную борьбу. Он не скрывал, что задачи, которые стоят перед революцией, очень сложны и что на их решение уйдет много времени и усилий. «Главная проблема революции в нынешних условиях — это труд», — сказал Фидель Кастро.

Начались трудовые будни революции, осложненные с первого дня фактическим двоевластием. Реальная власть принадлежала руководителям Повстанческой армии, которые обосновались в отеле «Хилтон» (теперь «Гавана либре» где разместилась и штаб-квартира Фиделя, а формально страной руководило правительство во главе с президентом Мануэлем Уррутией и премьер-министром Миро Кардона, заседавшими в президентском дворце. Кубинский народ и мировое общественное мнение ясно понимали, где находится мозг и сердце Кубинской революции, поэтому все просьбы поступали в отель «Хилтон», туда же направлялись все делегации, потоком лились телеграммы и письма, дежурили сотни иностранных и кубинских журналистов.

Пожалуй, первым крупным испытанием для молодой революции был вопрос о наказании военных преступников, что

неоднократно обещал кубинскому народу Фидель Кастро в ходе революционной войны. Не раз в своих обращениях к народу Фидель призывал его не допускать стихийных расправ над военными преступниками, не давать волю чувству мести, каким бы оправданным оно ни было, передавать захваченных преступников в руки революционного правосудия. В первые дни после победы революции местные власти, Повстанческая армия и органы полиции арестовали около 600 крупных военных преступников, которые не успели бежать за границу, из них 100 человек были отданы под суд в первые десять дней после победы. Во всех случаях суды располагали таким огромным количеством неопровержимых доказательств виновности обвиняемых в организации зверских пыток и массовых убийств политических противников диктатуры, что все они были приговорены к расстрелу. Когда в Сантьяго было закончено рассмотрение дел на группу военных преступников, из которых около 70 человек приговорены к смертной казни, в США произошел взрыв антикубинской истерии. Американская печать и конгресс как по команде подняли злобную кампанию против действий революционных трибуналов. Джон Фостер Даллес открыто стал намекать на то, что «надо что-то сделать для поддержания законности и порядка» на Кубе.

Такую позицию ни тогда, ни сейчас никак нельзя объяснить «гуманностью» американских конгрессменов и политиков. Ведь они бесстрастно взирали в течение многих лет, как Батиста заливал кровью Кубу, когда не было практически дня, чтобы на обочинах дорог, на заброшенных участках морского берега не обнаруживались трупы садистски замученных патриотов.

Фидель Кастро надеялся, что американцы сами поймут правду, если им дать возможность присутствовать на процессах над военными преступниками. С этой целью в Гавану была приглашена группа американских журналистов, которая освещала ход судебного разбирательства над одним из самых опасных военных преступников, майором Сосо Бланко, снискавшим себе черную славу палача провинции Ориенте. Процесс проходил в большом спортивном зале в присутствии многих тысяч зрителей. Перед революционным судом выступили в качестве свидетелей жертвы, чудом оставшиеся в живых после пыток в застенках, родственники убитых и замученных. Показания раскрыли чудовищную картину изуверства батистовских властей и лично обвиняемого. Он был приговорен к смертной казни, и американские операторы сняли весь процесс, включая приведение приговора в исполнение. Но даже это более чем красноречивое свидетельство объективности и законности судебного

разбирательства было обращено против революционной Кубы. Из выродков типа Соса Бланко хозяева американских средств массовой информации старательно делали мучеников и в таком виде подавали их на рынок потребителю.

21 января 1959 г. на огромном митинге, собравшем более миллиона кубинцев, Фидель Кастро дал резкую отповедь любителям вмешиваться в чужие дела под фарисейской маской защитников «законности». Он сказал, что никто в США не поднимал голоса в защиту жертв, даже когда палачи Батисты врывались в иностранные посольства, чтобы расстрелять очередную группу патриотов. «Кампания поднимается против Кубы потому, что она хочет быть свободной». Фидель обратился к участникам митинга с просьбой поднять руки, если народ одобряет проводимые революционные процессы над преступниками, на совести каждого из которых не менее пяти убитых революционеров. «Господа представители дипломатического корпуса, господа журналисты всех стран американского континента (на митинге присутствовало 380 иностранных журналистов), — сказал Фидель, указывая на безбрежное море взметнувшихся рук, — суд в составе миллиона кубинцев, принадлежащих к разным социальным классам и придерживающихся различных взглядов, высказал свое мнение».

Фидель, верный своей наступательной тактике, выдвинул на митинге требование к США выдать военных преступников, укрывшихся на их территории и в других государствах, где влияние США носит доминирующий характер.

Пока еще конфликт между США и Кубой не разгорелся на правительственном уровне. Действуя по заведенному правилу, США сначала привели в действие прессу и конгрессменов, которым было поручено создать то, что потом назовут «общественным мнением», а уж на него опирается затем правительство в своих официальных шагах. Хотя пока Белый дом молчал, атмосфера в отношениях между двумя странами тем не менее быстро приобретала грозовой характер.

За эти дни успел возникнуть еще один острый вопрос: о судьбе военной миссии США в Гаване. Еще 10 января на пресс-конференции Фидель сказал: «По моему мнению, нам не нужна эта миссия. Она оказалась бесполезной. Она научила солдат Батисты только тому, как надо проигрывать войну... Мы считаем, что она нас ничему не научит».

Пришлось американцам выводить с Кубы свою миссию, игравшую роль важного инструмента их политического влияния на обстановку в стране.

В высказываниях Фиделя Кастро продолжала нарастать и

укрепляться патриотическая тема. Ведя как бы диалог с многотысячным митингом, собравшимся 3 февраля 1959 г. в городе Гуантанамо, Фидель говорил о возможных репрессалиях США и вероятных ответах на них кубинцев: «Если они предпримут экономические санкции, пусть предпринимают. Мы найдем решения. Мы сможем затянуть потуже пояса. Откажемся от всего излишнего, будем сами производить одежду, шить обувь из кож нашего скота. Но если надо будет 20 лет ходить босиком, мы пойдем и на это, потому что наши славные предшественники — мамбисес — босыми вели освободительную войну в течение 10 лет».

13 февраля возник первый правительственный кризис: подал в отставку премьер-министр Миро Кардона, который считал, что курс революции не соответствовал его политическим взглядам. Так оно и было на самом деле. Пути кубинской революции и правых оппортунистов типа Миро Кардоны действительно стали основательно расходиться. Началась та самая полоса социально-экономических преобразований, те революционные рытвины и ухабы, при которых из революционной повозки один за другим вываливались представители бывших буржуазных оппозиционных партий.

Уход Миро Кардоны не создал никакой угрозы стабильности революционного процесса. 16 февраля на этот пост был назначен Фидель Кастро. Это решение было встречено с огромным облегчением подавляющим большинством кубинского народа.

В своем заявлении при вступлении на пост премьер-министра Фидель Кастро заверил народ в том, что уже ведется разработка радикальной аграрной реформы, что будут приняты все меры по улучшению положения широких народных масс, завершится чистка государственного аппарата. Он предложил сразу же сократить размеры жалованья министрам правительства, чтобы нахождение на этом высоком посту было только высоким служением родине, а не преследовало цель личного обогащения. Он закончил свое выступление твердыми и суровыми словами: «Народ должен отдавать себе отчет, что путь, лежащий перед нами, труден и долог, в борьбе наши рубахи не раз взмокнут от пота, и надо об этом не только помнить, но и следить за тем, чтобы не испарился энтузиазм...»

Взяв на себя обязанности премьер-министра, Фидель Кастро вынужден был в известной мере изменить и свой образ жизни. Если раньше он редко мог провести целый день на одном месте, он непрерывно находился в движении, нередко выступая по два-три раза в день, то теперь его новое положение требовало от него огромной жертвы — необходимости сидеть и работать в кабинете.

Но зато, если раньше правительство практически не приняло ни одного радикального закона, то теперь развитие революции резко ускорилось. 3 марта 1959 года было решено взять под контроль государства Кубинскую телефонную компанию, являвшуюся американской монополией.

Были приняты немедленные меры по облегчению положения беднейших категорий городского населения, т. е. рабочего класса. Еще 26 января 1959 г. был одобрен закон, запрещавший выселение по суду или в административном порядке лиц, которые задолжали с уплатой квартирной ренты.

Ускорилась работа по роспуску старой армии; новые вооруженные силы создавались на базе Повстанческой армии с добровольным набором из числа преданных революции лиц, имевших опыт борьбы с диктатурой в подполье, из активистов политических партий и организаций, боровшихся с диктатурой, из рабочих и крестьян.

Государственный аппарат очищался от бывших пособников тирании.

Прогнившее насквозь руководство профсоюзов было смещено, восстановлены права трудящихся. Рабочие, уволенные с предприятий в период диктатуры, вернулись на свои места, прекратился сгон крестьян с земли.

Для Фиделя в его новом качестве многое происходило в первый раз. Например, 27 февраля 1959 года Фидель принял первого крупного иностранного гостя — чилийского сенатора Сальвадора Альенде, прибывшего по приглашению революционного правительства познакомиться с ходом преобразований на Кубе. 2 марта Фидель получил первую награду: медаль за заслуги в борьбе за освобождение народа. Он получил ее от алжирских патриотов.

Не прерывая ни на один день своей привычной работы, Фидель Кастро стал готовиться к крупной зарубежной поездке по странам Западного полушария, включая США. Он придавал этой поездке большое значение. Несмотря на то, что в американо-кубинских отношениях появилось много зловещих признаков (сокращение связей, ограничение американских коммерческих кредитов), свою задачу Фидель Кастро все-таки видел не в ведении конкретных переговоров, а в объяснении американскому общественному мнению сути и значения происходивших на Кубе событий.

Для поездки в США была избрана необычная форма. Визит носил неофициальный характер, Фидель воспользовался приглашением, полученным им задолго до того, как он стал премьер-министром, от Ассоциации издателей американских

газет. 15 апреля 1959 года он прибыл в Вашингтон, где сразу столкнулся с разным отношением к нему со стороны официальных властей и простого американского народа. В аэропорту его холодно встретил заместитель государственного секретаря Рой Рубботом и горячо приветствовала огромная толпа восторженных поклонников, которая собралась, несмотря на предупреждение со стороны полиции и ФБР о нежелательности демонстраций в связи с приездом Фиделя Кастро. В тот же день он встретился с госсекретарем Кристианом Гертером. На другой день он нанес визит в Капитолий, где встретился с группой влиятельных сенаторов, среди которых были будущий президент США Джон Кеннеди, Уильям Фулбрайт и другие. Фидель рассказал о первых достижениях революции на Кубе, подчеркнул, что главные проблемы его страны лежат в области экономики. Он говорил, что Куба представляет собой прекрасное место для иностранных капиталовложений на справедливых взаимоприемлемых условиях, но подчеркивал, что кубинцы никогда не будут выступать в качестве просителей. С большим достоинством Фидель заметил: «Кубинский национализм заключается в желании сделать свою страну процветающей и уважаемой страной».

Большое место в его беседах в США занимал вопрос о выборах. Где бы он ни появлялся, с кем бы ни приходилось ему вести беседу в США, перед Фиделем неизменно ставили вопрос: «Когда вы проведете выборы на Кубе?» Американцы не могли скрыть своего желания как можно быстрее провести выборы на Кубе, пока еще сохраняли силу старые политические деятели, пока весь пропагандистский аппарат был еще в их руках, пока широкие народные массы только-только начали просыпаться и вовлекаться в активную политическую жизнь. Фидель отвечал, что, прежде чем звать народ к урнам, надо реально изменить положение широких масс трудящихся: дать им гарантии работы, образования, политических прав, — а уж потом приглашать их на выборы. Он сказал, что на Кубе выборы состоятся не ранее чем через несколько лет, а сейчас внимание народа будет сосредоточено на решении важных, неотложных задач социально-экономического характера.

Не менее часто Фиделя спрашивали, является ли он коммунистом и сколько коммунистов входит в состав его правительства. Вообще этот вопрос является сильнейшим возбудителем для американских должностных лиц и представителей их печати. Получив тысячу раз отрицательные ответы на подобные вопросы, они будут вновь и вновь возвращаться к этой теме, будучи не в силах уйти от нее.

Среди простых американцев Фидель пользовался большой популярностью за свое полное пренебрежение к протоколу, простоту, доступность, готовность ответить на шутку шуткой.

Одна настойчивая американская девушка сумела преодолеть все барьеры охраны, проникла в кубинское посольство и обратилась к Фиделю с просьбой дать ей автограф, но в последний момент она засмущалась и не знала, как обратиться к высокому гостю: назвать его «Ваше Превосходительство», «господин», «доктор» или как-нибудь еще. Когда она откровенно рассказала Фиделю об этих затруднениях, он ответил: «Слушай, если ты сумела пройти через все полицейские заслоны, то зови меня просто Фидель!»

На официальном приеме в кубинском посольстве в Вашингтоне к Фиделю подвели высокопоставленного чиновника государственного департамента и представили: «Ответственный за кубинские дела». Фидель вежливо поприветствовал его, а потом наклонился и сказал: «Извините, но ответственным за кубинские дела все-таки являюсь я!»

Фидель мог спокойно, в явном противоречии с принятым распорядком визитов, поехать поздним вечером неофициально осматривать исторические и памятные места города, а потом зайти поужинать в маленький третьеразрядный ресторанчик. Его только развлекло и радовало, что вскоре собиралась толпа любопытных, с которыми завязывался непринужденный разговор, затягивавшийся далеко за полночь. Он не был огорчен, узнав, что президент США Эйзенхауэр не нашел времени, чтобы принять Фиделя Кастро. А Дуайта Эйзенхауэра история пришпилила к позорному столбу афористической фразой: «Он предпочел партию в гольф встрече с руководителем самой выдающейся революции в Западном полушарии».

26 апреля Фидель с однодневным визитом посетил Канаду, где вновь с утра до ночи шли пресс-конференции, встречи, приемы с главной целью: укрепить международные позиции Кубинской революции.

Затем путь Фиделя шел на юг, в центр бразильской кофейной промышленности — город Сан-Паоло. По приглашению президента Кубичека Фидель посетил новую столицу — город Бразилиа, а оттуда вылетел в Буэнос-Айрес, где 1 мая выступил на конференции представителей американских стран по вопросам экономического развития.

Выступая на этом совещании, Фидель Кастро выдвинул два предложения, которые были направлены на коренную перестройку экономических отношений между США и латиноамериканскими странами. Он предложил, чтобы США

выделили 30 млрд. долларов в течение ближайших десяти лет на нужды экономического развития Латинской Америки, которая сама не располагала возможностями для качественного скачка в промышленном развитии.

Второе предложение Фиделя Кастро носило не менее радикальный характер. Он обратил внимание совещания на то, что подавляющее большинство латиноамериканских стран не располагали достаточно емким рынком для развития своей промышленности, из чего вытекала необходимость создания единого латиноамериканского рынка, в рамках которого можно было бы устраивать известное разделение труда. На это предложение также махнули рукой, однако прошло всего 8 лет, и весной 1967 г. в Уругвае было принято решение о создании латиноамериканского рынка, но без Кубы, которая уже не состояла в ОАГ.

Только 8 мая он возвратился на родину.

Дома его ждали последние приготовления к подписанию закона об аграрной реформе. Работа над текстом закона велась уже давно и достаточно гласно. Постоянно действовал так называемый Форум аграрной реформы, в работе которого принимали участие представители политических партий, рабочих и крестьянских организаций, общественность. На этом форуме можно было высказать свои соображения и предложения по аграрному законодательству, которые учитывались комиссией по выработке окончательного текста. Весь народ ждал принятия этого закона, который был неоднократно обещан повстанцами еще в годы борьбы с диктатурой Батисты.

Наконец 17 мая 1959 года Фидель Кастро пригласил временного президента страны и своих коллег по кабинету министров выехать в Сьерра-Маэстру для подписания именно там закона об аграрной реформе. Уже сама по себе процедура и место подписания были необычными. Чтобы добраться до партизанского штаба в Ла-Плате, надо было пройти по крутым, скользким горным тропам, по которым никогда не приходилось ходить подавляющему большинству тогдашних министров. Но Фидель вел их туда, где революция обещала дать землю тем, кто ее обрабатывает.

Когда Фидель прибыл в эту дорогую его сердцу крестьянскую хижину, он первым делом попросил у хозяйки, чтобы она приготовила ему такой же простой завтрак, как это было в годы войны. Само подписание состоялось в маленькой хижине, в которой едва помещались стол и две скамьи, сколоченные из грубых, неструганых досок, но эта крестьянская бедность лишь подчеркивала историческое значение совершавшегося события.

Перед домиком была расчищена небольшая площадка, которую в шутку назвали «площадью Революции». Это, наверное, самое скромное в мире место проведения совместного заседания Совета Министров и представителей общественности, посвященное такому важному в жизни страны событию, как подписание закона об аграрной реформе. Вместо трибуны оратора — простой кол, вбитый в землю, с приколоченным к нему обрезком доски, на который можно положить тезисы или заметки. Два ряда простеньких скамеечек в одну доску, а перед ними маленький пятачок ровной земли размером с баскетбольную площадку, окруженный со всех сторон густыми зарослями горного леса. Вот в этой обстановке, без помпезности, без тучи фото— и телерепортеров, но зато в революционной строгой торжественности и родился закон об аграрной реформе.

В соответствии с его положениями в стране полностью ликвидировалось иностранное землевладение, а максимальные размеры земли, находящейся в руках одного владельца, ограничивались 30 кабальериями (т. е. 400 га). Прежним владельцам выплачивалась компенсация бонами государственного казначейства со сроком погашения их в течение 20 лет. Боны приносили их владельцам 4,5 процента годового дохода. Аграрная реформа наносила самый тяжелый удар по интересам иностранных вкладчиков капитала на Кубе и по крупной кубинской буржуазии. Владельцы сахарных плантаций были тесно связаны с другими группами буржуазии: владельцами сахарных заводов, банками, страховыми компаниями, транспортными фирмами и т. д., так что удар пришелся по всему классу крупной буржуазии.

Как только закон об аграрной реформе вступил в силу, то одним из первых было экспроприировано имение семейства Кастро в Биране. В строгом соответствии с буквой и духом решений революции вся земля, за исключением разрешенного по закону предела, перешла в распоряжение Института по проведению аграрной реформы. Уместно сказать, что вообще для Фиделя Кастро в высшей степени характерно скрупулезное личное подчинение законам революции. Он никогда не допускал даже мысли о том, чтобы сделать какое-то исключение лично для себя или своих близких.

Еще раньше, когда только в горах начиналась партизанская война и повстанцы стали практиковать поджоги плантаций сахарного тростника, чтобы осложнить экономическое положение диктатуры и обострить внутренние противоречия в стане противника, первые пожары вспыхивали, как правило, на полях, принадлежавших семье Кастро. Личный пример Фидель считал

всегда самым убедительным аргументом для того, чтобы требовать от других того же.

Закон об аграрной реформе и его решительное проведение в жизнь стали водоразделом в развитии Кубинской революции. Он вызвал резкое обострение классовой борьбы в стране. Объединенные силы помещиков, буржуазии и иностранного капитала развернули кампанию, направленную на дискредитацию реформы. Американская пропаганда перешла к запугиванию и угрозам.

Теперь основной темой наскоков внутренней и внешней контрреволюции стало обвинение в нараставшей в стране угрозе коммунизма. Лишь две газеты поддерживали правительство: орган народно-социалистической партии — «Ой» и созданная после победы революции газета «Революсион», являвшаяся органом «Движения 26 июля». Все же остальные газеты и журналы продолжали вести обстрел политики правительства с враждебных позиций. На помощь революции пришли рабочие издательств и типографий. Они изобрели хитроумный способ борьбы со своими хозяевами. Поскольку свободой выражения мнений на революционной Кубе пользовались все, рабочие стали самостоятельно набирать и помещать в правых газетах так называемые «хвосты» к редакционным материалам. Иначе говоря, после особо клеветнических и враждебных материалов подверстывалось специальное обращение к читателю от рабочих, в котором говорилось, что данное сообщение представляет собой грубый вымысел и содержит провокационные нападки на революцию. Таким образом, каждое злостное измышление тут же сопровождалось опровержением. Причем рабочие «хвосты» набирали жирным шрифтом, курсивом, чтобы они привлекали внимание читателя. Газеты приобрели необычный вид и особый привкус горячей и острой классовой борьбы, развернувшейся повсюду.

Вся страна стала огромным полем идеологической битвы. 11 июня 1959 г. из правительства ушли сразу пять министров, и на их места назначены испытанные революционеры и преданные патриоты. Временный президент Уррутия в ответ демонстративно перестал посещать заседания Совета Министров и занялся саботажем, задержками подписания важных государственных документов, которые требовали утверждения президентом. Но он не ограничивался пассивной ролью тормоза революционного процесса, а, используя свой высокий пост, на который его случайно вознесла волна революции, стал активно вмешиваться с ретроградских позиций в политику правительства и руководства революции. Между руководством революции и временным

президентом возникла пропасть. Сотрудничество стало невозможным.

Утром 17 июля 1959 года Фидель Кастро обратился по радио и телевидению к народу с заявлением о том, что подает в отставку с поста премьер-министра. Эта новость грянула как гром среди ясного неба. Людьми овладела тревога и желание сделать все, чтобы не допустить такого поворота в развитии революции. Каждый понимал, что позволить реакции убрать Фиделя — значит согласиться на контрреволюцию, на кубинский вариант термидорианского переворота. Повсюду стали стихийно собираться демонстрации, с первой из которых Фидель встретился при выходе из здания радиостанции, где он зачитал свое заявление об отставке.

Под лозунгами «Да здравствует Фидель!», «Долой Уррутию!» на улицы вышел весь народ. Уррутии ничего не оставалось, как бежать. Он укрылся в венесуэльском посольстве и вскоре навсегда покинул землю Кубы. На пост президента республики был выдвинут министр правительства Ос-вальдо Дортикос Торрадо, который был заметной фигурой в антибатистовском подполье в городе Сиенфуэгосе, а после революции активно принимал участие в разработке революционных законов.

Фидель вновь возглавил Совет Министров Кубы. Об этом под овацию гигантского митинга объявил 26 июля 1959 года новый президент Кубы в день празднования VI годовщины штурма казармы Монкада. Сам Фидель, выступивший на том же митинге, сказал: «Если бы народ не поддержал нашу революцию, если бы народ решил иначе, я бы не стал снова премьер-министром революционного правительства. Решение было в руках народа. Народ мог сказать: „Не возвращайся“, равно как мог сказать и как сказал: „Вернись“. Свершилась воля не одного человека и не группы людей, а всего народа».

Революция набирала темп в осуществлении провозглашенных законов, но и контрреволюция понимала, что время работает против нее. Все свои надежды внутренняя оппозиция стала возлагать на США, которые резко выступили против аграрной реформы, причем теперь в антикубинские акции уже открыто включилась администрация. Государственный департамент направил кубинскому правительству ноту протеста против закона об аграрной реформе, указывая (по старой привычке) на правомерность принятия подобных реформ, но при условии «быстрой, справедливой и эффективной компенсации». Что значили эти три внешне красивых слова? США требовали немедленной выплаты наличными полной рыночной стоимости экспроприированной у их граждан земли. Но эти требования ни

на чем не основывались. Во-первых, стоимость земли оценивалась теми суммами, которые указывали ее владельцы для уплаты государственных налогов на недвижимость. Требование оценивать землю по ее рыночной стоимости было равносильно признанию, что латифундисты в течение многих лет обманывали государство, а следовательно, и народ Кубы, не уплачивая причитавшиеся налоги. Во-вторых, требование платить наличными, а не бонами было равносильно требованию к кубинскому правительству «купить у США все обрабатываемые земли Кубы». Никакая государственная казна не могла обеспечить наличными выкуп громадного количества (3,8 млн. га) пахотных и иных земель, подлежавших национализации.

17 августа Куба подверглась первому налету пиратских самолетов, один из которых прилетел из США, а два других — с территории Доминиканской Республики. Первые бомбы упали на мирных жителей Гаваны, возвестив начало необъявленной войны США против революционной Кубы. В начале сентября 1959 года посол США Бонзал был вызван в Вашингтон для консультаций в связи с необходимостью развертывать широкий фронт борьбы с Кубой. 17 октября США заявили протест Англии в связи с распространившимися сообщениями о том, что она вела переговоры с Кубой о продаже боевых реактивных самолетов. Началась политика блокады, затронувшая в первую очередь область вооружений.

Фидель спешно разрабатывал меры по укреплению боеспособности вооруженных сил страны. 15 октября 1959 года на пост военного министра Кубы был назначен Рауль Кастро. Своей беззаветной преданностью революции, непримиримым отношением к ее врагам, патриотизмом Рауль Кастро снискал себе репутацию одного из самых радикальных руководителей кубинской революции. Значительная часть усилий противников революции по дискредитации героев революционной войны была направлена именно против него. Он и Че Гевара были в глазах кубинских термидорианцев главными препятствиями, мешавшими достижению их целей. Поэтому этот выбор Фиделя и назначение Рауля Кастро на важнейший пост министра вооруженных сил означал конец всех надежд реакции на «мирное перерождение» революции.

В такой напряженной обстановке 20 октября был готов вспыхнуть мятеж, подготовленный Убером Матосом, занимавшим пост командующего войсками в провинции Камагуэй. Этот человек на поздней стадии примкнул к революции и в известной мере был новичком в рядах повстанцев. В 1957 г. он, будучи владельцем рисоводческого хозяйства в провинции Ориенте,

помог своим транспортом при доставке подкреплений из Сантьяго в горы. Затем он длительное время находился в эмиграции в Коста-Рике и лишь на последнем этапе войны в Сьерра-Маэстре он приземлился на самолете в контролируемой партизанами зоне и включился в борьбу. Руководство революции оказало ему большое доверие, потому что Убер Матос был достаточно подготовленным, образованным человеком, каких, к сожалению, было мало в рядах Повстанческой армии. Он обладал некоторыми организационными способностями, отличался личной смелостью, но при всем этом в нем были заметны мелкобуржуазная недисциплинированность, высокомерие, карьеризм. В годы войны он руководил отрядом повстанцев и одним из первых вошел на территорию провинции Камагуэй, что позволило ему одно время спекулировать на славе «освободителя» провинции. Еще в годы войны у Фиделя Кастро было резкое столкновение с Убером Матосом по вопросу о соблюдении уставных требований. В то время как действовавший в Повстанческой армии закон предписывал все захваченное в боях оружие передавать в распоряжение Главного штаба, Убер Матос самочинно присваивал для своего отряда наиболее ценное автоматическое оружие. Был случай, когда Фидель в письменной форме потребовал от него или немедленно сдать трофеи, или передать командование другому офицеру и явиться для объяснений в Главный штаб.

Тогда У. Матос сделал вид, что произошло досадное недоразумение, а вот теперь недисциплинированность переросла в заговор, и он встал на путь открытой борьбы против революции.

Находясь на посту командующего вооруженными силами провинции, У. Матос поменял практически всех должностных лиц в государственных учреждениях, средствах информации, студенческих и профсоюзных организациях. Повсюду он расставил безоговорочно преданных себе лично людей. Он планировал начать мятеж в провинции Камагуэй, прологом которого должна была стать коллективная отставка всех должностных лиц провинции, которые отказывались якобы от сотрудничества с прокоммунистическим правительством. Затем эта кампания гражданского неповиновения распространилась бы на другие провинции, а сам Убер Матос становился бы общенациональным вождем антифиделевской оппозиции.

20 октября весь план был приведен в действие. У. Матос направил Фиделю личное письмо об отставке, в котором заявлял, что он порывает с революционным правительством из-за несогласия в подходе к проблеме коммунизма и отношения к коммунистам. Получив письмо, Фидель решил, что оно носит

строго доверительный характер, и решил не спешить с принятием мер. Однако глубокой ночью Фидель получил по телефону сообщение от тогдашнего уполномоченного по проведению аграрной реформы в провинции Камагуэй Энрике Мендосы о том, что это письмо широко распространяется по провинции и что выступление Убера Матоса назначено на утро 21 октября. Руководитель заговора собрал всех офицеров в казармах полка и вел проработку последних деталей акции. До утра Фидель давал указания Э. Мендосе, что следует предпринять для противодействия заговорщикам, для выигрыша времени, а ранним утром сам прибыл в город Камагуэй, не имея при себе ни оружия, ни охраны. Даже пистолет был снят и оставлен. По радио было передано сообщение, что прибыл Фидель для разбирательства чрезвычайного дела и все граждане, выступающие в защиту революции, приглашаются на площадь. В считанные часы в назначенном месте собрались десятки тысяч жителей города Камагуэя. Фидель обратился к ним с краткой речью, сказав, что в провинции зреет заговор, возглавляемый Убером Матосом, засевшим в настоящий момент в казармах полка, и что он прибыл, чтобы сорвать контрреволюционную вылазку. Фидель пригласил следовать за собой всех, кому дороги судьбы революции. И он, безоружный, пошел впереди безоружной толпы прямо по направлению к казармам. Энрике Мендоса рассказывал, что это было волнующее зрелище: десятки тысяч людей, увлекаемых Фиделем, лавиной двигались на штаб-квартиру Убера Матоса. Когда шествие подошло к воротам военного городка, те оказались запертыми на замок. Фидель, отличавшийся недюжинной физической силой, с такой яростью ударил по ним ногой, что запор поддался и ворота распахнулись. Часовые оторопело отошли в сторону, и вся масса народа влилась в помещение казармы. Заговорщики не посмели оказать никакого сопротивления.

Убер Матос и его основные сообщники были арестованы и отправлены в Гавану, а Фидель прямо с балкона казармы обратился с речью к сопровождавшим его жителям Камагуэя. Заговор был сорван.

Буквально в тот же день в соответствии с явно скоординированным планом над Гаваной появился американский бомбардировщик Б-26, который разбрасывал подрывные листовки, пытаясь помочь уже подавленному заговору. Одним из тяжелых последствий заговора Убера Матоса была гибель Камило Сьенфуэгоса, который принял на себя командование войсками в провинции Камагуэй. В эти тревожные дни, связанные с ликвидацией всех ответвлений подпольной контрреволюционной

сети, ему не раз приходилось летать в Гавану для консультаций с Фиделем Кастро. 30 октября его самолет не прибыл в Гавану. Камило был всеобщим любимцем во время войны в горах и после победы революции. Ему Че Гевара посвятил свою первую книгу «Партизанская война». Гевара считал Камило Сьенфуэгоса гениальным партизанским вожаком. За его безграничную личную храбрость, обаяние, доброту и ум Камило пользовался широкой популярностью на Кубе. Он был одним из самых близких и преданных Фиделю руководителей вооруженных сил революционной Кубы. Его исчезновение было тяжелым ударом для революции и большой потерей лично для Фиделя Кастро. Премьер-министр бросил все дела и возглавил организацию поисков пропавшего Камило. Целую неделю, с 1 по 6 ноября 1959 года, Фидель не появлялся в Гаване, тщательно обследуя все возможные пути полета самолета Сьенфуэгоса, в надежде найти хоть какой-нибудь его след. Но все усилия оказались тщетными. В тот трагический день над островом бушевали тропические грозы, маленький двухмоторный самолет не был оснащен для полетов в сложных условиях; по-видимому, пилот, чтобы обойти грозовой фронт, отклонился в сторону моря, и там произошла механическая неполадка, которая стала фатальной. С тех нор в день гибели Камило кубинцы бросают венки и цветы в морские волны, отдавая дань памяти славному повстанческому руководителю.

В эти дни октября 1959 года у Фиделя зарождается мысль о создании народной милиции как наиболее эффективной формы привлечения всего народа к участию в защите отечества, над которым все более явственно сгущались тучи. В горах стали появляться отдельные банды контрреволюционеров из числа отщепенцев, холуев латифундистов, остатков батистовцев. В борьбе с ними в провинции Пинар-дель-Рио впервые отличились местные крестьяне, которым Фидель приказал выдать оружие. Этот отряд крестьян и стал ядром народной милиции. Слова Камило Сьенфуэгоса, сказавшего, что «Повстанческая армия — это вооруженный народ», теперь приобретали еще более глубокое значение.

Перед лицом непрекращавшихся вооруженных провокаций со стороны США, позволявших беспрепятственно совершать со своей территории, на своих самолетах пиратские воздушные налеты на города и села Кубы, Фидель заявил 22 октября, что кубинцы ответят на них «планомерной военной подготовкой рабочих, крестьян, служащих и даже женщин». Революционная концепция защиты родины предусматривала участие всего народа в отражении агрессии. Любая война, которую посмели бы

спровоцировать США, неизбежно должна была бы принять характер отечественной. Но силами одной Кубы отстоять революцию было трудно. Нужна была и помощь друзей.

Заканчивался первый год революции. Он весь без остатка ушел на ожесточенную борьбу вокруг вопроса: куда идти? с кем идти? Эта борьба закончилась полной победой Фиделя Кастро и его ближайших соратников, которые представляли интересы самых широких слоев трудящихся города и деревни и которые не могли остановиться на полдороге, ограничив свою историческую миссию только свержением диктаторского режима, а вели дело к завершению радикальной социальной революции.

Вопрос «кто кого» — главный вопрос первого года революции — решился в общем бескровно. Могучая поддержка со стороны подавляющего большинства кубинского народа позволила избавиться от контрреволюционного балласта в правительстве и частично в вооруженных силах практически без применения революционного насилия. Уррутия уехал за рубеж, Миро Кардона вскоре получил назначение послом в Вашингтон, где он впоследствии и остался навсегда, Убер Матос был приговорен к 20 годам тюремного заключения. Все министры-контрреволюционеры один за другим бежали из страны и оказывались почти всегда в США. Несмотря на все истерические вопли о «жестокости» Кубинской революции, раздававшиеся со страниц американской печати, нельзя не отметить удивительной гуманности Фиделя Кастро и руководства революции в целом по отношению к тем, кто предал в первый год идеалы революции, стал отщепенцем и переметнулся на сторону врагов Кубы и ее народа.

В конце 1959 г. кубинская буржуазия окончательно убедилась, что у нее не остается надежд добиться изменения хода событий своими силами, и она все свои надежды и чаяния связывает теперь только с вмешательством извне, т. е. со стороны США. К этому времени начинается массовое бегство буржуазии с Кубы.

На втором году революции «империализм полностью взял в свои руки руководство внутренней контрреволюцией», как отмечал Фидель Кастро на I съезде партии. Теперь США уже не ограничивались первоначальными дипломатическими маневрами и идеологическими кампаниями, а постепенно привели в действие весь арсенал своих средств. Конечно, соотношение сил между Кубой и США было смертельно опасным для революции, но, как заметил Фидель Кастро, «в тот момент решимость народа и его руководителей добиться свободы любой ценой, даже ценой национальной катастрофы, оказалась сильнее холодного подсчета

своих возможностей».

Какой бы удар ни задумали в Белом доме, можно было быть уверенным, что кубинцы ответят на него не менее чувствительным контрударом. Действия США лишь ускоряли революционный процесс на Кубе. Впервые за всю историю своих отношений с латиноамериканскими странами США столкнулись с противником, который, вопреки логике и трезвым расчетам, отвечал хлесткими ударами на репрессивные акции США. Неотвратимость ответного удара стала даже пугать вашингтонских политиков. В конечном счете весь мир психологически привык на протяжении десятилетий к тому, что США «наказывали» латиноамериканские страны. Их «карательные» меры воспринимались как нечто обычное, и теперь ответы Кубы были для американских правящих кругов непереносимо унизительны и обидны. И что самое неприятное для США, эти ответы с глубокой симпатией встречались во всем мире и особенно в Латинской Америке. А это давало кубинцам большой психологический перевес в этом острейшем столкновении. Творцом и проводником такой активной политики был Фидель Кастро.

4 февраля 1960 г. в Гавану прибыл по приглашению правительства Кубы на открытие советской выставки А. И. Микоян. В результате состоявшихся между ним и Фиделем переговоров через несколько дней было подписано соглашение, по которому СССР покупал 5 млн. тонн сахара в течение 1960-1964 гг. по мировым ценам, причем 20 процентов оплачивал твердой валютой, а остальные — советскими товарами. Одновременно СССР предоставил Кубе заем размером в 100 млн. долларов на 12 лет под 2,5 процента годовых. Кроме того, СССР изъявлял готовность предоставить необходимую техническую помощь в строительстве и реконструкции предприятий. Географический фатализм, предполагавший особую роль США в определении и формировании судеб латиноамериканских стран, начал разрушаться.

Не желая отказываться от своей имперской политики в Западном полушарии, США стали по всем направлениям вести тотальную борьбу с опасным мятежным очагом, каким стала Куба. Когда кубинцам удалось купить в Бельгии некоторое количество оружия для повышения боеспособности революционной армии, корабль «Ля Кубр», на котором перевозился груз, был заминирован американской агентурой и взорвался в гаванском порту 4 марта 1960 г.

На другой день на похоронах жертв взрыва корабля «Ля Кубр» Фидель Кастро сформулировал лозунг, который стал боевым

кличем кубинцев: «Родина или смерть!». Не страх и не панику, а железную решимость отстоять свое отечество рождали эти диверсии и саботаж противника. Поступь революции становилась все более твердой.

17 марта президент США Эйзенхауэр принял секретное решение о том, чтобы предоставить возможность кубинской контрреволюционной эмиграции создавать воинские формирования, проходить подготовку и экипироваться за счет особых фондов США. Речь шла уже о подготовке под эгидой ЦРУ наемной армии вторжения. Центральноамериканские страны и база Гуантанамо становятся местом для подготовки и заброски на территорию Кубы бандитских формирований.

Вашингтон начал душить Кубу петлей голода. Была сначала урезана, а затем и вовсе ликвидирована квота продажи кубинского сахара на рынке США, что должно было парализовать единственную сколько-нибудь развитую отрасль промышленности Кубы, от которой зависела экономическая устойчивость всей страны.

Затем США прекратили поставки на Кубу всяких запасных частей к промышленному оборудованию, которое почти целиком было американского производства. И что самое опасное, американцы попытались вызвать энергетический паралич Кубы, так как вся нефть в страну поступала от американских и английских компаний в Венесуэле и перерабатывалась на американских нефтеперегонных заводах. Даже вся распределительная сеть на Кубе принадлежала межнациональным нефтяным монополиям.

В конце августа 1960 года Соединенным Штатам удалось собрать в столице Коста-Рики министров иностранных дел государств — членов Организации американских государств и склонить их к одобрению резолюции с осуждением Кубы.

Однако кубинский народ ответил на «декларацию Сан-Хосе» своей Гаванской декларацией. 2 сентября в кубинской столице состоялся грандиозный митинг с участием миллиона человек. Этот митинг, взявший на себя функции национальной Генеральной Ассамблеи, одобрил текст I Гаванской декларации, которая провозгласила: «право крестьян на землю; право рабочего на плоды своего труда; право детей на образование; право больных на получение медицинской помощи и больничное обслуживание; право молодежи на труд; право учащихся на свободное экспериментальное и академическое образование; право негров и индейцев на полное человеческое достоинство; право женщин на гражданское, социальное и политическое равенство; право престарелых на обеспеченную старость; право

представителей интеллигенции, людей творческого труда и ученых на борьбу своими творениями за лучший мир; право государства на национализацию империалистических монополий в целях возвращения национальных богатств и ресурсов; право стран на свободную торговлю со всеми народами мира, право на полный суверенитет; право народа на превращение своих крепостей в школы и на вооружение своих рабочих, крестьян, студентов, представителей интеллигенции, негров и индейцев, женщин, молодежи, стариков, всех угнетенных и эксплуатируемых для защиты таким путем своих интересов и своей судьбы».

Гаванская декларация 1960 г. явилась важной вехой в развитии Кубинской революции. Этот документ юридически закрепил курс на дальнейшую радикализацию революции.

Когда Куба стала принимать советскую нефть, поступавшую в уплату за кубинский сахар, американские заводы отказались ее перерабатывать. Тогда отряды народной милиции заняли заводы, которые с 1 июля 1960 года стали собственностью кубинского государства, и обеспечили бесперебойное снабжение горючим.

Отвечая на меры экономической агрессии со стороны США, правительство Кубы последовательно объявляло о национализации все новых и новых групп предприятий, принадлежавших американцам. Под контроль государства перешли банки, гостиницы, сахарные заводы, плантации сахарного тростника, нефтеперегонные заводы, химическая и фармацевтическая промышленность и т. д. За пять месяцев, между маем и октябрем 1960 года, начавшаяся по вине США экономическая война привела к тому, что революция покончила навсегда с американскими капиталовложениями, национализировав всю собственность, принадлежавшую американцам. США очень быстро расстреляли всю обойму репрессивных экономических мер, а результата, на который они рассчитывали, не добились.

В том же октябре I960 года были приняты законы, предусматривавшие национализацию всех сахарных заводов, железных дорог, фабрик и других промышленных предприятий. Перешли в собственность государства все крупные торговые предприятия и банки. Все это произвело коренной перелом в жизни страны.

В сентябре 1960 года в Нью-Йорке начала свою работу юбилейная XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которую прибыли премьер-министры стран — членов ООН. Принял решение поехать в Нью-Йорк и Фидель Кастро, хотя отношения между двумя странами были чрезвычайно напряженными. Так,

например, явно действуя по указке властей и продажного руководства профсоюзов, персонал аэропорта в Нью-Йорке заявил, что он не будет даже разгружать багаж кубинской делегации, если приедет Фидель Кастро. Но такими грубыми мерами нельзя было запугать кубинских руководителей, прошедших тернистый путь самых трудных испытаний. Узнав об этом, Фидель только сказал:

«Ну и что ж? Мы просто не возьмем с собой никаких чемоданов, а поедем с походными вещмешками. Мы даже этого удовольствия империалистам не доставим!»

11 дней, проведенных Фиделем в США (с 18 по 28 сентября 1960 г.), были наполнены злобными мелкими уколами, которыми власти и правые силы США пытались вывести из себя и спровоцировать кубинскую делегацию. Полиция и ФБР сделали все, чтобы полностью изолировать Фиделя Кастро от общения с публикой. Самолет кубинской делегации был отогнан в самый отдаленный уголок аэропорта, и оттуда пытались незаметно отвезти Кастро в гостиницу, несмотря на то, что на аэродроме собрались тысячи людей, чтобы встретить премьер-министра Кубы. Когда Фидель попытался из окна автомашины приветствовать встречавших, то один из офицеров полиции в неуважительной форме пытался запретить ему это, что вызвало резкий отпор со стороны Фиделя Кастро, а потом стало причиной энергичного протеста перед Генеральным секретарем ООН. Несмотря на все усилия властей США, более 100 автомашин, 25 автобусов и несколько грузовых машин, битком набитых восторженными сторонниками Кубинской революции, сопровождали Фиделя Кастро. Конная полиция перекрыла все подступы к отелю «Шелбурн», в котором первоначально остановилась делегация, предоставив, однако, полную свободу контрреволюционным группам постоянно пикетировать отель.

Буквально на другой день владелец отеля устроил скандал, требуя резкого повышения платы за проживание кубинцев под тем предлогом, что, мол, присутствие Фиделя Кастро доставляет ему особые беспокойства. Никакие увещевания не дали результатов. Тогда Фидель, возмущенный провокационным поведением хозяина гостиницы, распорядился, чтобы один из членов делегации поехал в магазин и купил там несколько палаток, которые кубинцы намеревались разбить на территории ООН, поскольку в США не уважают представителей стран — членов ООН. Вся делегация немедленно выехала в ООН, где состоялась встреча с Дагом Хаммаршельдом, которого бросило в жар от сообщенного ему плана размещения делегации в садике здания ООН. Положение было смягчено поступившим в это время

звонком владельца скромного отеля «Тереза» из Гарлема, который предложил предоставить бесплатно свои номера для кубинцев. Хаммаршельд пытался отговорить Фиделя ссылками на то, что гостиница слишком убога для делегации такого уровня, но Фидель сказал, что именно такая и годится, и кубинцы вместе с палатками и вещевыми мешками направились в Гарлем.

В этой гостинице состоялись встречи Фиделя Кастро с Н. С. Хрущевым, Гамалем Абдель Насером и другими политическими лидерами.

США уже практически не скрывали, что они ведут дело к военному вмешательству в дела Кубы. Обосновавшиеся на их территории эмигрировавшие с Кубы политики, экономисты, крупные предприниматели и т. п. создали так называемое Движение революционного возрождения с целью свержения правительства Кубы и «спасения страны от угрозы коммунизма». Это означало, что США готовят не только военные силы вторжения, но и формируют политические силы, которые могли бы взять на себя управление страной после свержения ненавистного им строя.

В начале 1961 года развитие событий стало просто головокружительным. Уже 3 января США заявили о том, что они разрывают дипломатические отношения с Кубой.

Отзыв американского дипломатического персонала был прелюдией к военной операции. Руководство революции не скрывало от народных масс опасности момента. Еще 28 сентября, в день возвращения из Нью-Йорка, когда Фидель Кастро выступал на митинге с отчетом перед народом о проделанной там работе, в ответ на раздавшиеся взрывы петард (с целью сорвать выступление) он бросил лозунг о создании по всей стране комитетов защиты революции, которые должны были мобилизовать весь народ на борьбу против внутренней и внешней опасности. Комитеты защиты революции стали эффективным дополнением к вооруженным силам республики и народной милиции. Они направили острие своей борьбы против террористов, саботажников, агентов иностранных разведок, пытавшихся нарушить экономическую жизнь страны. Это была система коллективной революционной бдительности. В каждом квартале в городах, в каждом хуторе или поселке в сельской местности были созданы комитеты защиты революции, которые взяли под контроль малейшее движение контрреволюционных элементов, парализовали всякую возможность ведения групповой конспиративной работы.

В середине января 1961 г. Фидель Кастро обратился к новому президенту США Джону Кеннеди, только что принявшему власть,

с предложением обсудить сложившиеся между двумя странами отношения. Кеннеди ответил отказом. Он уже знал, что подготовка к вторжению заканчивается.

3 апреля 1961 года госдепартамент США выпустил так называемую «Белую книгу» о Кубе, которая была призвана оправдать готовившиеся военные акции против Кубинской революции. Книга была напичкана злобными материалами с одной задачей: возбудить общественное мнение в США и других странах против Кубы. Она стала как бы завершающим аккордом психологической войны против Кубинской революции накануне военного удара. Герберт Мэтьюз так характеризует этот опус госдепартамента, написанный Артуром Шлесинджером: «Как политический и полемический документ он был эффективен, а если на него смотреть с точки зрения достоверности фактуры и исторической точности в оценке обстановки на Кубе, то о нем лучше всего забыть».

14 апреля 1961 года бригада наемников на шести кораблях отправилась в никарагуанский порт Пуэрто Кабесас, откуда должно было начаться вторжение.

Там экспедицию приветствовал никарагуанский диктатор Луис Сомоса, который глумливо заявил, что ожидает в подарок кусочек фиделевской бороды.

В 6 часов утра 15 апреля американские бомбардировщики Б-26 со свеженакрашенными кубинскими опознавательными знаками нанесли бомбовый удар по основным аэродромам, где находились немногие самолеты военной авиации Кубы. Под бомбами погибло несколько кубинских самолетов.

Тем временем через свою «свободную» печать и по официальным каналам США распространили чудовищную ложь о том, что, мол, самолеты, подвергшие бомбардировке кубинские аэродромы, были самолетами ВВС Кубы и пилотировались восставшими кубинскими летчиками, которые затем бежали за границу. Для отвода глаз ЦРУ послало одного из наемников на самолете Б-26 из Никарагуа в Майами, чтобы он своим появлением подтвердил фальшивую версию. Заранее было подготовлено все: и заявления пилотов, и фотографии самолетов, и ответы «миграционных» чиновников.

На другой день, 16 апреля, Фидель Кастро выступил с большой речью на похоронах жертв вражеской бомбардировки и, обращаясь прямо к Кеннеди, назвал его лжецом, потому что с территории Кубы не взлетел ни один самолет и не бежал ни один летчик. Фидель потребовал от правительства США представить в ООН и летчиков, и самолеты, чтобы незамедлительно доказать, что эта затея была неумно спланирована в расчете на простаков.

Адлай Стивенсон, которого Кеннеди называл «мой официальный лгун», был в шоке. Ни он, ни правительство США не смогли даже назвать имени ни одного из летчиков. На этом торжественно-траурном митинге, 16 апреля 1961 г., Фидель впервые назвал Кубинскую революцию социалистической. Он закончил свою речь такими словами: «Товарищи рабочие и крестьяне, наша революция является социалистической и демократической, революцией бедняков, которая делается силами бедняков и в интересах бедняков. И за эту революцию... мы готовы отдать свою жизнь.

Рабочие и крестьяне, бедняки нашей родины, клянетесь ли вы защищать до последней капли крови эту революцию бедняков, творимую ради интересов бедняков?» И вся многотысячная толпа ответила одним вздохом: «Да, клянемся!».

Приказом Фиделя Кастро в стране было объявлено о введении повышенной боевой готовности, личный состав милиции получил оружие, перешел на казарменное положение в ожидании боевых приказов. К сожалению, на этот раз не учебные тревоги, а кровавые бои ожидали только рождавшиеся вооруженные силы республики.

Ранним утром 17 апреля 1961 года небольшой отряд народной милиции, который нес службу в местечке Хирон, на южном побережье провинции Лас-Вильяс, увидел приближающиеся к берегу в темноте десантные лодки. При первой же попытке осветить их автомобильными фарами для опознания с лодок был открыт шквальный огонь. Перевес противника в силах и вооружении был чрезвычайно велик, и милиционеры, оставшиеся в живых, стали отходить, успев по телефону сообщить в Гавану о начавшемся вторжении. Фидель немедленно приказал привести части в полную боевую готовность. Одновременно была дана команда комитетам защиты революции начать превентивную операцию по изоляции всех контрреволюционных элементов и подозрительных лиц.

Не имея точных сведений о количестве высадившихся в Хироне наемников и имевшегося у них вооружения, Фидель не торопился бросить против них все силы армии. У него было достаточно оснований предположить, что противник может наносить отвлекающий удар, а главный подготовить в другом месте. Тем более что около берегов провинции Пинар-дель-Рио крейсировал отряд американских кораблей, который даже имитировал операцию по подготовке высадки. На воду спускали шлюпки, морская пехота в полном боевом снаряжении занимала свои места в них. Правда, все это происходило за пределами территориальных вод, но в такой близости, что свободно

просматривалось невооруженным глазом с берега. Другой отряд кораблей подозрительно крейсировал у другого конца острова, около г. Баракоа.

К моменту высадки наемников на берегах бухты Кочинос вооруженные силы Кубы еще не были реорганизованы, они сохраняли полупартизанскую структуру. Не было формирований выше батальона; тяжелое вооружение всего лишь несколько месяцев назад начало поступать из Советского Союза. Прибывшие первые самолеты находились в разобранном состоянии и не могли, естественно, быть использованы в боевых действиях. Артиллерия и танки хранились на замаскированных стоянках. Экипажи едва научились водить танки. Не было никаких навыков у расчетов крупнокалиберных минометов. В силу этих причин первый удар на себя приняли пехотные формирования народной милиции, вооруженные только легким стрелковым оружием. Одним из первых вступил в бой батальон курсантов училища, готовившего офицеров для народной милиции. Командовал батальоном Хосе Рамон Фернандес, в прошлом кадровый офицер армии, перешедший на сторону революции. Он вспоминает, как трудно пришлось в первые часы, когда выяснилось, что перед ними был до зубов вооруженный противник, располагавший тяжелыми танками, безоткатными орудиями, минометами и новейшим автоматическим оружием пехоты. В воздухе на первых порах было полное господство противника. Его бомбардировщики Б-26 непрерывно наносили удары по двум шоссе, которые вели к месту сражения через многокилометровое тропическое болото. Противник точно рассчитал выбор места высадки. Вокруг бухты Кочинос полосой в четыре-пять километров была твердая земля, покрытая лесом. Вдоль побережья были разбросаны маленькие поселки курортного типа. Недалеко находилась взлетно-посадочная площадка. Короче говоря, это был идеальный плацдарм, который был отрезан от остальной части страны широкой труднопроходимой зоной болот, и лишь две ниточки шоссе связывали побережье бухты Кочинос с основной территорией Кубы. Контролировать эти две узенькие полоски земли можно было малыми силами. Любой выигрыш во времени позволял противнику высадить в районе Плайя-Хирон с кораблей или с самолетов группу политических авантюристов, которых можно было выдать за «законное» правительство Кубы, после чего начать оказывать ему открытую помощь со стороны США и других диктаторских стран Латинской Америки. Ведь для противника главным было получить формальную зацепку для расширения агрессии.

Поэтому Фидель, убедившись к середине дня 17 апреля, что

высадка в бухте Кочинос не является отвлекающим маневром и именно там наносится главный удар, приказал немедленно перебросить туда основные силы из центральной части страны. Мобилизация была проведена в предельно сжатые сроки. Уже с утра 17 апреля Фидель лично руководил ходом боевых действий. Его план ведения сражения состоял в том, чтобы в первую очередь нанести удар по кораблям противника, потопить их или отогнать от берега, лишить десант материальной, а главное, психологической поддержки со стороны моря. Эту задачу великолепно выполнила крошечная авиация революционных вооруженных сил. От вражеских бомбардировок 15 апреля уцелело несколько военных самолетов, которые предусмотрительно были отведены в укрытия. Это были два реактивных самолета Т-33, несколько старых Б-26 и британских «Си Фьюри».

Появление в воздухе революционной авиации было громом среди ясного неба для наемников. Пилоты проявили чудеса героизма, совершая по несколько боевых вылетов в день. Точными ракетными и бомбовыми ударами им удалось повредить и поджечь главный транспортный и штабной корабль «Хьюстон», который, уходя от ударов с воздуха, сел на мель и накренился. Не успевшие высадиться на главный плацдарм наемники в панике покинули судно и, полностью дезорганизованные, вплавь бросились к противоположному, заросшему заболоченным лесом, берегу. Не отвлекаясь ни на какие другие цели, в точном соответствии с приказами Фиделя Кастро, летчики продолжали поражать другие суда экспедиции, пока эта задача не была в основном решена.

Затем перед пилотами была поставлена задача: очистить небо от вражеских самолетов. Они блестяще справились и с этим поручением. Несколько Б-26 было сбито в течение 18 и 19 апреля, сами кубинцы потеряли только два самолета.

А уже после этого Фидель приказал авиации поддерживать действия наземных сил и наносить удары по закрепившемуся в Плайя-Хирон противнику.

К этому времени подтянутая артиллерия стала вести заградительный огонь по акватории бухты, не давая возможности противнику предпринять меры по спасению отрезанных на плацдарме наемников. По существу была проведена классическая операция по окружению с помощью огневых средств десанта, ликвидация которого была предопределена.

Большую часть времени, пока шли бои в районе бухты Кочинос, Фидель провел непосредственно в зоне боевых действий. Он лично участвовал в опросе первых пленных, ходил в

атаку на Т-34 и, как сообщила газета «Революсион» от 22.04.62, Фидель азартно вел огонь из орудия САУ-100 по транспортному судну противника, которое в конце концов было потоплено.

В общей сложности из 1500 человек, подготовленных ЦРУ для этой экспедиции, 1200 человек оказались в плену, около сотни было убито и лишь немногим удалось в первые часы бежать на уходивших судах.

Операция в бухте Кочинос закончилась полным военным и политическим провалом для США. Даже президент США не счел возможным лгать в такой катастрофической ситуации. Кеннеди.взял всю ответственность за крах операции на себя, сказав: «Победа-дитя многих родителей, а поражение всегда сирота».

Артур Шлесинджер только разводил руками, так ничего и не поняв в происшедшем. В своей книге «Тысяча дней», посвященной истории администрации Кеннеди, по поводу катастрофы в бухте Кочинос он писал: «Правда состоит в том, что Кастро оказался значительно более выдающимся человеком и руководителем гораздо лучше организованного государства, чем можно было предположить».

Взятых в плен наемников Фидель Кастро предложил обменять на такое же число политических заключенных, находившихся в тюрьмах в Доминиканской Республике, Никарагуа, Пуэрто-Рико и других странах. На это Соединенные Штаты пойти не могли, и переговоры пошли по другому пути: Куба потребовала от США компенсации за тот ущерб, который был нанесен экономике страны вторжением наемников. Около года власти США лавировали и изворачивались, чтобы спасти как-то свое лицо, но им пришлось заплатить требуемую компенсацию в виде 500 тракторов, большой партии медикаментов и других народнохозяйственных товаров на общую сумму в 63 млн. долларов.

Для сплочения всех патриотически настроенных революционеров, разделявших социальную программу преобразований, Фидель выдвинул идею о создании на базе существовавших политических организаций Объединенной партии социалистической революции Кубы. Об этом было объявлено 26 июля 1961 года на митинге, посвященном очередной годовщине штурма Монкады.

В первые годы после победы революции Фидель часто обращался к телевидению как к наиболее эффективному средству общения со всем народом для объяснения самых сложных вопросов внутриполитической жизни, партийной практики, международной обстановки. Телевизионная студия была его

постоянной кафедрой. Он старался максимально полно информировать народ Кубы обо всем, над чем работали Объединенные революционные организации и правительство, какие планы разрабатывались на близкую и дальнюю перспективу. Эти выступления содействовали быстрому росту политической сознательности широких народных масс, ликвидировали почву для возникновения вредных слухов, домыслов, они заранее обрекали на неудачу усилия врагов Кубинской революции, не прекращавших ни на минуту острой подрывной борьбы против Кубы. Фидель Кастро появлялся на экранах телевизоров не только по поводу юбилейных актов или в связи с радостными победными событиями, вроде победы на Плайя-Хирон. Он смело брался за объяснение и малопопулярных, на первый взгляд, но необходимых мер, к которым вынуждена была прибегнуть революция. Он беседовал с народом по поводу ошибок, допущенных в проведении аграрной реформы, говорил о плохой системе снабжения, объяснял причины сокращения ассортимента продовольственных продуктов в продаже, говорил о реальном состоянии дел, делился теми планами, которые разрабатывало правительство для выправления положения. Когда революция провела денежную реформу, означавшую замену всех денежных знаков в стране, Фидель снова подробно разъяснял каждый пункт из правительственного решения, помогал понять социальный смысл каждого звена новой финансовой политики.

Эти выступления были, может быть, иногда излишне подробными, с большим количеством деталей, но они полностью удовлетворяли информационные потребности народных масс, которые чувствовали, что они живут одними мыслями, одними заботами с революционным правительством, с руководством революции. Частое и деловое общение Фиделя Кастро с кубинским народом, разумеется, не ограничивалось телепередачами, он широко пользовался и митингами, и встречами во время производственных совещаний. Не было в первые годы революции ни одного сколь-нибудь заметного массового мероприятия, на котором бы не выступил с политической речью Фидель Кастро. Если посмотреть распорядок его занятости в течение каждого месяца, то в среднем он выступал не менее 10 раз перед большими аудиториями (от общенациональной до встречи по профессиональному признаку) и в течение месяца обязательно совершал несколько поездок по различным районам страны, в ходе которых знакомился с положением на местах. Он часто принимал участие и непосредственно в трудовых процессах, особенно в рубке тростника — главном занятии сельскохозяйственного рабочего.

Причем занимался рубкой не символически, а значительно перевыполняя установленные дневные нормы для профессионального рубщика. Когда Фидель призывал кубинцев к работе на добровольных началах, то всегда подкреплял это личным примером. Почти в каждой уборочной кампании он оставался на плантациях по две недели. Вместе с ним иногда находились на работе президент страны и другие члены правительства.

Это постоянное общение с народом давало Фиделю как руководителю революции живое чувство реальной обстановки в стране, позволяло быстро улавливать самые малейшие изменения и принимать необходимые меры.

Летом 1962 года обстановка вокруг Кубы особенно обострилась. Американская печать буквально билась в припадках антикубинской истерии. Главной темой нападок было избрано вооружение Кубы и создание регулярных вооруженных сил. Действительно, после опыта, полученного в боях на Плайя-Хирон, кубинцы стали строить армию по всем требованиям современной военной науки. В соответствии с подписанными соглашениями на Кубу прибыли советские военные специалисты, которые оказывали необходимую помощь. Продолжало поступать советское вооружение. Разумеется, армия Кубы создавалась исключительно для защиты революции, она не представляла ни для кого угрозы, и тем не менее США стали открыто готовить нападение на Кубу.

В обстановке постоянного нагнетания антикубинской истерии, усиления провокационной и диверсионной деятельности, перед фактом открытой подготовки вооруженных сил США к прямому вторжению на территорию Кубы, правительства Союза Советских Социалистических Республик и Республики Куба в полном соответствии с нормами международного права достигли договоренности о принятии дополнительных мер по укреплению обороноспособности острова Свободы. Эти меры предусматривали размещение на территории Кубы некоторого количества ракет среднего радиуса действия и бомбардировщиков Ил-28. Об этих мерах Фидель Кастро говорил: «Твердое убеждение в том, что в подходящий момент американский империализм под любым предлогом совершит прямое вооруженное нападение на Кубу, а также и наша уверенность, что предложенные контрмеры укрепят социалистический лагерь в целом, определили наше решение подписать кубино-советское соглашение о размещении на нашей территории ядерного оружия, в результате чего возник октябрьский кризис».

Вашингтон непрестанно нагло требовал от Кубы разрыва военных отношений с Советским Союзом. В течение 1962 года не было ни одного публичного выступления президента США по внешнеполитическим вопросам, в котором бы он не обрушивался с угрозами в адрес революционной Кубы. Но США не ограничивались одними словесными обстрелами Кубы, они принимали и меры военного характера. В начале сентября 1962 г. по просьбе Кеннеди комиссия по военным делам американского сената единогласно разрешила провести призыв в армию 150 тыс. резервистов, что является неслыханной мерой в мирное время.

Фидель саркастически замечал, что США кричат о своей безопасности, но ведь Куба куда больше нуждается в безопасности от США. Они, мол, впадают в истерику, что мы находимся в 90 милях от их берегов, но ведь мы тоже находимся в 90 милях от берегов США. Но он всегда подчеркивал, что Куба только защищается, а США хотят ее уничтожить.

1 и 2 октября 1962 года состоялось неофициальное совещание министров иностранных дел стран — членов ОАГ, на котором США требовали принятия крайних мер против Кубы. В те же дни Кеннеди направил своим союзникам в Европе письмо с требованием прекратить торговлю с Кубой. США хотели сделать весь мир соучастником своих преступных действий, но полученные ответы показали, что эта идея далеко не радует другие страны. Англия и Канада сразу ответили, что они не станут принимать участия в блокаде Кубы.

19 октября 1962 года все кубинские газеты сообщили о том, что днем раньше США начали крупные военные маневры в западной части Атлантического океана и в Карибском море, о которых объявлено с целью замаскировать крупную концентрацию сил против Кубы. В маневрах принимало участие большое количество десантных судов, на борту которых находилось 20 тыс. солдат морской пехоты. Американские боевые и разведывательные самолеты, грубо нарушая суверенитет и территориальную неприкосновенность Кубы, ежедневно совершали провокационные полеты над территорией острова. Наконец 22 октября Кеннеди «выложил все карты», объявив о введении с утра 24 октября военно-морской блокады Кубы под предлогом недопущения провоза на Кубу оружия «наступательного» характера. К этому времени в районе Кубы было уже сосредоточено 183 боевых корабля американского военно-морского флота, в портах южного побережья США и на десантных судах находились готовые к броску на территорию Кубы части морской пехоты, на аэродромах в боевой готовности стояла бомбардировочная авиация и транспортные самолеты для

десантирования парашютистов. В воздух были подняты самолеты стратегической авиации с ядерным оружием на борту. На боевые позиции вышли атомные подводные лодки, нацелившие свои ракеты на социалистические страны. Повсюду в мире американские войска и военные базы были приведены в боевую готовность. Мир усилиями администрации США был поставлен на грань термоядерной войны.

Этим беспрецедентным агрессивным действиям США Куба, СССР и другие социалистические страны противопоставили спокойную, но в то же время решительную позицию, отвергая всякие гегемонистские притязания Соединенных Штатов. 23 октября 1962 года было опубликовано заявление правительства СССР, в котором говорилось: «Если агрессоры развяжут войну, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар».

Со своей стороны Фидель Кастро приказал с вечера 22 октября привести в полную боевую готовность все вооруженные силы страны. Сотни тысяч людей заняли боевые позиции. На следующий день Фидель Кастро выступил перед народом с большим обращением в связи с создавшимся положением. Все обращение было проникнуто глубокой уверенностью в том, что кубинский народ выстоит и в этой схватке. «Любую блокаду — выдержим, агрессию отразим» — вот лейтмотив его выступления, но он говорил также, что кубинский народ выйдет из этих испытаний поистине великим. «Мы все теперь как один, одна у нас судьба и одна будет у всех победа» — такими словами завершил он свое выступление.

Корабли с мирными грузами для кубинского народа продолжали спокойно двигаться своим курсом, несмотря на оглушительную какофонию угроз, раздававшуюся из Вашингтона. Первым кораблем, который прошел через цепь американских эсминцев, был советский танкер «Винница». Его капитан Романов рассказывал по прибытии в Гавану, что танкер в море встретился с американским авианосцем, который не пытался остановить советский корабль, хотя встреча состоялась уже днем 24 октября. В течение 6 часов самолеты ВМС США кружили над «Винницей», но советские моряки, не дрогнув, шли к порту назначения. Вечером 26 октября в Гаване отшвартовалось кубинское судно «Байя де Сигуанеа». Это судно было также при прорыве блокадного охранения опрошено американским эсминцем: «Что везете?» Кубинцы ответили: «Картошку» — и, не сбавляя хода, продолжали свой путь. Американцы и в этом случае не решились на насильственный досмотр, зная, что кубинцы предпочтут любой исход, даже гибель, но не позволят абордажа.

Готовясь во всеоружии встретить агрессию, Куба, Советский

Союз и другие страны вели в то же время поиски политических путей выхода из навязанного им конфликта. В результате очень сложной политической борьбы, в которой участвовали непосредственно главы заинтересованных государств и Генеральный секретарь ООН У Тан, 28 октября 1962 г. была достигнута договоренность, согласно которой Кеннеди брал на себя обязательство отменить меры по военно-морской блокаде и давал письменное заверение в том, что США не будут совершать вооруженную интервенцию на Кубу, выразив одновременно уверенность, что их примеру последуют и другие государства Западного полушария. Советский Союз соглашался вывести с территории Кубы размещенные там ракеты среднего радиуса действия и бомбардировщики ИЛ-28. Карибский кризис таким образом был преодолен, свобода и независимость Кубы спасены, человечество избежало ужасов термоядерной войны.

Давая оценку итогам карибского кризиса, Фидель Кастро говорил в 1975 г. в отчетном докладе I съезду Компартии Кубы: «В то время нам, кубинцам, нелегко было понять все значение такого решения...».

В последующие дни американцы настойчиво добивались инспекции территории Кубы под предлогом проверки выполнения обязательств по демонтажу ракетных установок, но Фидель Кастро ответил категорическим отказом, подчеркнув священность национального суверенитета и предупредив, что по любому самолету, появляющемуся без разрешения над территорией страны, будет открыт огонь как по врагу. Кубинское правительство выдвинуло для полного разрешения кризиса пять пунктов, включавших требование о снятии экономической блокады, отказ США от подрывной деятельности в виде поддержки бандитско-диверсионных групп, прекращение налетов пиратских самолетов, прекращение нарушений национальных границ кораблями и самолетами США, ликвидацию военно-морской базы в Гуантанамо. Осуществление этих дополнительных мер подвело бы еще более прочную базу под договоренность о разрешении октябрьского кризиса. США отмолчались.

Учитывая возможность развязывания страшной войны, сохранение мира в один из моментов наибольшей для него опасности без принесения в жертву основных политических целей было победой. Кажущийся успех империализма со временем оказался не более чем мыльным пузырем. После этого тяжелейшего испытания даже «холодная война» пошла на убыль.

«Хотя впоследствии Соединенные Штаты создали военные базы в Центральной Америке и Флориде для организации пиратских налетов на наши берега (и таких налетов было

немало), эти действия представляли собой последние попытки оскорбленного, но уже бессильного имперского высокомерия. Последующая интервенция Соединенных Штатов во Вьетнаме и героическое сопротивление этого братского народа привели к постепенному сокращению масштабов военных акций против Кубы, и для нашего народа наступил период относительного мира».

Глава VII
ТРУДНОЕ НАЧАЛО (1963-1967 гг.)

Обо всех крупных социальных революциях стало прописной истиной говорить, что гораздо легче взять власть, чем ее удержать. При этом имеется в виду не только продолжение классовой борьбы, но и большие экономические трудности. Не была исключением в этом отношении и Кубинская революция, которая совершалась в особо сложных условиях, вызванных малыми размерами страны, опасной близостью к США, оторванностью от других стран социалистического содружества, исключительными трудностями экономического характера, вытекавшими из исторически сложившейся рабской привязанности Кубы к США. К тому же, несмотря на то, что в результате исторических побед, одержанных кубинским народом в боях на Плайя-Хирон и в ходе карибского кризиса, в целом был обеспечен относительно мирный период в развитии Кубинской революции, все же вокруг Кубы продолжала сохраняться острая враждебная обстановка, чреватая любыми неожиданностями.

США продолжали работу против Кубы, но несколько изменили ее методы и тактику. Они отдавали себе отчет в огромной роли лично Фиделя как руководителя Кубинской революции. Поэтому ЦРУ по указанию Белого дома в эти годы не раз разрабатывало и пускало в «производство» планы по физическому уничтожению лидера Кубинской революции. Детали этих чудовищных замыслов стали известны, когда в результате внутренней борьбы между различными группировками правящих кругов США сенатская комиссия провела расследование деятельности ЦРУ с последующим опубликованием результатов своей работы. Тогда и стали известны факты о роли ЦРУ в уничтожении неугодных США политических деятелей во многих странах мира. Среди других признаний в отчете говорится: «Мы имеем конкретные доказательства организации по крайней мере 8 заговоров с целью убийства Фиделя Кастро в период с 1960 по 1965 гг., в которых замешано ЦРУ».

Из наиболее подробно разработанных планов фигурирует, например, изготовление коробки любимых сигар Фиделя Кастро, которые были предварительно пропитаны смертельным ядом бутолином. Токсическое вещество было настолько сильным, что достаточно взять в рот сигару, чтобы наступила смерть. Сигары были изготовлены и переданы неизвестному лицу, по-видимому, агенту ЦРУ из числа кубинцев. Судьба зловещей коробки с

сигарами осталась неизвестной.

Незадолго до высадки бригады наемников в бухте Кочинос отдел технических служб ЦРУ изготовил и отправил на Кубу специальные пилюли со смертельным ядом, действие которого проявилось бы через 2-3 дня после попадания в организм, причем медицинское вскрытие не смогло бы установить причины смерти. Предполагалось, что один из агентов ЦРУ, завербованных среди кубинского персонала, бросит эту таблетку в стакан с прохладительным напитком. Исполнителю этого плана была приготовлена премия в 50 тыс. долларов. Но лицо, получившее таблетки, так и не смогло ими воспользоваться для приведения в жизнь плана ЦРУ.

В 1963 году, когда американский адвокат Джеймс Донован вел с кубинским правительством переговоры относительно обмена пленных наемников на продовольствие и медикаменты, ЦРУ решило через него подарить Фиделю Кастро костюм для подводной охоты, который был бы заражен изнутри специальным грибком, вызывающим хроническое и очень сильное кожное заболевание. В дыхательный аппарат, который являлся принадлежностью костюма, были введены бациллы туберкулеза. Вся техническая часть операции была подготовлена, но осуществить ее через Д. Донована ЦРУ не решилось.

Тогда же, основываясь на увлечении Фиделя Кастро подводной охотой, планировалось изготовить мину, закамуфлированную под экзотического моллюска, и положить ее на морское дно в месте обычного появления Фиделя Кастро. Закладку мины должны были осуществить водолазы в легких гидрокостюмах.

В более поздние годы изучались возможности применения технического средства, замаскированного под шариковую авторучку, которое могло бы привести к ликвидации Фиделя Кастро. Рассматривались и обычные средства в виде винтовок и автоматов с оптическими прицелами и глушителями, мощных зарядов взрывчатых веществ, но ни один из этих планов, к счастью, не был осуществлен.

Выступая с отчетным докладом на I съезде Компартии Кубы, Фидель Кастро по поводу этих намерений США говорил: «Если бы Куба обвинила ЦРУ в подобных действиях, то многие скептики в мире подумали бы, что все это выдумки, инспирированные ненавистью к американскому империализму. Эти беспрецедентные акции, которых не было в истории ни одного современного государства, ярко показывают циничную, прогнившую и порочную натуру империализма. Они показывают, что он может совершать самые безответственные, безрассудные и

преступные действия. Раньше они хотели аннексировать нас, теперь они хотят нас отравить».

В мае 1964 года государственный департамент выпустил в Вашингтоне специальную книгу под названием «Политика США по отношению к Кубе», в которой он был вынужден наконец признать, что Куба не представляет собой военной угрозы для США или других стран Западного полушария, так как не имеет ни воздушных, ни морских сил и средств для переброски своих вооруженных сил на континент. Однако после этого более или менее разумного абзаца вновь начиналось нагромождение провокационных домыслов. В адрес Фиделя Кастро высказывались обвинения в том, что он якобы добивается господства над всей Латинской Америкой. В книжке ставился вопрос, что же должны делать в такой ситуации США и их союзники в Латинской Америке, на который авторы сами же и отвечали: «Наиболее естественным и прямым путем было бы устранение режима Кастро на Кубе в результате прямой военной акции с целью заменить нынешнее правительство некоммунистическим прозападным правительством. Самая слабая прямая акция могла бы принять форму вооруженной блокады. Но и это (с горечью признавали авторы) уже означало бы войну». Другим путем были бы переговоры с правительством Фиделя Кастро, но США признавались, что они не могут пойти по этому пути из-за сохранявшихся военных и политических связей Кубы с Советским Союзом.

Далее в публикации госдепартамента излагалась программа действий в отношении Кубы. «Первое, мы должны принять все меры по укреплению латиноамериканских стран с тем, чтобы они смогли, индивидуально или коллективно, противостоять коммунистическим подрывным действиям; второе, мы должны использовать все имеющиеся в нашем распоряжении средства (за исключением акта войны), чтобы ограничить или сократить способность кубинского правительства двигать вперед коммунистическое дело посредством пропаганды, саботажа или подрывных действий». Далее разъяснялся смысл этого положения, заключавшийся в том, что следовало возвести вокруг Кубы своего рода санитарный кордон, закрыв доступ людям и идеям с Кубы. Госдепартамент похвалялся, что принятыми мерами уже в 1963 году удалось добиться сокращения количества людей, выезжавших из стран Западного полушария на Кубу, по сравнению с 1962 г. наполовину. Те же самые «борцы», которые, надрываясь, проповедуют в других условиях «свободу передвижения людей и информации», здесь, не смущаясь, выступали и действовали с диаметрально противоположных

позиций. Такие казусы в практике госдепартамента вообще встречаются довольно часто.

Признавая полностью несостоятельность идеи экономической блокады, госдепартамент все же считал нужным настаивать на ее продолжении.

Ставка США была совершенно откровенна. Если оказалось невозможным сломить вооруженным путем Кубу, то надо планомерной осадой, экономической блокадой задушить ее в ближайшие годы. Под этими расчетами была и кое-какая объективная база. Действительно, в первые годы после революции вся экономика страны подверглась коренной ломке. Все основные средства производства сменили своего хозяина, была потеряна значительная часть инженерно-технического персонала, который раньше был прислужником у капиталистических хозяев и не захотел разделить с народом радости и неизбежные трудности эпохи революционных преобразований; полностью изменилась система внешнеторговых связей. Если раньше развитые страны капиталистического мира занимали 80 процентов во внешнеторговом обороте Кубы, то теперь это место перешло к странам социалистического содружества. Разумеется, это сопровождалось необходимостью преодолевать массу трудностей.

На все это и делали ставку США. Но, пожалуй, наиболее сложным было положение в сельском хозяйстве и в его решающем звене-производстве сахарного тростника, становом хребте экономики Кубы.

После победы революции началось стихийное сокращение посевов сахарного тростника. На местах ошибочно интерпретировали призыв руководства к преодолению монокультурности: вместо развития других отраслей сельского хозяйства, не ломая существующего производства, стал наноситься ущерб главной сельскохозяйственной культуре — тростнику. В результате пошли вниз показатели сбора сырья и производства сахара. Если в 1961 году производство сахара составило 6,5 млн. тонн, то в 1962 г. — 4,8 млн. тонн, а в 1963 г. — 3,8 млн. тонн.

Уже с августа 1962 года Фидель Кастро начал намечать меры по выправлению положения в этой решающей для Кубы отрасли сельского хозяйства. Выступая 18 августа 1962 года на общенациональном съезде делегатов кооперативов по выращиванию сахарного тростника, он выдвинул идею о превращении кооперативов в государственные предприятия, чтобы поднять производство сахара. Только на путях централизации всего сахарного производства можно было рассчитывать на серьезные успехи. Надо было начинать готовить

кадры и условия для научно-технической революции в тростниковом хозяйстве. Ведь на Кубе к моменту победы революции в результате стихийности подготовки кадров при буржуазном правительстве имелось всего 294 агронома (при 6560 адвокатах). Урожайность сахарного тростника была чрезвычайно низкой. Если, например, на Гавайских островах каждый га посевов давал 27 тонн сахара, в Перу — 23 тонны, в Индонезии — 16 тонн, то на Кубе всего — 5,4 тонны. Она была на одном из последних мест по этому показателю в мире. Перед революционным правительством стояла задача полной перестройки всей сахарной промышленности страны.

Фидель Кастро, уделявший, по его признанию, основное свое внимание вопросам развития сельского хозяйства, лично занимался в те годы проведением научно-экспериментальных работ по повышению производительности сахарного тростника. В беседе с американским корреспондентом Ли Локвудом он рассказывал, что взял для этих целей 1 кабальерию земли (около 13 га) и проводил на этом участке целую серию опытов с тростником. Главным образом, он выбирал наиболее подходящие для условий Кубы сорта семян, старался определить оптимальный срок высева, искал наиболее выгодное направление борозд в зависимости от положения солнца, расстояние между семенами и рядами посевов, но, главное, обращал внимание на подготовку почвы под посевы, составление смеси удобрений и пр. Главной задачей, которую он себе поставил, было получить 24 тонны сахара с га посевов в течение сельскохозяйственного цикла длительностью в 12 месяцев.

Разумеется, за решение такой задачи в производственных масштабах могли взяться только хорошо оснащенные государственные хозяйства. Первый шаг был сделан, но он еще не решил всех проблем, возникавших из-за сложившейся системы землевладения на Кубе.

4 октября 1963 года был обнародован закон о второй аграрной реформе. В соответствии с новым законом все земли, превышающие 5 кабальерий (или 67 га) и принадлежащие одному владельцу, переходили в собственность государства.

В порядке исключения сохранялись в частной собственности, по представлению местных властей, передовые по своему техническому и агрономическому уровню хозяйства, владельцы которых выражали готовность сотрудничать с государством в выполнении планов производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов.

Закон о второй аграрной реформе одним ударом ликвидировал сельскохозяйственную буржуазию, которая на

первом этапе революции была вместе с народом, а затем, после начала в стране социалистических преобразований, выступила против углубления революционного процесса. Ущемленными оказались интересы всего 10 тыс. человек, которым в общей сложности принадлежало 1,7 млн. гектаров земли.

Почти одновременно с опубликованием текста второй аграрной реформы Фидель в специальном заявлении подчеркнул, что правительство гарантирует крестьянам неприкосновенность остающейся в их владении земли. Он указал, что статус частных земельных владений впредь не будет изменяться за исключением случаев, когда того добровольно пожелают сами владельцы.

После осуществления второй аграрной реформы в руках государства оказалось 5,5 млн. га земли, т. е. немногим больше 60 процентов от общих сельскохозяйственных угодий. В руках частных землевладельцев осталось 3,5 млн. га, или 39 процентов.

Поскольку в целом уже определился курс на восстановление заслуженной роли сахарного тростника в народном хозяйстве страны, то и бюджетные ассигнования на развитие сельского хозяйства начиная с 1963 г. начали существенно возрастать и опережать капиталовложения в другие отрасли экономики. Появились все основания рассчитывать на быстрый эффект от принятых мер, если бы не крупное стихийное бедствие, обрушившееся на Кубу в 1963 году.

В октябре того года, практически в те же дни, когда был подписан закон о второй аграрной реформе, на Кубу обрушился тропический циклон невиданной силы «Флора». Известно, что в этом географическом районе обычно происходит зарождение в осеннее время крупных циклонических завихрений, которые сопровождаются разрушительными ветрами и ливнями. Они и раньше не раз пересекали остров Кубу с юга на север, следуя своими обычными маршрутами. Но в этот раз катастрофа приобрела колоссальные размеры из-за того, что исключительно мощный циклон как бы застрял над островом. Он несколько раз совершил свои смертоносные па над провинцией Ориенте, поразив как раз наиболее развитые в сельскохозяйственном отношении районы с высокой плотностью населения, большим количеством скота и обширными плантациями сахарного тростника. История Кубы не сохранила свидетельств о более разрушительном урагане. Из 6 млн. голов скота 1 млн. погиб на пастбищах, превращенных в бескрайние озера, более тысячи человек утонули, уже созревший сахарный тростник на огромных площадях был скручен и положен на землю, был потерян весь урожай кофе в стране.

Вся центральная и восточная части Кубы были на много дней

превращены в сплошное грязное озеро, воды которого бурными, все сокрушающими потоками рвались к морю, снося на своем пути железнодорожные насыпи, шоссейные дороги, мосты, дома, средства транспорта.

Было отчего появиться растерянности и унынию, но Фидель Кастро сумел вселить в кубинцев уверенность в благополучный исход и этого тяжелого испытания, выпавшего на долю молодой революционной власти. Еще до вторжения циклона на территорию Кубы он распорядился неоднократно передать по радио уведомление о приближающейся опасности, были высказаны рекомендации относительно мер безопасности, которые надлежало принять для уменьшения угрозы. Когда циклон уже начал свое разрушительное кружение по острову, Фидель вместе с большинством членов правительства выехал непосредственно в район бедствия и руководил операциями по оказанию помощи населению, отрезанному от основных центров водными потоками, успокаивал растерявшихся, подбадривал пострадавших. Была приведена в действие авиация, которая сбрасывала продовольствие и медикаменты в районы наибольшего бедствия, все плавсредства были использованы, чтобы снимать людей с крыш затопленных домов, с деревьев.

Генерал Фернандес Гондин, который в то время командовал дивизией в г. Ольгин, рассказывал автору, как прибывший к ним Фидель Кастро лично возглавил операцию по прорыву к отрезанному разбушевавшейся стихией городку Кауто-Кристо. На двух маленьких машинах-амфибиях, пригодных лишь для форсирования стоячих вод небольших водных преград, Фидель и увлекаемые им товарищи стали пересекать бурный водный поток 20-километровой ширины. Машине, в которой находился Фидель, как всегда сопутствовала удача, она без проблем миновала самое опасное место — русло старой реки, где течение было особенно турбулентным и сильным. А в следовавшей за ним амфибии по недосмотру произошла беда: болтавшийся незакрепленным веревочный трос намотался на гребной винт, мотор остановился, и неуправляемую машину понесло в сторону моря. К счастью, поток должен был пересечь шоссе, которое было сплошь залито водой, лишь посередине, наподобие маленького островка, виднелись полузатопленные фермы моста и часть насыпи. Туда и понесло мощным потоком машину, которая от удара об опоры моста накренилась, наполнилась водой и затонула, а все находившиеся в ней люди либо успели вскарабкаться на остатки моста, либо цеплялись уже ниже шоссе за телеграфные столбы и деревья.

Фидель, увидев терпящих бедствие товарищей, несмотря на

опасность, приказал возвращаться, чтобы оказать им помощь. Его машина, попав в водоворот в русле реки, также понеслась, не подчиняясь рулю, на фермы моста. Столкновение было неизбежным. Фидель приказал всем быть готовыми выпрыгнуть в момент удара и удерживаться за перила моста, а затем выбираться на остававшийся незатопленным пятачок дорожной насыпи. Сам он показал пример другим, ловко в доли секунды выбросившись из переворачивавшейся машины наверх. Вскоре вся маленькая группа людей, сопровождавших Фиделя, оказалась на маленьком островке, отрезанном со всех сторон бушевавшей стихией. Участники вспоминают, что там же оказались и две-три коровы, случайно спасшиеся от потоков воды. Они были настолько возбуждены, что бросались на людей, бодали их и грозили сбросить в воду. Первой заботой Фиделя было спасти товарищей из первой машины, которые с трудом удерживались на телеграфных столбах, деревьях ниже по течению. Используя чудом спасенные надувные автомобильные шины, привязывали их веревками или снятыми телеграфными проводами и пускали их вниз по течению. Когда товарищам удавалось схватить этот импровизированный спасательный круг, то его буксировали на островок, где была вся группа. Таким образом удалось мало-помалу выручить всех попавших в беду.

Но вода продолжала прибывать, размеры суши катастрофически уменьшались, а кругом на многие километры бушевали грязевые потоки. Вдруг прямо над головой раздался рокот моторов, и вертолет завис прямо над пятачком, где сгрудились все участники операции. Оказалось, что с берега постоянно велось наблюдение за группой Фиделя, и, видя их отчаянное положение, пилоты взялись выручать товарищей, несмотря на ураганный ветер и ливень. Фидель отказался подняться в вертолет, заявив, что он не позволит себя спасать, поскольку сам прибыл, чтобы оказывать помощь. Аргументом, который возымел действие, было то, что Фидель должен был организовывать руководство всей операцией из командного пункта, его указаний ждали товарищи во многих местах, а находясь на этом пятачке без связи, без транспортных средств, он практически исключал себя из работы. Уже на твердой суше, убедившись, что переправлены все остальные товарищи, он вновь занялся руководством спасательными работами.

Еще там, в районе бедствия, он распорядился, чтобы были приняты меры по максимальному облегчению положения крестьян, потерпевших бедствие. В любое другое время такое несчастье означало бы окончательное разорение и нищету для десятков тысяч семей. Но теперь революционное правительство

распорядилось считать оплаченными все кредиты, выданные ранее крестьянам в районе катастрофы, им были погашены все долги, была оказана помощь в восстановлении жилищ. Из других районов страны были привезены сельскохозяйственные животные, которые стали базой для разведения новых стад. Пострадавшим было предоставлено преимущественное право на получение ссуд, были введены дополнительные налоги на некоторые продукты потребления (например, на пиво, сигареты, мясо), сборы от которых целиком шли на восстановление пострадавших районов. Вся нация помогала нормализации жизни в опустошенных «Флорой» зонах. В течение шести месяцев все разрушения были исправлены, жилой фонд и хозяйственные постройки вновь отстроены, поля вспаханы и пересеяны. Жизнь снова вошла в нормальную колею.

Операция по ликвидации последствий страшного стихийного бедствия помогла сплотить крестьянство вокруг революционного правительства.

Но ущерб, нанесенный ураганом «Флора», был столь велик, что экономика страны была отброшена на год-два назад. Конечно, нельзя списывать все недостатки народнохозяйственного развития на капризы природы, но уж так получилось, что на Кубу в первые десять лет после победы революции обрушились наибольшие испытания, вызванные метеорологическими условиями: 6 раз за эти десять лет она подвергалась нашествию разрушительных ураганов — не таких катастрофических, как «Флора», но достаточно сильных, чтобы нанести огромный ущерб сельскому хозяйству. Дважды за это время страна переживала засухи, равных которым не было в истории Кубы. Конечно, это не могло не сказаться самым негативным образом на общих результатах.

И все-таки кубинским революционерам казалось, что они могут сделать все, даже невозможное, настолько была велика их вера в свои силы, в безмерные возможности человека — того самого субъективного фактора, который не раз выручал Кубинскую революцию в, казалось бы, безвыходных ситуациях. В таких условиях и родился в 1963 г., а затем принял конкретные черты план: произвести в течение одного сельскохозяйственного цикла 10 млн. тонн сахара. К 1965 году уровень производства сахара достиг среднего дореволюционного, таким образом были преодолены все трудности переходного периода. Надо признать, что это относительно короткий срок, если учесть, что за это время пришлось полностью изменить систему производственных отношений в сельском хозяйстве, а также перестроить систему внешнеторговых отношений, имевшую жизненно важный для

производства сахара характер. К этому времени были полностью преодолены антитростниковые настроения, с февраля 1965 года Фидель возглавил Национальный институт по проведению аграрной реформы, который по существу курировал всю отрасль по производству сахара. Одновременно решением правительства было создано министерство сахарной промышленности.

План произвести 10 млн. тонн сахара за один сельскохозяйственный цикл не был только волевым решением, для него имелись и определенные объективные предпосылки. На Кубе было широко известно, что в дореволюционное время посевы сахарного тростника всегда были больше реальной потребности производства, диктуемой внутренними и внешними рынками. Значительная часть посевов оставалась резервной, в расчете на внезапное улучшение международной конъюнктуры и возможность выбросить на мировой рынок дополнительные количества сахара. Деловые крути всегда надеялись, что где-нибудь в другой сахаропроизводящей стране в результате стихийных бедствий, сельскохозяйственных вредителей или событий социального порядка вдруг произойдет спад производства и тогда можно будет использовать эти резервные посевы. Например, в 1954 году из имевшихся в стране 114 тысяч кабальерий сахарного тростника было срублено всего 71 тыс. На следующий год из 107 тыс. кабальерий урожай убран с площади 62 тыс. кабальерий. То, что брошенный сахарный тростник переспевал, начинал цвести, никого особенно не беспокоило. Затрачивались и погибали немалые средства, но это были обычные издержки капиталистического производства, вынужденного приспосабливаться к колебаниям мирового рынка. Но наличие этих резервных площадей и посевов наводило на мысль пустить их в дело.

До того, как возник план производства 10 млн. тонн сахара, Куба только один раз, в 1952 году, смогла преодолеть рубеж 7 млн. тонн. По подсчетам специалистов, исследовавших возможности сахарных заводов (а они взяли наивысшие достижения каждого завода в разные годы и сложили их вместе), оказалось, что в оптимальном варианте можно было выдать 7,5 млн. тонн.

Но, во-первых, можно было продлить срок работы заводов (они действовали 110-120 суток в году), во-вторых, можно повысить нагрузку на производственные мощности, в-третьих, учитывался фактор возросшей политической сознательности трудящихся. Немаловажным обстоятельством было и то, что теперь вся отрасль была в руках одного хозяина — народа, что позволяло повысить уровень всей работы, улучшить маневр

резервами. Трудности, со своей стороны, тоже были очевидными: заводы были оснащены устаревшим оборудованием и большую часть года они находились в стадии перманентного ремонта, остро не хватало транспорта для перевозки гигантского количества зеленой тростниковой массы с плантаций на заводы, страна никогда не имела достаточного количества квалифицированных рабочих рук для такого резкого расширения сахарного производства. И все-таки с 1965 года был взят курс на достижение в 1970 г. гигантского урожая в 10 млн. тонн сахара.

Эта цифра на несколько лет стала национальной целью кубинцев. Это была сверхзадача, решению которой были подчинены все другие аспекты экономической деятельности. Достижение этого уровня должно было стать качественным скачком в жизни страны, с ним связывались многие надежды и мечты. Как всякая четко и ясно поставленная национальная цель — эта задача спаяла всю нацию на ее достижение. Но, к сожалению, объективная реальность оказывается иногда сильнее субъективного фактора. На достижение производства сахара в 10 млн. тонн было брошено все: десятки тысяч дополнительных рабочих рук, лучшие материально-технические средства, наиболее подготовленные силы партийных кадров, однако достичь запланированного результата не удалось. Производство составило только 8,5 млн. тонн.

26 июля 1970 года, выступая на митинге, посвященном годовщине штурма Монкады, Фидель открыто с глубокой горечью перед всем народом признал невозможность достижения запланированного объема. Он взял всю ответственность на себя и даже поставил вопрос о возможной замене его на посту руководителя другим человеком, настолько остро он переживал крушение мечты, которая вынашивалась столько времени. Кубинский народ тяжело воспринял исход сафры 1970 г., но оказал полнейшее доверие руководству Кубинской революции и ее вождю.

На I съезде Коммунистической партии Кубы в 1975 году Фидель Кастро, говоря об ошибках, допущенных руководством революции в области экономики, сказал: «Революциям обычно свойственны периоды утопий, когда их участники, посвятившие свою жизнь благородной задаче — осуществлению на практике своих мечтаний и идеалов, — полагают, что исторические цели гораздо ближе и что воля, желание и намерения людей всесильны и стоят превыше требований объективной действительности. Речь идет не о том, что у революционеров должны отсутствовать мечты и железная воля. Но долг революционера — быть реалистом, подчинять свои действия законам исторического и

общественного развития и черпать необходимые для руководства революционным процессом знания из неиссякаемого источника политической науки и мирового опыта. Нужно уметь извлекать уроки из имеющихся фактов и реальной действительности».

Уделяя основную часть времени и энергии вопросам развития сахарной промышленности и плантациям сахарного тростника, Фидель Кастро не оставлял без внимания и другие участки сельского хозяйства, в которых за этот период были достигнуты немалые успехи. Прежде всего нужно отметить его личные усилия по созданию на Кубе молочного животноводства. Общеизвестно, что во всех странах тропического пояса из-за высоких среднегодовых температур, обилия насекомых и других факторов не получило развития молочное скотоводство. До революции на Кубе молоко было редким продуктом. Разводимая в стране порода себу весьма малопродуктивна (корова дает от силы 1-1,5 литра молока в сутки), хотя и стойка к условиям окружающей среды.

Фидель наметил целую программу обновления животноводческого стада по всему острову. Азартно отдаваясь, как всегда, захватившей его идее, он покупал лучшие экземпляры племенного скота, приобретал материал высшего качества для искусственного осеменения. Он развернул широкую деятельность в пределах всей страны по скрещиванию племенных молочных коров голштейнской породы с местной породой себу и получал скот с хорошими удоями, отличавшийся в то же время устойчивостью к тропическому климату. Развитие молочного животноводства потребовало создания новой кормовой базы.

Никогда раньше на Кубе не было искусственных пастбищ, а дикие травы естественных лугов отличались низкой продуктивностью. Постепенно началось широкое строительство материально-технической базы для молочного животноводства, создавались источники воды, засевались большие площади ценными кормовыми травами, налаживалось производство силоса, строились укрытия от солнечного зноя.

Сейчас нет на Кубе ребенка, который не знал бы вкуса молока. Молочные продукты — непременный компонент меню в школах Кубы. А как приятно и большим, и детям полакомиться мороженым в знойный тропический день! Сколько здоровья нынешнему поколению кубинских граждан принесли усилия тех лет, когда закладывались основы молочного скотоводства на Кубе, причем главным энтузиастом и борцом за успех этого дела был Фидель Кастро. Многие иностранцы отмечают его глубокие специальные познания в области молочного скотоводства, генетики животных, организации и экономики производства.

Занимаясь вопросом развития скотоводства, Фидель перечитал огромное количество специальной литературы, обстоятельно переговорил со многими авторитетами в этой области, изучил отечественный опыт. Ни разу никто не мог упрекнуть Фиделя в том, что он ограничивался в деловом разговоре общими рекомендациями необязывающего характера. Любое обсуждение или спор основывались на данных опыта, конкретных научных фактах, проверенных рекомендациях или гипотезах.

Аналогично велась работа и с мясным скотом, но это было делом более привычным и не отличалось такими чертами исключительности, как создание молочного скотоводства.

Значительное место в сельском хозяйстве Кубы занимают плантации цитрусовых. Их площадь, составлявшая до революции 10 тыс. га, была увеличена почти в 10 раз. По существу была создана новая отрасль сельского хозяйства в расчете не только на обеспечение потребностей внутреннего рынка, но и на создание в будущем значительных экспортных возможностей. Цитрусовые, в основном грейпфруты, закладывались на больших площадях, образуя крупные специализированные районы.

Бескрайние просторы раскинувшихся новых плантаций наводили на мысль, что кубинцы столкнутся в предстоящие годы с проблемой создания консервной промышленности, соковыжимания, встанут вопросы тары, транспортировки, хранилищ и т. д., т. е. всего того, что сопутствует обильным урожаям тропических культур. Но это уже другие, более приятные заботы — как использовать уже имеющееся богатство.

Фидель не раз в своих политических выступлениях по поводу экономической блокады острова говорил, что кубинская земля сможет прокормить свое население. Однако до революции Куба импортировала почти все виды продовольствия. В качестве одной из основных задач революция стала решать проблему самообеспеченности внутреннего потребления своими продуктами питания. Главное внимание было уделено рису, ибо именно он составляет основу ежедневного рациона большинства кубинцев.

Хотя задача полной самообеспеченности пока не решена полностью, все же в развитии производства риса был сделан очень крупный шаг вперед, который позволил стране существенно сократить зависимость от импорта этого важнейшего продукта питания.

Как рисовые поля, так и плантации цитрусовых и сахарного тростника требуют большого количества воды для полива. Вода жизненно необходима и для животноводства. Особенность Кубы и ее гидрографического режима состоит в том, что на этом

маленьком, вытянутом узкой полосой острове вода, выпадающая в виде осадков, просто не задерживается. Она быстро скатывается в море, не успев совершить никакой полезной работы. Маленькие короткие реки не позволяют создавать на них крупные водохранилища. Нехватка воды всегда была проклятьем городов и сел Кубы. А если добавить к этому, что в силу географического положения страна два-три раза в десятилетие подвергается крупным засухам, то станет понятным, что для создания устойчивой базы роста сельскохозяйственного производства было необходимо капитально обводнить Кубу.

С помощью советских и болгарских специалистов было начато строительство малых и средних водохранилищ для нужд сельского хозяйства. Практически вся работа начиналась с нуля, потому что до революции этому делу не уделялось никакого внимания. Всего через несколько лет, к концу 60-х годов, было уже невозможно подняться на самолете над территорией Кубы, чтобы в поле зрения пассажира не попало сразу несколько водохранилищ. За годы революции запасы воды в искусственных водохранилищах выросли с 29 млн. кубометров до 4,4 млрд. кубометров, или в 152 раза. Во всей мировой практике трудно найти аналоги строительства такого размаха.

Разумеется, не все шло гладко. Весь период с 1963 до 1970 г. представляет собой сложное переплетение успехов и возникавших трудностей и неудач. Общепризнанные социальные достижения Кубинской революции в виде доступного образования, бесплатной и хорошо организованной медицинской помощи, ликвидации безработицы привели к тому, что люди, ранее мирившиеся с тяжелым сельскохозяйственным трудом, теперь, увидя открывшиеся перспективы, искали другую работу и даже другое место жительства. Значительно сократились вследствие этого сборы кофе, который традиционно выращивался в горных районах провинции Ориенте в основном в маленьких крестьянских хозяйствах. Революция привела к отливу молодежи из этих районов на учебу, в армию и т. д., что подорвало обеспеченность трудовыми ресурсами. Кофе же, как известно, требует почти целиком применения ручного труда.

В известной степени сократилось производство табака, а главное, он пострадал качественно. Эта культура требует к себе особо деликатного подхода, а высокосортный табак выращивать так же хлопотно, как ребенка. Тут нужен опыт нескольких поколений, хорошее обеспечение гербицидами и инсектицидами, удобрения и другие ингредиенты довольно сложной технологии выращивания, уборки и ферментации табака. В условиях крутой ломки старого социального строя такой хрупкий и чуткий

механизм, как табачное производство, несет свои потери.

По инициативе Фиделя Кастро все мелкие хозяева, в распоряжении каждого из которых оставалось не более 67 га земли, были объединены в Ассоциацию мелких земельных собственников (АНАП) с общим числом членов около 200 тыс. человек. Подавляющее большинство членов АНАП — 140 тыс. человек принадлежат к беднейшим категориям крестьян, владеющих не более 28 га земли на семью. Члены АНАП обязаны были только сами обрабатывать принадлежащую им землю, жить на ней. Всякий, кто использовал в своем хозяйстве наемный труд, т. е. был кулаком, лишался права занимать в АНАП какие-то выборные руководящие должности.

Фидель Кастро очень внимательно относится к мелким землевладельцам. Когда в ходе борьбы с бандитизмом в отдельных случаях были допущены перегибы, выразившиеся в незаконной конфискации земельных наделов у лиц, заподозренных в пособничестве бандитам, или когда заготовители, в стремлении выполнить во что бы то ни стало план, заставляли силой мелких производителей сдавать по твердой цене всю продукцию, Фидель не раз лично выступал за правильность проведения партийной линии в крестьянском вопросе. Он требовал тщательного рассмотрения каждого случая в отдельности, когда возникал вопрос о конфискации земли, настаивал на привлечении к разбирательству других мелких собственников, соблюдения строжайшей объективности. В ряде случаев он отменял скоропалительно принятые решения и возвращал конфискованное имущество, настаивая на том, чтобы в сознании каждого крестьянина революция всегда ассоциировалась со справедливостью.

Производственный вклад мелких крестьянских хозяйств в общий национальный баланс довольно существен. В 1964 году эта категория сельскохозяйственных производителей, располагавшая 1/3 всех земель в стране, давала 70 процентов всего урожая кукурузы, 60 процентов корнеплодов, 70 процентов других овощей, 60 процентов фруктов, 85-94 процента всего производства табака, кофе и какао. Государственные организации, используя гибкий рычаг заготовительных цен, смогли наладить правильные взаимоотношения между членами АНАП и социалистическим сектором экономики.

Фидель Кастро уделял постоянно большое внимание подготовке кадров для народного хозяйства страны. В многочисленных выступлениях его перед учениками и студентами, в речах перед другими аудиториями красной нитью проходит мысль о необходимости коренным образом менять

политику подготовки кадров. Вместо большого количества так называемых гуманитариев, особенно адвокатов, Фидель настойчиво рекомендовал готовить больше специалистов инженерного и технического профиля, агрономов, врачей, т. е. тех, кто создает реальные материальные ценности. В духе этих его указаний была проведена реформа университетского образования, где основное внимание стало уделяться подготовке работников в области строительства, коммуникаций, гидросооружений, электротехники и пр. Были созданы рабочие факультеты, где могли получить ускоренную подготовку представители рабочих и крестьян. Газета «Ой» 2 июля 1963 года приводила такие слова Фиделя Кастро, сказанные им на встрече с передовыми рабочими строительной промышленности: «Однажды, — сказал он, — беседуя со студентами университета, я спросил их, знают ли они, сколько заявлений поступило от абитуриентов на зачисление их на отделение международных отношений Гаванского университета. 3 тысячи заявлений! А сколько на агрономический факультет? Не набралось и сотни. Если все захотят быть дипломатами, то кто же будет производить молоко, мясо, яйца и другие продукты питания для населения? Конечно, я считаю, что у некоторых есть призвание дипломата, но уверен, что многие думают только о поездках по белу свету, о приемах и тому подобных вещах. Ведь это же абсурд, когда в революционной стране есть три тысячи человек, желающих стать дипломатами, и меньше сотни хотят стать специалистами сельского хозяйства. Это настоящий позор!»

Слушателям партийных школ Фидель внушал, что окончание курса не означает повышения по службе или переиода в столицу, в управленческий аппарат. Надо ехать к народу, на места, туда, где делается революция, где нужнее всего подготовленные кадры. Более всего он ненавидел бездельников, любителей легкой жизни, пустозвонов.

Фидель яростно боролся против бюрократизма, которого, по его словам, «надо опасаться так же, как империализма». (Выступление 2 января 1965 г.)

Фиделя возмущало изобилие секретарш: «Кому ни позвонишь, даже человеку без особых чинов и званий, — сетовал он, — все равно трубку берет секретарша и отвечает: „Секундочку, я его сейчас позову“. Все имеют секретарш, а зачем?» (Из выступления 28.09.1964 г.)

28 сентября 1964 года, выступая по случаю годовщины создания комитетов защиты революции, Фидель вспоминал, что в его родном Биране, где до революции существовала отцовская латифундия, работало всего 1-2 клерка, а когда он недавно

посетил его, то оказалось, что в созданном на базе латифундии народном поместье уже работает 12 конторских служащих.

Гавана расположена на западном конце острова Куба, и частый созыв ведомственных совещаний отрывал от дела и заставлял пускаться в далекий путь десятки и сотни работников. Фидель рекомендовал министрам и их заместителям почаще ездить в провинции, проводить служебные совещания прямо на месте. Это и будет конкретным руководством работой.

В конечном итоге он распорядился заморозить численность управленческого персонала и не наращивать больше корпус бюрократов, пригрозив тем, кто будет создавать дорогостоящие ненужные должности, послать их в животноводческие хозяйства доить скот породы себу (известно, что дойка коров себу — один из самых тяжелых трудовых процессов).

Несмотря на трудности на всех фронтах экономического и социального строительства, Кубинская революция в целом одерживала победы. Быстро наращивались мощности строительной промышленности, развивались энергетика, машиностроение, легкая и пищевая промышленность. Заново создавался океанский флот Кубы, возник рыболовный флот и собственное судостроение для нужд прибрежного плавания.

Теперь основные успехи и неудачи в развитии уже зависели от умения и способностей самих революционеров. «Однако, — как говорил Ф. Кастро в докладе на I съезде Компартии Кубы, - необходимо признать, что во многих случаях наши ресурсы не использовались максимально. Наша хозяйственная деятельность не всегда была достаточно эффективной, а применявшиеся методы управления экономикой-оптимальными. Наши руководящие кадры, как правило, не имеют должных экономических знаний, недостаточно занимаются вопросами себестоимости и повышения эффективности производства. Невозможно определить, какую цену в сверхурочных часах и чрезмерных материальных затратах нам пришлось и приходится платить за отсутствие экономических знаний. В управлении нашей экономикой мы, безусловно, страдали от идеалистических ошибок, а иногда не отдавали себе отчета в существовании объективных экономических законов, которым мы должны следовать».

Далее сам Фидель Кастро объясняет, в чем же состояли эти ошибки. «Некоторым из нас товарно-денежные отношения казались слишком капиталистическими, так как мы не понимали необходимости сохранения таких отношений между государственными предприятиями. Фактически перестал существовать государственный бюджет, замененный

ассигнованием денежных средств для выплаты заработной платы и осуществления кредитных отношений и отношений купли-продажи с частным сектором.

Фактическая отмена системы товарно-денежных отношений произошла начиная со второго квартала 1967 года. Новая система учета заменила прежнюю в конце 1967 г.

Уже в конце 1965 г. было упразднено министерство финансов и реорганизован Национальный банк. Последний бюджет был принят в 1967 г., но его исполнение не контролировалось, так как со второго квартала перестали осуществляться товарно-денежные отношения.

Параллельно с этим развиваются и другие тенденции. Политика отмены платы, не оправданная в ряде случаев, начинает бурно развиваться в 1967 г. и достигает кульминационного момента в 1968-1969 гг. В 1968 г. заработная плата теряет связь с нормой выработки, стимулируются добровольная работа и отказ от вознаграждения в сверхурочные часы, в 1967 г. упраздняются проценты с кредитов и налоги, которые взимались с крестьян. Последний из них — налог на срубленный сахарный тростник — отменяется 7 июля того же года.

Забвение принципа оплаты по труду повлекло за собой резкое увеличение излишка денежных средств в обращении при недостаточном предложении благ и услуг, что создало благоприятные условия и благодатную почву для прогулов и снижения трудовой дисциплины. К этому надо добавить то обстоятельство, что в условиях ликвидации безработицы, удовлетворения насущных социальных и трудовых потребностей страны, развития в условиях блокады было абсолютно невозможно устранить на этом этапе революции излишнее количество находящихся в обращении денег.

Нам казалось, что мы приближаемся к коммунистическим формам производства и распределения, на самом же деле мы удалялись от правильных методов построения социализма».

Это были трудные времена, когда в университетах прекратилось преподавание политической экономии. Ослабла роль массовых организаций, профсоюзы перестали играть свою привычную роль и были подменены движением передовых рабочих, которое развернулось с 1966 года.

Только очень здоровая в своей основе партия, честные и принципиальные руководители способны на такую резкую критику своих собственных недостатков, как это сделали в 1970 году Коммунистическая партия Кубы и Первый секретарь ее Центрального комитета Фидель Кастро.

Фидель Кастро, превыше всего ставивший вопросы единства революционных сил, внимательно следил за тем, чтобы не развились до опасных размеров те отдельные негативные моменты во взаимоотношениях между революционными силами, которые иногда возникают в ходе практической работы. Когда в марте 1962 г. он подвергал критике сектантство «старых коммунистов», то он предупреждал, что нельзя терпеть также и сектантства «Сьерра-Маэстры», как и никакого вообще. В 1964 г. возникла ситуация, чреватая серьезными последствиями для старой коммунистической партии. Дело заключалось в том, что неопровержимыми данными было доказано, что некий Маркое Родригес, в прошлом член Народно-социалистической партии (коммунисты), был разоблачен как провокатор и доносчик, который стал виновником гибели группы студентов, членов Революционного директората, укрывавшихся на конспиративной квартире. М. Родригес был отдан под суд, который, полностью установив его вину, приговорил его к смертной казни. Но в ходе слушания дела некоторые свидетели, в том числе и один из прежних руководителей директората Фауре Чомон, в своих показаниях допустили намеки на возможную, хотя бы косвенную, причастность НСП к этому делу. Это сразу превратило процесс в источник политической полемики. Противники немедленно ухватились за возможность использовать его для внесения раскола в ряды кубинских революционеров. Среди обывателей поползли слухи и начались пересуды. Стали поговаривать, что М. Родригес был якобы внедрен НСП в Революционный директорат, что о его предательстве знал «кое-кто наверху», что в ходе процесса не все было сказано и вроде бы кто-то выгораживал Народно-социалистическую партию.

В такой обстановке Фидель Кастро обратился с письмом в Национальное руководство Единой социалистической партии Кубы, в котором подчеркнул, что ни в коем случае нельзя давать врагам повода строить всякие догадки на этот счет. Он поставил вопрос о полной публикации всех показаний свидетелей, а также, воспользовавшись тем, что осужденный подал на обжалование, предложил вновь открыть судебное заседание, чтобы окончательно выяснить все вопросы.

Такое судебное заседание было созвано 26 марта 1964 года, и Фидель Кастро, несмотря на свое высокое положение премьер-министра и руководителя партии, выступил на нем в качестве свидетеля. Протоколы его выступлений и допроса обвиняемого составили целый том в 163 страницы, но зато Фидель не оставил без ответа ни одного даже самого нескромного вопроса. Было установлено, что М. Родригес никогда не состоял в молодежной

организации Народно-социалистической партии, что он никому в партии о своем преступлении не рассказывал, что коммунисты умирали, не сказав ни слова палачам.

Фидель использовал весь процесс для утверждения принципа единства. Он еще раз призвал всех бороться против любого сектантства. Он подчеркнул, что пора забыть о старых организациях, о нашем социальном происхождении, поскольку теперь кубинские революционеры являются членами одной партии, совершившей революцию, которая была бы не по силам одной, отдельно взятой организации.

Все эти годы продолжалась работа по формированию и укреплению партии. В общественно-политической жизни страны происходили большие сдвиги. Коммунисты стали ведущей политической и организующей силой в городе и в деревне. К октябрю 1965 года в рядах Единой партии социалистической революции Кубы насчитывалось 45 тыс. членов и 5 тыс. кандидатов.

30 сентября — 1 октября 1965 года в Гаване состоялся партактив, который обсудил важные вопросы партийного и государственного строительства. По предложению Фиделя Кастро на активе был образован Центральный Комитет партии, который на своем первом заседании утвердил состав Политического бюро, Секретариата и рабочих комиссий. Первым секретарем ЦК стал Фидель Кастро. Состоялся пленум ЦК, принявший решение о переименовании партии, которая впредь стала называться Коммунистической партией Кубы. Пленум также утвердил решение о создании официального печатного органа партии — газеты «Гранма» — на базе слияния двух газет: «Ой» и «Революсион», которые были соответственно в прошлом органами старой коммунистической партии и «Движения 26 июля».

Следует подчеркнуть, что, хотя коммунисты принимали в революции самое активное участие, все-таки руководство всем процессом принадлежало революционным демократам, которые постепенно, под влиянием самого революционного развития, эволюционировали в сторону полного принятия социализма. Причем эта эволюция захватила подавляющее большинство активных участников вооруженного этапа революционной борьбы. Фидель не раз подчеркивал, что из бойцов и командиров Повстанческой армии 95 процентов, если не больше, со временем стали активными строителями социалистического общества на Кубе. Дифференциация в рядах революционной демократии привела к отколу небольшой, крайне незначительной части представителей класса буржуазии или лиц, поступками которых двигали непомерное честолюбие, неудовлетворенное тщеславие,

обиды и пр.

Это монолитное единство объясняет одну из характерных черт Кубинской революции: практическую стабильность политического руководства революции при естественном процессе омоложения кадров и отсутствие в его рядах сколь-нибудь заметных признаков разногласий на протяжении весьма длительного времени работы, полной самых сложных, иногда смертельно опасных для судьбы страны проблем. Про Кубинскую революцию никогда не скажут, что она «пожирала своих детей». Только один раз, в 1968 году, вновь возникла старая проблема сектантства, принявшая форму микрофракционной борьбы в партии. И опять во главе этой антипартийной деятельности оказался подвергавшийся критике еще в 1962 году Анибаль Эскаланте. Он к этому времени не занимал руководящих постов в партии, но все-таки пытался сколачивать вокруг себя группу неустойчивых лиц, противопоставляя тем самым себя партии и народу.

На этот раз он подвергся не только критике, но был исключен из партии и отдан под суд. Микрофракция А. Эскаланте, как показывает даже ее название, не располагала сколько-нибудь влиятельными позициями в партии, это была небольшая группа, устранение которой скорее было превентивной, чем лечебной операцией.

Внешнеполитический курс Кубинской революции в эти сложные годы был призван создать такие связи Кубы с дружественными странами, которые бы способствовали обеспечению безопасности острова Свободы.

В апреле — июне 1963 года Фидель Кастро совершил свою первую поездку в Советский Союз. Она была необычна по длительности (почти полтора месяца), так как Фидель поставил своей задачей обстоятельно познакомиться с жизнью нашей страны. Он побывал в Сибири и на Украине, на Урале и в Средней Азии, в Ленинграде и Волгограде, Мурманске и Тбилиси. И везде он старался вникнуть в суть работы государственного аппарата, поговорить с представителями общественных организаций, встретиться с простыми тружениками заводов и полей.

Фидель был поражен доброжелательностью, открытостью людей. Встречи с ними глубоко волновали руководителя Кубинской революции. Во время поездки на Братскую ГЭС на станции Зима рабочие леспромхоза, узнавшие о том, что будет проезжать Фидель, буквально перекрыли железнодорожный путь, чтобы увидеть руководителя далекого, но ставшего родным кубинского народа. Фидель вышел на подножку вагона в летнем мундире, и тогда один из рабочих, сняв телогрейку, протянул ее

Фиделю со словами: «Здесь же Сибирь, наденьте скорее!» Фидель, не зная, чем отблагодарить за такую заботу, пошарил в карманах и достал свои неразлучные сигары. Но рабочий вместо того, чтобы спрятать их на память, раскурил и передал соседям. Сигары пошли гулять по бескрайней толпе, причем каждый делал не больше одной затяжки. Фидель был потрясен сценой, к горлу подступил комок, и он с заблестевшими глазами вернулся в вагон.

В Москве Фиделю Кастро было присвоено звание Героя Советского Союза.

Через полгода, исполняя свое желание увидеть понравившийся ему Советский Союз зимой, он приехал вновь, и наряду с решением деловых вопросов, связанных главным образом с торгово-экономическими отношениями, вволю насладился прелестями русской зимы: ездил на тройках, ходил по подмосковным лесам с ружьем, постигал секреты понравившегося ему хоккея с шайбой.

При всей теплоте отношений Кубы с СССР следует подчеркнуть, что Куба никогда не входила и не входит ни в какие военные пакты. Она оставалась и остается неприсоединившимся государством.

Пример Кубинской революции всколыхнул все левые силы континента, которые увидели реальность вооруженного пути к завоеванию политической власти трудящимися. Нет ничего удивительного в том, что многие представители патриотических сил латиноамериканских стран ехали на Кубу, чтобы изучить опыт ее революции. Почти во всех странах появились горячие сторонники немедленных действий, страстно желавшие повторить кубинский опыт. Возникали новые политические организации, создавались вооруженные партизанские отряды, получила широкое развитие практика ухода городской молодежи в горы с оружием в руках. В 1963-1965 гг. партизанская война охватила Гватемалу, Колумбию, Венесуэлу, Перу и ряд других стран. Не всегда вооруженные выступления приносили успех, что в первую очередь вызвало острые дискуссии среди левых сил относительно правильности или ошибочности избранной тактики.

Победа Кубинской революции многому научила друзей, но из ее опыта извлекли свои серьезные уроки и враги. Повсеместно правящие круги с помощью реакционной военщины при прямой поддержке и вмешательстве Соединенных Штатов стали принимать меры по ужесточению режима в своих странах. Весной 1964 г. контрреволюционный переворот в Бразилии привел к устранению законного президента Ж. Гуларта. Самая крупная

страна континента надолго оказалась под сапогом военной диктатуры. 21 июля 1964 года в Вашингтоне по требованию США было созвано совещание министров иностранных дел стран — членов Организации американских государств, на котором был поставлен вопрос о коллективном разрыве дипломатических и консульских отношений с Кубой. Из 19 делегаций только 14 полностью склонили головы перед требованиями госдепартамента, остальные 5 воздержались или проголосовали против. Соединенным Штатам с помощью грубого нажима удалось также протащить резолюцию о прекращении всякой торговли между странами — членами ОАГ и Кубой о приостановлении нормального морского судоходства.

Правящие классы повсеместно приносили в жертву институты представительской демократии ради сохранения своих классовых привилегий, делали все, чтобы преградить путь нараставшему революционному движению.

В 1964 году в Боливии было свергнуто демократическое правительство президента Паса Эстенсоро, которое пользовалось поддержкой рабочих-шахтеров, и в стране установилась власть крайне правой военной группировки во главе с генералом Баррьентосом. Когда в апреле 1965 года в Доминиканской Республике вспыхнуло всенародное восстание, направленное против проимпериалистической клики, США не поколебались послать на его подавление 30-тысячный корпус своей морской пехоты и огромную военно-морскую эскадру.

В этой обстановке острого противоборства между национально-освободительным движением, в которое теперь вкладывалось и более глубокое социальное содержание, и силами реакции и империализма Че Гевара принимает решение навсегда покинуть Кубу и отправиться служить делу революции в другие страны.

О причинах, побудивших Че Гевару отправиться в Боливию, хорошо рассказано в его биографии, принадлежащей перу видного советского латиноамериканиста И. Р. Лаврецкого (Григулевича). Они заключаются в страстном желании Че Гевары бороться с империализмом. Он не раз в кругу близких людей говорил, что разрушать ненавистный эксплуататорский строй — это одна профессия, а строить новое общество — это совсем иная. Себя он чаще и с большей охотой причислял к служителям первой профессии и подчеркивал, что, пока остается непочатый край работы на этом участке, его место — быть именно там.

Всякие домыслы о неких разногласиях между Фиделем Кастро и Че Геварой лишены всяких оснований и представляют собой чистый вымысел.

Боливийская эпопея Че началась еще в 1963 году, когда в эту страну была выведена на нелегальную работу разведчица Таня (подлинное имя Тамара Бунке), в задачу которой входила подготовка условий для постепенного создания в этой стране партизанского отряда. Че Гевара оказался в Боливии лишь в декабре 1966 года. А в течение всего этого длительного времени он продолжал увлеченно работать и выполнять поручения революции и параллельно готовился к выезду.

Перед тем как навсегда покинуть Кубу, Че Гевара оставил Фиделю Кастро письмо, которое проливает свет на глубину дружбы, связывавшей этих двух выдающихся революционеров современности. В письме говорилось:

»...Обозревая свою прошлую жизнь, я считаю, что я работал достаточно честно и преданно, стараясь укрепить победу революции. Моя единственная серьезная ошибка — это то, что я не верил в тебя еще больше с самого первого момента в Сьерра-Маэстре, что я недостаточно быстро оценил твои качества вождя и революционера. Я прожил замечательные дни и, будучи рядом с тобой, я ощущал гордость оттого, что я принадлежал к нашему народу в самые яркие и трудные дни карибского кризиса.

Редко когда твой талант государственного деятеля блистал так ярко, как в эти дни, и я горжусь также тем, что я последовал за тобой без колебаний, что я мыслил так же, как ты, так же видел и так же оценивал опасности и принципы.

Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара. Я могу сделать то, в чем тебе отказано, потому что ты несешь ответственность перед Кубой, и поэтому настал час расставания.

Знай, что при этом я испытываю одновременно радость и горе, я оставляю здесь самые светлые свои надежды созидателя и самых дорогих мне людей... Я оставляю здесь народ, который принял меня как сына, и это причиняет боль моей душе. Я унесу с собой на новые поля сражений веру, которую ты в меня вдохнул, революционный дух моего народа, сознание, что я выполняю самый священный свой долг— бороться против империализма везде, где он существует; это укрепляет мою решимость и сторицей излечивает всякую боль.

Я еще раз говорю, что снимаю с Кубы всякую

ответственность, за исключением ответственности, связанной с ее примером. И если мой последний час застанет меня под другим небом, моя последняя мысль будет об этом народе и в особенности о тебе. Я благодарю тебя за твои уроки и твой пример и я постараюсь остаться верным им до конца. Я всегда отождествлял себя с внешней политикой нашей революции и отождествляю до сих пор. Где бы я ни находился, я буду чувствовать свою ответственность как кубинский революционер и буду действовать как таковой. Я не оставляю своим детям и своей жене никакого имущества, и это не печалит меня. Я рад, что это так. Я ничего не прошу для них, потому что государство даст им достаточно для того, чтобы они могли жить и получить образование.

Я мог бы сказать еще многое тебе и нашему народу, но я чувствую, что это не нужно; словами не выразить всего того, что я хотел бы, и не стоит зря переводить бумагу.

Пусть всегда будет победа! Родина или смерть!
Тебя обнимает со всем революционным пылом
Че».

Это письмо Фидель Кастро зачитал на учредительном заседании Центрального комитета Коммунистической партии Кубы 3 октября 1965 года, когда он говорил о том, что Че обладал всеми качествами, чтобы быть членом ЦК партии, но его уже не было на Кубе.

Эпопея Че в Боливии широко известна. В начале октября 1967 г. горстка героических бойцов, выданная предателями, окруженная со всех сторон частями регулярной армии и специальными отрядами «зеленых беретов», подготовленных американскими инструкторами, а зачастую и находившимися под их прямым командованием, сражалась до последнего. Оказавшийся в плену, тяжело раненный Че Гевара был расстрелян карателями.

Смерть Че потрясла и взволновала тогда весь мир. 18 октября в Гаване состоялся грандиозный торжественно-траурный митинг, посвященный памяти Героического Партизана, как теперь стали называть Че Гевару. Выступая на митинге, Фидель Кастро сказал: «Смерть Че — это тяжелый удар, это страшный удар для революционного движения, поскольку лишает его, без всякого сомнения, самого опытного и способного вождя».

Давая оценку личности Че Гевары, Фидель подчеркнул, что

Че объединял в себе достоинства, которые чрезвычайно редко встречаются вместе в одном человеке. С одной стороны, Че был человеком конкретного действия, а с другой стороны, глубоким и оригинальным мыслителем. Это была на редкость цельная натура, отличавшаяся предельной честностью и искренностью, воплощение стоицизма и спартанского духа. Фидель назвал его «настоящим образцом революционера». Многосторонняя культура, природный ум делали Че незаменимым рыцарем революции. Куда бы ни посылала его революция: руководить ли военными районами, возглавлять ли Национальный банк, комиссию по планированию, министерство тяжелой промышленности или представлять Кубу на важнейших международных конференциях — всюду он с честью выполнял порученную миссию.

Сама смерть Че Гевары стала источником глубоких выводов относительно стратегии и тактики революционной борьбы. Как величайшие умы человечества, которые сами себе делали прививки только что открытых, но непроверенных препаратов, так и Че Гевара ценой своей жизни вынес окончательное суждение по некоторым спорным вопросам революционной борьбы.

После смерти Камило Сьенфуэгоса гибель Че Гевары была самой большой утратой для Фиделя.

Трудности и беды, которые для подавляющего большинства людей являются тяжелыми испытаниями, нередко снижающими способность к сопротивлению, порождающими апатию и пессимизм, для Фиделя чаще всего становятся источниками взрыва энергии. Никто из его ближайшего окружения не может вспомнить ни одного момента, когда бы Фидель впал в уныние, потерял хотя бы на короткое время веру в конечную победу своего дела. Революционные убеждения и пессимизм несовместимы.

Каждый год, весной, Фидель возглавлял бригаду, составленную из членов ЦК Компартии, которая отправлялась на рубку сахарного тростника — самую тяжелую физическую работу, известную на Кубе. Две недели трудилась такая бригада на плантациях, что вовсе не похоже на показушные субботники или воскресники. Он так же, как и все, обливался соленым потом, совершенствовал личную технику рубки тростника и добивался высоких показателей даже для профессиональных рубщиков, доводя дневную выработку до 500 арроб, т. е. более 5 тонн стеблей сахарного тростника.

Он не оставался безучастным ни к одному мало-мальски значимому эпизоду политической борьбы с США. В марте 1966 г. на Кубе был раскрыт один из многочисленных заговоров, в

котором принял участие завербованный ЦРУ бывший майор Повстанческой армии Роландо Кубе-лае Секадес. Целью заговорщиков была организация покушения на Фиделя Кастро. Когда начался суд над арестованными и послышались голоса с требованием вынесения обвиняемым суровых приговоров, Фидель Кастро нашел время, чтобы направить судьям личное письмо, в котором он высказал свои соображения в отношении санкций: «Считаю, что намного важнее и полезнее для революции ликвидировать не людей, которые стали предателями, а те недостатки, которые способствовали их перерождению. То, что необходимо сделать, — это вырвать с корнем кумовство, фаворитизм, различные формы паразитизма, настроения самоуспокоенности и барства, коррупцию, порочные методы выдвижения кадров... терпимость к ошибкам, проступкам и недостаткам, несовместимые с духом революционера...» В конце письма он просил не приговаривать подсудимых к высшей мере.

Неукротимый характер Фиделя передавался его соратникам, миллионам кубинцев. В этом отношении показателен эпизод, разыгравшийся летом 1966 года вокруг участия спортивной команды Кубы в X Играх стран Центральной Америки и Карибского бассейна, которые должны были состояться в Пуэрто-Рико. США делали все возможное, чтобы не допустить Кубу к участию в этих играх. Хотя Пуэрто-Рико не является собственно территорией США, а всего лишь «ассоциированным государством», американцы все же, пользуясь своим статусом хозяина, отказывались выдавать визы кубинским спортсменам, затем запретили вход в территориальные воды кубинским транспортным средствам, затем стали прибегать к шантажу, требуя в обмен на допуск кубинских спортсменов выпустить в США несколько групп граждан из Кубы. Фидель отверг все домогательства и попытки навязать политические условия, ничего общего со спортом не имеющие. Кубинцы решили направить свою делегацию к кромке территориальных вод Пуэрто-Рико, а друзья Кубы приготовились выйти в море на флотилии маленьких лодок из пуэрториканских портов, погрузить в них делегацию кубинских атлетов и доставить их на берег. Власти США дрогнули перед перспективой такого решительного ответа и отступили.

На соревнованиях команда Кубы по традиции завоевала огромное количество золотых и серебряных медалей, а встречать ее приехал вместе с другими и Фидель Кастро.

Глава VIII
ТВЕРДОЙ ПОСТУПЬЮ

Заканчивался 1968 год, а вместе с ним завершалось первое десятилетие существования первого социалистического государства в Западном полушарии. Это был сложный и трудный период, но Кубинская революция добилась столь впечатляющих успехов, что, вне всякого сомнения, стала одним из самых значительных событий, происшедших в мире во второй половине XX века.

В этот период наметились очертания новой социалистической экономики, сложились руководящие кадры для осуществления новых задач; выросла и окрепла Коммунистическая партия Кубы, являющаяся сердцем и мозгом революционного процесса.

В 1968 году один бразильский журналист, работавший на американский журнал «Пентхаус», в связи с окончанием первого десятилетия спросил Ф. Кастро:

«Если бы Вы смогли вернуться назад, в январь 1959 года, когда Кубинская революция одержала победу, то что Вы изменили бы? Что оставили бы так, как есть?»

Ф. Кастро ответил: «Если бы я начал жизнь сначала, то, возможно, многие вещи сделал бы по-другому. Но в любом случае я боролся бы с такой же страстью, с какой борюсь сейчас. Цель оставалась бы прежней, а моя стратегия в принципе осталась бы такой, какой и была».

Тысяча девятьсот шестьдесят девятый год был для Фиделя Кастро и для всего кубинского народа особым годом упорного труда. Возможно, трудящиеся массы, как никогда раньше, стремились выполнить трудную экономическую задачу. Куба напрягла все свои силы, чтобы собрать самый большой за всю свою историю урожай сахарного тростника, из которого надо было получить 10 миллионов тонн сахара [Самый высокий показатель, достигнутый при капитализме, относился к 1952 году, когда было получено 7.298.000 тонн сахара.]

Кубинский импорт из Советского Союза возрастал стремительными темпами, однако платежная способность Кубы, страны слаборазвитой и бедной, была очень ограниченной, поскольку все сводилось почти исключительно к ответным поставкам сахара и некоторых других продуктов сельского хозяйства, а также никелевой руды, возможности добычи которой в то время были очень невелики.

В этой обстановке Фидель Кастро и другие лидеры революции приняли решение резко расширить производство сахара.

Вот как он сам объяснял причины такого решения:

«Несбалансированность торговых расчетов с Советским Союзом росла год от года. И одновременно росли наши потребности в импорте для развития страны, и они должны были возрастать с каждым годом...

Тогда мы предложили Советскому Союзу заключить долгосрочное соглашение, исходя при этом из наших возможностей повысить производство сахара...

В результате согласия советского правительства с кубинским предложением было решено, что Куба будет наращивать свой экспорт в СССР до 5 миллионов тонн сахара в год по цене не 4 сентаво за фунт, а по 6,11 сентаво...

Таким образом, выходило, что в перспективе стоимость этого экспорта за год должна была составить не 264, как раньше, а 672 миллиона песо».

На борьбу за 10 млн. тонн сахара было брошено все. 1969 год получил название «Год решающего усилия». Были временно отменены даже некоторые праздничные дни. На рубку тростника были мобилизованы часть вооруженных сил с соответствующей техникой, городские рабочие, студенты. Даже советские военные моряки с отряда кораблей, приходивших на Кубу с визитом доброй воли, приняли участие в рубке тростника. Но по мере того как шло время сафры (период уборки тростника с осени 1969 по весну 1970 гг.), становилось ясно, что достичь установленных показателей вряд ли удастся. Узким местом, которое сдерживало всю работу, оказались производственные мощности сахарных заводов. Часть закупленного оборудования для этих заводов не прибыла вовремя из-за рубежа, часть не успели смонтировать и вывести производство на проектные мощности. Любая серьезная поломка или авария срывала график работы. Горы срубленного тростника росли на пунктах сбора, на заводских дворах. Сырье теряло сахаристость из-за несвоевременного попадания в машинный цикл обработки.

Фидель предпринимал крайние меры, руководители производства были обязаны оставаться на рабочих местах, где развертывалась битва за 10 млн. тонн. Сам Фидель, члены Политбюро большую часть времени проводили непосредственно на местах.

А тут еще американские спецслужбы решили предпринять острую провокационную акцию, чтобы отвлечь внимание руководства и народа Кубы от созидательной работы. 10 мая 1970

года быстроходные вооруженные катера напали на два рыболовных судна Кубы, потопили их, а экипажи оказались брошенными на одном из безлюдных островов Багамского архипелага. Ответственность за операцию взяла на себя организация майямских эмигрантов «Альфа-66», известная своими давними связями с ЦРУ. Фидель возложил всю ответственность за этот пиратский акт на правительство США. Фидель решил вызвать британского посла, так как все данные говорили за то, что преступление совершилось во владениях Великобритании. В ходе беседы дипломат утверждал, что англичанам невозможно охранять большое количество островов и островков Багамского архипелага. Ф. Кастро на это возразил, что у этого случая может быть очень простое решение: «Пусть английское правительство спросит по телефону у правительства Соединенных Штатов, где находятся рыбаки, потому что оно знает о местопребывании рыбаков».

Ф. Кастро указал:

«Если вы имеете владения и не можете следить за ними, то дайте независимость этим владениям... по крайней мере, появилось бы какое-то правительство, которое несло бы ответственность за то, что там происходит...

Нас эти необитаемые островки не интересуют. Но если вы не можете охранять их, то мы с удовольствием будем охранять эти островки, по крайней мере охранять их от наемников».

Это были не просто слова. Ф. Кастро приказал ВВС и ВМС Кубы немедленно начать операции по поиску похищенных рыбаков. Военно-морские корабли Кубы начали патрулировать зону к западу от Багамских островов.

Кубинские самолеты летали до самых отдаленных островов архипелага. По этому поводу Ф. Кастро сказал следующее:

«Самолеты МИГ-21 летали до предела их радиуса действия. Мы заранее хорошо объяснили нашим летчикам: если появятся самолеты и попытаются угрожать вам, то не поддавайтесь угрозам! Если появятся американские самолеты и начнут маневрировать против вас, то маневрируйте против них! Не стреляйте, но если будут стрелять по вам, то не раздумывайте ни одной секунды, стреляйте по ним!»

Как только стало известно о захвате рыбаков, население Гаваны стихийно и непрерывно устраивало демонстрации у здания, которое занимало ранее американское посольство (там были представители США).

Под давлением общественного мнения похитителям пришлось освободить кубинцев, которые были на специальном самолете доставлены в Гавану, где их возле здания

американского посольства ожидало громадное скопление народа.

Фидель предупредил, что страна предпримет необходимые шаги с целью предупредить подобные действия в будущем, причем если будет нужно, то она будет бить врага непосредственно на его контрреволюционных базах.

Кроме того, в этом же выступлении Ф. Кастро сообщил о трудностях, сложившихся в борьбе за 10 миллионов тонн сахара:

«Если есть необходимость, чтобы я обрисовал вам ситуацию со всей прямотой, то честно скажу вам, что мы не получим десяти миллионов тонн. Просто и откровенно. Не буду ходить вокруг и около для того, чтобы сказать об этом...»

Вслед за этим, заметно взволнованный, он медленно проговорил, обращаясь к присутствующим:

«Мы работали, напрягая все силы, стремясь выполнить эту задачу, вложили в это до последнего атома нашу энергию, наши мысли, наши чувства.

Выше головы, выше головы! Нам предстоит еще много бороться, много сделать. Выше головы в этот горький час».

На следующий день, 20 мая, Фидель Кастро появился перед камерами и микрофонами национального радиовещания и телевидения, чтобы сообщить народу о причинах невозможности достигнуть отметки в 10 миллионов тонн сахара.

И поднимая дух кубинского народа, он убежденно провозгласил.

«Я уверен, что мы сможем превратить поражение в победу. И я абсолютно убежден в том, что мы превратим поражение в победу».

Уже в мае 1970 года Фидель поставил перед Политбюро ЦК Компартии Кубы задачу всемерного укрепления партии, создания аппарата Центрального комитета, отработки вопросов взаимодействия между руководящими органами партии и остальными звеньями государственного аппарата, между партией и массовыми организациями трудящихся. Предстояло серьезно укрепить работу административных органов.

Повышению уровня партийной работы способствовало четкое разграничение функций партийного и государственного аппаратов, так как в предыдущие годы партийные органы часто отождествлялись с административными, что снижало активность последних, ослабляло роль массовых организаций в налаживании работы.

В целой серии выступлений Фидель Кастро обращал внимание на необходимость улучшения социального состава партии за счет привлечения в партию прежде всего наиболее передовых рабочих. Он также призывал всемерно стремиться к

постоянному повышению общеобразовательного и политического уровня членов партии, чтобы она была сильна не только количеством, но, главным образом, качеством своих бойцов.

По всем направлениям партийного строительства работа успешно развивалась. Главное, что в эти годы сформировался рабочий аппарат ЦК партии, которого практически не существовало на первом этапе, когда всей работой партии руководил только один секретариат по организационным вопросам, который уже не мог, естественно, охватить возросшее количество фронтов партийной работы.

30 апреля 1972 года на заседании Политбюро, продолжавшемся восемь часов, по инициативе Фиделя было принято решение провести в ближайшем будущем первый съезд партии, на котором предполагалось утвердить устав, программную платформу, а также избрать в соответствии с принципами демократического централизма все руководящие органы партии. С этого дня началась целенаправленная подготовка к съезду партии, она велась в строгом соответствии с указаниями Фиделя.

Одной из труднейших проблем, с которыми сталкиваются все революции, являются кадры, особенно кадры для руководящей партийной работы. Фидель рекомендовал смелее выдвигать лучших представителей трудящихся, которые, имея хорошую идеологическую закалку, знали бы конкретные проблемы и трудности страны. Таких людей он советовал направлять на учебу в партийные школы на Кубе. Он постоянно подчеркивал, что необходимо бережно относиться к имеющимся кадрам, бороться не с персоналиями, а с недостатками в работе, с ошибками. Он учил кропотливой работе с членами партии, требовал, чтобы при обнаружении неполадок в работе того или иного товарища ему сначала в индивидуальном порядке объяснили суть совершаемых ошибок, а при необходимости подвергли его публичной критике, сохраняя по отношению к нему братское здоровое отношение. Вообще созданию и поддержанию здоровой атмосферы в партии Фидель Кастро постоянно уделял самое большое внимание.

В своем выступлении в связи с празднованием XX годовщины штурма Монкады, 26 июля 1973 года, Фидель подчеркнул цементирующую роль партии на Кубе, где исторически разногласия и конфликты между политическими деятелями становились причиной самых тяжелых поражений. «Если в трудные времена штурма Монкады и в первые годы революции отдельные личности играли решающую роль, то теперь она полностью переходит в руки партии. Люди не вечны, а партия бессмертна». Тема решающей роли партии в обеспечении

преемственности революционного процесса, в гарантии всех завоеваний революции все чаще и чаще звучит в выступлениях Фиделя.

Большое значение Фидель придавал правильной политической трактовке неразрывности единства и внутренней связи между кубинскими патриотами XIX века, борцами за национальное и социальное освобождение 20-40-х годов нашего столетия и нынешними революционерами, которые поставили перед собой задачу построения социально справедливого общества на Кубе. Говоря об исторической преемственности различных поколений революционеров, Фидель сказал: «В их время мы действовали бы как они, они сейчас поступали бы как мы».

Фидель не раз подчеркивал, что победа Кубинской революции не является исключительной заслугой только нынешнего поколения революционеров. «Мы, — говорил он, — в лучшем случае являемся счастливчиками, которым удалось увидеть плоды многолетней борьбы, которую неустанно вели на протяжении почти целого века лучшие сыны кубинского народа. Создание сегодняшней Кубы является логическим завершением целого исторического этапа национально-освободительной и социальной борьбы кубинского народа, а не волюнтаристской трансплантацией на креольскую почву „чужеземного эксперимента“, как пытаются уверять простаков враги Кубинской революции».

Создание и укрепление партии сделало Кубинскую революцию еще более последовательной и уверенной в своих силах. Это были вынуждены признать даже ее самые непримиримые враги.

Именно в эти годы (1970-1975 гг.) происходит и быстрый рост рядов партии. Если в 1973 г. число членов составляло 100 тыс. человек, то на конец 1975 г. партия насчитывала в своих рядах уже свыше 200 тыс. членов и кандидатов в партию. Почти половину их составляли люди моложе 36 лет, сформировавшиеся после победы революции. 38% членов имело среднее, незаконченное высшее и высшее образование. Это уже была новая сила, рожденная революцией и ставшая гарантом ее дальнейшего развития и углубления.

К этому времени кубинская армия стала одной из лучших в мире. Она располагала современным вооружением. Революционные вооруженные силы сыграли в истории Кубинской революции не только роль гаранта народной власти, защитника национальных интересов и суверенитета, но они стали и политическим университетом для значительной части кубинского

народа. Часто можно было услышать, как Фидель напоминает, что в отличие от России, где революцию делала уже существовавшая, обладавшая высокой теоретической подготовкой Российская социал-демократическая рабочая партия, которая затем стала создавать вооруженные силы революции, на Кубе все происходило в обратном порядке. Сначала зародились вооруженные силы в виде отряда монкадистов, экспедиции «Гранма», Повстанческой армии, а уже потом из недр этих сил вместе с другими политическими союзниками родилась революционная партия Кубы.

Армия, в силу опасной международной обстановки вокруг Кубы, была вынуждена оснащаться технически сложным современным вооружением. Это заставило личный состав армии серьезно заняться повышением своего общеобразовательного и специального технического уровня, чтобы научиться эффективно владеть оружием.

За годы, прошедшие после революции, в вооруженных силах были подготовлены десятки тысяч квалифицированных специалистов, которые затем стали работать в гражданских отраслях промышленности. С полным основанием Фидель Кастро говорил на I съезде: «Наши вооруженные силы стали большой школой подготовки сознательных, ответственных и дисциплинированных кадров Революции».

Наступило время и для наведения большего порядка в организации производства. Одной из первых мер в этом направлении было увязывание заработной платы с нормами выработки, на что раньше не обращалось должного внимания. С конца 1970 года в масштабе всей страны началась работа по внедрению производственных норм на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях Кубы.

Если прежде на производстве основное внимание уделялось моральному стимулированию, то теперь эти стимулы подкрепляются и материально, хотя уровень экономического развития Кубы, естественно, диктовал понятные ограничения в этом отношении.

Принимались меры по повышению реальной покупательной способности кубинской денежной единицы-песо. После того как Куба провела в 1961 году свою первую денежную реформу, в результате которой иностранная и национальная буржуазия потеряла огромные суммы, вывезенные из страны или припрятанные на случай реставрации старых порядков, объем денежной массы, находившейся в обращении, значительно вырос. Революция длительное время не могла обеспечить всю денежную эмиссию товарами и услугами. Фидель Кастро всегда возражал

против проведения новой денежной реформы конфискационного типа и искал другие пути ослабления инфляционного процесса. Такой путь был найден в повышении цен на некоторые товары, употребление которых не носит жизненно важного значения для человека и, более того, вредно для организма (например, на спиртное и табачные изделия), в развитии системы услуг, создании коммерческих магазинов и пр.

В целом для управления промышленностью и сельским хозяйством был избран метод хозрасчета. Фидель говорил о нем так: «Предлагаемая система учитывает существование экономических законов, действующих независимо от нашей воли и наших желаний. Среди этих законов — закон стоимости. Необходимо, чтобы между всеми предприятиями, в том числе государственными, существовали хозрасчетные отношения и чтобы в рамках этих отношений и вообще различных отношений, имеющих место в экономике, функционировали такие категории, как деньги, цена, финансы, бюджет, налоги, кредит, процентная ставка и другие товарные категории, в качестве необходимых инструментов, с тем чтобы можно было измерять используемые нами производственные ресурсы и определить до последней детали, до последнего сентаво, сколько мы тратим на каждое изделие, которое производим; чтобы можно было определить наиболее целесообразные для нас капиталовложения, чтобы знать, какие предприятия, какие заводы и фабрики, какие коллективы работают лучше и какие хуже, и чтобы можно было принять необходимые меры».

Говоря о введении категории рентабельности в оценку работы промышленных предприятий, Фидель Кастро решительно предупреждал: «...Это ни в коей мере не означает, что народное хозяйство потеряет свой плановый характер, характер хозяйства с сильно централизованным руководством, сильной властью центральных органов, основной целью которого является не получение прибылей, как это происходит при капитализме, а удовлетворение материальных и духовных потребностей народа».

Все эти меры по упорядочению экономической деятельности в стране начали давать положительные результаты. С 1970 г. начался постепенный подъем во всех отраслях народного хозяйства. Особое внимание Фиделя Кастро привлекало производство сахара, остававшегося основой экономики страны и главным экспортным товаром. Опыт массовых мобилизаций на уборку тростника малоквалифицированной рабочей силы из городов вскрыл неэффективность такого метода работы, и теперь главное внимание стало уделяться повышению уровня механизации. По подсчетам Фиделя, на каждой сафре на Кубе

было занято около полумиллиона людей, из которых 350 тыс. работали рубщиками на уборке тростника и 150 тыс. — на транспортировке и переработке. Тяжелейший ручной труд на рубке тростника оставался все время крайне малопроизводительным. По данным Фиделя, каждый рубщик производил в год продукции всего на сумму 1200 рублей. Такое положение в случае его сохранения обрекало экономику страны на длительный застой.

Еще в первые годы после победы революции Фидель Кастро, которого очень активно поддерживал Че Гевара, поставил вопрос о решении проблемы механической рубки сахарного тростника. До революции этот вопрос вообще не возникал, поскольку даже рабочий класс выступил бы в то время против механизации уборки из-за хронической безработицы, господствовавшей на острове.

С 1964 года велись совместные советско-кубинские исследования по разработке приемлемой модели машины. Длительное время эти усилия не давали положительных результатов из-за сложности возникавших проблем. Создание комбайна для сахарного тростника — дело несравненно более сложное, чем уборочной машины для злаковых. Тростник растет в урожайные годы на хороших почвах густой непроходимой рощей высотой более трех метров с толщиной ствола до 5-6 сантиметров. Его необходимо срезать у самой поверхности земли, не оставляя на пеньке вегетационных почек, которые, развиваясь, ведут к вырождению сорта. При этом нельзя повреждать корневую систему, так как тростник — многолетнее растение, дающее урожай в среднем 7-10 лет с одного посева. Срубленный ствол тростника надо очистить от листьев, в которых нет сахара. Затем продукцию надо быстро погрузить на транспортные средства и отправить на сахарные заводы.

В каждый сельскохозяйственный сезон работники плантаций и сахарных заводов перерабатывают громадное количество зеленой массы тростника. При средней сахаристости 11-12% для производства 5 млн. тонн сахара потребуется срубить, очистить, погрузить и отправить на завод 42-43 млн. тонн тростниковой массы. В прежние времена это был изнурительный, поистине каторжный труд. Недаром он долгие годы был уделом черных рабов, привозимых из Африки.

В начале 70-х годов первая машина была построена, испытана и стала доводиться до запуска в серию. Сначала сахароуборочные комбайны для Кубы делал завод сельскохозяйственного машиностроения им. Ухтомского в г. Люберцы (Московская область), а потом сборка комбайнов и частичное изготовление

деталей было перенесено на Кубу, где в настоящее время в г. Ольгин построен завод по производству комбайнов.

На сафре 1975 г. на полях работало уже свыше тысячи комбайнов, на долю которых пришлось более 25 % всего убранного тростника.

Настойчивая, неутомимая деятельность Фиделя Кастро по созданию оригинального сахароуборочного комбайна вознаграждена международным признанием достигнутого результата. Во многих странах проявили интерес и выразили пожелание закупить на Кубе созданную после революции машину.

Другой не менее трудоемкой операцией была погрузка сахара на морские суда. В прежние времена на упаковку сахара в мешки расходовалось большое количество ценных материалов и требовалось много рабочих рук. Следуя новейшим достижениям мировой техники погрузочных и разгрузочных работ с сыпучими товарами, Куба построила несколько полностью автоматизированных портовых складов для обработки сахара, где несколько рабочих без напряжения справляются с сотнями тысяч тонн сахара.

Чувства уважения к человеку труда, забота об укреплении единства всего кубинского народа просматриваются и в отношении Фиделя Кастро к интеллигенции. Все настоящие мастера национальной культуры Кубы после революции остались со своим народом, они быстро поняли глубокое значение происходивших в стране перемен и активно включились в преобразовательную работу по обновлению родины. Такие всемирно известные деятели кубинской культуры, как поэт Николас Гильен, балерина Алисия Алонсо, писатель Алехо Карпентьер и многие другие, приветствовали революцию и после ее победы сделали очень много для расцвета кубинской литературы и искусства. Они пользовались и пользуются полной поддержкой со стороны партии и Фиделя Кастро. Но Фидель не согласен с тем, что подчас только литераторы и деятели искусства называются творческими работниками. Безусловно признавая за ними творческий характер труда, он подчеркивает, что не менее творческим является и труд по созданию новых машин, новой технологии производства материальных ценностей, труд учителей, творящих в своих классах новых людей — работников завтрашнего дня, работу врачей, творчески ищущих новые пути укрепления здоровья и лечения болезней. Он категорически против узурпации этого благородного слова «творческие» только одной категорией интеллигенции.

Предупреждая против возможности появления настроений

элитности с их нежелательными социальными последствиями, Фидель говорил: «Интеллигенты и художники часто обособляются, составляют особую замкнутую группу, часто отрываются от реальной действительности. Мы знаем об этом по собственному опыту.

Если бы меня спросили, что должен делать интеллигент и артист, я сказал бы, что он должен быть неотделим от народа, от его дела, от лучших устремлений человечества. И бороться за это. Мы считаем, что художники и интеллигенты должны быть знаменосцами лучшего мира, мира будущего; и бороться за это своим пером, своим интеллектом, своим искусством. Бороться за это!»

Фидель Кастро твердо убежден, что в определенной степени привилегированное положение интеллигенции и появляющаяся иногда на этой почве элитность мышления являются следствием того, что мы живем на таком этапе развития человечества, когда культура в мире еще не стала всеобщим достоянием. Общество пока отдает все основные силы материальному производству и не может выделить достаточное количество прибавочного продукта для желаемого развития культуры и искусства. Но это время придет в будущем, и тогда художественное и интеллектуальное творчество станет естественным состоянием людей.

Общее наступление на всех фронтах политического, социального и экономического строительства развивалось настолько успешными темпами, что, наверное, впервые в своем выступлении 26 июля 1972 года Фидель почти не затрагивал этой проблематики. Он ограничился одним, но очень многозначительным замечанием, которое в концентрированной форме давало оценку происходившим переменам. Он сказал:

«Давайте вспомним, насколько мы продвинулись вперед за последние два года, начиная с 26 июля 1970 года, во всех областях: в партийном строительстве, в деятельности массовых организаций, в общей работе по развитию экономики страны. Наш народ полностью осознал необходимость упорно и настойчиво работать. Мы можем сказать, что никогда еще наша революция не имела таких перспектив, как сейчас».

В самом деле, значительные перемены происходили не только на Кубе, но и вокруг нее. Под влиянием кризиса в США, все более увязавших в грязной войне во Вьетнаме, быстро окончился временный спад революционного движения в Латинской Америке и поднялась новая, гораздо более высокая волна. Она выразилась в совершении перуанскими военными в конце 1968 г. революционного переворота, который привел к устранению от власти традиционных кругов земельной олигархии

и проимпериалистической буржуазии. Патриотически настроенные военные Перу национализировали собственность американской нефтедобывающей компании, поставили под контроль деятельность других межнациональных монополий, провели аграрную реформу...

Тогда же, осенью 1968 года, в другой латиноамериканской стране, Панаме, вспыхнуло под руководством патриотических кругов военных движение за возвращение панамскому народу его законной территории — зоны канала и самого канала. Это группа военных, возглавляемая генералом Омаром Торрихосом, не выдвигала крупных социальных программ, но зато последовательно отстаивала принцип полного суверенитета и независимости своей маленькой родины, самой обездоленной жертвы американского империализма. Кубинцы немедленно и без всяких колебаний заявили о полной поддержке справедливого дела панамского народа.

Но самым крупным событием начала 70-х годов в Латинской Америке был, конечно, приход к власти в Чили в результате выборов блока революционно-демократических партий и их общего кандидата на пост президента страны социалиста Сальвадора Альенде. Альенде, еще будучи сенатором, одним из первых иностранцев посетил революционную Кубу в первый месяц после вступления в Гавану Повстанческой армии.

В конце 60-х — начале 70-х годов шла временами излишне горячая дискуссия на тему о том, какой путь ведет к победе революции: путь восстания и революционной войны или мирный путь парламентской борьбы. На какое-то время в Латинской Америке в наличии оказалось сразу два образца различных путей. Богатая в своем разнообразии жизнь представила политическим деятелям уникальную лабораторию для проверки некоторых теоретических концепций. Но главное — появление на континенте еще одной страны, руководители которой опирались на социалистическую программу, было огромной практической поддержкой всем революционным силам Латинской Америки, в частности Кубе. Одним из первых внешнеполитических актов правительства Народного единства было установление дипломатических отношений с Кубой, а от президента Чили последовало приглашение Фиделю Кастро приехать в их страну.

Обстановка в Чили была необычайно сложной. Крайне правые силы с первого дня прихода к власти Народного единства развязали против него ожесточенную борьбу, в которой применялись все средства, от систематической клеветнической кампании в прессе до диверсий и политического террора. Практически страна жила в состоянии гражданской войны. И вот

туда предстояло поехать Фиделю Кастро.

Наверное, было бы проще найти обоснованные аргументы, чтобы отказаться от этой опасной во всех отношениях поездки. Террористические банды реакционных молодчиков заявляли о своем намерении сделать из Фиделя Кастро главную мишень для своих боевиков. Правящие круги США и чилийская реакция открыто угрожали правительству Народного единства суровыми мерами возмездия за приглашение Фиделя Кастро. Но Фидель, несмотря ни на что, принял приглашение. Визит в Чили продолжался более 3 недель (с 10 ноября по 4 декабря 1971 года), и можно определенно сказать, что это была одна из самых трудных поездок Фиделя за рубеж.

Трудной она была не только потому, что ему пришлось за короткое время исколесить всю огромную страну, вытянувшуюся на четыре тысячи километров с севера на юг, а Фидель побывал и на Огненной Земле, недалеко от Антарктиды, и в пустыне Атакама, на границе с Перу. Не только потому, что он оказался в другом климатическом поясе, часто простужался, терял голос от бесконечных выступлений на открытом воздухе. Не только потому, что рядом с друзьями его сопровождали и толпы открыто злобных противников, которые использовали любой предлог, лишь бы отравить пребывание Фиделя в Чили ложью и клеветой. Главная трудность поездки Фиделя в Чили состояла в том, что он впервые не имел права сказать в глаза всем всю правду о своем отношении к силам, участвовавшим в чилийском революционном процессе. Его положение гостя, статус которого не позволял ему вмешиваться во внутренние дела хозяев дома, куда он приглашен, было для него невыносимо тягостным. Он бы хотел быть активным участником этого процесса, а не наблюдателем. Если внимательно ознакомиться с текстами его речей и содержанием интервью, которые давал Фидель во время пребывания в Чили, то явственно видно, какие танталовы муки приходилось ему переживать, чтобы сдерживать себя. Уже на одном из первых митингов на чилийской территории, состоявшемся 12 ноября в г. Антофагасте, Фидель сказал: «Когда мы выступаем здесь, мы должны говорить с необычайной осторожностью. Это наш самый элементарный долг, чтобы никому не дать повода утверждать, будто мы выступаем в роли учителей, будто мы вмешиваемся во внутренние дела Чили.

Поэтому мы говорим в шутку: «Единственный, кто здесь не пользуется свободой слова, — это я».

Этот мотив часто встречается в его высказываниях во время пребывания в Чили. В университете г. Консепсьон он говорил: «Те, кто не несет ответственности, которая иногда может

затрагивать интересы, безопасность и будущее миллионов людей, являются единственно свободными в этом мире. Мы же, остальные, рабы многих обязанностей, долга, большой ответственности. И в моменты, когда мы испытываем желание быть свободными, совсем свободными и издать все сотрясающий клич свободы, который был бы услышан даже на небесах, и в эти моменты мы должны помнить о своем долге, о своих обязанностях.

Мы являемся борцами за свободу, борцами за свободу народов, но сами пользуемся относительной свободой. Здесь же, разумеется, кроме всех тех причин, которые заставляют нас быть осторожными (я правильно выразился?), мы являемся еще и гостями».

Но на прощальной пресс-конференции 3 декабря в Сантьяго-де-Чили Фидель высказался по существу тех вопросов, которые его преследовали в течение всей поездки.

«Я говорю со всей откровенностью, что, наблюдая картину борьбы между революционными идеями и идеями реакционными, между стремлением завоевать будущее для униженных и эксплуатируемых и попытками сохранить привилегии, господство или человеческое рабство, мы видим, сколько средств и ресурсов, сколько лжи, клеветы, оскорблений, какие подлые методы используются для того, чтобы лишить народы будущего. Мне больно, когда я вижу эту картину раздора. Я говорю не о раздоре внутри самих революционных сил, а о раздоре в стране, о стремлении обмануть, ввести в заблуждение. Обмануть, если можно, рабочего, представителя средних классов, чтобы привлечь их к тому делу, которое, на мой взгляд, не является справедливым.

Все хитрости, коварство, трюки, эти методы борьбы, естественно, заставляют человека, хоть в какой-то степени революционно настроенного, вспомнить о том, что было в нашей стране.

Наблюдая контраст, картину нынешнего развития борьбы и вспоминая об истории нашей собственной борьбы и нашего пути, мы видим подтверждение всей огромной правоты нашей борьбы и нашего дела».

Выступая днем раньше, 2 декабря, на стадионе в Сантьяго, Фидель открыто предупредил весь политический мир, всю общественность Чили о страшной угрозе фашизма и о том, что фашисты быстрее и лучше готовятся к решающей схватке. Он говорил: «Наблюдая уникальный процесс в вашей стране, мы смогли увидеть проявление той же исторической закономерности, когда реакционеры, эксплуататоры, в основном при поддержке

извне, в своем отчаянии порождают и дают развитие такому политическому явлению, такому реакционному направлению, как фашизм.

И мы заявляем с полной откровенностью, что имели здесь возможность увидеть и узнать фашизм в действии. Мы искренне считали, что в этом отношении наша поездка была крайне полезной.

Говорят также, что нет ничего более поучительного для народов, чем революционный процесс. Любой революционный процесс в течение нескольких месяцев обогащает народы таким опытом, на накопление которого в иных условиях понадобились бы десятки лет.

Возникает вопрос: кто научится быстрее и приобретет больше опыта? Эксплуататоры или эксплуатируемые? Кто быстрее усвоит уроки этого процесса? Народ или враги народа? (Возгласы: «Народ!»)

А вы абсолютно уверены, вы — главные действующие лица в событиях, происходящих на вашей родине, абсолютно ли вы уверены в том, что усвоили больше, чем ваши эксплуататоры? (Восклицания: «Да!»).

Тогда позвольте мне выразить несогласие на этот раз с массами.

Завтра какое-нибудь агентство в какой-нибудь части мира сообщит: «Кастро расходится с массами». Но мы расходимся лишь в оценке положения...

Следует иметь в виду, что социальные системы, преобразуемые революциями, располагают многолетним опытом. Многолетним опытом! Они накопили опыт, культуру, технику, владеют всевозможными трюками для борьбы против революционных процессов. А выступают они против народных масс, у которых нет такого опыта, нет таких знаний, таких приемов.

И, если хотите, совсем откровенно... Ведь мы говорили, что не можем лгать. Мы можем ошибаться, прийти к неправильному выводу, но никогда не скажем того, чего не думаем. Так вот, мы искренне считаем, что противная сторона, реакционеры, усваивали уроки быстрее, чем массы».

Трудно даже поверить, что эти вещие слова произносились открыто почти за два года до открытого выступления фашизма в Чили.

Трудно представить, как тяжело должен был переживать Фидель, «революционер по призванию», как он себя часто называет, обстановку в Чили, столь богатую революционными возможностями и столь опасную в то же время

контрреволюционным переворотом. Он увидел народ, несравненно более развитый и подготовленный для революции, чем кубинский народ, он имел много встреч с горняками, рабочими селитряных копей, которые проявляли горячую заботу о судьбе революционного процесса в Чили, но не всегда находили ответы на волнующие их вопросы.

Фидель ясно видел и по-товарищески откровенно говорил обо всем с руководителями Народного единства, с большинством которых он лично был связан узами многолетней дружбы. Он знал их как мужественных, смелых людей. Но личная смелость далеко не идентична политической смелости. Одно дело не бояться смерти, а другое дело не страшиться политических проблем и социальных бурь. Никто никогда не слышал от него ни слова критики в адрес руководителей Народного единства, Фидель просто делился своим богатым опытом революционной борьбы.

В Вашингтоне и правые силы в Чили понимали всю опасность, которую несет с собой визит Фиделя Кастро, и обрушили на него огонь из всех своих пропагандистских батарей. Из США была даже спешно вызвана в Чили дезертировавшая с Кубы сестра Фиделя Хуана, которая под диктовку своих хозяев пыталась тщетно повлиять на ход визита, распространяя самую чудовищную ложь. 65 % чилийских радиостанций, находившихся под контролем правых сил, вели изо дня в день злобную кампанию против Кубы и Фиделя Кастро. Десятки правых газет пичкали сознание своих читателей сфабрикованной ложью и людоедскими комментариями. Но визит, несмотря ни на что, вылился в яркую демонстрацию солидарности революционных сил Чили и Кубы.

До самых трагических дней сентября 1973 года, когда чилийские гориллы подняли фашистский мятеж, приведший к падению правительства Народного единства, Куба делала все от нее зависящее, чтобы помочь и поддержать своих братьев в далекой, но близкой Чили.

Прошло всего пять месяцев после возвращения из Чили, и 3 мая 1972 года Фидель Кастро отправился в новую, самую длительную по времени, международную поездку, в ходе которой посетил ряд африканских и восточноевропейских стран, входивших тогда в Варшавский пакт.

В это время Вьетнам был ареной жестокой войны, которую развязала самая могучая в техническом отношении капиталистическая держава против маленького свободолюбивого народа. Фидель неизменно подчеркивал, что Вьетнам должен стать пробным камнем международной солидарности,

сплоченности всех антиимпериалистических сил. Он призывал превратить Вьетнам в кладбище американских самолетов, безжалостно уничтожавших все живое во Вьетнаме. Не было таких форм проявления солидарности, на которые кубинцы не были бы готовы пойти, когда речь заходила о борьбе вьетнамского народа за свою свободу и независимость.

С 26 июня по 5 июля Фидель Кастро находился в Советском Союзе, где вел переговоры с Л. Брежневым.

По возвращении на родину, в своем выступлении 26 июля 1972 года Фидель Кастро уделил большое внимание вопросу интеграции с социалистическим лагерем. Обращаясь к кубинскому народу, он сказал, что, конечно, «естественнее для Кубы было бы интегрироваться со странами Латинской Америки, которые находятся рядом, связаны между собой десятками традиционных уз. Но пока что нам делать? Маленькой стране, окруженной капиталистами, блокированной империалистами янки. Мы будем экономически интегрироваться с социалистическим лагерем.

Мы так ставим этот принципиальный вопрос: в будущем мы вступим в экономическую и политическую интеграцию с Латинской Америкой, сегодня же мы будем экономически интегрироваться с социалистическим лагерем.

И эта нынешняя интеграция не должна противоречить завтрашней интеграции. Кроме того, это будет длительный процесс. Интеграция не наступает в один день, ни наша с социалистическим лагерем, ни Кубы с Латинской Америкой...»

Во время другого визита в СССР, состоявшегося в декабре 1972 г., Фидель Кастро подписал ряд важных соглашений о дальнейшем развитии советско-кубинских отношений, которые надолго определили их договорно-правовую основу. Советский Союз дал согласие на значительную отсрочку платежей по кубинской задолженности, был увеличен срок для ее погашения и полностью списаны проценты по ней. Кубе были предоставлены значительные торговые кредиты для компенсации отрицательного торгового баланса в 1973-1975 гг. Советское правительство предоставило Кубе заем в размере 300 млн. рублей в виде поставок советского оборудования и материалов для целого ряда отраслей промышленности и прежде всего для текстильной промышленности, добычи и производства никеля, нефтепереработки, транспорта и связи и т. д. Советская сторона соглашалась сотрудничать в строительстве двух новых текстильных фабрик, реконструкции никелевых заводов в Моа и Никаро, в возведении нового никелево-кобальтового комбината мощностью в 30 тыс. тонн в год, в строительстве

теплоэлектростанций, реконструкции железной дороги Гавана — Сантьяго, реконструкции кубинских портов, строительстве завода по производству радио— и телевизионной аппаратуры и т. д. и т. п.

Одновременно Куба, по инициативе Фиделя Кастро, проводила активную линию в Движении неприсоединения с целью сплотить все развивающиеся страны на платформе солидарности в борьбе за подлинный политический суверенитет и экономическую самостоятельность. Когда в начале сентября 1973 года в Алжире собралась IV Конференция неприсоединившихся стран на уровне глав государств и правительств, кубинскую делегацию возглавил Фидель Кастро. Работа Фиделя на конференции была примером целенаправленной активной политики в интересах мира и безопасности.

Сразу же после окончания работы конференции Фидель направился в сражающийся Вьетнам, куда его давно приглашали руководители ДРВ. Вьетнамский народ встретил Фиделя как легендарного героя многолетней победоносной борьбы против американского империализма, а Фидель отдал дань восхищения необыкновенному героизму и мужеству вьетнамцев. В дни пребывания во Вьетнаме он неоднократно подчеркивал, что ни один народ на земле в современную эпоху не заплатил такую высокую цену и не принес столько жертв на алтарь своей свободы и независимости, как народ Вьетнама.

Фидель посетил освобожденные районы Южного Вьетнама и выступил там на массовом митинге бойцов сил национального освобождения и мирных жителей. Митинг состоялся не в привычных условиях городской площади, а просто на «высоте 241», как говорилось в отчетах об этом необычайном политическом акте. Бойцы и командиры подарили Фиделю в знак признательности трофейный американский танк М-48, а Фидель обещал его переправить при первой возможности в Гавану, чтобы изучить все сильные и слабые стороны этого танка и научиться уничтожать их при необходимости так же, как это делают вьетнамские патриоты.

Во время этой поездки Фидель Кастро получил сообщения о совершении фашистами военного переворота в Чили, подтвердившие самые худшие опасения. Он узнал, что Сальвадор Альенде был убит после четырехчасового боя в президентском дворце, а кубинское посольство в Сантьяго дважды подвергалось атакам со стороны пиночетовских головорезов, но оба нападения были отбиты личным составом посольства, который с оружием в руках и кличем «Родина или смерть!» отказался допустить на

территорию посольства путчистов.

Вернувшись на родину, Фидель узнал все детали, связанные с переворотом в Чили, на Кубу приехали оставшиеся в живых члены правительства Народного единства, супруга покойного президента, его дочь и другие родные и близкие. Фидель посвятил все свое выступление 28 сентября 1973 г., когда по традиции отмечается годовщина создания комитетов защиты революции, анализу чилийской трагедии. Он, в частности, зачитал полный текст своего конфиденциального письма, направленного им Сальвадору Альенде 29 июля 1973 года, за полтора месяца до переворота. Лейтмотивом письма была рекомендация обратиться к рабочему классу Чили с кличем: «Революция в опасности!», если обстановка станет нетерпимой. Решительная позиция рабочего класса может сразу склонить чашу весов на сторону революционных сил, парализует путчистов, остановит колеблющихся, которые готовы встать на сторону сильнейшего. Опять звучит давний, но вечно молодой клич революционеров: «Мужество, еще раз мужество, всегда мужество!».

Фидель и на этот раз смотрел в будущее с большим оптимизмом. Он высоко оценил поведение кубинских дипломатов и моряков, членов экипажа корабля «Плайя Ларга», которые доказали своим поведением, что военщина отступает, когда наталкивается на решительное сопротивление. Путчисты сделали попытку захватить стоявший на рейде кубинский корабль «Плайя Ларга», доставивший груз сахара в Чили. Но экипаж снялся с якоря и ушел в море. Его в течение пяти часов преследовали и обстреливали самолеты и вертолеты военно-морских сил Чили, затем подошел эсминец, который в упор открыл огонь по безоружному торговому судну. Единственной защитой было сообщение, переданное экипажем агрессорам о том, что в Гавану уже направлена вся информация о беспрецедентном нападении в международных водах военного корабля на мирное судно и, следовательно, вся ответственность ложится на агрессоров. Получившее несколько пробоин в бортах, полузатопленное кубинское судно продолжило свой путь, постоянно маневрируя, чтобы не позволить противнику взять корабль на абордаж. После безуспешных попыток сломить волю кубинских моряков пиночетовцы прекратили преследование.

Точно так же отстояли себя и сотрудники посольства, на которых не подействовали никакие угрозы применить танки и артиллерию против здания дипломатического представительства. Готовность кубинцев умереть, но не сдать врагу посольство, заставила дипкорпус вмешаться, чтобы добиться

беспрепятственного выезда кубинцев, которые под собственной вооруженной охраной доставили на борт своих судов в неприкосновенности все имущество и документацию посольства. Лозунг «Родина или смерть!» прошел проверку в самых трудных обстоятельствах и доказал свою неодолимую силу.

Вообще, длительная работа Фиделя Кастро по воспитанию у кубинского народа таких качеств, как смелость, мужество, непреклонная решимость отстаивать свои права любой ценой, дала поразительные результаты. Вся нация стала вести себя в чрезвычайных ситуациях, как и ее руководитель. Стиль Фиделя Кастро становился стилем всего народа. Вот еще один пример.

2 октября 1973 года судно торгового флота Кубы «Имиас», шедшее с мирными грузами из Японии, вошло в Панамский канал по пути на родину. Здесь неожиданно американские власти задержали судно в озере Гатун в середине Панамского канала. Вырваться судно не могло, и его экипаж вступил в борьбу за корабль, груз, а главное — честь и достоинство флага. 43 дня, пока шла дипломатическая борьба за освобождение судна, экипаж никого не допускал на борт, моряки установили круглосуточное дежурство, чтобы предотвратить внезапный абордаж. Ни на час не прерывалась радиотелеграфная связь с Гаваной. Капитан на совете с офицерами судна принял решение затопить судно или поджечь его, если создастся безвыходное положение и станет реальной угроза захвата корабля. Механики были в постоянной готовности запустить машины в течение двух минут, чтобы сорвать попытку абордажа. Проводились учебные тревоги. Все дни осады команда не спускала национального флага, у которого был установлен пост.

Рискуя многим, к ним дважды приплывали катера с панамцами, которые кричали: «Родина или смерть!», «Кубинцы, держитесь, держитесь!» И они держались, радуя и вдохновляя своим примером не только панамцев, но и всех латиноамериканцев. Наконец судно было отпущено, но никому не было позволено ни досмотреть, ни арестовать его.

Такое поведение стало обычным для кубинцев, национальная гордость и революционное достоинство которых стали серьезным препятствием на пути любителей провокаций и авантюр.

Последовательная миролюбивая политика Кубы, ее принципиальность в отстаивании суверенитета и независимости, крупные социальные завоевания Кубинской революции и поступательное развитие экономики оказались постоянно действующими факторами, которые содействовали непрестанному росту авторитета Кубы среди латиноамериканских стран. Мало-помалу вся система блокадных мер, навязанных

Соединенными Штатами странам — членам ОАГ в их отношениях с Кубой, начала давать глубокие трещины. К ранее установленным дипломатическим отношениям Кубы с Перу вскоре добавились отношения с Панамой (август 1974 г.), Венесуэлой (декабрь 1974 г.), Колумбией (март 1975 г.). Расширялись торговые отношения. Если в 1970 году общий объем торгового оборота с ними составлял всего 4,5 млн. песо, то в 1975 году он вырос до 102 млн. песо.

В июле 1975 года в столице Коста-Рики собралось совещание министров иностранных дел стран — членов ОАГ, которое обсудило дальнейшую судьбу тех блокадных мер, которые в свое время были продиктованы госдепартаментом США. Подавляющим большинством голосов было решено похоронить навсегда те незаконные антикубинские меры, с помощью которых США пытались отторгнуть Кубу от сообщества латиноамериканских стран, изолировать ее и удушить. Теперь приходилось публично признать полное фиаско недальновидной политики Вашингтона. Совещание министров приняло резолюцию, в соответствии с которой каждая страна, входящая в состав Организации американских государств, могла самостоятельно решать вопрос о своих отношениях с Кубой и не была впредь связана никаким коллективным решением.

В августе 1975 г. на Кубу с официальным дружественным визитом прибыла правительственная делегация Мексики во главе с президентом страны Эчеверрия. Визит вылился в демонстрацию крепнущих отношений солидарности между Мексикой, ни при каких обстоятельствах не рвавшей отношений с Кубой, и островом Свободы. История никогда не забудет, что именно в Мексике создалось ядро Повстанческой армии Кубинской революции, а «Гранма», плававшая когда-то под мексиканским флагом, стала вечным символом Кубинской революций. Мексикано-кубинские отношения являются, пожалуй, прообразом тех отношений, к которым стремятся кубинцы вообще в Латинской Америке, — это отношения дружбы, солидарности, прочных экономических связей, и если понадобится, то взаимной выручки в отстаивании независимости и суверенитета.

Революционная Куба с огромным успехом демонстрировала преимущества своего социального строя на всех фронтах, и в частности спорте и физической культуре. Об этом хочется обязательно сказать, потому что главным мотором в развитии спорта является Фидель Кастро, который поставил задачу растить здоровое, физически развитое, сильное поколение завтрашнего дня. Но спорт одновременно рассматривается и как политическое поприще, на котором утверждается национальная гордость, честь

и достоинство. Фидель сам великолепный спортсмен, хорошо играет в бейсбол, баскетбол, настольный теннис, увлекается подводной охотой, может не отрываться в короткие часы досуга от шахматной доски, является и прекрасным пропагандистом физической культуры. На Кубе, где до революции лишь считанные единицы занимались спортом в организованном порядке, сейчас практически вся молодежь охвачена спортивной работой. Если на всех Олимпийских играх с 1896 г. по 1959 г. Куба завоевала всего 1 медаль в 1904 г., то за 16 лет после победы революции ее посланцы привезли домой 10 золотых, 12 серебряных и 8 бронзовых медалей. На Римской Олимпиаде 1960 г. никто не заметил Кубу вообще (она была на 45-м месте), а теперь она— один из фаворитов по многим видам спорта, и в Мюнхене кубинская команда заняла 14-е место.

Фидель Кастро, подчеркивая политическую сторону вопроса, говорил: «Спорт, по моему мнению, используется Соединенными Штатами для того, чтобы внушить нашим народам комплекс неполноценности, комплекс бессилия.

Спортсмены США на всех международных соревнованиях вели себя так, словно они принадлежат к «сильной расе», «высшей расе», к высшей социальной системе, которая во всем превосходит «этих жалких, отсталых латиноамериканцев, этих людей второго сорта» и т. д.

В здоровом теле — здоровый дух! Спорт несет с собой не только хорошую работоспособность, но и отличное расположение духа. Это в то же время и широкий диапазон общения с народом».

Более трех лет заняла сложная работа по подготовке первого съезда Коммунистической партии Кубы. Иногда возникает вопрос, почему I съезд был созван так поздно, спустя 17 лет после победы революции. Фидель Кастро, размышляя на эту тему, отвечал, что это большое счастье кубинских революционеров, что они не поспешили с созывом съезда раньше. Высокий идейно-политический и организационный уровень его проведения стал возможен только после 17 лет революционного опыта, допущенных и исправленных ошибок, после достижения революционным процессом подлинной зрелости. Одно из главных мест в предсъездовской работе занимала подготовка проекта Программной платформы, так как этот документ должен был на долгие годы вперед определить характер и путь Кубинской революции.

Программная платформа содержала краткий, но исчерпывающий анализ исторических корней Кубинской революции, давала характеристику эпохи, в которой развивалась Кубинская революция, определяла ее характер и стадии развития

и подытоживала основные достижения в политической, социальной и экономической областях.

Платформа намечала основные задачи, связанные со строительством нового общества. С этой целью предполагалось построить материально-техническую базу, продолжать процесс всестороннего воспитания народа путем повышения политического уровня сознания масс, роста их культуры. Коммунистическая партия Кубы, которой принадлежит руководящая роль в жизни общества, будет крепнуть и совершенствовать свою работу во всех отношениях. Под ее руководством будут улучшать свою деятельность все массовые и общественные организации страны, будет совершенствоваться структура и деятельность органов социалистического государства.

«С выполнением этих сложных, но прекрасных задач будет в основном завершено строительство социализма. Кубинский народ выполнит свой исторический долг перед мировым пролетариатом и народами Латинской Америки, состоящий в построении первого на Американском континенте социалистического общества».

Одновременно шла работа над Уставом партии, в котором широкая внутрипартийная демократия, коллективное обсуждение всех вопросов партийной жизни сочетались с централизованным руководством, с единством идеологии, воли. Все руководящие партийные органы становились выборными снизу доверху, они периодически должны отчитываться перед избравшими их организациями.

Построение партии предусматривалось по производственно-территориальному принципу.

Устав также выносился на предварительное обсуждение членов партии. С апреля 1975 г., когда Центральный комитет объявил о созыве в конце этого же года съезда, подготовительная работа вступила в свою решающую фазу. В работе Фиделя Кастро подготовка к съезду заняла главное место. Он собственноручно писал весь отчетный доклад съезду, работал с огромным напряжением, тщательно формулируя каждое положение доклада. Фидель вообще необычайно быстро импровизирует свои устные выступления, но значительно медленнее пишет, потому что работе один на один с самим собой он всегда предпочтет диалог с любой аудиторией, в ходе которого создается особая вдохновляющая атмосфера.

Съезд открылся в Гаване 17 декабря 1975 года. На нем присутствовало 3116 делегатов.

Всем, кто сидел в зале заседаний, было ясно, что всего за 17 лет, прошедших со дня победы революции, Куба была

действительно перевернута до основания преобразовательской деятельностью революционеров. Страна стала совершенно другой во всех отношениях. Экономика страны сделала качественный скачок вперед. Производство никеля увеличилось вдвое, выпуск электроэнергии почти утроился, машиностроение производило продукции в три раза больше, чем до революции, выплавка стали выросла в 10 раз. Страна производила в 6 раз больше удобрений, в 25 раз больше гербицидов, чем в 1958 г. С 740 тыс. тонн до 2 млн. тонн выросло производство цемента — «хлеба строительства». В два раза увеличилась площадь обрабатываемых земель в стране.

Создан торговый морской флот Кубы, которого раньше практически не было. Общий тоннаж судов вырос за годы революции в 14 раз. Уловы рыбы выросли в 6 раз и т. д. Можно бесконечно повторять статистические сравнения, потому что на Кубе не оказалось ни одной отрасли, где бы революция не совершила настоящего переворота.

Социальные достижения революции с первых лет поражали всех современников своими масштабами. Полная ликвидация неграмотности, создание одной из лучших систем народного образования, решение проблемы здравоохранения стали залогом того, что нынешнее и будущее поколения кубинцев будут самыми здоровыми и самыми образованными среди стран Латинской Америки и среди всех других развивающихся государств.

Но в докладе говорилось не только о победах и достижениях. В нем честно и откровенно признавались ошибки, которые были допущены в ходе революционных преобразований, вскрыты их корни и намечены меры, которые исключили бы возможность совершения ошибок в будущем.

Съезд одобрил отчетный доклад, принял единогласно Программу, Устав партии и избрал руководящие органы партии.

Среди делегатов съезда находился старейший коммунист Кубы, один из основателей в 1925 году первой Коммунистической партии страны, поляк по национальности, портной по социальному происхождению, революционер по призванию, Фабио Гробарт, теперь занимавший пост директора Института истории революционного и коммунистического движения при ЦК партии. Ему было предоставлено право выступить 22 декабря, в день окончания съезда, с предложением относительно кандидатуры на пост первого секретаря ЦК Коммунистической партии Кубы. Фабио Гробарт сказал:

»...Мы все знаем, как смог Фидель в годы самого жестокого террора, в самое тяжелое время, когда кровавая тирания пыталась закрепить навеки свою власть, всколыхнуть народ, выковать

единство и сформировать революционный авангард этого единства, и во главе его довести до победы революцию, борьбу за окончательное национальное освобождение Кубы, за социализм, за создание нашей славной Коммунистической партии...

Товарищи! Все мы знаем исторические заслуги товарища Фиделя Кастро в борьбе за интересы родины, рабочего класса, бедного и трудового народа. Все мы знаем его исключительные способности руководителя и восхищаемся его достоинствами, среди которых выделяются его революционная честность и искренность, его скромность и исключительная человечность...

Он поднял честь и авторитет нашей страны на невиданную в нашей истории высоту. Он смог передать нашей партии, трудящимся и всему нашему народу дух революционного патриотизма и пролетарской солидарности, которые поставили наш народ на одно из самых почетных мест в современной истории человечества.

В своих самокритичных анализах, публично высказываемых перед партией и народом, — как он сделал это в своем великолепном докладе на этом съезде, — он неоднократно принимал, а иногда и излишне, на себя личную ответственность за ошибки, за которые мы все с вами вместе в ответе... С учетом всего этого мы и предложили кандидатуру Фиделя Кастро на пост Первого секретаря ЦК партии». Последние слова Ф. Гробарта утонули в шквале аплодисментов.

Спустя некоторое время сам Фидель простыми и прочувствованными словами сказал о выборах второго секретаря: «Товарищи, вторым секретарем Центрального комитета избран человек, который, безусловно, обладает всеми необходимыми качествами, способностями, чтобы занимать этот пост.

...Относительно товарища Рауля я могу сказать только одно: для меня большая честь, что такой выдающийся деятель революции — мой брат. Свой авторитет Рауль Кастро завоевал в борьбе, в которую он включился в числе первых. Наши семейные отношения послужили лишь тому, чтобы вовлечь его в революционный процесс, привлечь к участию в штурме Монкады. И помнится, что, когда патруль ворвался в здание суда в Сантьяго-де-Куба и арестовал их группу, если бы Рауль не сделал того, что он сделал в тот момент, то его бы давно уже не было в живых: он вырвал пистолет у начальника патруля и сам сумел взять в плен патруль, который арестовал его товарищей. Если бы он этого не сделал, через несколько часов они были бы убиты в Монкаде. Это было начало. Затем тюремное заключение, высылка и экспедиция на «Гранме», трудности, открытие Второго фронта и работа, проводившаяся в течение всех последних лет».

Фиделю Кастро было всего 49 лет. Позади оставалась целая историческая эпоха. Впереди была вся жизнь...

Глава IX
КУБА НА МАРШЕ СОЗИДАНИЯ

Биографию Фиделя Кастро невозможно отделить ни от истории Кубинской революции, ни от жизни кубинского общества. При этом практически с момента штурма казарм Монкада Кубинская революция закономерно олицетворялась прежде всего с образом ее вождя и во многом персонифицировалась с ним. Попытаться вычленить какую-либо оторванную от жизни страны личностную биографию Фиделя — дело заведомо обреченное. Ф. Кастро не просто выдающийся политический деятель Кубы или развивающихся государств. Люди такого масштаба принадлежат политической истории всего мира. Поэтому, хотим мы того или нет, рассказывая о жизни Фиделя, мы неизбежно вынуждены говорить в первую очередь о его политической и государственной деятельности. Многие десятилетия Фидель — генератор идей, мозг и сердце революционного процесса, развивающегося на Кубе. Он как локомотив тянет на плечах своей могучей воли Кубинскую революцию наперекор всем ветрам. Несет зажженный первыми борцами за независимость факел свободы. Одновременно, чем глубже развивается процесс, тем все более его деятельность сливается и растворяется в жизни кубинского общества, в работе разветвленной сети политических, государственных и массовых организаций. И тем не менее Фидель никогда не теряется в их тени. Как прирожденный лидер, Ф. Кастро всегда в динамическом движении на политической сцене.

С середины 70-х годов кубинский революционный процесс вступил в этап зрелости. Брожение в умах, поиск своего оригинального пути реализации социалистических идеалов, проверка практикой различных моделей развития уже в начале 70-х годов привели Фиделя Кастро к пониманию необходимости конструктивного синтеза опыта других социалистических стран с собственными теоретическими наработками. В первое десятилетие революции случались «кавалерийские атаки на капитал», что во многом объяснялось сложностью и остротой возникавших ситуаций, необходимостью дать решительный и молниеносный ответ-удар на тот или иной вызов. В 60-е годы революция выполнила свои задачи по разрушению основ неоколониального общества. К 70-м годам вызрели необходимые объективные предпосылки для решения фундаментальных созидательных задач революции, обращенных в будущее. К этому

времени революция окрепла, улучшились ее международные позиции. Началась кропотливая повседневная работа по формированию социально-политических и экономических институтов кубинского социалистического общества.

Без всякого преувеличения, исторической вехой на этом пути явился 1 съезд Компартии Кубы. Поставленные на нем задачи открыли важный этап институциализации кубинского общества, развернутого созидания социализма, сбалансированного подхода к решению экономических и социально-политических проблем, тесной экономической и политической кооперации со странами СЭВ.

Мотором процесса, несомненно, стала КП Кубы. В этом не было ничего искусственного. Создание Фиделем в 50-е годы боевой революционной политической организации, лишенной догматизма, позволило поднять народ на борьбу и свергнуть проамериканский режим Ф. Батисты. Единство всех кубинских революционеров вокруг Ф. Кастро позволило закрепить народную победу и отразить первые атаки сил внутренней и внешней контрреволюции в начале 60-х годов.

Создание в первой половине 60-х годов новой Компартии Кубы явилось несомненной заслугой Ф. Кастро, который сумел преодолеть антикоммунизм в среде кубинских революционеров-националистов и одновременно сделать большими «почвенниками» «старых» кубинских коммунистов. Именно в результате их союза родился новый, стоящий на прочном национальном фундаменте, уходящий глубокими корнями в народную почву кубинский коммунизм. Фидель Кастро в десятках своих выступлений говорил об этой замечательной особенности кубинского политического авангарда. Этот факт был зафиксирован позднее и в самих партийных документах, в частности в Программе КП Кубы. «Коммунистическая партия Кубы, — отмечается в ней, — создана на основе самого тесного и глубокого идеологического и политического единства кубинских революционеров, выкованного в ходе защиты и развития революции, невиданного ни в одну из прежних эпох и выросшего в условиях слияния своеобразных патриотических традиций с научным социализмом».

К тому моменту, когда победила Кубинская революция, уже существовали 13 социалистических государств в Европе и Азии. Ф. Кастро имел возможность анализировать их исторический, социально-политический и экономический опыт. Среди недостатков советской модели, утвердившейся в большинстве этих государств, Фидель прежде всего отмечал чрезмерную бюрократизацию общества, тенденцию к отрыву политического

авангарда от народа. Поэтому Ф. Кастро поставил перед своими единомышленниками задачу создать такую партию, которая действительно была бы спаяна с народом неразрывными узами. Первые организации КП Кубы были созданы на предприятиях, и именно там партия всегда вела основную работу по расширению своих рядов. Она строится по территориально-производственному признаку и имеет муниципальный, провинциальный и национальный уровни. Это способствует превращению партийных организаций предприятий в ядро всего партийного организма, способствует пополнению партии за счет промышленных рабочих, членов кооперативов и других групп населения, непосредственно занятых на производстве, способствует установлению прочных связей с массами трудящихся. Ф. Кастро отметил по этому поводу в своем выступлении на I съезде КП Кубы: «Наш метод отбора для вступления в партию включает в себя свободное обсуждение кандидатур на массовых собраниях трудящихся тех предприятий, где работают кандидаты». Накануне I съезда Фидель Кастро проделал большую работу по подготовке Устава КП Кубы, который закрепил этот принцип.

I съезд КП Кубы по существу завершил строительство партии на принципах внутрипартийной демократии. В ходе подготовки и проведения съезда были проведены выборы делегатов. На самом съезде путем тайного голосования были избраны его руководящие органы. Завершился же форум кубинских коммунистов избранием высшего органа партии между съездами — ЦК, который, в свою очередь, сформировал на выборной основе Политбюро и Секретариат. Фидель Кастро был единодушно избран Первым секретарем ЦК. Вторым секретарем был избран Рауль Кастро.

I съезд КП Кубы явился важным рубежом в государственном строительстве. Следует заметить, что своеобразие революционного процесса на Кубе во многом определило особенности форм и методов осуществления власти в стране.

Первоначально строительство нового государства на Кубе пошло по пути создания невыборной администрации, работавшей в тесном контакте с массовыми общественными организациями. Важную роль в механизме функционирования государства в первые годы после революции играла прямая демократия. Миллионные митинги порой выполняли роль всенародного веча. На них собирались делегаты со всех уголков страны и здесь принимались важные государственные решения. В какой-то степени прямая демократия восполняла отсутствие представительных учреждений. Фидель Кастро ежедневно, общаясь с представителями различных слоев населения, посещая

трудовые коллективы, жилые кварталы, участвуя в различных мероприятиях политических и общественных организаций, аккумулировал информацию о нуждах и чаяниях людей, существовавших проблемах. Затем, обобщив эту информацию, он формулировал задачи революционной власти и выносил новые идеи на обсуждение в трудовых коллективах и общественных организациях, а затем на очередном массовом митинге ставил вопрос об их одобрении.

В условиях угрозы военной агрессии, экономической блокады, навязанной США, в условиях яростного сопротивления внутренней контрреволюции созданный на Кубе механизм функционирования государственной власти помогал революционному правительству более мобильно управлять страной и поддерживать связь с широкими народными массами.

Однако, как показал собственный опыт Кубы, реализация народовластия без его представительных органов, без широкой социалистической демократии может рассматриваться лишь как временное, вызванное огромными объективными трудностями явление. Существовавший в первые годы народной власти государственный аппарат и механизм его функционирования рассматривались Фиделем Кастро как временные, о чем он, например, говорил еще на первомайском митинге в 1961 г. Однако в первое послереволюционное десятилетие для более широкой демократизации не было необходимых условий. Во время своего визита в СССР в 1963 г. Ф. Кастро отметил: «Мы не хотели поступать как идеалисты. Мы предпочитали не спешить, так как нет ничего хорошего в том, чтобы придумывать законы и государственные институты, а затем пытаться приспособить действительность к этим идеальным формам. Не реальности следует приспосабливать к институтам, а институты должны приспосабливаться к реальностям».

Разъяснения по этому вопросу Ф. Кастро давал и позднее, когда уже осуществлялась активная работа по созданию представительных органов власти. «Наше революционное государство, — говорил он в декабре 1975 г. на I съезде, — на протяжении долгого времени имело временную структуру. Революция не спешила дать стране окончательную форму государственного устройства. Речь шла не просто о выполнении формальности, а о создании хорошо продуманных и долговременных прочных институтов, которые отвечали бы реальностям страны. Однако временное устройство длилось слишком долго и настал час окончательно заменить его. Процесс уже созрел, и накоплено достаточно опыта, чтобы поставить эту задачу и правильно решить ее. Для современного поколения

революционеров это не только неотложная необходимость, но и исторический и моральный долг».

С начала 70-х годов Фидель Кастро все чаще ставит вопрос о необходимости углубления социалистической демократии и институциализации общества на основе представительных, избранных всенародным голосованием, органов. Фидель берет эту работу под свой контроль, подбирает и расставляет кадры для подготовки институциализации. При этом он стремится сочетать опыт ветеранов с энтузиазмом и творчеством молодого поколения. Так, главой Центральной подготовительной комиссии, занявшейся выработкой конституции, по его предложению, избрали Б. Року. Для работы над конституцией мобилизуются силы специалистов по праву как из госструктур, так и из Гаванского и других университетов Кубы. Даже аспиранты и студенты получали задания по изучению и обобщению конституционного опыта других, в первую очередь, социалистических стран. Молодой экономист Хосе Араньябурро по предложению Фиделя возглавил эксперимент по созданию первых построенных на основе альтернативных выборов органов народной власти в провинции Матансас. Выборы там состоялись летом 1974 г.

25 февраля 1975 г. редакционная комиссия вручила Фиделю Кастро текст предварительного проекта конституции. Будучи профессиональным юристом и опытным государственным деятелем, Ф. Кастро сам внес большой вклад в разработку статей конституции.

По предложению Ф. Кастро текст конституции был вынесен на всенародное обсуждение. В течение 1975 года в нем приняли участие около 6,2 миллиона человек. Они внесли множество предложений, которые были учтены. Проект был рассмотрен на I съезде КП Кубы. В своем выступлении на нем Фидель Кастро подчеркнул, что принятие конституции, призванной заменить Основной закон 1940 г., который с бесчисленными изменениями и поправками действовал до середины 70-х годов, приобрело в тот момент особое значение с политической, социальной и юридической точек зрения. «Мы добросовестно поработали над проектом конституции, — отметил Ф. Кастро. — В нем обобщен опыт нашего собственного народа и всемирный опыт народов, которые раньше нас пошли по пути строительства социалистического общества». Анализируя предложенный для обсуждения проект конституции, Ф. Кастро особое внимание уделил формированию представительных органов народовластия. Характерно, что первая социалистическая конституция Кубы принималась в тот период, когда в большинстве стран Латинской

Америки у власти стояли реакционные военные диктатуры, были запрещены все левые партии и движения, профсоюзные, молодежные и женские организации. Десятки тысяч политических заключенных томились в тюрьмах. Свирепствовали «эскадроны смерти». Тысячи людей уничтожались за инакомыслие без суда и следствия. Против крестьянского населения ряда государств осуществлялся настоящий геноцид. В то же время правящие круги Соединенных Штатов усиленно эксплуатировали тему о нарушении прав человека на Кубе и практически не замечали вопиющего произвола, царившего в других странах Латинской Америки.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Ф. Кастро рассматривал новую конституцию как своеобразный ответ кубинского общества на вызов стратегического противника. «В то время как в этих странах упраздняются институты ограниченной и лицемерной демократии, — отмечал Ф. Кастро, — наша конституция предусматривает создание представительных органов пролетарского государства: Национальной ассамблеи народной власти, состоящей из депутатов и провинциальных, и муниципальных ассамблей народной власти, состоящей из делегатов, которые, как и депутаты, избираются и могут быть отозваны, обязаны отчитываться перед своими избирателями так же, как и судьи во всех инстанциях нашей судебной системы».

I съезд КП Кубы одобрил проекты конституции и Закона о переходном конституционном периоде, проект нового политико-административного деления страны, был рассмотрен вопрос о создании по всей стране органов народной власти.

15 февраля 1976 г. конституция была вынесена на всенародный референдум и после ее одобрения большинством населения вступила в силу 24 февраля того же года. Эта дата была выбрана не случайно. Фидель Кастро предложил избрать этот день для провозглашения конституции, поскольку именно 24 февраля 1895 г. Хосе Марти начал войну за независимость Кубы.

В октябре — ноябре 1976 г. на Кубе в соответствии с конституцией были проведены первые всеобщие выборы в органы народной власти. В начале декабря 1976 г. состоялась учредительная сессия Национальной ассамблеи народной власти, которая сформировала высший орган государственной власти между сессиями — Государственный Совет. Его председателем был избран Ф. Кастро. Согласно конституции председатель Госсовета одновременно является председателем Совета Министров республики и Верховным главнокомандующим.

Характерно, что на Кубе начиная с 1976 г. во время выборов всех уровней соблюдается принцип выдвижения большего числа

кандидатов по отношению к числу мест, т. е. выборы носят альтернативный характер. Этого в то время не было ни в какой другой социалистической стране. Широкая гласность при подсчете голосов также способствовала обеспечению демократического характера избрания депутатов во все инстанции.

Еще начиная революционную борьбу, Ф. Кастро включил во все программные документы «Движения 26 июля» положение о необходимости воплощения социалистической демократии. В течение всех лет революционного процесса Фидель никогда не переставал искать наиболее адекватные формы реализации подлинного народовластия, где доступ к власти определяется не денежным мешком, а волей трудового народа. В ходе революционной политической практики Ф. Кастро не просто декларировал, но и сумел доказать, что социализм и демократия, не абстрактная, служащая интересам угнетателей, а подлинная, защищающая интересы тружеников, неразделимы. На Кубе заседания ассамблей всех уровней носят открытый характер. На них может прийти любой гражданин. Те же, кому не хватает места на галерке, имеют возможность слушать прямую трансляцию через динамики, установленные на площадях рядом с резиденциями ассамблей. Заложенные в первые два десятилетия революции основы народовластия строились на прочной национальной почве с учетом мирового опыта. Они обеспечили органическую связь между народом и его политическими лидерами. Это во многом объясняет прочность кубинского социализма перед лицом выпавших на его долю испытаний в начале 90-х годов.

Серьезные преобразования были осуществлены в те годы в экономической сфере. Куба, как уже упоминалось, вступила в СЭВ в 1972 г. Интеграция Кубы в рамках СЭВ дала определенный импульс к корректировке экономического курса на острове в соответствии с фундаментальными нормами, принятыми в этой организации.

I съезд КП Кубы одобрил проект директив по первому пятилетнему плану экономического и социального развития страны на 1976 -1980 гг. Разработка и претворение в жизнь первого пятилетнего плана положили начало комплексному подходу к решению проблем индустриализации на Кубе. Этим также было положено начало среднесрочному планированию. Поставленные задачи требовали осуществления серьезных изменений в хозяйственном механизме страны. В докладе I съезду Ф. Кастро обосновал необходимость введения новой системы управления и планирования экономики (СУПЭ). Говоря о

ее характерных особенностях, Ф. Кастро отметил, что она «учитывает существование экономических законов периода строительства социализма, действующих независимо от нашей воли и наших желаний. Среди этих законов — закон стоимости». По предложению Ф. Кастро вопрос о СУПЭ был подробно изложен в качестве отдельного раздела в Программной платформе, принятой съездом. Там, в частности, было зафиксировано, что «система управления экономикой должна исходить из объективного характера экономических законов социализма; из необходимости централизованного планирования в сочетании с системой хозрасчета предприятий; из существования и оптимального использования товарно-денежных отношений и требований закона стоимости, в том числе на государственных предприятиях; из правильного использования финансовой системы и связанных с ней категорий: государственного бюджета, кредитов, цены, стоимости, прибыли, рентабельности и т. д.

22 января 1976 г. была создана Национальная комиссия по внедрению СУПЭ. Ее председателем был избран Ф. Кастро, вице-председателем Хорхе Рискет Вальдес, исполнительным директором — Умберто Перес. Таким образом было положено начало внедрению на Кубе адаптированной к местным условиям разновидности «косыгинской» хозрасчетной модели плановой экономики, которая с теми или иными модификациями просуществовала здесь до начала 90-х годов.

Во второй половине 70-х годов на Кубе была проделана большая работа по поэтапному внедрению СУПЭ. Были решены важные задачи в области планирования. План начал играть роль направляющего фактора хозяйственной деятельности. Новое дело оказалось нелегким. Фидель Кастро как председатель Национальной комиссии по внедрению СУПЭ провел в конце семидесятых годов два общенациональных совещания, посвященных анализу внедрения системы в жизнь. При этом особое внимание он сразу обратил на необходимость устранения ошибок и перекосов, допущенных в процессе внедрения СУПЭ, выявления их негативных последствий.

По рассказам людей, работавших в Национальной комиссии по внедрению СУПЭ, Фидель проводил многие сутки, работая над документами, которые готовила комиссия. Забывая об отдыхе, прихватывая ночные часы, он напряженно трудился, составляя, редактируя и шлифуя указы, прорабатывая графики внедрения планов хозяйственной реформы в жизнь. Своим примером он заставлял и остальных работать в таком же жестком режиме с полной отдачей сил.

Перелистываем скупые страницы «Гасета Официаль». В этом

правительственном издании публиковались подготовленные при самом активном участии Ф. Кастро и завизированные им указы о создании тех или иных государственных структур, призванных запустить в движение механизм плановой экономики. Что могут поведать нам пожелтевшие от времени страницы о том напряжении интеллектуальных и физических сил, которым сопровождалась работа над этими кажущимися сухими и казенными строчками. И только когда читаешь или слушаешь тех, кому вместе с Фиделем довелось работать над ними, видишь, что за этими страницами — судьбы людей и страны, предпринявшей отчаянную попытку вырваться из нищеты и отсталости на путях новой общественной формации.

Страница за страницей сообщают нам: создан Государственный комитет по статистике; организована общегосударственная сеть по сбору статистических данных с отделениями во всех муниципиях; образован Государственный комитет по финансам, и начиная с 1979 г. бюджет составляется на всех уровнях вплоть до муниципального; принят Закон о государственном бюджете; осуществлена перестройка банковской системы и восстановлена система взаимных расчетов между государственными предприятиями; введена система краткосрочного кредитования предприятий; Национальному банку поручено осуществлять контроль за фондами заработной платы и использованием капиталовложений; начато создание системы сберегательных банков; создан государственный комитет по ценам и начата работа по контролю и упорядочению цен и тарифов; вводятся нормы торговых наценок и скидок с целью

перевода предприятий торговли и общественного питания на хозрасчетную основу; образованы государственный комитет по материально-техническому снабжению и государственный комитет стандартов... Этим беглым перечислением отдельных шагов хозяйственной реформы, начатой на Кубе во второй половине 70-х годов, отнюдь не исчерпывается перечень тех направлений деятельности в сфере экономики, которыми приходилось заниматься Ф. Кастро в период, последовавший за I съездом партии.

Подводя итог первого этапа внедрения СУПЭ, Фидель Кастро мог с удовлетворением констатировать на состоявшемся в декабре 1980 г. II съезде КП Кубы: «В области планирования были решены важные задачи, и план начал играть ту роль, которая отводится ему как направляющему фактору хозяйственной деятельности. Был достигнут прогресс в вопросах методологии планирования и в составлении годовых и пятилетних планов, ведется работа по определению перспектив развития до 2000

года... В план были включены такие категории, как капиталовложения, себестоимость, прибыль, рентабельность. Была проведена работа по отраслевому планированию и создана необходимая организационная основа для территориального планирования».

Особенно пристальное внимание Ф. Кастро обращал на проблему материального стимулирования. Он неоднократно подчеркивал, что оно должно быть жестко увязано с эффективностью работы предприятий. Очень осторожно, вначале в качестве эксперимента, в конце 70-х гг. на 200 предприятиях были созданы и стали использоваться самостоятельно трудовыми коллективами фонды материального поощрения и социально-культурных мероприятий. На II съезде была поставлена задача — к середине 80-х годов охватить этой системой все предприятия страны. Что, по мнению Ф. Кастро, отвечало интересам трудящихся и народного хозяйства в целом. Эта задача была выполнена.

Важным аспектом деятельности Фиделя Кастро во второй половине 70-х — начале 80-х годов продолжала оставаться работа по обеспечению внешнеполитических условий для осуществления социалистического строительства на Кубе. Большое внимание им уделялось прежде всего укреплению связей с государствами — членами СЭВ и движением неприсоединения, в котором особое место отводилось странам «социалистической ориентации».

Задачи, поставленные I съездом, Кубе приходилось осуществлять в условиях продолжающейся экономической блокады и враждебных выпадов со стороны правящих кругов США. Ф. Кастро прекрасно осознавал, и это можно проследить по многим его выступлениям, значение сотрудничества Кубы с СССР и другими членами СЭВ, с движением неприсоединения. Он неустанно подчеркивал роль международной солидарности в защите интересов развивающихся государств. Огромное значение Ф. Кастро уделял личным контактам с руководителями социалистических и развивающихся стран, добиваясь взаимопонимания и доверительности в отношениях. Это позволяло решать многие важные вопросы без лишней бюрократии, оперативно и помогало общему делу.

Вскоре после одобрения новой конституции на референдуме 21 февраля 1976 г. Фидель Кастро во главе представительной кубинской партийно-правительственной делегации отправляется в продолжительную поездку по ряду европейских и африканских стран.

С 22 февраля по 3 марта Фидель находился в СССР. Здесь он принял участие в работе XXV съезда КПСС, который открылся 24

февраля. Фидель получил возможность выступить на съезде в числе первых гостей, на второй день его работы. Регламент съезда не позволял гостям произносить больших речей. Фидель подчеркнуто лаконичен. Но от этого каждая сказанная им фраза становится еще более весомой, очерчивая важнейшие задачи момента. Как всегда на подобных форумах, выступление Фиделя эмоционально по форме и глубоко по содержанию.

Социализм добился к середине 70-х огромных успехов на международной арене. Это констатируют все. Отмечает это и Фидель, но тут же в отличие от большинства участников и гостей съезда он пытается обратить внимание присутствующих на попытки правящих кругов США мобилизовать свои силы и перейти в контрнаступление.

Середина 70-х годов была отмечена рядом важных событий, которые некоторые идеологи «советского блока» были склонны трактовать как коренной перелом в пользу социализма. В 1974 г. победила апрельская революция в Португалии, главную роль в которой сыграли левые просоциалистически настроенные офицеры. За этим последовал крах португальской колониальной империи и утверждение там «марксистско-ленинских» режимов. В странах «третьего мира» многие правительства заявили о своей приверженности социалистической ориентации. Конечно, среди них были и такие, где руководство искренне пыталось решить проблемы своих стран на путях радикальных преобразований. Однако для многих это являлось возможностью получения доступа к щедрой советской помощи. В 1975 г. США потерпели поражение во Вьетнаме. Американское общество испытало глубокое психологическое потрясение, а так называемый «вьетнамский синдром» еще долго довлел над внешней политикой Белого дома. На международной арене обозначились признаки разрядки напряженности. Состоялось Совещание глав государств и правительств в Хельсинки. Все эти успехи расхолаживали и усыпляли многих руководителей социалистических стран, которые не замечали, что США и их союзники обходят социалистический лагерь в экономическом соревновании, активно навязывают свои ценности и правила игры. Мало кто в тот момент отдавал себе отчет о потенциальных опасностях, исходивших от неизмеримо более богатого, имевшего многовековой опыт борьбы за утверждение и сохранение своего господства капиталистического конкурента, сформировавшегося под эгидой США в мощный блок промышленно развитых государств мира, так называемый «золотой миллиард».

Поэтому призыв Фиделя Кастро на XXV съезде КПСС быть бдительными, к сожалению, потонул в общем хоре славословия и

эйфории «победителей», остался «гласом вопиющего в пустыне».

Во время съезда Фидель встречался и проводил переговоры с высшими руководителями СССР, информировал их о социалистическом строительстве на Кубе, I съезде КП и его решениях. Из первых рук он сам получал информацию о положении в советской экономике, видении руководством СССР международного положения. Визит — это и время для решения конкретных задач советско-кубинского сотрудничества. Ф. Кастро стремился использовать все имевшиеся для этого возможности. В частности, по его просьбе уже в марте 1976 г. на Кубу была направлена группа советских экономистов во главе с Н. П. Лебединским для оказания помощи во внедрении новой системы управления и планирования экономики. В составе этой группы, которая, по последующим отзывам кубинского руководства, оказала Кубе «существенную и важную помощь», был и будущий последний премьер-министр СССР Валентин Павлов.

Тогда же состоялась встреча Ф. Кастро с советским министром обороны А. Гречко. Интересны воспоминания о ней генерала Хуана Эскалоны, который в середине 70-х годов был начальником командного пункта по Анголе в Гаване. После того как Куба начала с 1975 г. оказывать военную помощь Анголе, Фидель Кастро лично руководил всей операцией. Каждый день в течение двух лет, когда Х. Эскалона возглавлял командный пункт, между двумя и тремя часами дня ему сообщали, что пришел главнокомандующий Ф. Кастро. Как правило, он задерживался там до раннего утра. «На основе получаемой шифрованной информации Фидель изучал карты, анализировал ситуацию и отдавал соответствующие приказы, — вспоминает Х. Эскалона. — Он поразительно владел ситуацией. Иногда говорил: „Это ошибка, здесь не хватает танков“, или предупреждал: „Осторожно на юге! Южноафриканцы переместятся сюда…“

Месяцами Советы не имели представления, что мы делали в Анголе. Когда мы приехали на XXV съезд КПСС, при мне были шифры и карты… Однажды мы пригласили к себе в резиденцию маршала Андрея Гречко, министра обороны СССР. Фидель рассказывал ему о топографии региона, что там растет, какие засушливые земли, давал характеристики рек. В какой-то момент Гречко не выдержал и воскликнул: «Как же плохо работает советская разведка! Я и не знал, что ты был в Анголе». Фидель объяснил ему, что никогда не был в Анголе. Тогда Гречко спросил: «А почему же ты знаешь о том, что земли там песчаные, что мало растительности, о реках ты знаешь все?» «В этом и заключается работа по поддержанию взаимодействия», — ответил ему главнокомандующий… Этот эпизод наглядно показывает,

насколько отличался стиль и качество работы Фиделя от командно-бюрократических методов значительной части тогдашних государственных лидеров СССР и других европейских социалистических стран. При этом надо иметь в виду, что в эти же годы Фиделю приходилось выполнять огромную работу по перестройке государственного и хозяйственного механизма страны в соответствии с планами, намеченными I съездом Компартии Кубы.

Решение важных проблем экономического развития, необходимость корректировки внешнеполитической деятельности служили постоянным стимулом для посещения Ф. Кастро СССР, его встреч и переговоров с советскими руководителями. Он посетил СССР снова в 1977 г., после поездки по странам Африки. Порой Фидель использовал для встреч с советскими лидерами даже транзитные остановки в Москве. Так, 12 сентября 1978 г. Ф. Кастро и К. Рафаэль Родригес, направлявшиеся в Эфиопию, имели встречу и продолжительную беседу с А. Н. Косыгиным прямо в аэропорту.

На август 1976 г. была намечена 5-я конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Фидель Кастро придавал большое значение выработке единой линии развивающихся государств в защиту их интересов в условиях сотрясавшего капиталистический мир экономического кризиса и попыток развитых государств решить свои проблемы за счет «третьего мира». Поэтому Фидель считал крайне важным провести переговоры с одним из основателей и лидеров движения неприсоединения югославским президентом Иосипом Броз Тито. И. Тито должен был посетить Кубу в начале 1976 г., но из-за болезни его визит пришлось отложить. Ф. Кастро воспользовался своим пребыванием в Европе для встречи с Тито. Она состоялась в марте 1976 г.

Встреча прошла на острове Бриони в резиденции президента И. Тито. Югославская и кубинская печать достаточно скупо сообщали, о чем в течение двух дней говорили два выдающихся руководителя. По завершении было опубликовано лишь краткое коммюнике, где отмечалось, что «социалистическая и неприсоединившаяся Югославия и социалистическая и неприсоединившаяся Куба борются за построение социализма и искоренение угнетения». Стороны констатировали совпадение взглядов по узловым вопросам современности. Не будем гадать, какие вопросы были предметом обсуждения на встрече. Главное состояло в том, что дружественный рабочий визит Ф. Кастро в Югославию продемонстрировал сплоченность ведущих лидеров движения неприсоединения, их стремление к выработке общей

линии путем личных консультаций.

Знакомство с материалами визита Ф. Кастро в Югославию непроизвольно наводит на сравнение с сегодняшним днем этой истерзанной национальными и социальными конфликтами страны. По завершении переговоров И. Тито и Ф. Кастро на яхте югославского президента «Под-горка» проплыли вдоль мирного адриатического побережья, побродили по улочкам древнего словенского города Копера, беседовали в разных местах с жителями, которые дружелюбно приветствовали руководителей двух стран. Они видели, как перед туристами выступали местные фольклорные ансамбли. Фидель и Тито посетили расположенный на центральной площади Копера старинный ресторан «Капри», где оставили свои автографы в книге посетителей... Как далека эта мирная идиллия от того, что сегодня творится в совсем еще недавно благословенной и цветущей, единой и подлинно независимой славянской стране, избравшей свой нестандартный путь развития.

Кстати, Ф. Кастро, внимательно изучавший жизнь каждого посещаемого им государства, извлек немало ценного и из опыта Югославии, в частности «концепцию всенародной войны».

Задачи укрепления единства неприсоединившихся стран на последовательной антиимпериалистической основе прошли лейтмотивом через серию визитов Ф. Кастро в ряд развивающихся государств Африки и Азии, провозгласивших в те годы некапиталистический курс развития. В ходе своей зарубежной поездки в марте 1976 г. Фидель посетил Алжир и Гвинею. В столице последней — Конакри состоялась его встреча с президентами Анголы, Гвинеи, Гвинеи-Бисау А. Пето, А. Секу Туре и Л. Кабралом. По ее итогам было сделано совместное заявление руководителей Кубы, Гвинеи и Гвинеи-Бисау в поддержку борьбы ангольского народа в защиту независимости. Руководители указанных стран подтвердили Агостиньо Нето свою решимость предоставить правительству Анголы всю необходимую помощь. В заявлении было подчеркнуто, что народ Анголы уже многие годы ведет борьбу, не только защищая свое право на независимость, но и за свободу народов Намибии, Зимбабве и Южной Африки, за общее дело всех африканских народов.

Важной вехой в укреплении связей с арабскими и африканскими народами стала поездка Ф. Кастро по государствам Африканского континента и Южному Йемену, состоявшаяся примерно через год, в марте 1977 г. В течение месяца он посетил Ливию, Южный Йемен, Сомали, Эфиопию, Танзанию, Мозамбик, Анголу, Алжир, где провел переговоры с их тогдашними руководителями. В результате этих встреч Фиделю

удалось упрочить личные контакты с главами упомянутых государств, лучше узнать и понять их взгляды на региональные и общемировые проблемы; вырабатывался общий подход и платформа для совместных выступлений в международных организациях. В каждой стране решались и конкретные проблемы внешнеэкономического и научно-технического сотрудничества, оказания военной помощи и т. д.

Среди части западных политологов с 60-х годов бытует представление о крайнем радикализме и идеологическом догматизме Ф. Кастро, его стремлении экспортировать социалистическую революцию, навязать другим кубинскую модель развития. Однако уже первое знакомство с его деятельностью на международной арене, и особенно среди стран «третьего мира», убеждает, что это — надуманная теория с явными признаками социального заказа. Когда противники Кубинской революции пытаются искать аргументы для обоснования своих взглядов, то они указывают на многие страны Африки и Латинской Америки, которым Куба оказывала ту или иную помощь. Но в таком случае они путают совершенно разные вещи — экспорт революции, который небольшая развивающаяся страна, каковой является Куба, просто не в состоянии осуществить, и солидарность и поддержку, которую Куба действительно оказывала многим народам в их борьбе за дело национального и социального освобождения. Фидель — профессиональный юрист, и он знал, что говорит, когда в ряде своих выступлений подчеркивал международно-правовую легитимность всех действий Кубы по поддержке народов развивающихся стран. В случае же с африканскими государствами Куба, по их просьбе, решала, как правило, те задачи, осуществление которых было санкционировано резолюциями ООН и ОАЕ. Все это справедливо как в отношении Анголы, Намибии, ЮАР, так и в отношении Эфиопии и ряда других стран. Куба, на своем собственном опыте познавшая практику империалистического беспредела, всегда добивалась скрупулезного соблюдения всеми норм международного права.

Можно найти сотни примеров творческого и исключительно деликатного подхода Ф. Кастро к революционной практике других стран «третьего мира». Так, это очень четко видно на примере оценок, сделанных Фиделем во время его упомянутого визита в Ливию. Это исламское арабское государство во главе со своим лидером М. Каддафи как в государственном строительстве, так и в экономической и культурной политике избрало модель развития, очень далекую от предлагаемой научным социализмом, сторонником которого является Ф. Кастро. Однако последнее

обстоятельство отнюдь не помешало им обоим увидеть то, что их объединяет в борьбе за интересы стран «третьего мира». «Я — революционер марксист-ленинец, — заявил Ф. Кастро, выступая в Триполи на конгрессе ливийского народа, — но я испытываю самое глубокое уважение к вашим идеям, вашим убеждениям и вашей вере. Мы с вами — революционеры, и именно это нас объединяет. Поэтому мы готовы сражаться плечом к плечу с вами против империализма, поддерживать вместе с вами движения национального освобождения и работать вместе с вами во имя более гуманного и справедливого мира».

Умение Фиделя понять собеседника имеет под собой глубокую основу. Ф. Кастро проникает в суть его мировоззрения через изучение всей совокупности истории, культуры, традиций, быта того или иного народа, с представителями которого он общается. Это хорошо видно на примере первого визита Фиделя в Ливию. Переговоры, обмен информацией между Ф.Кастро и М. Каддафи перемежались участием в работе конгресса ливийского народа, знакомством с различными районами страны, ее жителями. По приглашению М. Каддафи Фидель посетил его родные края в ливийской глубинке, познакомился и долго беседовал с его умудренным жизненным опытом отцом. Такие встречи с интересными людьми, как неоднократно отмечал сам Ф. Кастро, он всегда использовал, чтобы учиться, пополнять свой интеллектуальный багаж знаниями, которые можно почерпнуть из личного общения. Фидель и Муамар изъездили десятки километров верхом на арабских скакунах по местам, где живет род Каддафи и где лидер ливийской революции провел свои детство и юность. Прекрасная физическая подготовка Фиделя, выносливость, обретенное еще в детские годы искусство верховой езды были по достоинству оценены ливийскими бедуинами. Все эти и многие другие штрихи помогают лучше представить, каким недюжинным здоровьем и талантами, помимо способностей руководителя, должен обладать настоящий лидер, если он хочет добиться успеха как во внутренних делах, так и на международной арене.

О том, насколько Фиделю чужд догматизм, свидетельствуют и трагические события на Африканском Роге [Африканский Рог — северо-восточный выступ африканского материка, на территории которого расположены Сомали, Эфиопия, Эритрея, Джибути.]. Как Эфиопия, так и Сомали во второй половине 70-х годов провозгласили свою приверженность идеям научного социализма и предприняли шаги для воплощения революционной концепции в жизнь. В 1977 г., незадолго до войны в Огадене (пустыня в пограничных районах Эфиопии и Сомали), Фидель

посетил обе страны и вел переговоры с их руководителями, пытаясь предотвратить назревший конфликт между двумя родственными режимами. Когда же конфликт все-таки разразился, Куба в соответствии с нормами международного права поддержала Эфиопию, ставшую жертвой агрессии со стороны Сомали. Кубинский воинский контингент сыграл решающую роль в освобождении Огадена. Дипломатические отношения между Кубой и Сомали были разорваны. Но после того, как конфликт отошел в прошлое, а Сомали, позднее, в 90-е годы, стало объектом военной интервенции со стороны США, Куба выразила солидарность с сомалийским народом, и дипломатические отношения между двумя государствами были восстановлены.

Важным событием в жизни Кубы стала подготовка и проведение XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване летом 1978 г. Подготовка к нему велась в течение трех лет. 20 октября 1975 г. был создан кубинский национальный подготовительный комитет фестиваля, который возглавил Фидель Кастро. В течение 1975 — 1978 гг. была проделана огромная организаторская работа.

По всей стране развернулось соревнование за достойную встречу XI фестиваля. Это, как отмечал Ф. Кастро, «дало ценный опыт в деле мобилизации масс и ускоренного претворения в жизнь экономических и социальных планов». На Кубе была проведена кампания по сбору средств в фонд фестиваля. Было собрано более 78 млн. песо. Это значительно превысило намеченную сумму и не только позволило покрыть ту часть расходов, которые взяла на себя кубинская сторона, но и помогло финансированию строительства новых дворцов пионеров, пионерских лагерей и других молодежных и детских объектов уже после завершения фестиваля.

Официальная кубинская молодежная делегация на фестивале состояла из 2 тысяч человек, избранных от различных молодежных и студенческих организаций по всей стране. Фидель Кастро был избран почетным делегатом на Всекубинском молодежном собрании. Сотни тысяч молодых кубинцев приняли самое активное участие в многочисленных мероприятиях, проведенных в рамках фестиваля. Он не оставил равнодушным практически ни одного кубинца.

Впервые в истории фестивального движения международная встреча молодежи всех континентов была проведена в латиноамериканской стране. XI фестиваль, прошедший на Кубе с 28 июля по 5 августа 1978 г., собрал более 20 тысяч юношей и девушек из 145 стран, представлявших более 2 тысяч

организаций различных политических направлений.

Фидель все дни фестиваля был в постоянном движении, принимал участие во многих его мероприятиях. 28 июля он участвует в торжественном открытии фестиваля на самом крупном стадионе Кубы «Латиноамерикано». Ф. Кастро посещает различные районы Гаваны, где проходят молодежные встречи, чтобы поговорить с зарубежными делегациями и кубинскими участниками фестиваля. 2 августа он прилетает на остров Пинос, здесь после штурма казарм Монкада молодые революционеры отбывали заключение в «Присидио Модело» — тюрьме, ставшей теперь музеем. В 70-е годы усилиями кубинских комсомольцев остров был превращен в один из районов интенсивного экономического развития. На митинге в «Присидио Модело» Фидель объявил о принятом Национальной ассамблеей решении дать острову название «остров Молодежи».

5 августа Фидель выступает на миллионном митинге на площади Революции в Гаване по случаю закрытия XI фестиваля. Перед началом митинга прошел сильный тропический ливень, но, как отметил Ф. Кастро в своем выступлении, это не помешало его проведению, не смогло остудить эмоций и энтузиазма собравшихся. Речь Фиделя кратка. Он объясняет почему — много выступающих. Речи переводятся лишь на несколько наиболее распространенных в мире языков, и многие не имеют возможности понять сказанное. Поэтому, чтобы не утомлять слушателей и дать возможность выразить свои мысли и чувства как можно большему числу участников фестиваля, Фидель ограничивается лаконичным подведением итогов.

Стихли шумные дискуссии и карнавальные феерии. Разъехались делегаты. Фестиваль завершился. Он стал достоянием истории. Фидель обратился со специальным посланием к кубинскому народу, в котором поблагодарил как председатель национального организационного комитета весь кубинский народ за его самоотверженный вклад в подготовку и проведение фестиваля. В послании он перечислил, что было сделано миллионами кубинцев за три года для успешного проведения фестиваля. Особо Фидель выделил большое экономическое и нравственное значение, которое имели трудовые усилия в честь фестиваля для самой страны.

Одной из интереснейших страниц биографии Фиделя Кастро является его деятельность в движении неприсоединения. Он принимал участие во всех его важнейших форумах, выработке решений и единой линии этой международной организации. Значительная часть многочисленных зарубежных поездок Ф. Кастро, его встречи с руководителями развивающихся стран на

Кубе были посвящены решению проблем этого движения. Наиболее напряженным периодом деятельности в движении неприсоединения стали 1979 — 1983 годы, когда он являлся его председателем.

Одним из важных эпизодов стала VI Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване, состоявшаяся в сентябре 1979 г. Ей предшествовала огромная подготовительная работа, в которой Ф. Кастро принял активное участие. При этом в ходе ее подготовки Кубе пришлось столкнуться с серьезным противодействием со стороны США. Вашингтон приложил значительные усилия, чтобы сорвать намечавшуюся конференцию, стремился не допустить ее проведения в Гаване и принятия решений с четкой антиимпериалистической направленностью. При этом США пытались реализовать поставленные цели как путем прямого давления на участников движения, так и через своих союзников среди глав развивающихся стран. Накануне конференции ими усиленно эксплуатировался тезис, сформулированный тогдашним президентом США Дж. Картером, — проведение конференции на Кубе будет способствовать радикализации движения неприсоединения, его подчинению политике социалистических стран.

Госдепартамент США направил в Гавану большую группу дипломатов и журналистов, которые должны были, действуя в кулуарах форума, повлиять на принятие выгодных Вашингтону формулировок итоговой декларации. В этих условиях на плечи Ф. Кастро легла поистине титаническая задача по политическому, дипломатическому и организационному обеспечению успешной работы конференции. Фидель Кастро принял личное участие в подготовке и редактировании проектов всех наиболее важных документов, связанных с определением повестки дня. Он с большой скрупулезностью работал над текстами резолюций, Политической и Экономической деклараций, регламентом и процедурными вопросами.

В преддверии VI Конференции Ф. Кастро провел десятки встреч и переговоров с главами государств и правительств неприсоединившихся стран, на которых согласовывались позиции, осуществлялся поиск точек соприкосновения и совпадения интересов, вырабатывалась единая линия по основным проблемам. Мы уже упоминали о некоторых зарубежных поездках Ф. Кастро. В годы, непосредственно предшествовавшие конференции, кубинский лидер посетил ряд других развивающихся стран, принял большое количество зарубежных делегаций из государств — участников движения

неприсоединения. Кубу в этот период посетили глава правительства Панамы Омар Торрихос (январь 1976 г.), президент Анголы Агостиньо Нето (июль и август 1976 г.), премьер-министр Анголы Л. ду На-сименту (декабрь 1976 г.), президент Гвинеи-Бисау Л. Кабрал (октябрь 1976 г.), премьер Сан-Томе и Принсипи М. Тровоада (сентябрь — октябрь 1976 г.), премьер-министр Лаоса Кейсон Фомвихан (сентябрь 1976 г.), президент Мозамбика Самора Машел (октябрь 1977 г.), премьер-министр Ямайки Майкл Мэнли (июнь 1977 г.), премьер-министр Гайаны Ф. Бернхем (июнь 1977 г.), руководитель Ирака Саддам Хуссейн (декабрь 1978 г.) и многие другие государственные деятели неприсоединившихся стран.

Фидель Кастро принимал самое активное участие в подготовке и обсуждении итогов переговоров, проведенных в ходе визитов партийно-правительственных делегаций Кубы, посетивших в эти годы десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки. Фидель, как говорится, постоянно держал свою чуткую руку на пульсе всех внешнеполитических «артерий» страны.

Кубинские делегации приняли участие в представительных подготовительных совещаниях неприсоединившихся стран, которые предшествовали конференции в Гаване. Среди них следует отметить совещания министров иностранных дел в Белграде (июль 1978 г.) и Гаване (август 1979 г.), сессии Координационного бюро неприсоединившихся стран в Гаване (май 1978 г.), Мапуту (январь — февраль 1979 г.), Коломбо (июнь 1979 г.), координационные встречи глав делегаций неприсоединившихся стран в Организации Объединенных Наций во время работы XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Помимо этого, с участием кубинских представителей был проведен ряд совещаний в различных специализированных организациях движения неприсоединения.

Накануне конференции в Гаване Фидель Кастро подготовил и направил специальные послания главам всех государств и правительств, участвующих в движении неприсоединения, с приглашением принять в ней участие. Ф. Кастро изложил в этих посланиях точку зрения кубинского руководства по важнейшим вопросам, стоявшим перед движением: борьба за справедливый экономический порядок в мире, солидарность развивающихся стран в деле выхода из энергетического кризиса и др. По поручению Ф. Кастро послания были доставлены авторитетными делегациями во главе с известными государственными деятелями Кубы. В ходе визитов были проведены консультации, которые способствовали максимальному сближению позиций всех участников движения.

Предпринятые усилия позволили подготовить благоприятную почву для работы VI Конференции неприсоединившихся стран в Гаване. Ее заседания проходили с 3 по 9 сентября 1979 года во Дворце конгрессов. Фидель Кастро, выступивший на ее открытии с глубокой аналитической речью, задал тон и направление работе международного форума. Прежде всего Фидель дал отповедь попыткам США сорвать конференцию и их выпадам против Кубы, в частности упоминавшемуся тезису Дж. Картера. «Американские империалисты, их старые и новые союзники... не хотели проведения этой конференции на Кубе, — отметил Ф. Кастро. — Чем можно попрекнуть Кубу? Тем, что она — социалистическая страна? Да, мы социалистическая страна, но мы никому ни внутри, ни за пределами движения не стремимся навязать нашу идеологию и нашу систему... Да, мы революционеры-радикалы, но мы не претендуем на то, чтобы навязать кому-нибудь, и меньше всего движению неприсоединения, наш радикализм».

Фидель Кастро очертил основной круг задач, решение которых объективно требует совместных усилий всех развивающихся государств. Среди них Фидель особо выделил проблемы мирного сосуществования, справедливых международных экономических отношений, единства и солидарности движения неприсоединения. Все свои тезисы Фидель четко и убедительно аргументировал. Особо Ф. Кастро остановился на вопросе об энергетическом кризисе. Он подчеркнул, что решение энергетических проблем следует искать не только для развитых государств, потребляющих основную часть энергоресурсов, но также в интересах слаборазвитых стран. «Мы взываем к сознанию и ответственности государств, являющихся крупными экспортерами нефти и объединенных рамками нашего движения, — заявил Фидель Кастро, — чтобы мужественно, решительно и самоотверженно взяться за проведение мудрой и предусмотрительной политики экономического сотрудничества, содействия обеспечению и инвестициям в слаборазвитые регионы мира, потому что от нашей судьбы будет зависеть ваша собственная судьба». При этом Фидель не выступал как идеалист, призывающий нефтедобывающие страны поделиться со своими «бедными родственниками» в «третьем мире». «Я не прошу, — пояснил он, — чтобы вы жертвовали своими законными интересами; я не прошу, чтобы вы прекратили бороться за максимум того, чего вы можете добиться для развития и благосостояния своих собственных народов; я не прошу, чтобы вы прекратили бороться за обеспечение своего будущего. Я призываю вас к единению с нами; я призываю вас сомкнуться с нами в единых рядах и

бороться вместе за подлинно новый международный экономический порядок, который принесет благо всем». Фидель апеллировал не к альтруизму, а к пониманию нефтедобывающими странами своего прагматического интереса на стратегическую перспективу. «Ни за какие деньги нельзя купить будущее, — подчеркнул Ф. Кастро, — потому что будущее можно обеспечить лишь на основе справедливости и честной братской солидарности наших народов».

VI Конференция неприсоединившихся стран в Гаване была самой представительной из всех подобных форумов, которые собирались ранее. В ней приняли участие главы государств и правительств 138 стран. Фидель Кастро использовал дни работы форума для встреч, переговоров, консультаций с лидерами развивающихся государств. В эти дни он впервые лично познакомился со многими из них. В результате этих встреч удалось, например, договориться об установлении дипломатических отношений с Иорданией и Руандой.

Нагрузки, которые приходилось выдерживать Фиделю в эти дни, просто поражают. Как всегда в подобных случаях, выручали недюжинное здоровье, прекрасные физическая и психологическая подготовка, умение концентрироваться и пребывать многие дни в состоянии полной мобилизации. Фидель спал по 2 — 3 часа в сутки, питался на бегу, остальное время было заполнено непрерывной чередой встреч, консультаций, активного участия во всех заседаниях конференции, редактированием итоговых документов и другими делами. Три завершающих дня, когда встреча в верхах вышла на финишную прямую, превратились для Фиделя в одну сплошную марафонскую дистанцию, без единой минуты отдыха. Он отдавал работе все свои интеллектуальные силы, волю к решению поставленных задач, раскрыл весь свой организаторский талант.

Результат был достоин стараний Фиделя. Конференция прошла динамично, в деловой, доброжелательной атмосфере. В ходе дискуссий Ф. Кастро удалось направить усилия подавляющего большинства участников на выработку общей линии в решении наиболее важных проблем. В подготовленный кубинской стороной проект Политической декларации, содержавший всесторонний анализ международной обстановки и излагавший позицию неприсоединившихся государств по всем актуальным проблемам современности, делегации 43 стран внесли 357 изменений и дополнений. Но при этом Фиделю удалось добиться, чтобы была сохранена ее антиимпериалистическая направленность. Гаванская политическая декларация по существу явилась обличительным

документом против установленного небольшой группой индустриально развитых капиталистических государств несправедливого мирового экономического порядка. «Богатство, — говорилось в ней, — концентрируется в руках нескольких держав, экономика которых основана на расточительстве, на эксплуатации трудящихся, грабеже и вывозе природных и других богатств народов Африки, Латинской Америки, Азии и других регионов мира». Идеи Политической декларации развивала Экономическая декларация, одобренная VI Конференцией. «Борьба за устранение несправедливостей в существующей международной экономической системе и установление нового международного экономического порядка, — говорилось в ней, — является составной частью народной борьбы за политическое, экономическое, культурное и социальное освобождение».

Значение VI Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване состояло прежде всего в том, что она, подтвердив приверженность движения неприсоединения делу мира, предприняла энергичные усилия, направленные на ликвидацию несправедливости, неравенства и угнетения, на обеспечение реального экономического и социального развития неприсоединившихся стран.

В соответствии с установившейся традицией Куба, где была проведена очередная VI Конференция, стала страной — координатором движения неприсоединения на период до следующей VII Конференции, состоявшейся в марте 1983 г. в Дели. С 1979 г. по 1983 г. Фидель Кастро — председатель движения. Это были непростые годы, когда правящие круги Соединенных Штатов предприняли большие усилия, чтобы переломить развитие международных процессов в свою пользу. Руководство США взяло на вооружение наступательную тактику, заговорило с социалистическими странами с позиции силы. Вашингтоном были осуществлены шаги по вовлечению развивающихся государств в орбиту своего влияния, развернута антикубинская истерия.

Начало председательства Ф. Кастро в движении неприсоединения практически совпало с довольно непопулярным в «третьем мире» вводом советских войск в Афганистан и военными конфликтами между некоторыми развивающимися государствами. И тем не менее в эти годы движение значительно повысило свою политическую активность на международной арене, укрепило свой антиимпериалистический потенциал. По признанию многих политических деятелей развивающихся стран и политологов, в этом была огромная личная заслуга Фиделя

Кастро.

Сразу после завершения гаванской встречи на высшем уровне Ф. Кастро приступил к реализации ее решений. В соответствии с мандатом VI Конференции Фидель Кастро в качестве председателя движения неприсоединения ознакомил XXXIV сессию Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1979 г. с основными идеями, выдвинутыми гаванским саммитом, а также с оценкой международного положения, содержавшейся в его Заключительной декларации. Говоря о тяжелом положении слаборазвитых стран, он изложил перед этим высоким международным форумом основные пункты предложения, имевшего целью облегчить их экономические трудности путем создания дополнительного фонда в сумме 300 млрд. долларов для финансирования развития указанных стран. Этот фонд мог быть создан за счет сокращения части чрезмерных военных расходов наиболее развитых государств.

Ф. Кастро в качестве председателя движения постоянно предпринимал шаги, направленные на реализацию целей и принципов этой организации. Одним из них стало его обращение в январе 1980 г. от имени движения к III Генеральной конференции ООН по промышленному развитию (ЮНИДО). Ф. Кастро изложил в нем позицию неприсоединившихся стран по вопросам мировой экономики и осудил экспансионистскую политику США и его союзников.

16 февраля 1982 г. Ф. Кастро, выражая мнение неприсоединившихся стран, обнародовал декларацию, в которой предупреждал о военных приготовлениях Израиля, чреватых угрозой миру на Ближнем Востоке, требовал их прекращения и выражал солидарность со справедливым делом палестинского народа. В дальнейшем, по мере развития израильской агрессии против Ливана, Ф. Кастро неоднократно обращался с посланиями к генеральному секретарю ООН, в Совет Безопасности, к главам государств и правительств неприсоединившихся стран, неустанно добиваясь осуждения агрессоров, разоблачая их покровителей и требуя принятия мер по нормализации ситуации в регионе.

В этот период Ф. Кастро неоднократно направлял послания руководителям неприсоединившихся стран по проблемам Юга Африки: в защиту Анголы, подвергавшейся агрессивным акциям со стороны ЮАР; выражал решительный протест против незаконной оккупации Намибии Южно-Африканской республикой. Огромный вклад Фидель внес в организацию международной кампании за освобождение Нельсона Манделы из застенков расистского режима Претории. Не удивительно, что один из своих первых зарубежных визитов после освобождения Н.

Мандела нанес на Кубу, еще в качестве лидера АНК.

Ф. Кастро неоднократно привлекал внимание мирового общественного мнения к агрессивным акциям США против стран Карибского бассейна, требуя их осуждения. Это нашло свое отражение в ряде согласованных документов, принятых на заседаниях Координационного бюро и других встречах представителей неприсоединившихся стран.

Начало 80-х годов ознаменовалось усилением агрессивности США и их ближайших союзников в Латинской Америке. Со стороны администрации Р. Рейгана в адрес Кубы раздавались открытые угрозы вооруженного вмешательства. Участились военные провокации. Соединенные Штаты взяли на содержание отряды никарагуанских «контрас», обучали их, поставляли им оружие, оказывали финансовую и другую поддержку, развязали экономическую агрессию против Никарагуа в целях свержения Правительства национального возрождения. США вмешивались во внутренние дела Сальвадора и Гватемалы. В 1982 г. Соединенные Штаты открыто, вопреки договору о коллективной обороне Западного полушария, встали на сторону Великобритании в ее конфликте с Аргентиной из-за Фолклендских (Мальвинских) островов.

В этих условиях Фидель Кастро выступил с инициативой проведения чрезвычайного заседания Координационного бюро движения неприсоединения на уровне министров иностранных дел в столице Никарагуа Манагуа. Оно состоялось в январе 1983 г. Участники совещания, в котором приняли участие делегации из 85 стран, решительно осудили политику США в отношении Кубы, Никарагуа и Сальвадора, выразили солидарность с Аргентиной в ее борьбе за восстановление суверенитета над островами. В это время подходил к концу срок пребывания Ф. Кастро на посту председателя движения. В этой связи интересна оценка его деятельности, данная участниками координационного бюро. В одном из пунктов итогового коммюнике совещания был особо подчеркнут большой личный вклад Ф. Кастро в активизацию борьбы неприсоединившихся государств за мир и международную безопасность.

Ф. Кастро принял активное участие в работе по определению страны проведения очередной VII Конференции и ее подготовке. Она состоялась с 7 по 11 марта 1983 г. в столице Индии Дели. В центре внимания делегатов форума были три фундаментальные и взаимосвязанные проблемы: борьба за мир и разоружение; борьба за ликвидацию остатков колониализма и поддержка национально-освободительных движений; борьба за экономическое и социальное развитие неприсоединившихся

государств.

Глубокий анализ всего комплекса указанных вопросов был предложен участникам форума в выступлении Ф. Кастро на пленарном заседании 7 марта 1983 г. и в его докладе «Экономический и социальный кризис мира», изданном в Гаване и врученном всем главам делегаций.

Ф. Кастро выступил на открытии Конференции в качестве председателя предыдущей встречи. В своей речи он раскрыл агрессивную имперскую сущность политики администрации Р. Рейгана. Одновременно Фидель показал, какое значение приобретает защита мира для развивающихся государств. «Для неприсоединившихся стран, — отметил он, — борьба против войны направлена не только на то, чтобы не допустить всеобщего уничтожения, но и на защиту наших собственных прямых политических интересов. Мы все убеждены в том, что без мира социально-экономическое развитие невозможно».

В своем выступлении Ф. Кастро вычленил наиболее одиозные факторы дестабилизации международной обстановки — это поддержанная Соединенными Штатами агрессия Израиля против Ливана; политика расистского режима ЮАР на юге Африки; агрессия Великобритании против Аргентины из-за Фолклендских островов; имперская политика США в Карибском бассейне и Центральной Америке. При этом Фидель указал на первоочередные задачи неприсоединившихся стран в борьбе за сохранение мира: объявление Индийского океана зоной мира; укрепление солидарности движения неприсоединения с народами, борющимися за национальную независимость и социальный прогресс; упрочение единства неприсоединившихся стран в решении глобальных проблем современности.

Характерно, что идеи, высказанные Ф. Кастро на VII Конференции, нашли положительный отклик у подавляющего большинства глав государств и правительств, принявших участие в ее работе. Основные тезисы доклада Ф. Кастро получили отражение в принятой делийским совещанием Политической декларации.

В последующие годы Фидель Кастро продолжал принимать по-прежнему самое активное участие в деятельности движения неприсоединения, видя в нем один из важнейших международных инструментов защиты законных интересов развивающихся стран. Например, в октябре 1983 г. в ответ на военную интервенцию США против Гренады Ф. Кастро обратился с посланием к тогдашнему председателю движения неприсоединения Индире Ганди. В нем он указал на истинные причины вторжения американской морской пехоты в Гренаду, являющуюся членом

движения, — стремление сохранить свои имперские позиции в регионе и не допустить появления новых революционных режимов в Карибском бассейне. Ф. Кастро призвал неприсоединившиеся государства осудить агрессию. Собравшееся в том же месяце в резиденции ООН в Нью-Йорке Координационное бюро движения приняло заявление, в котором осудило интервенцию США против Гренады и потребовало вывести иностранные войска с территории этой карибской страны.

Одной из драматических страниц в противостоянии революционной Кубы и американского империализма была эмиграция с острова. Чтобы понять суть этого явления, надо всегда помнить о тех особых внешнеполитических условиях, в которых развивалась Кубинская революция, и о том идеологическом «посеве», который оставили на острове десятилетия американского господства. Ф. Кастро неоднократно объяснял необходимость непримиримой борьбы против всего, что вступает в противоречие с основополагающими принципами революционного процесса. «Необходимо понимать своеобразие тех условий, — отмечал он в декабре 1980 г., — в которых Куба вот уже более 20 лет ведет борьбу против империализма на идеологическом фронте. Существование в нескольких десятках миль от наших берегов самой богатой и агрессивной капиталистической страны в мире, которая является средоточием индивидуализма, азартных игр, наркомании, проституции и других пороков, разобщающих людей, обязывает нас мужественно принимать постоянно бросаемый нам открытый вызов. Империализм Соединенных Штатов исторически является злейшим врагом нашего существования как нации».

Кубинская революция предпринимала огромные усилия, чтобы покончить с пороками, привитыми верхушке и значительной части средних слоев стандартами американского образа жизни и психологией потребительского общества. Из анализа социально-экономической жизни дореволюционного кубинского общества, ситуации в Латинской Америке и других развивающихся странах Ф. Кастро вынес глубокое убеждение в тупиковости и порочности расточительного капиталистического пути развития для человечества. То, что мог позволить себе «золотой миллиард», было оплачено потом кровью, слезами, унижениями, дикой нищетой большинства человечества. Отсюда — провозглашенный Ф. Кастро отказ от восприятия потребительского общества и его ценностей в качестве эталона для подражания и курс на создание условий для обеспечения каждому индивидууму условий здоровой и достойной жизни, но

без роскоши и расточительства потребительского общества, не способного обеспечить социальную справедливость и прогресс в долгосрочной перспективе, особенно в странах «третьего мира». К сожалению, этого не смогли понять многие руководители европейских социалистических стран, которые ориентировались на стандарт и, в конечном счете, образ жизни развитых капиталистических стран. Это способствовало перерождению режимов в Восточной Европе и СССР. У Фиделя было серьезное преимущество по сравнению с ними. Он знал капитализм изнутри как в его развитом, так и в зависимом варианте. Неприятие общества социальной несправедливости привело его в революцию. Поэтому Фидель, в отличие от многих карьерных политиков «советского блока», понимал, что защищает и от чего. «Наша страна, — отмечал Ф. Кастро на II съезде КП Кубы, — действительно живет скромно, без роскоши и расточительства, но мы непоколебимо верим в правильность наших идей, в свое достоинство, в свою мораль и чувствуем себя способными выступить против всей гнили так называемого общества потребления, порожденного империализмом».

Эмиграция кубинцев в США началась в конце XIX века. Она в основном вызывалась экономическими причинами. Многие кубинцы хотели уехать из слаборазвитой страны в богатые Соединенные Штаты подобно гражданам других латиноамериканских государств. Однако США ввели ряд ограничений для их въезда. В результате до 1959 г. там смогли обосноваться всего несколько десятков тысяч кубинцев. Ситуация коренным образом изменилась после установления на Кубе неугодного Вашингтону народного национально-освободительного режима. «После победы революции, — отмечал Ф. Кастро, — Соединенные Штаты настежь распахнули двери для военных преступников, палачей, расхитителей общественного достояния, латифундистов, домовладельцев, крупных коммерсантов, представителей буржуазии всех мастей. И одновременно США приложили огромные усилия для того, чтобы лишить нас инженеров, врачей, административного персонала и даже техников и квалифицированных рабочих. При этом они злоупотребляли своим положением самой развитой и богатой страны мира с намного более высокой зарплатой и уровнем жизни, чем на Кубе, стараясь обескровить наш народ, оставить его без квалифицированных специалистов, положить конец революционному процессу. Эта политика осуществлялась в сочетании с экономической блокадой, угрозами и всевозможными агрессивными акциями. Революция мужественно приняла вызов и разрешила выезд из страны всем желающим».

Наибольшее число эмигрантов дала столица Кубы Гавана. Это имело определенные исторические и социально-экономические корни. К моменту победы революции Гавана была одним из наиболее американизированных городов в Латинской Америке. Не случайно Ф. Кастро, хорошо знавший Гавану и царившие в ней нравы и обычаи, задавал после победы революции далеко не риторический вопрос: «Сколько времени потребуется для утверждения революционного духа в столице нашей страны? Мы не путаем торжество чувств, подъем энтузиазма, всплеск эмоций с победой сознания».

Американский капитал нуждался в «младшем партнере» по эксплуатации национальных богатств Кубы, который бы обслуживал его стратегические интересы. Кубинская столица превратилась в своеобразный перевалочный посреднический пункт в цепи американского экономического господства над страной. Сложилась система «внутреннего колониализма», о котором неоднократно говорил Ф. Кастро. Благодаря перераспределению благ в рамках системы «внутреннего колониализма» господствующие классы имели возможность подкармливать средние городские слои и квалифицированных рабочих столицы. На этом фоне особенно вопиющим контрастом выглядело положение трудовых слоев остальной части страны, прежде всего ее наиболее обездоленного сельскохозяйственного пролетариата и крестьянства. Наличие в Гаване довольно широкого слоя населения, жившего за счет сформированной США системы империалистической эксплуатации Кубы, служило объективной основой для распространения реакционных взглядов. Обработка кубинского населения преследовала цель оторвать его от национальных ценностей, его исторических корней. Осуществлялась последовательная политика разрушения кубинской нации. В этом Соединенным Штатам удалось добиться некоторых результатов. Часть населения, преимущественно из столичных привилегированных слоев, была американизирована. В их сознании достаточно глубоко укоренились стереотипы и ценности потребительского общества, ориентировка на так называемый американский стандарт жизни. «Переваренная» в столице неоколониальная идеология по различным каналам растекалась по стране, постепенно пропитывая кубинское общество.

Революция, вошедшая в Гавану на плечах кубинских батраков и крестьян, одетых в форму бойцов Повстанческой армии, нанесла сокрушительный удар по проимпериалистической идеологии. Однако вырвать одним ударом ее корни было невозможно. Особенно сложно обстояло дело с теми слоями,

которые ранее пользовались плодами неоколониальной эксплуатации. Определенная часть средних городских слоев, интеллигенции, представителей свободных профессий не смогла принять революцию, коренным образом изменившую социально-экономический и политический строй Кубы. Они в своем большинстве покинули страну. В общей сложности за годы народной власти с Кубы выехало около 1 млн. человек, или почти каждый десятый кубинец. Ядро их составили жители Гаваны.

Именно эта часть населения после победы революции служила благодатным социальным материалом для подрывной деятельности против Кубы, которая осуществлялась Соединенными Штатами в течение почти четырех десятилетий в самых различных формах. США вели против острова настоящую психологическую войну, используя мощные радио— и телестанции, цинично присваивая им имена кубинских национальных героев. Они распространяли на острове печатную и видеопродукцию, использовали в своих целях посещение Кубы американцами кубинского происхождения и т. д. Только в 1979 — 1980 гг. Кубу посетили 100 тысяч кубинцев, ранее эмигрировавших в США [В 1977 г. в связи с ослаблением международной напряженности в Гаване и Вашингтоне были созданы соответствующие дипломатические представительства — «отделы интересов», активизировались гуманитарные связи между США и Кубой. Эти каналы также были использованы Белым домом для пропагандистской деятельности против острова.].

События весны 1980 г. стали одной из ярких страниц борьбы кубинского народа против подрывной деятельности США, которая после непродолжительного спада во второй половине 70-х годов резко активизировалась на рубеже 70-х и 80-х гг. Успехи Кубы в социально-экономическом развитии, укрепление ее международных позиций, победа революций в Никарагуа и в Гренаде, продемонстрировавших возможность повторения кубинского примера в Латинской Америке, не на шутку напугали политическую элиту США. Ею была организована новая массированная атака против острова. В американских и контролируемых Соединенными Штатами зарубежных средствах массовой информации была развернута кампания по поводу советского военного присутствия на Кубе. Речь шла об учебной бригаде, о пребывании которой на острове Белый дом знал давно. Однако раскручиваться вопрос начал тогда, когда потребовался повод для очередного наскока на Гавану. Против Кубы был использован военный шантаж: у ее берегов были организованы крупномасштабные военно-морские учения.

Особое место в планах Вашингтона заняла работа по провоцированию нелегального выезда граждан Кубы в Соединенные Штаты. Последнее, по замыслу его вдохновителей, должно было подорвать внутриполитическую стабильность на острове, обострить проблему кадров в народном хозяйстве и, наконец, — что самое главное — показать всему миру, что несчастные жертвы коммунистического режима бегут из страны в поисках политических свобод и экономического благосостояния. Это должно было служить обоснованием для продолжения политики США, направленной на политическую изоляцию и экономическое удушение неугодного им националистического режима Ф. Кастро.

В первые месяцы 1980 г. начала усиливаться поощряемая Соединенными Штатами нелегальная эмиграция. Несколько групп кубинских граждан, стремившихся покинуть страну и не получивших виз от зарубежных государств, в начале апреля силой проникли в посольства Венесуэлы и Перу. Подобными методами они рассчитывали добиться разрешения на эмиграцию в обход кубинских законов. При этом ими 1 апреля был убит солдат, находившийся на посту у посольства Перу. Сложилась ситуация, когда лица, действующие в нарушение законодательства, как террористы, проникли в иностранные посольства, а те предоставили им политическое убежище, тем самым создавая прецедент эмиграции в обход местного законодательства и устоявшихся норм международного права.

Фидель Кастро проявил в этих условиях огромную выдержку и дипломатический такт. Стремясь сохранить дружеские отношения с упомянутыми странами, он шел на то, чтобы дать возможность выехать за границу даже лицам, проникавшим в иностранные посольства силой. При этом характерно, что среди последних не было ни одного, кто бы получил отказ кубинских эмиграционных служб на выезд из страны. Визы им не предоставляли как раз те государства, куда они хотели выехать. В большинстве случаев речь шла об отказах со стороны США.

По дипломатическим каналам Фидель Кастро неоднократно предупреждал правительства государств, принимавших нелегальных эмигрантов, о несовместимости подобных действий с нормами международного права, о том, что подобная практика несет в себе угрозу безопасности самих дипломатических представительств, стимулирует нападение на охрану посольств. Однако эти обращения не возымели действия. Становилось очевидным, что позиция указанных посольств скоординирована с набиравшей силу кампанией против Кубы со стороны Соединенных Штатов.

Ответ Фиделя на события был неожиданным для многих организаторов кампании и, пожалуй, наиболее адекватным брошенному вызову. «Наше терпение продолжалось до того момента, когда был убит солдат Ортис Кабрера, — отметил Ф. Кастро, выступая на митинге 1 мая 1980 г. — Когда революция говорит, что она готова положить конец чему-либо любой ценой, весь мир должен быть уверен, что конец будет положен, чего бы это ни стоило».

Сразу после того, как при вторжении в посольство Перу группы нелегальных эмигрантов ими было совершено убийство охранявшего его солдата внутренних войск, а перуанский посол отказался сотрудничать с кубинским МВД в целях обеспечения безопасности дипломатического представительства, Ф. Кастро отдал приказ снять охрану у посольства Перу в Гаване и предложил его сотрудникам нести самостоятельно ответственность за происходящее на его территории. В обнародованной 4 апреля 1980 г. декларации Революционного правительства была разъяснена его позиция в связи с событиями. Было заявлено, что кубинские власти не намерены терпеть действия, попирающие суверенитет Кубы и ее законы, невзирая на цену, которую придется заплатить за это. В декларации подчеркивалось, что впредь ни один человек, проникший силой на территорию иностранного посольства, не получит разрешения на выезд из страны. «Мы, — говорилось в декларации, — не намерены терпеть ни под каким предлогом, ни при каких обстоятельствах попрания наших законов и нашего суверенитета, когда, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, пытаются легализовать преступления, защитить уголовников, нарушающих наши законы, и оставить беззащитными иностранные представительства в нашей стране; мы вынуждены принять соответствующие меры и любой ценой положить конец этому беззаконию».

Комментируя шаги, предпринятые возглавляемым им правительством, Фидель Кастро позднее разъяснил, что он четко представлял, что должно произойти после снятия охраны с перуанского посольства. Было очевидно, что люди, лишенные патриотических чувств, которых в течение многих лет вся пропагандистская машина США заманивала в «рай земной», обещая «манну небесную» и «золотые горы», обещая все и одновременно закрыв перед их носом пути законного въезда туда, воспользуются услугами иностранных посольств, распахнувших свои двери для безвизовых эмигрантов. Так и произошло. Через несколько дней на территорию перуанского посольства перекочевали 10 тысяч кубинцев, которые многие месяцы и годы

безуспешно ожидали от США въездных виз. Однако, прежде чем попасть в американский рай, многим из них пришлось провести здесь не одну неделю. Территория посольства вскоре превратилась в сущий ад. Публика, обосновавшаяся там, в своей значительной части состояла из уголовников, тунеядцев, проституток, у которых появилась прекрасная возможность перебраться в страну, где для них открывались значительно более широкие возможности для применения своих «профессиональных» навыков. Начались криминальные эксцессы на территории посольства. Возникли крупные проблемы с его санитарным состоянием.

Через несколько дней перуанское посольство обратилось к кубинскому правительству с просьбой о восстановлении охраны и помощи в решении возникших проблем. Фидель Кастро согласился временно восстановить охрану. По его распоряжению всем желающим было предложено получить регистрационную карточку ожидающего эмиграции и спокойно вернуться по домам, чтобы в нормальных условиях ожидать выезда. Всем прошедшим такую регистрацию была гарантирована полная безопасность. Вскоре в посольстве остались лишь лица, причастные к убийству кубинского солдата, на которых не распространялись гарантии.

Ситуация развивалась стремительно, и Фидель принял решение вскрыть социальный нарыв, который так старательно пестовал и подпитывал Вашингтон. При этом Ф. Кастро проявлял выдержку. Он предлагал Соединенным Штатам цивилизованный вариант разрешения проблемы.

Одной из распространенных форм нелегального выезда с Кубы, поощрявшейся Вашингтоном, было пересечение узкого Флоридского пролива на различных плавсредствах. В США таких беженцев встречали как героев. Первый опыт морских рейсов относится к началу 60-х годов. С 1959 по 1962 г. Вашингтон не ограничивал въезд кубинцев в страну. В этот период с Кубы выехало около 500 тысяч человек. После карибского кризиса в октябре 1962 г. США практически перекрыли каналы легального въезда кубинцев. Одновременно начала поощряться нелегальная эмиграция. Порой люди гибли в штормовом море. Фидель Кастро тогда сделал решительный шаг, открыв для свободного выезда порт Камариока и предложив кубинской колонии в США забрать с острова всех, кто желает выехать. Сотни катеров и яхт начали курсировать из Камариоки в порт Кей Вест на южной оконечности Флориды. Большинство желающих смогли выехать в Соединенные Штаты, правительство которых было крайне раздражено таким исходом событий. Оно пошло на переговоры с Гаваной, и в результате выезд с Кубы был упорядочен. Были организованы два ежедневных спецрейса в США и два еженедельных в Испанию. На достаточно длительное время проблема была снята.

Снова вопрос возник, как уже отмечалось, на рубеже 70-х и 80-х годов, когда США резко ограничили число въездных виз для кубинцев. Опять возродились попытки нелегально пересечь пролив или выехать, попросив «политическое убежище» в одном из проамериканских посольств. Когда в начале 1980 г. стало очевидно, что Вашингтон предпринял очередную кампанию по «стимулированию» выезда с Кубы, Фидель Кастро по дипломатическим каналам обратился к Дж. Картеру с предложением решить проблему на межгосударственном уровне.

Ответа не последовало. Тогда 8 марта 1980 г., выступая на съезде Федерации кубинских женщин, Фидель Кастро повторил это предложение к американским властям уже во всеуслышание, предупредив о том, какие последствия может иметь для них подобная игра и что он готов вновь повторить опыт Камариоки. Официальный Вашингтон безмолвствовал. Одновременно американские средства массовой информации активизировали пропагандистскую кампанию против Кубы.

В своем выступлении 8 марта 1980 г. Ф. Кастро сформулировал подход к вопросу об эмиграции. Суть его состоит в том, что осуществление революции и строительство социализма — это абсолютно добровольное дело свободных людей.

В этих условиях возникла инициатива открыть для выезда один из портов недалеко от Гаваны. В начале апреля после событий в посольствах Венесуэлы и Перу представители кубинской колонии в США обратились к Фиделю Кастро с вопросом, как будут реагировать кубинские власти, если они пришлют суда для вывоза с острова желающих покинуть его. Фидель ответил, что Куба встретит эти суда не артиллерийским огнем, а с уважением, поскольку они прибудут не с войной, а с миром. Вскоре для реализации замысла был открыт порт Мариэль, куда начали прибывать катера, яхты, рыболовецкие суда, зафрахтованные кубино-американской колонией.

21 апреля из порта Мариэль вышли первые две яхты с эмигрантами на борту. Затем темпы вывоза желающих переселиться в США начали резко возрастать. В отдельные дни флотилия мелких суденышек, прибывших в Мариэль, достигала более полутора тысяч. Для обеспечения безопасности перевозки по «мосту» Мариэль — Флорида вдоль всего маршрута через каждые 8 миль были размещены кубинские суда береговой охраны, которые в случае необходимости были готовы оказать необходимую помощь. Движение осуществлялось только в хорошую погоду. За несколько месяцев 1980 г. из Мариэля в США были благополучно доставлены 125 тысяч человек. Правительство США пыталось воспрепятствовать этой операции. Со всего Восточного побережья Соединенных Штатов были стянуты к Флориде значительные силы береговой охраны, чтобы помешать прохождению судов с эмигрантами в американские территориальные воды. Однако их усилия оказались тщетными.

Поскольку в США была развернута кампания в защиту прав человека на Кубе, все заключенные, абсолютное большинство которых составляли уголовники, были зачислены американскими СМИ в разряд политических. Ф. Кастро предложил освободить всех, кто отбыл более половины срока, и предоставить им

возможность покинуть Кубу. «Правозащитники» в США также утверждали, что дома для душевнобольных на Кубе сплошь заполнены диссидентами. Поэтому всем обитателям этих учреждений, внесенным «правозащитными» организациями в списки «узников совести» и желавшим покинуть страну, была предоставлена такая возможность. Характеризуя исход этих 125 тысяч человек с острова, Ф. Кастро отметил, что США помогли Кубе «проделать оптимальную санитарную работу». Патриотически настроенные кубинцы характеризовали основную массу людей, попавших в эту волну эмиграции, как антисоциальные элементы и называли их общим термином «эскория», что на испанском языке означает «отбросы» или «грязная пена».

Крупной победой Фиделя Кастро в той сложной обстановке явилась поддержка, оказанная революционному процессу большинством кубинского народа. 19 апреля и 17 мая 1980 г. в стране прошли грандиозные манифестации, получившие название «марши боевого народа». В них приняли участие около 6 млн. человек — подавляющее большинство взрослых кубинцев — во всех городах страны. 1 мая 1980 г. в Гаване состоялся миллионный митинг, где выступил Фидель, который высоко оценил значение народной поддержки. «Я не говорю об этой поддержке или не пытаюсь оценить ее через призму того значения, которое она имеет для нас. Я говорю и оцениваю эти народные манифестации как проявление поддержки наших благородных и справедливых революционных идей, как проявление поддержки нашего революционного дела», — подчеркнул он. Выступая через полгода после упомянутых событий на II съезде Компартии Кубы, Ф. Кастро отметил: «Войдут в историю „марши боевого народа“, широкие выступления народных масс в ответ на провокационные действия посольств Перу и Венесуэлы в Гаване, операция „Мариэль“ и американские военные угрозы. Никогда за всю свою историю наша родина не знала примеров столь гигантской мобилизации народных масс. И на этот раз янки недооценили уровень сознательности нашего народа... Наш народ еще раз продемонстрировал непобедимую силу, единство, сознательность, боевой дух и дисциплинированность... Мы расцениваем выступления масс в апреле и мае этого года как одну из важнейших политических, идеологических и моральных побед, одержанных нашей революцией за всю ее историю... Отпор, данный народом отбросам общества, означал в значительной мере и отпор недисциплинированности, паразитизму, стяжательству, утрате боевитости и другим негативным

явлениям, которые наносят нам ущерб».

Несомненна огромная личная роль Фиделя Кастро в мобилизации масс в защиту революционного процесса. При этом американские СМИ стремились, опираясь на этот факт и утрировав его, исказить истинное место Фиделя в этих событиях. При каждом удобном случае они подчеркивали, что выступления просто организованы Ф. Кастро. Замысел был достаточно прост — изобразить кубинский народ в качестве послушной толпы, которой манипулирует харизматический диктатор. Подавая события в таком ключе, они пытались убедить общественное мнение, что народная поддержка — не более чем блеф официальной кубинской пропаганды. Фидель сам просто и убедительно опроверг этот тезис на митинге 1 мая 1980 г. Он объяснил, что один человек не в состоянии организовать акции такого масштаба. «Они говорят, что я организовал его („марш боевого народа“. — Прим. авт.). Говорят: „Это организовано Кастро“. Нет. Это было сделано самими революционными организациями. Понятно, что массы имеют своих политических лидеров, что массы имеют свою партию. Мы не хотим никоим образом лицемерить, подобно тому как мы присутствуем здесь, мы участвуем во всем». И далее Фидель пояснил, что добиться результата, мобилизуя массы, можно лишь тогда, когда идея, отстаиваемая политическим авангардом и общественными организациями, отвечает их чаяниям. Этого как раз не в состоянии или не хотят понять в США.

После упомянутых событий Белый дом был вынужден начать переговоры с Гаваной. Они завершились заключением в декабре 1984 г. соглашения по миграционным вопросам. США обязались ежегодно предоставлять кубинцам до 20 тысяч виз для легального выезда с острова. Куба, в свою очередь, согласилась принять назад несколько тысяч криминальных и иных нежелательных для Соединенных Штатов элементов из числа кубинских эмигрантов.

В 1985 г. из-за обострения отношений между двумя странами Вашингтон приостановил действие соглашения. Однако гибкая внешняя политика Кубы, давление американского и мирового общественного мнения заставили США пойти в ноябре 1987 г. на его возобновление.

Начало 80-х годов стало определенным рубежом фронтального наступления США против СССР и мирового социализма. Успехи революционно-освободительного движения в Африке, Азии и Латинской Америке не на шутку напугали правящие круги США и их союзников. 70-е годы завершились вводом советской 40-й армии со всем ее мощным вооружением в Афганистан. В совокупности с утверждением антиамериканских

режимов в Иране, Южном Йемене и Африканском Роге в глазах американцев это выглядело как «обкладывание красными флажками» основного нефтедобывающего региона и морских коммуникаций, соединявших его с Соединенными Штатами, Западной Европой и Японией.

В Центральной Америке после подписания Дж. Картером и О. Торрихосом договора о Панамском канале США покидали зону канала и до 2000 года должны были передать панамцам сам канал. Победа сандинистов в Никарагуа, народная революция на Гренаде, гражданские войны в Гватемале и Сальвадоре подрывали позиции США в регионе, который Вашингтон привык считать своим «задним двором».

Активная поддержка моджахедов в Афганистане, оппозиции в Польше и других социалистических странах — это были лишь первые «ласточки» фронтального наступления Запада на «советский блок», которое постепенно набирало силу в 80-е годы. Именно в этом контексте следует рассматривать нарастание агрессивных действий Вашингтона против первой социалистической страны Западного полушария.

Усиление нападок на Кубу со стороны США началось еще накануне VI Конференции неприсоединившихся стран в Гаване. В конце 70-х годов Соединенные Штаты начали усиливать антикубинскую пропагандистскую кампанию. Американские самолеты возобновили свои облеты Кубы [Американские самолеты-разведчики совершали облеты кубинской территории многие годы. В условиях некоторого смягчения отношений между Кубой и США 22 января 1977 г. Дж. Картер отдал приказ о прекращении разведывательных полетов над Кубой, однако впоследствии этот приказ был отменен.].

Возобновилась практика проведения военных маневров у кубинских берегов. В конце 1979 г. такие маневры сопровождались высадкой десанта на территории американской военно-морской базы «Кайманера» в провинции Гуантанамо. Весной 1980 г. группой аналитиков, готовивших избирательную кампанию Р. Рейгана и объединившихся в так называемом «Комитете Санта-Фе», был подготовлен документ, который провозглашал необходимость положить конец «безвольной политике» Дж. Картера и начать осуществление жесткого курса в мире и, в частности, в Латинской Америке. Острие ужесточения латиноамериканского курса было направлено против Гаваны. В документе даже содержалась прямая угроза военной интервенции против Кубы.

Таким образом, с приходом в Белый дом администрации Р. Рейгана опасность военной интервенции США против Кубы

значительно возросла. Фидель Кастро неоднократно обращал на это внимание. Так, выступая на митинге в честь 30-летия штурма казарм Монкада 26 июля 1983 г., он дал четкую характеристику новому курсу Вашингтона: «С приходом к власти в США в начале 1981 года крайне правой, реакционной клики, проводящей откровенно воинствующую и фашистскую внешнюю политику, вновь выдвинулся на первый план вопрос о вооруженной агрессии против нашей родины».

Не случайно поэтому к началу 80-х годов относится формирование массового народного ополчения — «Войск территориальной милиции» (ВТМ). Об их создании Ф. Кастро впервые объявил еще 1 мая 1980 г. на массовом митинге в Гаване. Среди причин, обусловивших создание ВТМ, в первую очередь следует назвать обозначившееся уже тогда усиление агрессивности США против Кубы. Другим важным фактором в принятии и реализации этого решения стало осознание Ф. Кастро того факта, что Куба не может рассчитывать на прямое участие СССР в вооруженной защите острова в случае агрессии США. В ходе консультаций, проведенных Ф. Кастро с представителями тогдашнего советского руководства, ему дали понять, что Кубе будут помогать, но СССР не пойдет на прямой военный конфликт с Соединенными Штатами из-за нее.

Полная ясность в этот вопрос была внесена во время визита в Москву Рауля Кастро во главе военной делегации в феврале — марте 1980 г. Он был приглашен на встречу с группой членов Политбюро, которые жестко и открыто заявили ему, что Советский Союз не станет воевать за Кубу и что кубинцам впредь надо полагаться на собственные силы.

Ответ Фиделя на вызов, брошенный развитием событий, был как всегда решительным и адекватным ситуации: на вооружение была взята концепция всенародной войны. Развернулась активная работа по укреплению обороноспособности страны. В феврале 1985 г., выступая на первой сессии III съезда Компартии Кубы, Ф. Кастро мог уже констатировать, что за пятилетие концепция всенародной войны значительно углубилась и обогатилась, а кубинская военная доктрина была приведена в соответствие с ней. За пятилетний период ВТМ стали реальной военной силой. Их боевые подразделения, включавшие на добровольной основе мужчин и женщин, не подлежащих призыву в РВС, но способных носить оружие, насчитывали на начало 1985 г. 1,5 млн. человек. За короткий период они были экипированы и прошли военную подготовку. Для войск территориальной милиции за пять лет были подготовлены 70 тысяч офицеров. Если суммировать численность РВС вместе с резервом, ВТМ и другими

добровольными военизированными формированиями, созданными на промышленных предприятиях и в учебных заведениях, то общее количество людей, готовых выступить на вооруженную защиту Кубы, достигло в 1985 г. 2,5 млн. человек. Огромная работа была проведена по материально-техническому оснащению РВС, была создана собственная военная индустрия для ремонта и производства оружия, боеприпасов и боевой техники.

Все это позволило Ф. Кастро заявить на III съезде: «Сегодня мы с еще большим основанием и большей уверенностью можем повторить слова, сказанные на I съезде партии: „Пока существует империализм, партия, государство и народ будут уделять обороне страны максимальное внимание. Революционная бдительность никогда не ослабнет. История красноречиво свидетельствует: те, кто забывает этот принцип, становятся жертвами этой ошибки“.

Только начинался 1985 год, год сорокалетия разгрома фашизма. В Москве к восшествию на партийный олимп готовился относительно молодой М. С. Горбачев. Неискушенные в практической политике граждане СССР и восточноевропейских стран с надеждой ждали перемен к лучшему, верили в очищение социализма от номенклатурно-бюрократической скверны, сковавшей его. Весенний ветер обновления веял на огромных просторах социалистического содружества. Трудно было представить, что через каких-то 5 лет европейский «реальный социализм», точнее его конкретная государственно-бюрократическая модель, в процессе «перестройки» станет лишь фактом истории. И, конечно, ни для кого в социалистической Европе слова, сказанные Фиделем, не могли звучать тогда как пророчество. Видимо, нужно было жить в 90 милях от США и обладать огромной политической прозорливостью, чтобы не только не предать забвению слова, сказанные десятилетие назад, а повторить их с «еще большим основанием и большей уверенностью». Пути европейского и кубинского социализма начали расходиться. Если первый вприпрыжку с безумной радостью бросился «пилить сук», на котором ему не очень удобно было сидеть, то второй пошел по линии укрепления своего фундамента, чтобы, обеспечив тылы, начать модернизацию.

Когда на рубеже 80-х и 90-х годов вялотекущий кризис европейского социализма перешел в фазу коллапса, правящая элита США, как и предполагал Фидель Кастро, начала проявлять все большую агрессивность на международной арене. Интервенция в Панаму и широкомасштабные боевые действия против Ирака в 1990 — 1991 гг. самым наглядным образом продемонстрировали, как в Вашингтоне понимают «новое

политическое мышление», провозглашенное М. Горбачевым.

На основе анализа развития событий в мире Фидель Кастро уже в конце 80-х годов сделал вывод о том, что «если продолжится развитие некоторых очень негативных тенденций, мир перейдет от биполярности к однополярности под владычеством Соединенных Штатов». 7 декабря 1989 г. он впервые публично высказал эту мысль. Немного позднее, 28 января 1990 г., выступая на закрытии XVI съезда Профцентра трудящихся Кубы, Ф. Кастро очень метко охарактеризовал политику вашингтонских властей: «Они высокомерны, они обезумели, расхрабрились, впали в эйфорию; они думают, что социализм перестал существовать, и от этого становятся все агрессивнее, от этого становятся все опаснее. То есть начинается новая эпоха, новый этап. И для нашего народа могут настать минуты больших испытаний». В этом же выступлении Фидель напомнил, что кубинцы давно предвидели возможность подобного развития событий. «Наш народ, — подчеркнул он, — на протяжении многих лет готовил себя к определенным опасностям. В течение десяти лет мы укрепляем нашу оборону, применяем концепцию всенародной войны, готовимся уже десять лет. Как это удачно! Мы выработали планы на все случаи, начиная с полной военной блокады всей страны, когда сюда нельзя будет привезти ни единой пули. Мы знали это еще до возникновения новых проблем...»

Благодаря прозорливости Ф. Кастро, которая покоилась на тщательно выверенном анализе социально-экономической и политической ситуации в мире, Куба оказалась готова к резким поворотам международной политики, проявившейся на рубеже 80-х и 90-х годов. Ее обороноспособность была поднята на такую высоту, что любой, кто захотел бы проверить остров на военную прочность, должен был прежде очень серьезно задуматься над последствиями своих действий. Любая агрессия против Кубы становилась слишком дорогостоящим во всех отношениях делом. На нее в подобных условиях мог решиться лишь законченный авантюрист. К счастью для всех, таких пока не нашлось.

Серьезный импульс к решению задач экономического развития и индустриализации страны дал II съезд Компартии Кубы, состоявшийся в декабре 1980 г. Его работа была посвящена прежде всего анализу выполнения решений I съезда и поиску путей их наиболее адекватного воплощения в жизнь. Первая половина 80-х годов ознаменовалась значительными успехами в деле осуществления начатой в конце 70-х гг. экономической реформы. Статистика убедительно свидетельствовала о том, что в этот период кубинское народное хозяйство добилось крупных

успехов.

С 1959 по 1985 г. совокупный общественный продукт Кубы увеличился в 3,5 раза. При этом особенно быстро развивалась экономика во второй пятилетке (1981 — 1985 гг.). Так, если за 1959 — 1984 гг. ежегодный прирост СОП составлял 4,8 %, то в 1981 — 1985 гг. уже 7,3 %1, прирост на душу населения составлял, соответственно, 3,2 % и 6,9%. Важным фактором подъема экономики в первой половине 80-х годов явился рост производительности труда. Если за 1959 — 1980 гг. она ежегодно возрастала на 2,7 %, то за 1981 — 1985 гг. — на 5,2 %. За счет этого было получено 74 % всего прироста объема продукции в течение пятилетки. Повысился уровень жизни. Личное потребление возрастало на 2,8 % в год, а потребление за счет общественных фондов — на 7,1%. Среднемесячная заработная плата увеличилась за пятилетку на 26,4 %. Суточное потребление калорий на душу населения возросло до 2900 калорий, а белков — до 78 граммов. Продолжительность жизни превысила 74 года. Эти успехи были достигнуты Кубой в тот момент, когда подавляющее большинство стран Латинской Америки пребывало в состоянии глубокого экономического кризиса и там сокращалось производство, падал жизненный уровень, росла безработица. Не случайно 80-е годы были названы самими латиноамериканцами «потерянным десятилетием».

Итоги второй пятилетки свидетельствовали о несомненных успехах кубинской экономики. Казалось бы, у руководства страны были все основания чувствовать себя триумфаторами. Но Фидель всегда смотрел на достижения под критическим углом, выявляя ошибки и анализируя, что можно было сделать, но не сделали. Он искал, как, опираясь на достигнутое, обеспечить наиболее успешное продвижение к новым рубежам.

Уже в начале 80-х годов Фидель Кастро обратил внимание на обострение проблем экономического развития Кубы под влиянием внешних факторов. Одновременно Фидель с пристальным вниманием следил за последствиями вживления нового хозяйственного механизма в кубинскую экономику.

К этому моменту достаточно четко обозначились застойные явления в народном хозяйстве СССР. После отстранения в октябре 1980 г. с поста Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина и его замены 75-летним Тихоновым, начатые во второй половине 60-х годов реформы явно выдохлись. Обнажились язвы бюрократической модели социализма. Особенно очевидным это стало после событий в Польше в начале 80-х годов. Требовалось очистить социализм от негативных наслоений, скорректировать курс, найти ответы на вызов времени. 10 ноября 1982 г. умер Л.

И. Брежнев. На пост Генерального секретаря ЦК КПСС был избран Ю. В. Андропов. Фидель Кастро прибыл в Москву. 16 ноября состоялась его встреча с Ю. В. Андроповым. Оба лидера были озабочены сложной обстановкой, складывавшейся в тот момент на международной арене, социально-экономическими и политическими трудностями в социалистическом содружестве. Они были полны решимости предпринять серьезные шаги, чтобы спасти социализм. Одной из его главных болезней, которую следовало искоренить в первую очередь, оба считали коррупцию. Ю. В. Андропов и Ф. Кастро сходились в том, что многие кризисные явления возникли из-за забвения азбучных истин марксизма-ленинизма.

23 декабря 1982 г. состоялся VI пленум ЦК Компартии Кубы. На нем только что вернувшийся из Москвы Фидель Кастро призвал привести в действие все факторы, мобилизовать народные массы на борьбу за экономию, бережливость и эффективность с целью сохранения и дальнейшего повышения достигнутого уровня экономической деятельности. Там же была проанализирована информация об использовании свободных крестьянских рынков частными посредниками в спекулятивных целях. Было обращено внимание и на некоторые другие негативные явления, сопровождавшие экономические нововведения в стране.

В течение последующих лет Фидель продолжал внимательно отслеживать и анализировать всю текущую информацию о ходе внедрения СУПЭ и функционирования нового хозяйственного механизма. Внедрение СУПЭ в целом дало положительный результат. Это очевидный факт. Но Ф. Кастро, возглавлявший Национальную комиссию по ее внедрению, лучше других видел и негативные последствия, которые принесла реализация системы. Впервые он подверг их резкой критике на совместном совещании партийного и государственного актива, проходившем в Гаване с 22 по 24 ноября 1984 г. 4 декабря того же года он вновь обратился к хозяйственникам и руководящим работникам всех уровней, собравшимся на первый национальный форум по проблемам энергетики, призвав не поддаваться эйфории, а повернуться лицом к реальной действительности, обратить внимание, что наряду с успехами экономические преобразования сопровождаются появлением болезненных явлений, вступающих в противоречие с идеалами социальной справедливости.

В чем Фидель увидел эти недостатки? По его мнению, их было немало. В ходе внедрения СУПЭ широко распространенным явлением стало установление завышенных цен на продукцию, неоправданное увеличение сверхурочных часов и работа в

выходные дни, оплачивавшиеся по более высоким тарифам, злоупотребления с фондами материального поощрения и т. д.

В 1980 г. на Кубе начали функционировать свободные крестьянские рынки, куда крестьяне-единоличники, члены сельскохозяйственных кооперативов и рабочие госхозов, получившие приусадебные участки, могли привозить для продажи сельскохозяйственную продукцию. Создание рынков значительно улучшило снабжение населения. Одновременно вокруг них очень быстро образовался слой нуворишей-посредников. Они воспользовались отсутствием традиций торговли у кубинских крестьян, у которых до революции основную часть продукции забирали перекупщики. Посредники извлекали огромные спекулятивные, несоизмеримые с их трудовым вкладом доходы, искусственно взвинчивали цены. Проанализировав ситуацию, Фидель обратил внимание государственных хозяйственных органов на необходимость оказания ими посреднических услуг в целях вытеснения спекулянтов из торговли продуктами.

Фидель также подверг критике разрастание управленческого аппарата в ходе внедрения СУПЭ. Он отметил, что в 1973 г. административный персонал в стране насчитывал 90 тысяч человек, а в 1984 г. он достиг 250 тысяч, т. е. увеличился более чем в 2,5 раза. Конечно не все новые чиновники пополнили структуры, связанные с внедрением СУПЭ. В процессе институциализации было создано многоосвобожденных должностей в аппарате вновь сформированных органов власти всех уровней. Тем не менее большую часть дали государственные хозяйственные структуры. Столь быстрое разрастание бюрократии, помимо чрезмерной финансовой нагрузки на бюджет страны, несло в себе и опасность формирования социального слоя, который объективно имеет тенденцию превращаться в самодовлеющую силу с собственными интересами. Последующие примеры СССР и восточноевропейских государств, где правящая номенклатура по существу превратилась в класс, оторванный от большинства народа, и осуществила контрреволюционный переворот, показывают, что Фидель вовремя увидел опасность и приложил силы, чтобы предотвратить подобное развитие событий на Кубе.

Организация работы самого Ф. Кастро — лучший пример борьбы с бюрократизмом. Аппарат, с которым непосредственно работает Фидель, невелик, двадцать человек. «Они, — как пояснил в одном из интервью Ф. Кастро, — образуют группу координации и поддержки. Каждый старается узнать, что происходит на главных объектах и в центрах услуг страны,

устанавливая с ними контакт. Не вступая в конфликт с министерствами, эта группа облегчает принятие и выполнение решений. Это люди, а не отделы».

Непосредственно секретарскими делами при Ф. Кастро как главе государства занимаются шесть сотрудников во главе с секретарем Государственного совета (бывшим ректором Гаванского университета Хосе Мияром Барруэкосом — «Чоми»). Последний обладает прекрасными организаторскими способностями, поразительной собранностью и работоспособностью. Он одновременно выполняет функции личного секретаря, врача и фотографа Ф. Кастро. Бюрократия, без которой невозможно существование ни одной организованной структуры, у Фиделя сведена к минимуму. При этом все решения принимаются им после глубокой проработки, личного ознакомления с объективной информацией из первых рук и оперативно. Конечно, в этом также помогает просто феноменальная память Фиделя, который помнит все.

Интересно описание кабинета Ф. Кастро во Дворце Революции, которое приводит в своей книге бразильский священник-доминиканец брат Бетто, побывавший там в мае 1985 г.: «Вокруг рабочего стола — шкафы, набитые книгами, кассеты, транзисторный приемник. На столе — бумаги, стеклянная вазочка с карамелью, круглая коробка с маленькими короткими сигарами, которым отдает предпочтение Команданте. Под огромной картиной — портретом Камило Сьенфуэгоса, исполненным мягкими мазками, — стоят кожаные кресла и столик из мрамора с острова Молодежи. В глубине — большой стол для заседаний с четырьмя стульями с боковых сторон и двумя с торцов. Еще одна огромная картина изображает работу учащихся в поле. Кабинет просторный, удобный, с кондиционированным воздухом, без роскоши». Приведенный отрывок характеризует стиль работы и образ жизни и Фиделя.

Важную роль в процессе исправления ошибок и корректировки курса экономических преобразований во второй половине 80-х годов сыграл III съезд Компартии Кубы. Он прошел в два этапа во Дворце съездов в Гаване с 4 по 7 февраля 1986 г. и с 30 ноября по 2 декабря. Среди принятых документов прежде всего следует отметить Программу Компартии Кубы, основные направления экономического и социального развития страны на 1986 — 1990 гг., изменения в Уставе партии, резолюции о совершенствовании системы управления и планирования народного хозяйства и политико-административного деления страны и другие.

Ф. Кастро отвел особо важное место в Отчетном докладе ЦК и

других материалах съезда, в подготовке которых он принял непосредственное участие, вопросу о результатах внедрения СУПЭ. «Что касается эффективности предприятий, — отметил он в докладе, — то Система управления и планирования экономики может стать полнейшей фикцией, если мы будем пытаться обеспечить рентабельность предприятий посредством повышения цен на товары, строительные работы и производственные услуги... Если упомянутые недостатки не будут изжиты, Система управления и планирования экономики перестанет быть движущей силой нашего развития».

Фидель Кастро увидел в негативных явлениях, сопровождающих становление нового хозяйственного механизма, большую опасность самим идеалам революции. Именно этим можно объяснить его столь резкую реакцию на них. Эта мысль нашла отражение в Резолюции о совершенствовании СУПЭ, принятой III съездом. «Процесс совершенствования Системы управления и планирования экономики, — подчеркивалось в ней, — должен осуществляться исходя из того, что при социализме экономические механизмы не могут выполнять роль, которая принадлежит политической и идеологической работе и сознанию трудящихся. Ошибки, вскрытые после первой сессии III съезда как в практическом использовании созданных в соответствии с решением I съезда партии экономических механизмов, так и в самих концепциях некоторых из этих механизмов, привели к возникновению негативных тенденций, которые могли превратиться в стратегическую угрозу самой революции из-за распространения мнения, что только с помощью денег и материального стимулирования, без контроля и при нарушении во многих случаях принципа распределения в соответствии с качеством и количеством труда возможно достижение целей, поставленных в области производства и сфере обслуживания».

В резолюции было также подчеркнуто, что «государственная форма управления экономикой диктует необходимость продолжить практику использования директив, исходящих из центра и обязательных для выполнения низовыми звеньями, чтобы подкрепить действия экономических методов управления и добиться с помощью соответствующего поиска надлежащего согласования интересов объединений и предприятий с общими государственными интересами».

19 апреля 1986 г. в промежутке между двумя сессиями III съезда, выступая по случаю 25-й годовщины победы на Плайя-Хирон, Ф. Кастро впервые заявил о необходимости начать общенациональный процесс исправления ошибок и негативных

тенденций, накопившихся на Кубе в предшествующие годы в экономической, политической и идеологической сферах. С этого момента Фидель в десятках речей и выступлений разъяснял задачи, стоящие перед страной в деле очищения социализма от чуждых ему явлений. Этот процесс получил на Кубе название «ректификация». Он был направлен на упрочение устоев социалистического общества, устранение разрыва между словом и делом, между провозглашенными целями и реальными результатами преобразований.

Выступив с инициативой осуществления ректификации, Фидель прежде всего апеллировал к тем социальным слоям общества, которые были опорой Кубинской революции и представляли его большинство.

Сверхзадачей ректификации было защитить достижения революции и ее фундаментальные ценности, не позволить в ходе преобразований размыть суть социализма, освободив «слепые» экономические законы; сохранить управляемость экономическими процессами со стороны государства, стоящего на страже интересов большинства народа, принципов социальной справедливости. Уже тогда для Фиделя Кастро было очевидным, что невозможно защитить социализм в условиях противостояния Соединенным Штатам, особенно в малой развивающейся стране с крайне ограниченными ресурсами, без сохранения командных высот в экономике за государством. Подтверждение этих мыслей Фидель уже мог найти в середине 80-х годов в опыте успешной экономической реформы в Китае, осуществлявшейся под руководством Компартии.

Серьезной критике Ф. Кастро подверг исполнительного директора Национальной комиссии по внедрению СУПЭ и руководителя ХУСЕПЛАНА (кубинский Госплан) Умберто Переса, который непосредственно отвечал за практическую работу по воплощению системы в жизнь и сделал чрезмерный упор на стихийное саморегулирование хозяйственной жизни. За допущенные ошибки он был освобожден с руководящих хозяйственных должностей в декабре 1987 г. решением пленума, выведен из состава ЦК Компартии Кубы.

По предложению Ф. Кастро для руководства и координации экономической деятельностью в стране была создана Центральная группа. Во главе нее был поставлен Османи Сьенфуэгос. Создание этого органа помогло децентрализовать и упростить процесс принятия решений. Они стали приниматься значительно оперативнее и без бюрократии. К составлению общего плана стали привлекаться все министерства, а после его принятия им делегировались полномочия по выполнению

поставленных перед ними задач и использованию бюджетных ассигнований. При этом за Центральной группой сохранялись функции по общей координации управления народным хозяйством и контролю за исполнением основных директив плана.

Тогда же стали все отчетливее просматриваться признаки прогрессирующего кризиса в лагере европейских друзей Кубы. С начала 80-х годов СССР все глубже погружался в «болото» экономического застоя и кризиса номенк-латурно-бюрократической модели социализма. Острые экономические и политические катаклизмы сотрясали Польшу. Фидель Кастро пристально следил за всем происходящим. По его инициативе в 1980 г. была сформирована аналитическая группа, которая всесторонне проанализировала развитие ситуации в Польше. Отслеживались последствия экономических и политических реформ в Венгрии. Были подмечены Фиделем и болезненные для социализма процессы, развивавшиеся в СССР.

Знание и понимание ситуации в основных узлах мировой политики позволило Ф. Кастро вовремя сориентироваться и начать принимать адекватные меры для защиты кубинского революционного процесса. При этом он неоднократно пытался в деликатной форме довести до сознания советских высших руководителей мысль об опасностях, грозивших европейскому социализму.

Искра надежды на возможность переломить ситуацию и вывести Советский Союз из кризиса, вспыхнувшая с приходом к власти Ю. В. Андропова, вскоре погасла вместе с его жизнью. Организм советского номенклатурного руководства уже был поражен «рассеянным склерозом». В этом Фидель окончательно убедился после смерти Ю. В. Андропова, когда на посту генсека в 1984 г. оказался К. У. Черненко. Последующее знакомство с М. С. Горбачевым и присутствие в марте 1986 г. на XXVII съезде КПСС лишь окончательно убедило его в этом. В апреле 1986 г. из-за разгильдяйства грянул Чернобыль. Когда же весной 1987 г. страдавший шизофренией немецкий пилот-любитель Руст преспокойно пролетел от финской границы до Москвы на спортивном самолете и приземлился на Васильевском спуске у Кремля — это уже стало ярчайшим проявлением маразма, охватившего всю государственную машину великого государства, которое в результате разложения правящей элиты стремительно катилось к своей гибели.

Кубинские СМИ очень деликатно, но тем не менее подробно информировали население об этом факте. Снимки спортивного самолетика у стен Кремля обошли всю Кубу. Рядовые кубинцы

были шокированы. Но то был, видимо, и очень тонкий психологический ход. Это событие, запечатленное на страницах кубинских газет, стало визитной карточкой горбачевского периода жизни СССР. Советская модель перестала быть «живым» и «вдохновляющим» примером для Кубы.

Несомненной заслугой Фиделя является то, что в столь сложных условиях он проявил исключительную прозорливость и политическую волю и, не имея возможности повлиять на разрушительные процессы в СССР и Восточной Европе, начал предпринимать шаги для вывода Кубы из «зоны риска». Противостоять Соединенным Штатам в неравной борьбе в столь сложный исторический момент можно было, лишь обеспечив внутреннее единство большинства кубинского народа на основе верности фундаментальным ценностям Кубинской революции. Фидель припадал к ним как к живительному роднику, наполнявшему его новыми силами каждый раз, когда над страной сгущались тучи. Все действия, предпринятые Ф. Кастро во второй половине 80-х годов в политическом и социально-экономическом плане, были призваны отстоять независимость страны и революционные завоевания, выстраданные кубинским народом в ходе более чем вековой борьбы.

Одним из наиболее драматических эпизодов борьбы Фиделя Кастро за чистоту революционных принципов и защиту социализма явились громкие судебные процессы лета 1989 г. В это время в СССР и Восточной Европе разложившаяся и коррумпированная номенклатура разворачивала работу по разрушению устоев социализма под достаточно обнадеживающими и популярными в то время лозунгами демократизации и либерализации внутриполитической и экономической жизни. При всей внешней «романтичности» лозунгов ее сверхзадачей являлось легализовать уже наворованное и открыть шлюзы для «законного» присвоения общенародного достояния, которым номенклатура во многом распоряжалась, но не владела.

Эти веяния не обошли стороной и Кубу. Часть интеллигенции, офицерства, молодежи, не понимая сути происходившего, с живым интересом и симпатией во второй половине 80-х годов следила и обсуждала проблемы перехода в государствах социалистического содружества к политическому и экономическому плюрализму. На острове появилось несколько мелких диссидентских «правозащитных» групп, ориентированных на политику Вашингтона. Определенные надежды они связывали с визитом М. С. Горбачева, состоявшимся в апреле 1989 г.

«Брожение умов» распространилось и среди части

высокопоставленных гражданских и военных чинов. Особенно благодатную социальную почву для «либеральных идей» представляла часть партийных и государственных функционеров, имевшая доступ к свободно конвертируемой валюте, проводившая многие месяцы и годы в капиталистических странах, имевшая возможность вкусить «запретные» плоды буржуазного мира и подпавшая под его «скромное обаяние». Не все оказывались настолько стойкими, чтобы устоять перед тонким ядом открывавшихся соблазнов, которые представлялись особенно заманчивыми на фоне достаточно скромной в материальном плане жизни кубинского общества. Фидель Кастро в интервью итальянскому журналисту Джани Мина показал, с чего начинается социальная эрозия в обществе: «Как начинается процесс коррумпирования этих людей? Они путешествуют, ездят туда-сюда, покупают, привозят, и не то, чтобы присваивают деньги или утаивают их, просто они без ограничений, свободно покупают вещи, подарки, меняют свой образ жизни. Их затраты растут».

В своей книге «Патент корсаров» Хорхе Масетти (зять одного из пострадавших от революционного правосудия военных — А. дела Гвардиа), встав в оппозицию к Ф. Кастро и оправдывая «грехопадение» части бывших революционеров, попытался взглянуть на ситуацию их глазами: «Очевидный кризис в странах бывшего социалистического лагеря, тяжелая ситуация на Кубе, бесперспективное будущее, глубокое разочарование заставляли людей терять ориентацию». То есть он признал, что в усложнившихся условиях часть государственных кадров была деморализована, утратила четкие политические ориентиры, проявила склонность к коррупции. Коррупция представляет опасность для любого общества, для социалистического же она является системным врагом, ибо подрывает сами его основы, ведет к его перерождению, наносит огромный моральный ущерб. Призвав Компартию Кубы, общественные организации взяться за искоренение негативных явлений, Фидель тем более не мог пройти мимо этого зла.

Одним из первых решительных шагов, предпринятых Фиделем против коррупции, явилось его многочасовое выступление по телевидению 25 — 26 июня 1987 г. в связи с обвинениями в причастности к ней Луиса Орландо Домингеса (бывшего первого секретаря СМК, а позднее — директора Кубинского института гражданской авиации, действовавшего на правах министерства). Расследование показало, что он использовал служебное положение в целях личного обогащения. В июле 1987 г. Л. Орландо Домингес был выведен из состава ЦК

Компартии Кубы и в ходе судебного процесса приговорен к 20 годам лишения свободы.

Вошедшая в обиход у части руководящих работников склонность к корыстному использованию служебного положения, сопровождавшаяся «утратой политической ориентации», способствовала отходу от идеалов социализма, служила стимулом к постепенному переходу в лагерь его противников, как это произошло со значительной частью партийных и государственных функционеров в бывших странах «советского блока». Вот как характеризует Х. Масетти взгляды дяди своей жены, одного из тех, кто проходил по Делу № 1 в 1989 г., генерала Патрисио де ла Гвардиа, который возглавлял до лета того года кубинскую миссию МВД в Анголе: «Патрисио считал, что необходима внутренняя либерализация по типу той, что происходила в других странах содружества». К чему привела эта либерализация в других странах содружества, хорошо известно. На рубеже 80-х и 90-х годов содружество перестало быть социалистическим и одновременно перестало быть содружеством. Сегодня большинство бывших социалистических стран, попавших в финансовую кабалу к Западу, стали намного менее суверенными, чем были ранее, и никак не могут преодолеть трагические последствия либерализации. Чем подобный сценарий грозил Кубе, нетрудно догадаться.

В силу родственных и дружеских связей между министром транспорта Диоклесом Торральба, генералом Арнальдо Очоа и братьями Тони (возглавлял спецслужбу МВД по борьбе с экономической блокадой «МС») и Патрисио де ла Гвардиа из них сформировалась группа единомышленников, негативно настроенных к существовавшему режиму. «Однажды я был на обеде в доме у министра транспорта Диоклеса Торральба, — вспоминает Х. Масетти, — там же были Очоа, Тони и Патрисио. Я слышал, как они говорили о Фиделе, называя его „сумасшедшим стариком“. О чем еще говорили эти сторонники либерализации в отсутствие таких свидетелей, как Х. Масетти, можно только догадываться. Накануне ареста генерал А. Очоа готовился вступить в командование самой мощной группировкой РВС, Западной армией (одной из трех), расквартированной в том числе в окрестностях столицы республики Гаваны.

Мы не располагаем каким-либо достоверным фактическим материалом, чтобы углубиться в детали. Очевидно и то, что противники Ф. Кастро за рубежом пытались создать вокруг этой группы ореол мучеников, пострадавших за идею. Нам известны случаи, когда люди, занимавшие крупные посты в партийно-государственной иерархии Кубы, выступали с критикой

политического курса, отстаиваемого Ф. Кастро. В самых критических ситуациях дело заканчивалось отставкой тех, кто вступал в противоречие с линией большинства и не желал подчиниться партийной и государственной дисциплине. Поэтому мы не склонны считать, что политическая составляющая «потери ориентации» в случае с группой А. Очоа, даже при специфике должностного положения ее членов и сложности конкретных условий внутреннего и внешнего положения Кубы, могла бы сыграть столь роковую роль в их судьбе. Если бы дело было лишь в симпатиях к перестройке и несогласии с политикой руководства страны, максимум, что грозило бы им, — это отставка и увольнение из вооруженных сил. К тому же есть все основания предполагать, что недовольство конкретным положением дел в стране и желание его изменить, используя опыт восточноевропейских стран, в случае с А. Очоа не означали предательства революции как таковой. Фидель Кастро в интервью Джанни Мина отметил, говоря о процессе над А. Очоа, что «политические причины к этому никакого отношения не имели. Очоа совершил преступление, которое нельзя считать политическим, ибо он никогда не выступал против революции».

Проблема состояла в другом. Главную опасность для революции в тот момент, причем опасность прямую, представляла сама специфика той сферы, в рамках которой были осуществлены противоправные действия А. Очоа и других лиц, проходивших по Делу № 1, поскольку речь шла о наркобизнесе. Ф. Кастро всегда уделял большое внимание борьбе с этим злом. Куба расположена на путях контрабандной переброски наркотиков из стран Латинской Америки в США, где находится один из наиболее крупных рынков сбыта. В декабре 1988 г. Фиделем было санкционировано заключение соглашения между таможенными службами Кубы и США о борьбе с наркобизнесом. Белый дом и СМИ Соединенных Штатов неоднократно использовали тему наркобизнеса для организации нападок на те или иные неугодные им правительства. В частности, под предлогом борьбы с ним, США организовали в декабре 1989 г. вооруженную интервенцию в Панаму.

Фидель Кастро понимал, что в той сложной международной обстановке, которая сложилась в Латинской Америке в конце 80-х гг. нельзя было давать Вашингтону ни малейшего повода для усиления нападок на Кубу. В конце марта 1989 г. по приглашению кубинского правительства в страну прибыли председатель Комиссии по наркотическим средствам Франческо Рамас Галино и секретарь Международного комитета по контролю над наркотиками Абдельазиз Бахи. В ходе визита они

провели переговоры с представителями кубинских властей, а также встретились с иностранными котрабандистами, осужденными за нарушение морской и воздушной границ Кубы в момент транспортировки наркотиков в США. Как заявил журналистам тогдашний министр юстиции Хуан Эскалона, представители международных организаций по борьбе с наркотиками были приглашены на Кубу для того, чтобы на месте ознакомиться с положением в этой области и оценить усилия, предпринимаемые кубинскими властями с целью пресечения незаконной транспортировки ядовитого зелья.

Вскоре после этого визита, в июне 1989 г., на Кубе была арестована и предстала перед судом по обвинению в участии в наркобизнесе группа офицеров РВС и МВД. Марафон, проделанный кубинскими следственными и судебными органами с 13 июня 1989 г., когда были выдвинуты первые обвинения, и до исполнения смертного приговора на рассвете 13 июля того же года, поразил многих как скоростью преодоления столь сложной и большой дистанции, так и трагичностью его результатов. 4 из 14 человек, проходивших по Делу № 1, в том числе бывший член ЦК Компартии Кубы, зам. министра обороны генерал Арнальдо Очоа и руководитель спецслужбы МВД по борьбе с экономической блокадой «МС» полковник Антонио де ла Гвардиа, были казнены. 10 других офицеров, в их числе генерал Патрисио де ла Гвардиа, были приговорены военным трибуналом к длительным срокам тюремного заключения [В 1997 г. Патрисио де ла Гвардиа был досрочно освобожден.].

Чтобы понять жесткость и быстроту реакции Фиделя Кастро и кубинского руководства на факт участия высоких должностных лиц из РВС и МВД в наркобизнесе, следует помнить, какую угрозу подобная деятельность представляла для национальной безопасности Кубы, какую беду могла накликать на страну, какую услугу могла оказать Вашингтону для оправдания агрессивных актов против острова.

Учитывая исключительную важность Дела № 1, Фидель Кастро принял личное участие в следствии, он часами выслушивал обвиняемых, стремясь разобраться в мельчайших подробностях совершенных преступлений, понять мотивы и результаты их действий. Это было крайне тяжелым делом по ряду морально-психологических аспектов. А. Очоа пользовался большим уважением в армии и стране. В годы повстанческой войны юношей он сражался под командованием легендарного Камило Сьенфуэгоса. После победы революции в течение ряда лет помогал венесуэльским партизанам; возглавлял кубинские войска в Эфиопии; был военным советником сандинистов в их борьбе с

контрас; руководил кубинской военной миссией в Анголе во время тяжелых боев с войсками ЮАР и отрядами Д. Савимби. Его прочили на пост командующего Западной армией... И вдруг такой поворот событий! Делу А. Очоа был посвящен чрезвычайный 9-й пленум ЦК Компартии, заседание Государственного Совета, совещания депутатов Национальной ассамблеи народной власти в июне 1989 г.

Со времени победы революции никто из ее ветеранов не был приговорен к смерти. Фидель Кастро неоднократно подчеркивал, что Кубинская революция, в отличие от многих других, никогда не уподоблялась «Сатурну, пожирающему своих детей». Но в данном случае Фидель был непреклонен. Действия офицеров, проходивших по этому делу, поставили престиж и безопасность страны под такую угрозу, какой она не подвергалась с момента карибского кризиса. После вынесения трибуналом приговора осужденные обратились к Госсовету с прошением о смягчении наказания, однако последний подавляющим большинством голосов отклонил его.

Одновременно с А. Очоа и А. д'ла Гвардиа был арестован и предстал перед народным судом Гаваны бывший член ЦК Компартии Кубы, зам. председателя Совета Министров, министр транспорта Диоклес Торральба. Ему было предъявлено обвинение в коррупции, нарушении этических и моральных принципов революции. Суд приговорил его к лишению свободы на 20 лет.

Борьба с коррупцией среди офицерского корпуса не ограничилась в 1989 г. Делом № 1. В конце июня того же года был смещен *с* поста министра внутренних дел, а 1 сентября приговорен военным трибуналом к 20 годам лишения свободы «за утрату служебной бдительности и незаконное использование финансовых и материальных ресурсов» Х. Абрантес. Вместе с ним были арестованы и приговорены к менее длительным срокам заключения еще шесть высших руководителей МВД. Десятки генералов и офицеров РВС и МВД были разжалованы и уволены со службы.

Пожалуй, это был один из самых драматических моментов кубинского революционного процесса. Морально-психологическое напряжение в результате этих разоблачений было таким, что некоторые кристально чистые офицеры, работавшие рядом с подследственными, из опасения, что на них может пасть тень подозрения, покончили жизнь самоубийством.

Задача спасения революции требовала совершить «хирургическую» операцию по отсечению «опухоли», и Фидель отсек ее без колебаний. Не нам судить и давать оценки политическим деятелям такого масштаба.

Они творят историю и принадлежат ей, и лишь она вынесет свой окончательный вердикт по каждому вопросу. Мы же в состоянии на том коротким историческом отрезке, который минул с момента упомянутых событий, лишь констатировать неоспоримый факт: проведя «санацию» государственного аппарата, Фидель предотвратил развитие событий на Кубе по восточноевропейскому сценарию и спас революцию. Тем самым он лишний раз подтвердил известную истину, что лишь та революция чего-то стоит, которая умеет защищаться.

Одновременно все эти шаги по преодолению коррупции сопровождались мощной идеологической кампанией по разъяснению целей и задач «ректификации», очищению социализма от чуждых ему явлений. Все это способствовало консолидации патриотически настроенной части кубинского общества вокруг руководства страны и ее испытанного лидера Фиделя Кастро. Это имело огромное значение для подготовки к следующему этапу, когда Куба осталась без бывших союзников.

Большое значение для консолидации кубинского общества имело налаживание конструктивного сотрудничества между руководством страны и религиозными конфессиями. Они представлены на Кубе, помимо христианских — католической и протестантской церквей, — иудейской церковью, а также 42 религиозными сектами, большинство из которых проповедуют различные варианты африкано-кубинских спиритических верований.

Наиболее влиятельной и имеющей большие традиции и опыт работы с массами на Кубе является католическая церковь. При анализе ее роли нельзя обойтись без небольшого исторического экскурса. В конце XIX в. этой церкви принадлежала одна треть национального богатства Кубы, и она занимала видное место в экономической, политической и общественной жизни. До обретения страной независимости католическая церковь являлась органической составной частью колониального аппарата. Это естественно, подрывало авторитет церкви среди трудовых слоев белого населения. Чернокожие же кубинцы в значительной части относились к церкви враждебно, как к организации господствующего класса, и в своей массе продолжали отправлять африканские спиритические культы.

В ходе войн за независимость Кубы во второй половине XIX века католическая церковь использовала свое экономическое, идеологическое и моральное влияние против повстанцев, сражавшихся за свободу страны. Это еще более подорвало ее престиж не только в народных массах, но и среди интеллигенции и мелкой городской буржуазии.

В период американского засилья в стране католическая церковь неизменно занимала крайне правые позиции, поддерживая олигархию, и являлась одним из наиболее активных рупоров антикоммунистической пропаганды. В период тирании Батисты руководство церкви активно сотрудничало с его режимом.

Проведенный незадолго до победы революции опрос населения показал, что 95,5 % опрошенных считали себя верующими. 72,5 % из них назвали себя католиками. При этом среди низших слоев католиков было 67 %, среди высших — 100 %. Церковь регулярно посещали 24 % католиков и 17% всех верующих. Эти цифры свидетельствуют о том, что престиж католической церкви находился, как ни в одной другой стране Латинской Америки, на низком уровне.

При этом, конечно, надо четко разделять церковь как религиозную иерархическую организацию и самих верующих. Если церковная иерархия была с тиранией Батисты, то рядовые верующие боролись против нее. Они составляли большинство бойцов Повстанческой армии и городского сопротивления. Они составляли большинство сельского населения, наиболее активно поддерживавшего революцию. Находились и священники, которым были близки чаяния обездоленных. Вместе с партизанами в горах многие месяцы находился падре Сардиньяс, сочувствовавший делу освобождения. «Он пришел не как солдат, а в качестве священника, — вспоминал Ф. Кастро. — Он жил среди бойцов, вместе с нами, у него было все, что требовалось для совершения обрядов... Его присутствие и тот факт, что он совершал там обряды... делало еще более тесными связи населения с повстанческим руководством, его проповеди или его политическая работа в пользу революции были, можно сказать, косвенного порядка. Кроме того, он был славный человек, все его очень любили, очень заботились о нем». Этому священнику даже было присвоено высшее в Повстанческой армии воинское звание команданте. Так что жизнь и борьба вносили свои коррективы в устоявшиеся «черно-белые» схемы; палитра Кубинской революции оказалась значительно многокрасочнее их.

В результате свержения тирании на Кубе начался процесс переоценки идеологических и культурных ценностей. Многие из запрещенных еще при прежнем режиме африканских религиозных культов получили равный с другими церквями статус. Было гарантировано право на свободное отправление религиозных культов и одновременно право на ведение атеистической пропаганды. Церковь на практике была отделена от государства. Тем самым именно новая власть впервые обеспечила на Кубе

подлинный конфессиональный плюрализм.

Революция была враждебно встречена клерикальными кругами. Иерархи католической церкви солидаризировались с низвергнутыми эксплуататорскими классами. Характерно, что конфликт между церковью и государством возник именно тогда, когда оно начало осуществлять глубокие социальные преобразования.

Как заметил по этому поводу Ф. Кастро, «произошел конфликт революции не с религиозными идеями, а с общественным классом, который пытался использовать религию в качестве орудия, направленного против революции».

Конфронтация церкви с государством привела к отходу от нее многих верующих. Выезд из страны крупной и средней буржуазии привел к изменению социального состава прихожан, среди которых все большим становился вес человека труда, поддерживающего новую власть. В середине 60-х годов католическая церковь на Кубе прекратила политическую борьбу против государства. Этому способствовали изменения в концептуальных подходах католической церкви, которая после Второго Ватиканского собора (1962 — 1965 гг.) начала все больше поворачиваться лицом к социальным проблемам трудящихся стран «третьего мира», где живет большинство католиков. Уже в 1966 г. Фидель Кастро имел основание заявить о преодолении напряженности в отношениях с церковью. В последующие годы большинство действующих на Кубе религиозных организаций признали революцию и социалистический строй. Следует отметить, что даже в самый критический период отношений государства и церкви на Кубе не был закрыт ни один храм, не говоря уже об их разрушении. Другими словами, Кубинская революция не сопровождалась тем вандализмом по отношению к церкви, которым прославились многие другие революции.

I съезд Компартии Кубы разработал и принял ряд важных документов о политике партии в отношении религии, церкви и верующих. После II съезда, в 80-е годы, для координации работы с церквами в ЦК Компартии Кубы был создан Отдел по вопросам религии, который возглавлял Хосе Фелипе Карнеадо-Родригес. Этот отдел повел серьезную работу по налаживанию диалога партии и верующих. III и IV съезды партии также уделили большое внимание этому вопросу.

Компартия Кубы при проведении своей политики в отношении церкви в течение всего послереволюционного периода четко разделяла два аспекта: первый — это церковь как организация верующих и второй — религия как идеология. По

первому аспекту она проводила последовательную политику полного отделения церкви от государства и школы от церкви, равноправия всех религий и религиозных верований, обеспечение свободы совести, т. е. право граждан либо исповедовать любую религию, быть верующими, либо придерживаться атеистических взглядов. Что касается второй стороны вопроса, то политика Компартии основывалась на принципе, согласно которому борьба за научное сознание подчинена борьбе за построение нового общества и укрепление соответствующих социалистических отношений, причем в этой борьбе участвовали, участвуют и непременно должны участвовать как верующие, так и неверующие, люди религиозные и атеисты.

Во второй половине 70-х годов обозначилась тенденция к более активному вовлечению различных религиозных организаций в практическую деятельность на благо страны совместно с другими общественными объединениями. Священнослужители, монахи, члены религиозных общин уже в 80-е годы стали одними из самых активных участников субботников, воскресников, других форм добровольного труда. Они взяли под свою опеку и стали весьма эффективно обслуживать многие лечебные заведения для детей и взрослых, дома престарелых и учреждения гуманитарной сферы.

Решающее значение в деле установления взаимопонимания с церквями, их органической интеграции в жизнь страны имела выработка Фиделем Кастро концепции стратегического союза между коммунистами и христианами. Она была выработана им в процессе творческого осмысления соотношения социализма и религии в контексте всемирной истории и прежде всего кубинского и латиноамериканского опыта. Уже вскоре после победы Кубинской революции Фидель неоднократно отмечал сходство коммунистов и ранних христиан. Эти мысли получили развитие позднее.

В ноябре 1971 г. Ф. Кастро находился в Чили, куда он приехал по приглашению президента Сальвадора Альенде. Во время состоявшейся там беседы с религиозными деятелями страны Фидель Кастро подчеркнул, что он смотрит на возможность союза между коммунистами и христианами не как на вопрос тактики. «Мы хотим быть стратегическими союзниками, то есть союзниками навсегда», — заявил Фидель. Он отметил, что «существует много общего между целями, которые провозглашает христианство, и целями, которые ставим мы, коммунисты... Мы могли бы подписаться почти под всеми заповедями катехизиса... Существует в десятки раз больше совпадений между христианством и коммунизмом, чем между

христианством и капитализмом».

Шесть лет спустя во время визита в октябре 1977 г. на Ямайку, где он находился по приглашению премьер-министра страны М. Мэнли, Фидель Кастро вновь вернулся к этой проблеме. Тогда к нему обратилась с просьбой о встрече большая группа протестантских священнослужителей Ямайки. Их беседа продолжалась несколько часов. Фидель ответил на десятки вопросов. Материалы встречи были вскоре опубликованы на английском и испанском языках и вызвали большой интерес в Латинской Америке. Во время беседы Ф. Кастро объяснил священникам, что «никогда, ни в какой момент Кубинскую революцию не вдохновляли антирелигиозные чувства. Мы исходили из глубочайшего убеждения в том, что не должно быть противоречия между социальной революцией и религиозными идеями населения. В нашей борьбе широко участвовал весь народ и также участвовали верующие... Я достаточно хорошо знаю христианские принципы и проповеди Христа. У меня есть своя концепция о том, что Христос был великий революционер. Это моя концепция! То был человек, все учение которого было посвящено простым людям, беднякам, направлено на борьбу со злоупотреблениями, на борьбу с несправедливостью, на борьбу с унижением человеческого существа. Я сказал бы, что есть много общего между духом, сущностью его проповедей и социализмом».

Вскоре концепция, которую отстаивал Ф. Кастро, нашла свое живое подтверждение в Сандинистской революции в Никарагуа, которая победила 19 июля 1979 г. Ее лидеры органически сочетали в себе приверженность социализму и христианским ценностям. Она была совершена глубоко религиозным народом при поддержке католической церкви. В те же годы в Латинской Америке в лоне церкви возникло революционное течение — теология освобождения, провозгласившее своей целью борьбу за права угнетенных, за социализм.

В июле 1980 г. Ф. Кастро приехал в Никарагуа по приглашению правительства Национального возрождения. Страна отмечала первую годовщину революции. Здесь он вновь встретился с большой группой священнослужителей и монахинь этой страны. Ведя с ними диалог о путях воплощения идей социальной справедливости, Фидель продолжил тему общности целей коммунистов и христиан. Он заявил, что считает глубоко революционными и полностью совпадающими с целями коммунистов положения Библии и учения Иисуса Христа.

Позднее Фидель Кастро провел ряд других встреч со священниками на Кубе и за рубежом. Все эти встречи явились определенными вехами в выработке концепции о стратегическом

союзе коммунистов и христиан.

В январе 1985 г. на Кубу по приглашению Кубинской епископальной конференции прибыла группа католических епископов из США. Они побывали в разных частях острова, посетили десятки церквей, монастырей, приютов, школ, больниц. Епископы выразили также пожелание встретиться с представителями правительства, чтобы обсудить с ними положение церкви на Кубе. Такая встреча состоялась. На ней, кроме американских гостей, присутствовали иерархи кубинской католической церкви, много рядовых священнослужителей, монахинь. На встречу пришел Фидель Кастро. Как обычно в подобных случаях, беседа затянулась на много часов. Фиделю пришлось отвечать на множество вопросов, которые касались его взглядов на религию. В ходе дискуссии практически все согласились с доводами Фиделя о том, что принципы, на которых строится жизнь кубинского общества, соответствуют христианскому учению. В заключение, подводя итог, Фидель даже сказал епископам, что если бы церковь создала государство в строгом соответствии с учением Христа, то оно получилось бы наподобие социалистического.

Важным этапом в выработке и систематическом изложении концепции Фиделя Кастро о стратегическом союзе коммунистов и христиан стало его интервью бразильскому священнику брату Бетто. Оно продолжалось в течение четырех дней, 23 — 26 мая 1985 г., в основном в вечерние и ночные часы после завершения Ф. Кастро важнейших государственных дел, которыми насыщен его рабочий день. Разговор шел в непринужденной дружеской обстановке в рабочем кабинете Фиделя Кастро во Дворце Революции. В общей сложности интервью заняло 23 часа. Вскоре, в том же году, оно было опубликовано братом Бетто отдельной книгой под названием «Беседы о религии». Книга вызвала огромный интерес. В 1994 г. она была переиздана. В 1995 г. эта работа увидела свет в переводе на русский язык.

В упомянутом интервью Фидель вновь с еще большей основательностью обращается к фигуре Иисуса Христа, рассматривая его в контексте борьбы человечества за социальную справедливость. «Я никогда не замечал в... политической и революционной области противоречия между идеями, которых я придерживался, — отмечал Ф. Кастро, — и идеей этого символа, этой исключительной фигуры, которая была такой знакомой для меня с тех пор, как я себя помню, и я скорее обращал внимание на революционные аспекты христианской доктрины и идей Христа; не раз на протяжении этих лет я имел возможность подчеркнуть связь, существующую между христианскими идеями

и идеями революционными».

В беседах с братом Бетто Фидель особо отметил, что Христос, живший в обществе, где царило социальное неравенство, встал на сторону бедняков, униженных и отверженных. Христос обращает слово свое ко всем, к богатым и бедным, но все его проповеди в социальном плане направлены в защиту обездоленных. Фидель подмечает: «Христос... не выбрал богатых для проповеди своего учения, он выбрал двенадцать бедных и необразованных тружеников, то есть выбрал пролетариев той эпохи...» В подтверждение своих мыслей Фидель обращается к Нагорной проповеди: «Когда Христос сказал: „Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся“, „Блаженны плачущие, ибо они утешатся“, „Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю“, „Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное“, — ясно, что Христос не предлагал Царства Небесного богачам, действительно, он обещал его беднякам... Я считаю, что под этой Нагорной проповедью мог бы подписаться Карл Маркс».

Анализируя деятельность первых христиан, Фидель показывает социальную суть этого религиозного движения: «Это факт, что христианство было религией рабов, угнетенных, бедняков, которые жили в катакомбах, которых карали самым зверским образом, которых бросали в цирках на съедение львам и другим хищникам и которые на протяжении веков терпели всяческие преследования и репрессии. Это учение рассматривалось Римской империей как учение революционное и было предметом жесточайших преследований, и позже я всегда связывал его с историей коммунистов, потому что коммунисты тоже с момента, когда коммунизм возник как политическое и революционное учение, были объектом жестоких преследований, пыток и преступлений... Я считаю, что можно было бы провести сравнение между преследованием революционных идей, которые, кроме того, в сущности были также политическими идеями рабов и угнетенных в Риме, и систематической и зверской формой, в какой в современную эпоху преследовали носителей политических воззрений рабочих и крестьян, воплощенных в коммунистах. Если было имя, более ненавистное реакционерам, чем имя коммуниста, им было в другую эпоху имя христианина».

Фидель Кастро проводит параллели между прошлым и настоящим, апеллируя к огромному числу исторических фактов. Беседы с братом Бетто велись без подготовки, экспромтом. Фидель неоднократно в ходе интервью высказывал сожаление, что у него не было времени, чтобы подготовиться к нему, что он хотел бы перечитать те или иные работы о религии, что некоторые из самых новых книг о ней ему удалось получить, но

он еще не успел глубоко изучить их. Однако, читая интервью, поражаешься поистине энциклопедическим знаниям и эрудиции, которые демонстрирует Фидель в беседах. Поэтому выводы, которые он делает, убедительны.

Со времени, когда коммунистическое движение вышло на политическую арену в качестве реальной силы, способной возглавить борьбу угнетенных слоев общества за социальную справедливость, господствующие классы активно использовали религию, а вернее, церковную иерархию для защиты своих интересов. Это заставило основоположников научного социализма охарактеризовать религию как «опиум для народа». Эта фраза впервые прозвучала в работе К. Маркса «К критике гегелевской философии права» и нередко использовалась в коммунистическом движении в качестве абсолютной догмы. В беседах с братом Бет-то Фидель дал ответ и на этот злободневный вопрос. «По моему мнению, — отметил он, — религия, с точки зрения политической, сама по себе не опиум и не чудодейственное средство. Она может быть опиумом или замечательным средством в зависимости от того, используется ли она, применяется ли она для защиты угнетателей и эксплуататоров или угнетенных и эксплуатируемых, в зависимости от того, каким образом подходит к политическим, социальным или материальным проблемам человеческого существа... С точки зрения строго политической... я считаю даже, что можно быть марксистом, не переставая быть христианином, и работать вместе с коммунистом-марксистом ради преобразования мира».

Знакомясь со взглядами Ф. Кастро на религию, видишь, что они основаны на глубоком осмыслении истории и современной революционной практики. Фиделю чужд догматизм. Концепция о стратегическом союзе коммунистов и христиан была четко сформулирована и начала воплощаться в жизнь Фиделем Кастро задолго до попыток других правящих коммунистических партий начать пересмотр старых схем в отношении церкви, мешавших творческому воплощению в жизнь социалистической идеи. При этом Фидель сумел найти в христианстве именно то главное звено, которое неразрывно связывало его с коммунизмом. Благодаря этому церковь заняла достойное место в общественной жизни Кубы, способствуя консолидации народной власти. Фиделю Кастро удалось наладить прекрасные отношения с международными христианскими организациями. Были очищены наслоения, мешавшие установлению взаимопонимания между Кубой и Ватиканом. Все это позволило Ф. Кастро уже в конце 70-х годов поставить вопрос о приглашении папе римскому посетить

Кубу.

Конечно, не все в руководстве Компартии Кубы сразу поняли объективную необходимость и огромное историческое значение для социализма стратегического союза коммунистов и христиан. Среди противников изменения линии партии в отношении католической церкви оказался, в частности, Антонио Перес Эрреро, являвшийся в течение ряда лет кандидатом в члены Политбюро и членом Секретариата ЦК Компартии Кубы, где он отвечал за идеологию. В декабре 1985 г. на III съезде он не был избран в Секретариат и Политбюро. Одновременно, принимая во внимание выдающиеся заслуги этого ветерана кубинского революционного движения, съезд избрал его членом ЦК Компартии. Это показывает, что даже в тех случаях, когда возникали принципиальные разногласия и большинство партии считало нецелесообразным нахождение кого-то из оказавшихся в меньшинстве на определенном высоком посту, его силы, знания и революционный опыт продолжали оставаться достоянием партии и, как это произошло с А. Пересом, коммуниста направляли на тот участок работы, где он мог принести наибольшую пользу.

Концепция Фиделя Кастро о стратегическом союзе коммунистов и христиан получила поддержку подавляющего большинства кубинских коммунистов и с энтузиазмом была принята основной массой верующих. Партийные документы, одобренные в последующие годы, подвели еще более прочную основу под этот союз. Состоявшийся в октябре 1991 г. IV съезд внес изменения в Устав Компартии Кубы, которые сняли существовавшие до того ограничения на прием в ее ряды верующих.

Глава X
КТО ТАМ ШАГАЕТ ПРАВОЙ? ЛЕВОЙ! ЛЕВОЙ! ЛЕВОЙ!

События в «советском блоке» во второй половине 80-х годов имели для Кубы не только огромное политическое, морально-психологическое, но и экономическое значение. Товарооборот острова со странами СЭВ достигал в эти годы 83 — 85 %. При этом его основная часть, до 75 %, приходилась на СССР. Естественно, что Фидель Кастро, видя разрушительные процессы, происходившие в них, тем не менее делал все возможное, чтобы сохранить партнерские отношения со всеми государствами — членами СЭВ.

Одновременно, в условиях нарастания кризисных явлений в «советском блоке», Фидель Кастро стремился укрепить отношения с остальными социалистическими государствами. По-прежнему большое значение он придавал поддержанию отношений солидарности с государствами — участниками движения неприсоединения.

Становилось очевидным, что та модель развития, которую в условиях членства в СЭВ и тесного сотрудничества с Советским Союзом Куба во многом переняла в конце 70-х — начале 80-х годов, нуждается в решительном изменении. Во время своих поездок в КНДР и Югославию, соответственно в марте и сентябре 1986 г., Фидель пытался глубже понять и оценить достоинства и недостатки альтернативных моделей социализма, избранных этими странами. Они оказались более приспособленными к их национальным особенностям и, соответственно, более жизнестойкими. Хорошими оставались отношения Кубы *с* Вьетнамом.

Наметившийся поворот событий подвигнул Кубу обратить свой взор и в сторону Китая. В январе 1989 г. состоялся официальный визит в КНР министра иностранных дел Кубы Исидоро Мальмиорки Пеоли. Это был первый визит такого рода за всю историю отношений между двумя государствами. 1 октября 1989 г. исполнялось 40 лет с момента провозглашения Китайской Народной Республики. Накануне, 28 сентября, под председательством члена Политбюро ЦК КП Кубы Арманда Харта состоялось торжественное заседание, посвященное этой юбилейной дате. 1 октября Фидель Кастро присутствовал на официальном приеме в Посольстве КНР по случаю годовщины

народной республики. В связи с празднованием состоялся официальный визит в Пекин члена Секретариата ЦК Компартии Кубы Лионеля Сото. Тогда же была достигнута предварительная договоренность об официальном визите в Китай Фиделя Кастро. Однако в силу обстоятельств он состоялся лишь несколько лет спустя, в 1995 г.

Во второй половине 80-х годов Фидель Кастро усиливает акцент на отношения со странами «третьего мира». Все более активными становятся связи Кубы с другими государствами Латинской Америки. С большинством из них ей удалось восстановить дипломатические отношения. Фидель видел в них естественных союзников в противостоянии усиливавшему свою агрессивность и становившемуся все более наглым по мере «углубления» горбачевской перестройки американскому империализму.

И все же среди всех приоритетов самым главным для Кубы в те годы по-прежнему оставались отношения с Советским Союзом. Ф. Кастро делал все возможное, чтобы сохранить столь важные для Кубы связи со страной, являвшейся в течение трех десятилетий стратегическим партнером Кубы.

В марте 1986 г. Фидель Кастро приехал в СССР для участия в работе XXVII съезда КПСС. Во время визита состоялись встречи и беседы Ф. Кастро с М. С. Горбачевым. В ноябре того же года он вновь посетил Москву для участия в рабочей встрече руководителей правящих партий стран — членов СЭВ. Весьма примечательны его слова, произнесенные на XXVII съезде КПСС. «Мы живем в эпоху, которая требует стальных нервов, кристально ясной политики, гранитной твердости», — подчеркнул Фидель Кастро, обращаясь к делегатам. То, что М. С. Горбачев даже в самой малой степени не отвечал этим критериям, сегодня очевидно всем. Тогда же это понимали еще очень немногие.

Тем не менее Фидель стремился использовать любую возможность, чтобы поддержать слабеющий огонь дружеских отношений с СССР. В ноябре 1987 г. он вновь приезжает в Москву. В этот раз на празднование 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Незадолго до этого состоялся октябрьский пленум ЦК КПСС, где с критикой М. С. Горбачева выступил Б. Н. Ельцин. Любопытен факт, отмеченный самим Б. Н. Ельциным в его «Исповеди на заданную тему», что среди небольшого числа высших руководителей социалистических стран, решившихся пожать руку опальному первому секретарю МГК КПСС, был Фидель Кастро.

В мае 1988 г. в рамках усилий, предпринимавшихся для сохранения партнерских отношений, в Гаване были подписаны

Концепция развития внешнеэкономических связей между СССР и Кубой на 15 — 20 лет и Соглашение об осуществлении прямых производственных и научно-технических связей между объединениями, предприятиями и организациями двух стран.

«Лебединой песней» советско-кубинских отношений стал визит на Кубу М. С. Горбачева. Согласно первоначально достигнутой договоренности советский руководитель должен был посетить Кубу в декабре 1988 г. Однако из-за землетрясения в Армении визит был отложен. Кубинцы, воспитанные в духе интернационализма, помня о десятилетиях искренней дружбы и солидарности, которую проявляли по отношению к Кубе советские люди, восприняли трагедию Армении как свою собственную беду. Тысячи из них сдавали кровь для пострадавших от землетрясения. Первым среди них был сам Фидель Кастро. В Армению направилась большая группа кубинских врачей, оснащенных новейшим уникальным медицинским оборудованием. Фидель взял под свой личный контроль организацию помощи для жертв землетрясения. Он напутствовал кубинских медиков, отправлявшихся в СССР, обратился с теплыми словами солидарности к пострадавшим. Наряду с массовым приемом на бесплатное лечение на Кубу тысяч чернобыльцев, помощь жертвам землетрясения явилась одной из ярчайших страниц солидарности между советским и кубинским народами, примеров которой за три десятилетия их поистине братского сотрудничества было немало.

Официальный дружественный визит М. С. Горбачева на Кубу, которого со смешанными чувствами ждали как друзья, так и недруги этой страны, состоялся 2 — 5 апреля 1989 г. Последние надеялись, что М. С. Горбачев сумеет «наставить» Ф. Кастро на путь либеральных истин, и развитие событий на острове пойдет по восточноевропейскому образцу.

Малочисленная группа кубинских диссидентов, в карманах которых уже лежали паспорта с визами для выезда в США, попытались организовать несанкционированный пикет у посольства СССР и передать М. С. Горбачеву свою петицию с просьбой содействовать установлению демократии на Кубе. Однако подавляющее большинство кубинцев по-прежнему поддерживали революцию. Упомянутая акция не получила никакого резонанса в стране.

Сторонники социализма связывали с визитом надежду, что он позволит продлить дружеские партнерские отношения между двумя странами и даст, может быть, последний шанс «достучаться» до завороженного идеями неолиберализма сознания высших советских руководителей, раскрыв им глаза на

жестокие реалии мировой политики. Инициатором этого визита был Фидель Кастро.

М. С. Горбачев никогда до этого не бывал ни в Латинской Америке, ни на Кубе. Прибыв туда по приглашению Фиделя, он получил возможность своими глазами увидеть достижения кубинского народа, его энтузиазм, верность социалистическому выбору. Такое знакомство, если бы речь шла о человеке, искренне болевшем за судьбы социализма, могло укрепить веру в него, послужить хорошим стимулом для работы в защиту содружества.

Программа пребывания была составлена так, чтобы наряду с межгосударственными деловыми переговорами у гостей была возможность поближе познакомиться со страной, ее народом. Фидель и М. С. Горбачев побывали в ряде исторических мест Гаваны, связанных с революционной борьбой кубинского народа; посетили «Экспо-Куба» — выставку, дающую панораму достижений страны, встречались с рабочими-строителями, приняли участие в заседании торжественной сессии Национальной ассамблеи, созванной по случаю визита высокой советской делегации.

Фидель Кастро очень деликатно, но четко изложил М. С. Горбачеву свое видение ситуации в мире и в социалистическом содружестве. Много времени он потратил на обсуждение этих проблем в личных беседах с М. С. Горбачевым. Последний сам отметил это обстоятельство во время пресс-конференции во Дворце конгрессов. При этом выступления Ф. Кастро и М. С. Горбачева во время визита позволяют проследить как бы две линии политической мысли. Первая из них, отстаиваемая Ф. Кастро, построена на взвешенном анализе объективной реальности. Вторая же, провозглашаемая М. Горбачевым, не то что бы полностью игнорировала реальность. Она признавала ее существование, но эта реальность представлялась в ней чем-то довольно абстрактным и вчерашним. «Мы знаем, — спокойно замечает Фидель, — что думает Советский Союз и товарищ Горбачев. Знаем, что означает новое международное политическое мышление, новый подход к проблемам. Но у нас нет никакой уверенности, до сих пор нет, нет свидетельств того, что империализм усвоил это новое международное политическое мышление. Наоборот, у нас слишком много оснований не доверять его поведению». Чтобы не быть голословным, Ф. Кастро привел довольно внушительный список примеров, подтверждающих его слова.

Используя дипломатический язык, Фидель Кастро уже в ходе визита М. С. Горбачева дал достаточно жесткую отповедь его «сложной диалектике» «социалистических преобразований» и

четко показал, куда она ведет, ее сверхзадачу. Порой в его словах слышится тонкая ирония. «Сегодня каждая социалистическая страна, — деликатно заметил Ф. Кастро, — старается совершенствовать социализм, исходя из своего понимания идей марксизма-ленинизма; каждая страна старается применять свои собственные формы и собственные формулы, и товарищ Горбачев стал знаменосцем этих принципов». И, чтобы уже ни у кого не оставалось сомнений, куда ведет «знаменосец», он пояснил: «Более того, если какая-либо социалистическая страна захочет строить капитализм, мы должны уважать ее право на строительство капитализма. Мы не можем вмешиваться, но равным образом требуем, чтобы никто не имел права вмешиваться в суверенное решение какой-либо капиталистической или полукапиталистической страны развитого или развивающегося мира строить социализм».

Главным результатом визита советского руководителя в Гавану формально явилось заключение Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Куба, подписанного Ф. Кастро и М. С. Горбачевым 4 апреля 1989 г. сроком на 25 лет. В нем провозглашалась «братская и нерушимая дружба и солидарность, основанные на общности идеологии марксистско-ленинского учения и интернационализма, а также единстве целей построения социализма и коммунизма».

Таким образом, Договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный на волне прежней инерции, но в условиях становившихся все более явными разногласий, оказался обращенным не в будущее, а в прошлое советско-кубинских отношений. В лучшем случае он лишь отдал дань уходившей эпохе двусторонних связей. После состоявшегося вскоре съезда народных депутатов СССР события довольно стремительно стали развиваться в противоположном направлении. Обозначился спад в межгосударственных отношениях.

В известном смысле 1989 год можно считать рубежом, за которым для Кубы начиналось новое «летосчисление». Разрушение европейского социализма, являвшегося в течение трех десятилетий главным союзником Кубы, вступило в свою критическую фазу. Летом 1989 г. состоялся «триумфальный» визит американского президента Дж. Буша в наиболее продвинувшиеся к тому моменту по пути либерализации Польшу и Венгрию. В СССР «зачарованные» граждане сутками просиживали у телевизоров и радиоприемников, ловя сообщения о баталиях между «демократами» из межрегиональной депутатской группы и «консерваторами» на съезде Советов. В конце того же года рухнула «Берлинская стена» и началась волна

так называемых «бархатных» революций.

Наступил момент, когда необходимо было дать открыто четкую оценку происходящим процессам, объяснить кубинскому народу их неизбежные последствия для страны. Фидель Кастро выбрал для этой цели свое традиционное выступление по случаю Дня национального восстания. 26 июля 1989 г., выступая на митинге в Камагуэе, он охарактеризовал события, происходившие в странах содружества, как целенаправленный процесс реставрации капитализма. Анализ ситуации Фидель завершил призывом к кубинскому народу крепить свой революционный дух перед лицом опасности, грозившей Кубе. Его речь апеллировала к глубинным патриотическим чувствам народа. Он напомнил об октябрьском кризисе 1962 года, когда советское руководство в одностороннем порядке приняло решение о выводе ракет с острова, но у Кубы остались «моральные ракеты» — непреклонная воля к защите своей национальной независимости. Это оружие, доказывал Фидель, сохранилось у кубинского народа и до сих пор. Поэтому он выразил уверенность в прочности социализма на Кубе. «Мы должны предупредить империализм, — заявил Фидель Кастро, — чтобы он не питал особых иллюзий в отношении нашей революции и в отношении того, что наша революция не сможет защищаться, если произойдет разрушение социалистического содружества». Здесь же Фидель впервые поднял вопрос о возможности распада Советского Союза. «Если завтра или однажды нас разбудят новостью о том, что СССР распался... даже в этих условиях Куба и Кубинская революция продолжат борьбу и будут способны защищаться».

Семь лет спустя, 26 июля 1996 г., Ф. Кастро, выступая в Ольгине, вспомнил о той своей речи, где он впервые упомянул о возможности распада СССР. «Когда я сказал об этом в тот день, я понимал, что кто-то сочтет, что я фантазирую. Кто мог думать подобное об этой великой стране, которая разгромила фашизм, которая совершила первую социалистическую революцию, которая столько дала человечеству?!»

Через полгода после своего июльского выступления 1989 года, в январе 1990 г., на XVI съезде Профцентра трудящихся Кубы Фидель охарактеризовал механизм разрушения социализма в Восточной Европе: «Посмотрите, какой это урок: кое-кто хотел спасти социализм, идя на уступки. Как мало знают они прожорливую и чудовищную сущность империализма и реакции. Если дать им ноготок мизинца, они захотят фалангу этого пальца; если дать им фалангу, они попросят палец; если дать им палец, они попросят кисть руки; если дать им кисть, они попросят всю руку; если дать им руку, они оторвут голову. Что это за манера

защищать социализм, начав с того, чтобы остаться однорукими и хромым?!»

Анализ разрушительных процессов в Восточной Европе и самом СССР позволил Ф. Кастро сделать вывод о том, что «если продолжится развитие некоторых очень негативных тенденций, мир превратится из двуполюсного в однополюсный под владычеством Соединенных Штатов». Впервые, как мы уже отмечали, Фидель высказал эту мысль в своем выступлении 7 декабря 1989 г.

Кризис номенклатурно-бюрократической модели социализма в СССР и Восточной Европе, обозначившийся еще в первой половине 80-х годов, пройдя через горнило перестройки, к концу десятилетия завершился демонтажем прежних политических и экономических структур и принятием правящими элитами этих государств ценностей неолиберализма.

Правительства восточноевропейских стран начали сворачивать свои отношения с Кубой. На это влияла внутриполитическая и экономическая конъюнктура, сложившаяся в них в ходе либерализации, переориентация на Запад и прямое давление США. Уже в 1989 г. некоторые из них начали пересматривать прежние договоренности или просто прекращали их выполнение. Например, в октябре 1989 г. в «Гранме» был опубликован материал, где с возмущением говорилось о навязанном Кубе Венгрией новом торговом контракте на первую половину 1990 г. Согласно ему предусматривалось, что стоимость комплектующих для сборки на Кубе автобусов «Хирон» («Икарус») увеличивалась на 20% по сравнению с 1989 г. и на 40 % по сравнению со стоимостью, предусмотренной контрактом в начале пятилетки. Аналогичные процессы происходили во взаимосвязях и с остальными государствами — членами СЭВ. Это осложняло экономическое положение Кубы.

Лишь СССР, благодаря позиции части советского руководства, предпринимал, по крайней мере до августа 1991 г., усилия для выполнения заключенных ранее соглашений. Но и у него это с каждым новым годом перестройки получалось все хуже.

В своем выступлении на XVI съезде Профцентра трудящихся Кубы 28 января 1990 г. Ф. Кастро констатировал факт распада социалистического содружества и его последствия для Кубы. «На протяжении десятилетий, — подчеркнул он, — наши планы, наши годовые и пятилетние программы развития основывались на существовании, кроме Советского Союза, ряда восточноевропейских социалистических стран, с которыми мы заключали договоры, соглашения и установили тесные экономические отношения. Мы имели надежные рынки для

наших продуктов, источники снабжения важным оборудованием и разнообразными товарами, мы приложили усилия в этом направлении, чтобы скомпоновать и дополнить нашу экономику, а в настоящее время политически этот социалистический лагерь не существует. Неужели мы будем обманывать самих себя?.. Продолжив анализ, Фидель выразил надежду, что в 1990 году еще будут выполнены отдельные существующие торговые соглашения в силу предыдущих планов. При этом, будучи реалистом, он заметил, обращаясь к делегатам профсоюзного съезда, что „уверенности в этом у нас нет, и никакой уверенности быть не может... Это что касается 1990 года. А что касается 1991 года, то совершенно невозможно представить себе пятилетний план 1991 — 1995 гг. Неясно, на какой основе и с кем нам придется согласовывать эти планы...“

В 1990 г. ситуация в экономических связях Кубы с восточноевропейскими государствами резко ухудшилась, и Ф. Кастро резюмировал ее в интервью мексиканской газете «Соль де Мехико» в октябре 1990 г. Он отметил, что за последние 30 лет между Кубой, СССР и другими социалистическими странами установились «справедливые и взаимовыгодные отношения», благодаря которым республика достигла высокого уровня развития. Однако произошедшие в Восточной Европе изменения привели к тому, что Куба «лишилась основ экономического сотрудничества».

В 1989 г. кубинская экономика, несмотря на начавшийся кризис в отношениях с партнерами по СЭВ, уже дала почти 3 % прироста. Однако трудности стремительно нарастали, и Фидель уже на XVI съезде ПТК впервые призвал «подготовиться и даже создать планы на особый период в мирное время» *(подч. авт.) Ф.* Кастро здесь же пояснил, что подразумевается под этим периодом. Он, по мнению Фиделя, мог наступить, когда из-за резкого сокращения или даже полного прекращения экономических связей со странами Восточной Европы и СССР снабжение Кубы традиционными товарами, поступавшими оттуда, в первую очередь энергоносителями и сырьем для промышленности, станет исключительно трудным. «Нам надо предвидеть наихудшее положение, в котором может оказаться страна в особый период мирного времени, и что нам надо делать в этом случае, — подчеркнул Фидель. — Мы сейчас напряженно работаем в этом направлении». При этом Ф; Кастро не просто поставил задачу «бороться с этими трудностями, чтобы выжить, но бороться с этими трудностями и, кроме того, развиваться». Официально о введении в действие программы особого периода в мирное время Ф. Кастро объявил в августе 1990 г.

В течение 1990 г. политические и экономические отношения между Кубой и восточноевропейскими странами практически были свернуты. В этих условиях Куба стремилась адаптировать свои отношения с СССР к новым условиям, чтобы хотя бы частично смягчить удары углублявшегося кризиса внешнеэкономических связей со своими партнерами по СЭВ.

В 1990 г. по приглашению ЦК Компартии Кубы в Гавану приезжали секретарь ЦК КПСС О. Бакланов и член Политбюро, секретарь ЦК КПСС О. Шенин. Фидель Кастро провел с ними переговоры, которые имели важное значение для лучшего понимания ситуации в СССР и поиска мер, направленных на преодоление возникших трудностей. В результате этих усилий 28 декабря 1990 г. министрами внешнеэкономических связей СССР К. Катушевым и Кубы Р. Кабрисасом были подписаны соглашения о торговом и экономическом сотрудничестве на 1991 год и сопутствующие им документы. Они учитывали сложившиеся реалии и были ориентированы на качественное изменение советско-кубинских экономических и политических связей на основе идеологизации и перехода к сбалансированному экономическому сотрудничеству и расчетам в валюте по ценам мирового рынка. Одновременно соглашения были нацелены на придание управляемого, поэтапного характера начавшейся ломке прежней модели двустороннего сотрудничества. С учетом сложившейся ситуации Ф. Кастро охарактеризовал торговое соглашение на 1991 год как разумное. Цены на основной экспортный товар Кубы — сахар — были исчислены, исходя из средних цен оптовых межгосударственных закупок, осуществлявшихся по квотам Соединенными Штатами и странами Европейского Союза.

Однако начавшийся процесс распада плановой советской экономики, усиление роли союзных республик и самостоятельности предприятий вносили свои негативные коррективы в намеченные планы. В 1991 г. Куба относительно регулярно получала лишь нефть. Остальные поставки шли в основном за счет погашения задолженности за 1990 год. Старый механизм экономических связей начал разрушаться и давал серьезные сбои, а новый еще не был создан. В результате соглашение на 1991 г. с советской стороны было выполнено лишь на 50%, а если сравнить объем импорта из СССР на Кубу с 1989 годом, то в 1991 году он был ниже на 70 %.

Фидель Кастро в 1990 — 1991 гг. неоднократно подчеркивал, что стабильность СССР является для Кубы вопросом особой важности, и призывал кубинцев сделать все возможное для сохранения экономических связей с бывшими партнерами по СЭВ

и, в первую очередь, с Советским Союзом и строго выполнять поставки в нашу страну.

В первой половине. 1991 г. были предприняты попытки оживить отношения с СССР. В мае на Кубе побывал член Секретариата ЦК КПСС И. Мельников. В конце мая остров посетил председатель КГБ СССР В. Крючков. Вокруг этой поездки, особенно после августа 1991 г., в прессе наплели кучу домыслов, в то время как речь шла о самом простом — о сахаре. К маю стало ясно, что запасы сахара в Советском Союзе катастрофически сокращаются. Обычно СССР производил сам 8 млн. тонн в год, 3,5 — 4 млн. тонн нам поставляла Куба, приходилось прикупать еще на свободно конвертируемую валюту 1,5 млн. тонн на мировом рынке. Оказалось, что под урожай 1991 г. в СССР не смогли засеять 30 % отведенных под сахарную свеклу площадей из-за общего бедлама. Валюты в казне уже не было. Да и кубинцы думали сократить поставки в СССР на 1 млн. тонн, поскольку наша страна катастрофически не выполняла свои торговые обязательства перед Кубой.

Чтобы предотвратить наступление сахарного кризиса, было принято решение о поездке Крючкова на Кубу. Ни о какой секретности речи быть не могло.

На Кубе Крючков встретился с Ф. Кастро, другими руководителями страны. В ходе переговоров советская сторона заверила, что постарается выполнить все намеченные поставки, а кубинцы пообещали, что сдержат слово и отгрузят в 1991 году не менее 3,5 млн. тонн сахара. Цель поездки была достигнута.

В июле Кубу посетила делегация Верховного Совета СССР во главе с членом Президиума Верховного Совета Г. Киселевым, которая также была принята Фиделем. В ходе беседы состоялся обмен информацией о положении дел в обеих странах.

В свою очередь Советский Союз посетила в феврале делегация Национальной ассамблеи народной власти Кубы во главе с ее тогдашним председателем Х. Эскалоной, а в конце июня — начале июля, по приглашению ЦК КПСС, — член Секретариата ЦК КП Кубы Карлос Альдана. Визит К. Альданы явился первым после полуторагодичного перерыва визитом на столь высоком уровне с кубинской стороны и преследовал цель нормализовать связи между двумя странами в рамках новой концепции советско-кубинских отношений, зафиксированных декабрьскими соглашениями 1990 года. В ходе визита К. Альдана имел большое количество рабочих встреч с тогдашним партийным и государственным руководством Союза. Он был принят и провел обстоятельные беседы с М. С. Горбачевым, Г. Яна-евым, А. Бессмертных, заместителем Генерального секретаря

В. Ивашко, членом Секретариата ЦК КПСС О. Ше-ниным, первым секретарем МГК КПСС Ю. Прокофьевым, министром внешнеэкономических связей К. Катушевым и другими.

В результате дипломатических усилий, предпринятых по поручению Фиделя Кастро кубинскими государственными и партийными деятелями, личных контактов Фиделя с советскими делегациями ему удалось заручиться гарантиями советского руководства в выполнении подписанных ранее соглашений и также начать отработку нового механизма их реализации.

Важной вехой в советско-кубинских отношениях стали известные события конца августа 1991 г. Фидель внимательно следил за происходившим в те дни в СССР. Строго придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела, он не высказывал во время событий поддержки или осуждения ни одной из противоборствующих сторон. Появившиеся после ареста членов ГКЧП в российских и западных СМИ сообщения о выражении официальной солидарности с ними со стороны Фиделя Кастро были не более чем домыслом и провокацией, направленной на разрыв двусторонних отношений. Единственное официальное заявление кубинского правительства по поводу событий было сделано 20 августа. «События, происходящие в Советском Союзе в последние два дня, вызывают у народа и правительства Кубы глубокое беспокойство, — говорилось в нем. — ...С самого начала процесса реформ и перемен в Советском Союзе правительство Кубы... воздерживалось от какого-либо публичного осуждения, которое могло бы содержать в себе вмешательство в его внутренние дела... Неопровержимым доказательством нашего образа действий в течение всего этого периода является тот факт, что на Кубе не было ни одного выступления против какого-либо политического деятеля СССР, независимо от его позиций или партийной принадлежности... Именно поэтому не правительству Кубы судить о событиях, происходящих в настоящий момент в Советском Союзе.

В нынешней ситуации единственное, чего мы горячо желаем, это чтобы народы Советского Союза могли мирно преодолеть все трудности и чтобы эта великая страна сохранила свое единство и то влияние, которое она по праву оказывала на международные дела, как необходимый противовес тем, кто желает навязать миру свое абсолютное господство и гегемонизм. Империализм янки, мировой жандарм и кандидат в хозяева мира, не имеет никакого права извлекать выгоду из этой тяжелейшей ситуации. Оставим же советским людям с высоким чувством патриотизма самим, с нужным самообладанием и мудростью преодолеть переживаемый ими глубокий кризис».

Из текста заявления видно, что в нем нет даже намека на поддержку какой-либо из сторон конфликта, а лишь высказана глубокая озабоченность за судьбу дружественного государства. При этом в заявлении видна четкая позиция кубинского руководства, сформировавшаяся в новых условиях, — это выход за рамки идеологических пристрастий и видение в нашей стране стратегического геополитического союзника в защите национальных интересов.

Изменения в расстановке сил на политической арене СССР в результате этих событий внесли существенные коррективы в характер советско-кубинских отношений. Приостановка деятельности КПСС на всей территории СССР 24 августа и ее запрет в Российской Федерации 6 ноября 1991 г. подрубили стержень, на котором держалось союзное государство. Был снят последний заслон на пути его дезинтеграции. Открылись шлюзы реставрации капитализма в его самых варварских и криминализированных формах.

После августа резко упала роль союзных органов власти и управления, на которые до того в основном замыкались межгосударственные двусторонние экономические связи. Пошел обвальный процесс распада федеративного союзного государства, вызванный центробежными и националистическими силами. Реальная власть стала смещаться в республики, которые одна за другой начали заявлять о своей независимости. М. С. Горбачев фактически лишился власти еще в конце августа. Реальная власть в Москве уже тогда сосредоточилась в руках у Б. Ельцина. Процесс ликвидации социализма и СССР завершился государственным переворотом 8 декабря 1991 г.

Почти за год до этого, в начале 1991 г., в одном из залов Национального музея изобразительного искусства в Гаване, отведенного под экспозицию авангардистских работ кубинских художников, в числе других было выставлено одно занимательное полотно. Сюжет картины был весьма символичен. Его в своем репортаже с Кубы описал соб. корр. «Комсомолки» Е. Умеренков: «Падают, наваливаясь друг на друга, костяшки домино, семь уже лежат. Стоит, заметно накренившись, только одна, последняя. На поверхности каждой из костяшек — изображение флага. Семь поверженных флагов бывших социалистических стран. Домино с советским то ли рухнет через мгновение, вслед за остальными, то ли все-таки удержится — каждый волен додумывать сам».

31 декабря 1991 г. был спущен красный флаг, развевавшийся над Кремлем более семи десятилетий. Советский Союз перестал существовать. Была поставлена последняя точка в истории социалистического содружества, сложившегося после победы

СССР во второй мировой войне. Крушение европейского социализма сопровождалось практическим разрывом политических и экономических отношений Восточной Европы с Кубой и резким снижением уровня хозяйственных связей с ней нашей страны. К экономической блокаде Кубы со стороны США добавился обвал в отношениях с бывшими партнерами по СЭВ. Выступая 3 ноября 1991 г. на открытии IX Международной ярмарки в Гаване, Фидель Кастро определил подобное положение как «двойную блокаду».

Вызов, брошенный Кубе изменениями в мире, поставил перед ней задачу дать адекватный ответ на него. В этой ситуации очень многое зависело от того, кто стоял во главе кубинского государства и правящей партии. Либеральный американский журналист-международник Марк Купер, побывавший на острове в самый разгар «бархатных революций», отметил в своем очерке, что в тот момент каждого кубинца волновал Великий вопрос: «Каково, черт возьми, будущее Кубы в этом новом мире, где все ее союзники валятся один за другим, как костяшки домино?» М. Купер, которого, судя по его статьям, трудно заподозрить в симпатиях к Ф. Кастро, тем не менее после очередного живого общения с ним вынужден был признать: «Фидель, пробывший у власти 31 год, все еще находчив и быстр в суждениях, угрожающе непредсказуем в политической игре, и его ответ на Великий вопрос не так однозначен, как явствует из американских газет, изображающих его „последним сталинистом“ — по большей части в карикатурном виде... Сводить личность Фиделя Кастро к тропическому варианту румынского диктатора — значит не понимать либо самого кубинского лидера, либо его революции. Потому что Фидель — это Кубинская революция».

Это же вынужден был признать в сентябре 1991 г. рупор правящих кругов США газета «Нью-Йорк Таймс». «Для многих кубинцев, — отмечалось в ней, — даже тех, кому не хватает продовольствия, Кастро по-прежнему остается „компаньеро Фиделем“, тем же самым беззаветно преданным своему делу бойцом, который сверг диктатора Батисту и нашел в себе мужество не подчиниться США. Он по-прежнему является тем самым Фиделем, который, провозгласив Кубу „свободной территорией в Латинской Америке“, получил поддержку латиноамериканских либералов. Каждое появление Кастро на публике сопровождается овацией... Фидель по-прежнему популярен среди своего народа. Во время недавних Панамериканских игр каждое появление Кастро на стадионе горячо приветствовали тысячи людей, что резко контрастирует с отношением к лидерам в других странах, где их освистывают

каждый раз, когда они появляются на стадионах».

Огромный авторитет Ф. Кастро среди кубинского народа и за рубежом всегда являлся одним из важнейших, стержневых факторов силы революционного процесса в этой стране, гарантом устойчивости ее государственного механизма при всех крутых поворотах на ее сложном историческом пути. Поэтому не случайно, что главным объектом нападок недругов Кубинской революции всегда являлся Фидель Кастро. Ни один из лидеров других социалистических стран в последние десятилетия не вызывал такой личной неприязни и ненависти у правящих кругов США, как Ф. Кастро. Возможно это один из лучших критериев положительной оценки для настоящего революционера.

Когда в европейских социалистических странах во второй половине 80-х годов усилились и резко активизировались антикоммунистические проатлантические силы, лидеры правящих партий в большинстве из них отсиживались за глухими стенами своих кабинетов. Ожиревшая, оторвавшаяся от народа партийно-государственная номенклатура не только оказалась неспособной, но и не хотела выдвигать свежие вдохновляющие идеи по очищению социализма от бюрократической плесени, преодолению чуждых ему явлений и исправлению деформаций. Более того, не имея навыков прямого и откровенного общения с народом, она просто боялась выходить на улицу и апеллировать к нему в критические моменты, понимая, что если народ выступит за спасение социализма, то он начнет чистку именно с номенклатуры, поставит ее под свой контроль, лишит привилегий и заставит честно работать, а, может быть, и выгонит взашей.

Улица и митинговая стихия были отданы на откуп противникам социализма. При этом, занимая ключевые посты в партии и государстве, карьерные чинуши своим поведением тормозили работу тех, кто сохранил верность социалистическим идеалам. Позиция верхушки номенклатуры способствовала утрате веры в социализм в массах, вела к деморализации патриотических сил общества.

Ситуация на Кубе разительно отличалась от положения в европейских социалистических странах. Для этого были объективные причины, которые уже упоминались, — это присутствие постоянной смертельной опасности кубинской нации со стороны мощнейшей империалистической державы; неразрывность задач защиты независимости и социализма. Большое значение имел собственный столетний опыт революционной борьбы кубинского народа. Одновременно огромную роль играл и субъективный фактор. «Движение 26 июля» в известном смысле создавалось как революционная

антиимпериалистическая и антикапиталистическая организация, для которой были чужды формы и методы казенного социализма, утвердившегося в государствах «советского блока». Не случайно Фидель называл тех, кто объединился в рядах созданного им движения, «новыми коммунистами». Определенную роль играл и тот фактор, что в критический момент командные высоты во властных структурах на Кубе занимали люди, осуществлявшие революцию, прошедшие проверку на излом, а не карьерные ловкачи-перевертыши из второго-третьего революционного поколения, как это было в СССР. И. конечно, среди важнейших компонентов субъективного фактора, обеспечивших силу кубинского революционного процесса, следует упомянуть деятельность руководителя Компартии и государства — Фиделя Кастро.

Фидель всегда был народным трибуном. Он никогда не боялся идти к народу, так как выражал его чаяния и именно поэтому находил в нем понимание, опору и поддержку. Во многом благодаря Фиделю между руководством революции и народом никогда не возникал непреодолимый барьер.

Ни одно политическое течение не может рассчитывать на успех и тем более будущее, если оно не ведет за собой молодежь. В бывших социалистических странах Европы компартии уже в 80-е годы потеряли молодежь, отдав ее на откуп антисоциалистическим силам и западной пропаганде. На Кубе молодое поколение составляет более двух третей населения, и здесь его позиция еще важнее для судеб страны.

Фидель всегда уделял огромное внимание проблемам молодежи, именно она больше всех получила от революции. Поэтому не удивительно, что всегда большинство молодых кубинцев поддерживали ее. В моменты трудных раздумий Ф. Кастро приходил в Гаванский университет, чтобы посоветоваться со студентами и получить у них моральную поддержку. Фидель всегда искал новые формы вовлечения молодых в политическую жизнь общества, стремился найти такие формы участия, которые бы были им интересны.

Вспомним, где была политически активная часть московской молодежи в 1991 году... На демократических тусовках и митингах, в аудиториях, где либералы вели дискуссии сами с собой. Естественно, ее не могли увлечь скучные официозные съезды комсомола, проводившиеся циничными приспособленцами из «вечно молодых». Или столь же скучные, выдержанные в худших традициях бюрократизма, молодежные мероприятия. На Кубе же картина была иной. Фидель всегда стремился услышать голос молодежи, старался дать ей

возможность самой проявить свою инициативу. Он, как опытный строитель, «укатывал асфальт» там, где народ сам «протаптывал тропинки».

Фидель часто ездил по вечерней и ночной Гаване, наблюдая, как проводит время молодежь. Он постоянно встречался со своими молодыми соотечественниками и по душам беседовал с ними. Поэтому он знал их проблемы не понаслышке. В 1991 г., когда экономическое положение страны резко ухудшилось, стали возникать проблемы с молодежным досугом. И вот в этих сложных условиях Фидель изыскивает достаточно крупные средства, и по всей стране открываются сотни постоянно действующих дискотек для молодежи, которые дополнили систему созданных еще раньше молодежных клубов по интересам, библиотек, стадионов, спортивных школ, спортивных площадок и тренажерных залов, которые действовали как в столичных кварталах, так и в самых отдаленных горных деревушках.

Еще в начале 80-х годов СМК и другие молодежные организации по предложению Фиделя Кастро взяли шефство над «народным туризмом» («кампизмо популар»), который стал доступен каждому кубинцу, позволил отдыхать ежегодно во время отпуска или каникул в прибрежных районах или других экзотических местах страны миллионам жителей. Журналы и газеты, книжные издательства, театры, передачи на радио и телевидении, ориентированные на молодежь, учитывали ее потребности, чутко прислушивались к ее пульсу, интересам. Они никогда не избегали острых проблем ни в политической, ни в других областях. На Кубе не культивировалась вседозволенность в вопросе взаимоотношения полов, но одновременно там никогда не было глупых и ханжеских табу, которые лишь раздражают молодежь и создают нездоровый интерес вокруг «запретного плода». В кинотеатрах на Кубе демонстрировались самые свежие ленты из всех стран мира, и в первую очередь США и Европы. Одновременно в анонсах СМИ давали на них критические рецензии. Вообще трудно перечислить все, что сделала революция для молодого поколения Кубы. Поэтому в сложные моменты Фидель мог рассчитывать на его поддержку.

В переломном 1991 году организация празднования Дня национального восстания, 26 июля, была поручена Союзу молодых коммунистов. В это время из-за срыва поставок советской нефти на Кубе резко обострилась энергетическая проблема. Не хватало бензина. Сократилось число выходящих на маршруты автобусов... Фидель призвал там, где это возможно, искать альтернативные решения. В сельском хозяйстве стали активнее применять, в основном на вспомогательных работах и

при транспортировке на небольшие расстояния, гужевой транспорт. В городах и сельской местности активнее начали использоваться велосипеды. Для этой цели, по распоряжению Фиделя, в 1991 г. были закуплены в КНР пятьсот тысяч велосипедов, началось строительство с китайской помощью двух велосипедных заводов на острове.

Тысячи велосипедов были переданы студентам университетов, начали распределяться по предприятиям и учреждениям. Пересели на велосипеды сотни журналистов. Фидель заметил по этому поводу с присущим ему чувством юмора и способностью находить рациональное зерно во всех трудностях: «После вступления в эру велосипеда, когда мы будем иметь их миллионы в своем распоряжении, разумно ли отказаться от них, даже если мы получим столь нужное нам горючее в большом объеме? Зачем бросать велосипед, если ездить на нем так полезно для здоровья». Надо было привлечь внимание молодежи к решению этой проблемы, найти формулу, которая бы позволила ей лучше понять ее. Для этого, в частности, было использовано празднование Дня национального восстания.

Кубинские комсомольцы нашли нестандартное решение. Накануне 26 июля они обратились к молодежи Гаваны с предложением пройти и проехать на велосипедах в рядах грандиозной уличной демонстрации под лозунгом «Куба идет!» Энтузиазм, царивший во время этого марша, был потрясающим. Сотни тысяч молодых людей в предвечерние часы с барабанами и маракасами в руках шли, танцуя под оглушительные звуки рок-музыки. Демонстрация затем переросла в грандиозный митинг, на котором выступил тогдашний комсомольский вожак Роберто Робайна. Фидель стоял рядом с ним, приветствуя молодежь. «Мы намерены строить социализм, — говорил Р. Робайна, — мы не собираемся его менять, мы будем его совершенствовать». Молодые ребята поднимали вверх велосипеды на сильных руках и митинг гремел: «Фиделидад пара сьемпре!» (В переводе с испанского — «Верность на век!»). Речи были немногословны. По их завершении прожекторы были отключены и внимание присутствующих привлекли к себе четыре огромных видеоэкрана. Красные и зеленые лучи плясали на стенах соседних домов; на экранах появились юноши и девушки, веселящиеся на вечеринках.

Митинг совершенно естественно перерос в четырехчасовой концерт, активным участником которого была присутствовавшая на нем миллионная аудитория. Одновременно он напрямую транслировался на всю страну. На нем выступили лучшие артисты. Здесь были кумиры кубинской молодежи — авторы и исполнители песен Пабло Миланьес и Сильвио Родригес.

Выступил Карлос Варела со своими острыми сатирическими песнями, бичующими бюрократию, слова которых подхватывали сотни тысяч голосов. Это было потрясающее зрелище и одновременно мощная манифестация поддержки курса на очищение и защиту социализма. Как все это контрастировало с тем, что происходило в СССР и восточноевропейских странах!

Сплочение кубинского народа, и в том числе молодежи, в трудный момент вокруг руководства страны во многом обязано прозорливости Фиделя Кастро, его способности с первого взгляда распознать суть сложнейших явлений. Как только в европейских социалистических странах обозначились первые признаки кризиса, Фидель взялся за анализ его причин. Он искал новые формы и методы, с помощью которых можно было устранить недостатки, просматривавшиеся в их политических и экономических системах. По мере углубления кризиса в восточноевропейских государствах Ф. Кастро начал предпринимать усилия, чтобы успешно провести страну к намеченной цели через сложный лабиринт мировой политики. «Ректификация» и «особый период в мирное время» явились первыми шагами на этом пути.

Ректификация была призвана устранить приобретенные Кубой пороки европейской модели социализма. Фидель вовремя увидел опасность. Удар был направлен в первую очередь против тех недостатков модели, которые привели ее к номенклатурно-бюрократическому перерождению, а вернее сказать — вырождению. Что же касается «особого периода», то он уже представлял собой политику, непосредственно направленную на мобилизацию внутренних резервов и адаптацию политического и особенного хозяйственного механизма страны к резко ухудшившимся внешним условиям. Оба эти шага в совокупности положили начало изменению стратегии развития и обозначили линию на размежевание с европейской моделью номенклатурно-бюрократического социализма.

Основные задачи, поставленные Ф. Кастро еще в процессе «ректификации» и с наступлением «особого периода», благодаря целенаправленной разъяснительной работе партии, СМК, массовых общественных организаций к моменту распада СССР были осознаны всем обществом. Особую роль в их популяризации сыграли боевые, проникнутые несгибаемым революционным духом выступления Фиделя Кастро на десятках митингов, собраний, встреч с народом, совещаний, его интервью средствам массовой информации. Перед страной была поставлена триединая задача. Она состояла в следующем: приспособить экономику к новым условиям; помочь лучше вписаться в мировой

рынок на новых основах; реорганизовать народное хозяйство в направлении повышения уровня его эффективности.

После августовских событий 1991 г. стало очевидным фактом, что Куба потеряла в лице СССР идеологического союзника, а отношения между двумя государствами, строившиеся в течение трех десятилетий на принципах «социалистического интернационализма», канули в Лету. 29 августа 1991 г. в «Гранме» появилась передовая статья под заголовком «Нашим священным долгом является спасти родину, революцию и социализм». В ней по существу был изложен взгляд кубинского руководства на глобальные изменения в мире и сформулирована стратегическая цель внутренней и внешней политики на новом этапе — всеми силами защитить национальную независимость и социализм.

«Что бы ни произошло в СССР, — говорилось в передовой, — мы не откажемся от пути, который был избран нами в качестве научно выверенного революционного ответа на историческую необходимость воплотить в жизнь мартианские идеи о национальной независимости, антиимпериализме, латиноамериканизме, социальной справедливости и солидарности, и продвигаться к самому справедливому, самому гуманному и наиболее разумному строю, который только знает человечество, — социализму. Осененные идеями Марти, руководствуясь универсальными законами, открытыми К. Марксом и Ф. Энгельсом, опираясь на гениальный вклад, сделанный В. И. Лениным в революционную теорию и практику, исходя из уроков собственного конкретного революционного опыта, мы и впредь будем отстаивать нашу независимую, кубинскую и социалистическую линию».

Характерно, что даже многие западные политологи, пытаясь объяснить причины прочности революционного режима на Кубе, его выпадения из той «партии домино», которая была разыграна с социалистическим содружеством, были вынуждены признать, что капитализм в «третьем мире», к которому принадлежит Куба, отнюдь не представляется столь привлекательным. Уже упомянутый М. Купер писал по этому поводу: «Некоторые кубинцы так недовольны жизнью, что хотели бы покончить с революцией. Но вряд ли таких большинство. Когда поляки или чехи смотрят на Запад, они видят процветающую Германию; взглянув же на Восток, они видят терпящий бедствие Советский Союз. А что лицезреют кубинцы? С одной стороны, несбыточную мечту Майами, с другой — запустение на Гаити, продовольственные бунты в более развитых Венесуэле или Аргентине. Они видят мексиканских туристов, которые

прилетают на самолете, этим мексиканцам местные объясняют, что здесь они могут спокойно пить воду и ночью ходить по улицам, не опасаясь нападения».

В передовой «Гранмы» от 29 августа в концентрированной форме было показано, в чем кубинцы видят силу своей революции и почему для большинства из них неприемлем откат страны к капитализму: «Мы не обязаны нашей революцией никому, кроме самих себя. Мы ни у кого не просили разрешения осуществить ее. Мы слишком сильно любим свое творение, чтобы бесчестить его хотя бы малейшим отступничеством. Капитализм, рыночная экономика, система буржуазной демократии, включая Капитолий [В 30-е гг. при диктаторе А. Мачадо в Гаване было построено помпезное здание парламента, которое представляло собой почти точную копию Капитолия в Вашингтоне.], импортированные из Соединенных Штатов, — это наше позорное и унизительное неоколониальное прошлое со всей его болью, несправедливостью и серостью увечного существования в условиях материальной и моральной нищеты, неравенства, допускавшего концентрацию роскоши на одном полюсе и бедности на другом. Сколько талантов, интеллектов и душевных порывов, которые могли бы послужить родине и человечеству, было загублено из-за того, что отсталость и слаборазвитость общества не позволили им раскрыться. Именно социализм впервые и навсегда сделал нас свободными, независимыми и суверенными».

Мысли, содержавшиеся в этой статье, свидетельствовали о творческом подходе кубинского руководства к оценке складывавшейся новой расстановки сил на мировой арене и возможностей нового партнерства с Москвой. В ней было подчеркнуто, что какую бы общественную систему ни выбрала наша страна, Куба заинтересована, чтобы она оставалась великой мировой державой и фактором сдерживания американского экспансионизма. Высказывалось желание сохранить взаимовыгодное сотрудничество с Москвой в новый условиях. Тем самым в очередной раз было показано, что, невзирая на идеологический поворот и другие изменения в распадавшемся СССР, кубинское руководство, учитывая совпадение коренных национальных интересов двух государств, продолжало видеть в нашей стране своего стратегического геополитического партнера.

Фидель Кастро искал в быстро меняющейся обстановке пути совершенствования кубинской модели социализма, которые позволили бы ей вписаться в новый контекст мировой политики и экономики. Жизнь, к пульсу которой он всегда внимательно прислушивался, подсказывала: чтобы спасти революционные

завоевания и независимость, необходимо устранить пороки, начавшие проникать на Кубу в предшествующий период и погубившие европейский социализм — проявления бюрократического маразма во всех сферах общественно-политической, культурной и хозяйственной жизни, жесткую централизацию, извращения в области директивного планирования развития народного хозяйства, подрыв стимулов к творческому производительному труду. Важная роль в решении этих задач, по замыслу Фиделя, отводилась IV съезду Компартии Кубы.

Подготовка к съезду началась заранее. 16 февраля 1990 г. состоялся пленум ЦК, на котором обсуждался вопрос о предстоящем партийном форуме. Была сформирована подготовительная комиссия съезда во главе с Ф. Кастро. Пленум принял решение обнародовать «Воззвание к IV съезду Коммунистической партии Кубы». Этот документ, над которым лично работал Фидель Кастро, был опубликован 16 марта того же года. Он положил начало предсъездовской дискуссии, растянувшейся на полтора года. Она проходила в условиях полной свободы выражения мысли в рамках социалистического конституционного поля. Коллективное обсуждение проблем само по себе явилось важнейшим каналом связи между массами и политическим руководством страны. Была обеспечена широкая гласность при освещении СМИ различных точек зрения. Мнения сотен тысяч политически активных граждан были аккумулированы в резолюциях, письмах, направленных в руководящие органы Компартии, СМК, общественных организаций. Они были обобщены, проанализированы и легли в основу документов, подготовленных съездом, а также конкретной программы реформ, последовавших за ним. Это был один из примеров прямого диалога руководства с народом, которым сильны Компартия и Кубинская революция.

В ходе дискуссии выявилось общее согласие во мнениях по узловым вопросам развития страны. В наиболее глобальном плане народ высказался за сохранение социализма, одной общенародной партии и исторического лидерства Фиделя Кастро в революционном процессе. При этом большинство одновременно склонялось в пользу перемен и придания большей гибкости экономической системе Кубы. Предлагалось расширить использование товарно-денежных отношений и хозрасчета, усовершенствовать планирование; открыть путь новым формам собственности в производственной сфере, создать условия для индивидуальной трудовой деятельности, осуществить децентрализацию управления хозяйством, провести санацию

финансовой системы.

В области идеологии преобладали предложения, направленные на возрождение и восстановление в правах первоначальных идей революции, произраставших из исторических, политических и социальных условий страны. С этой целью предлагалось дать собственное определение социализма и выработать идеологию, которая бы опиралась на кубинскую национальную почву и была бы обогащена критически переосмысленным международным революционным наследием и современной революционной мыслью всех направлений.

Значительная часть предложений, высказанных в ходе дискуссии, касалась политической системы. Надо сказать, что уже в самом предсъездовском Воззвании были отмечены многочисленные недостатки в существовавшей политической системе и содержался призыв срочно начать их исправление. В ходе дискуссии политическая модель общества, сформировавшаяся после 1975 года, была подвергнута критическому анализу. Одновременно негативный опыт радикальных перемен в странах Восточной Европы способствовал более взвешенному подходу к данному вопросу на Кубе. В ходе обсуждения возобладало мнение о целесообразности сохранения существующей переходной политической модели с ее сложившейся структурной организацией, во главе с единственной авангардной партией. В то же время предлагалось провести серьезную работу по ее совершенствованию. Критические стрелы в первую очередь были направлены на устранение расхождений между декларированными конституционными нормами и их реальным воплощением в жизнь. Предлагалось в пределах, в которых позволяли обстоятельства, осуществить демократизацию механизма народного представительства, участия масс в контроле над всеми структурными элементами системы. Много было сказано о необходимости децентрализации механизма ее функционирования, в первую очередь процесса принятия решений.

Дискуссия коснулась также вопроса о совершенствовании работы Компартии Кубы, общественных организаций и государства. В большинстве предложений содержалась мысль о необходимости сохранить партию как политический авангард трудящихся и всей кубинской нации. В этой связи звучали голоса о правомерности открыть в нее доступ верующим. Отмечалась необходимость полностью освободить партию от несвойственных ей функций исполнительной власти. Было признано целесообразным поднять роль общественных организаций, особенно на местном уровне, и обеспечить их большую

независимость от партии и государства. В отношении последнего говорилось о необходимости упростить его структуры, в первую очередь высшие ступени, используя для этого децентрализацию и делегирование части функций на места и т. д. Общественное мнение также склонялось в сторону усиления конституционно-правовых основ в деятельности государства, утверждения представительных органов народной власти в качестве высших инстанций на вверенной им территории от муниципальных ассамблей до Национальной.

Все перечисленные выше и многие другие предложения явились тем народным родником, из которого Фидель и возглавляемая им партия черпали свежие идеи. Его незамутненная поверхность как зеркало отражала сокровенные думы и чаяния самых широких народных масс, позволяла руководителям лучше понять направление дальнейшего движения, последовательность назревших шагов, найти ключ к решению общих и конкретных проблем.

Сотни политологов и журналистов, вторя официальному Вашингтону, на рубеже 80-х и 90-х годов доказывали, что Кубу ждет крах после прекращения советской помощи, что пока Фидель остается у власти, там невозможны спасительные реформы и экономическое возрождение. Но «угрожающе непредсказуемый» для западных догматиков Фидель в очередной раз не оправдал их надежд. Именно он оказался тем лидером, который, опираясь на диалог с народом и объективный научный анализ, отвечая на вызов нового этапа, повел страну по пути реформ, призванных не только защитить, но и укрепить национальную независимость и социализм.

IV съезд Компартии Кубы открылся 10 октября 1991 г. в святой для кубинского народа день, в Сантьяго-де-Куба, на востоке страны. Именно в этой части острова 10 октября 1868 г. началась десятилетняя освободительная война против испанского владычества. 123 года отделяли делегатов съезда от того дня, когда прозвучал «Клич из Яра»: «Независимость или смерть!» К этому лозунгу Фидель добавил в новых условиях другой: «Социализм или смерть!» Потребовалось почти целое столетие непрерывной борьбы, чтобы кубинский народ обрел, наконец, подлинную независимость. Ее обеспечил переход Кубы к социализму после победы революции в 1959 г. Поэтому Фидель неоднократно объяснял, что национальная независимость и социализм на Кубе неразрывны.

Съезд проходил в тот исторический момент, когда распалось социалистическое содружество, а СССР обреченно доживал последние дни. В этих условиях от кубинских коммунистов

требовалась особая собранность и присутствие духа. Фидель Кастро уверенным и сбалансированным выступлением задал тон партийному форуму. Благодаря процессу исправления ошибок Компартия пришла к съезду окрепшей. Будучи здоровым организмом, в момент опасности она еще теснее сплотила ряды вокруг своего лидера, не оставив противнику ни малейшей бреши, которая могла быть использована для ее подрыва изнутри, как это произошло в европейских социалистических странах.

Фидель Кастро неоднократно подчеркивал, что отвечая на вызов, брошенный Кубе изменениями в мире, она не будет повторять восточноевропейский опыт разрушительных реформ. Выступая на съезде, он заявил: «Мы пойдем собственным путем. Мы не станем никого копировать. Здесь, в тропиках, на этом карибском острове все видится по-иному». Из анализа развития ситуации в бывших соцстранах стало очевидным, что экономический обвал, произошедший в большинстве из них, и последующая утрата всех социальных завоеваний были связаны с потерей государством регулирующих функций в народном хозяйстве. Это произошло по причине бездумного принятия неолиберальной модели, стержнем которой является упование на стихийное рыночное регулирование экономики. Из этого был сделан вывод, что реформы должны осуществляться в условиях управляемости, при сохранении командных высот за государством. Только в таких условиях можно осуществить преобразования, необходимые для повышения эффективности экономики, оздоровления финансов, осуществления планов развития при сохранении основных социальных завоеваний народа и в интересах его большинства.

Съезд внес изменения в Устав, которые открыли путь в партию верующим. Было решено значительно сократить партаппарат за счет ликвидации Секретариата ЦК и института кандидатов в члены выборных органов, включая Политбюро. В общей сложности в аппарате ЦК было сокращено более 100 должностей. В результате прошедших на съезде выборов помолодел состав ЦК и Политбюро. Более половины их членов составили вновь избранные люди. Съезд поручил ЦК приступить к работе над составлением проекта новой Программы партии. Партийный форум принял решение поставить в Национальной ассамблее вопрос о внесении изменений в Конституцию, устраняющих ссылки на атеизм как на государственную идеологию. Было предложено начать работу над изменением избирательных законов и ввести прямые альтернативные выборы депутатов всех уровней.

Обсуждение экономических вопросов на съезде завершилось

принятием решений о предоставлении большей самостоятельности крупным государственным предприятиям, прежде всего в деле реализации своей продукции за рубежом в целях самофинансирования; продолжении линии на поддержку государственного, кооперативного и частного сектора в сельском хозяйстве; разрешении некоторых видов индивидуальной трудовой деятельности и формировании благоприятных условий для привлечения иностранного капитала и создания с ним совместных предприятий, в первую очередь в сфере туризма.

Ф. Кастро подчеркнул на IV съезде: «Все, осуществляемое в этой сфере, направлено на решение основных проблем народа, на поиски ресурсов, в которых он крайне нуждается, хотя надо поставить дело так, чтобы кое-что досталось непосредственно населению... Хорошо было бы, если бы все эти гостиницы могли быть нашими, однако откуда нам взять капитал? Кто его одолжит — СЭВ, социалистический лагерь? Поэтому мы вынуждены обращаться к иностранному капиталу... Сейчас капиталисты добиваются хорошей прибыли, наши партнеры, например, окупают инвестиции за три года, вместе с ними окупаются и наши вложения... Они дают нам опыт, т. е. технологию.., они обеспечивают нам выход на рынок — и в этих условиях абсолютно правильно вступать в ассоциацию с иностранным капиталом, ибо выигрывают обе стороны, в противном случае не используются ни пляжи, ни отели. Это нисколько не затрагивает ни марксизма-ленинизма, ни социализма, ни революции, возможно лишь ранит наши чувства...»

В связи с необходимостью принятия срочных оперативных решений в зависимости от быстро меняющейся ситуации съезд наделил ЦК Компартии Кубы чрезвычайными полномочиями, которые позволяли ему принимать любые необходимые решения по вопросам партийной и государственной жизни. Этим решением политическому руководству страны был предоставлен своеобразный карт-бланш для осуществления реформ, которые позволили бы дать адекватный ответ на вызов, брошенный стране. Карлос Лахе заметил в этой связи, что кубинская экономика «должна осуществить решительный поворот», а «ситуация столь трудная и сложная», что необходим постоянный анализ ситуации и «осуществление изменений, которых требует жизнь».

На съезде была дана оценка международной обстановки. По мнению делегатов съезда, самым значимым международным событием стала ликвидация социалистических государств в Восточной Европе и СССР. Съезд оценил это как политическую катастрофу, которая обусловила крупнейшие глобальные

изменения в экономической, политической и военной областях после второй мировой войны) что привело к возникновению однополюсного мира с военной гегемонией США, чему «содействовал односторонний вывод советских войск из Восточной Европы и прекращение действия Варшавского Договора», в то время как нетронутыми остались структуры НАТО и доктрины США, «конечной целью которых является полное подчинение всего мира».

Выступая на массовом митинге в Сантьяго-де-Куба, посвященном завершению съезда, Фидель Кастро заявил: «Куба, защищающая в труднейших условиях социалистические завоевания, ни за что не капитулирует, никогда не будет мира с северной империей — США на условиях утраты нашего национального суверенитета».

Большое внимание уделено на съезде анализу событий, произошедших в Советском Союзе. В своем выступлении Фидель Кастро высказал чувства признательности за помощь, которую СССР оказывал Кубе в течение трех десятилетий. Одновременно он решительно осудил отход от социалистического выбора и запрет КПСС.

Намеченный IV съездом Компартии Кубы курс на осторожное управляемое политическим руководством реформирование общества постепенно начал набирать обороты. Уже состоявшаяся в конце декабря 1991 г. сессия Национальной ассамблеи одобрила предложения съезда о совершенствовании организационных структур и деятельности органов народной власти, положив тем самым начало осуществлению конституционной реформы и выработке нового избирательного закона.

В июле 1992 г. Национальная ассамблея внесла изменения в Конституцию 1976 г. В ней теперь были признаны право частной и смешанной собственности, регулируемые в соответствии с кубинским законодательством. Государственная собственность была ограничена преимущественно базовыми отраслями или тем, что у нас сегодня называют естественными монополиями. Концепция единого плана социально-экономического развития заменена «планом, который гарантирует программируемое развитие страны».

Достаточно серьезные изменения были внесены в разделы Конституции, посвященные политической системе. Из Основного закона было изъято положение о диктатуре пролетариата и классовом характере государства. За партией, идеология которой основывается на идеях Хосе Марти и марксизме-ленинизме, была признана руководящая роль в обществе и политической системе.

Одновременно из текста были изъяты положения, которые вменяли в обязанности партии и массовым организациям осуществление государственных функций. Было закреплено положение о всеобщем прямом и тайном голосовании при выборах ассамблей народной власти всех уровней. Изъято положение о демократическом централизме. Введен пункт о разделении законодательной и исполнительной власти на всех уровнях. Подчеркнут светский характер государства и опущено всякое упоминание об атеизме как официальной идеологии. Изъято положение о марксизме-ленинизме как официальной идеологии общества и др. В дополнение к новой редакции Конституции в декабре 1992 г. Национальная ассамблея приняла новый Закон о выборах, подробно регламентирующий положение о всеобщем, тайном, альтернативном и прямом голосовании.

Чрезвычайные полномочия, предоставленные IV съездом Центральному комитету Компартии Кубы, были использованы им для выработки и принятия адекватных мер по выводу экономики из кризиса, в котором она оказалась в результате «двойной блокады». Ключевая роль в процессе реформирования страны принадлежала Фиделю Кастро как Первому секретарю ЦК КП Кубы, председателю Госсовета и Совета Министров. Статья 93 реформированной в июле 1992 г. Конституции наделила главу государства и правительства широкими полномочиями. Одними из важнейших среди них являются организация и руководство заседаниями Госсовета и Совета министров, инициатива по их созыву и издание законов-декретов, других постановлений и нормативных актов, одобренных Госсоветом, Советом Министров или его Исполнительным комитетом.

Такая практика позволила в сложнейших условиях более оперативно принимать и проводить в жизнь экономические нововведения, не дожидаясь принятия их Национальной ассамблеей, где процесс прохождения законов является более длительным. Что же касается ассамблеи, то ее комиссии работали над фундаментальными законами, требовавшими более основательной проработки. В результате огромной работы, проделанной всеми структурами законодательной и исполнительной власти страны в 1992 — 1996 гг., были заложены нормативно-правовые основы нового экономического курса.

Начало преобразованиям, как уже отмечалось, было положено решениями IV съезда и принятием новой редакции Конституции. За ними последовала серия законов и декретов-законов. Следует упомянуть самые важные среди них. В августе 1993 г. Ф. Кастро был подписан Закон-декрет № 140, который разрешил свободное обращение на всей территории страны

свободноконвертируемой валюты, что в журналистских кругах получило название «долларизации» Кубы. В сентябре того же года увидел свет Закон-декрет №141, значительно расширивший разрешенную еще ранее индивидуальную трудовую деятельность, которой сегодня уже занимаются сотни тысяч кубинцев.

В апреле 1994 г., в соответствии с Законом-декретом № 147, была произведена реорганизация Совета министров, адаптировавшая его структуру к задачам экономической реформы. Одновременно она позволила Ф. Кастро продвинуть на ключевые посты руководителей нового поколения. Наряду с вице-председателем Госсовета и исполнительным секретарем Совета министров Карлосом Лахе в плеяду молодых реформаторов вошли Хосе Луис Родригес (вначале занявший пост министра финансов и цен, а затем министра экономики и планирования), Роберто Робайна (министр иностранных дел) и ряд других талантливых и преданных революции специалистов.

В мае того же года Национальная ассамблея приняла программу финансового оздоровления, которая среди прочих мер предусматривала введение новых цен на товары и услуги, внедрение системы налогообложения, распространявшейся как на предприятия, так и на физических лиц. Целью программы было изъятие из обращения инфляционных денег, приведение в соответствие спроса и предложения, сбалансирование бюджета и увеличение поступлений в государственный бюджет. В рамках этой программы в августе 1994 г. был принят Закон № 73, установивший новую комплексную налоговую систему, которая начала поэтапно вводиться в стране. Санация финансов была проведена блестяще и дала результаты, превзошедшие все ожидания.

Разрыв кооперационных связей с бывшим социалистическим содружеством нанес сильный удар по потребительскому рынку Кубы. И это немудрено. Куба вступила в 90-е годы в условиях резкого ужесточения экономического эмбарго со стороны США. В октябре 1992 г. в Соединенных Штатах был принят антикубинский закон Торричелли. Практически полностью прекратился товарообмен острова со своими бывшими восточноевропейскими партнерами. Произошел обвал в экономических связях с нашей страной. Если в 1990 г. товарооборот между Кубой и Советским Союзом достигал 9 млрд. долларов (при этом на Российскую Федерацию приходилось 85% этого товарооборота), то в 1993 г. он снизился до 0,549 млрд. Даже с учетом скромных объемов торговли с другими членами СНГ он едва достигал 8 % от прежнего. В результате разрыва существовавших в рамках бывшего СЭВ кооперационных связей в

1993 г. валовой национальный продукт Кубы сократился по сравнению с 1989 г. на 54%. В той сложнейшей обстановке, когда многим казалось, что все рушится и дни социалистической Кубы сочтены, Фидель Кастро твердо и невозмутимо заявил в интервью австрийской газете «Штандарт»: «Понадобится определенное время, чтобы страна приспособилась к новым условиям, однако мы найдем новых торговых партнеров и обеспечим достаточный товарооборот».

Когда в начале 90-х годов ухудшилось снабжение населения, государством сразу начали приниматься энергичные меры, чтобы поправить положение в этой сфере. Был задействован административный ресурс — ужесточен контроль за производством и распределением основных потребительских товаров. Началось осуществление государственной продовольственной программы, предусматривавшей расширение площадей под ряд продовольственных культур, ранее поставлявшихся из-за рубежа. Были открыты десятки валютных магазинов, торгующих по коммерческим ценам импортными товарами. Важную роль в снижении социальной напряженности в обществе, связанной с проблемой снабжения, сыграло открытие аграрных и индустриальных рынков. Указы об их учреждении (законы-декреты № 191 и № 192) были подписаны Фиделем Кастро соответственно в сентябре и октябре 1994 г. Ими была разрешена свободная торговля сельскохозяйственной и промышленной продукцией по ценам, регулируемым спросом и предложением. Право торговать на агрорынке получили крестьяне-единоличники (фермеры), кооперативы, госхозы. На индустриальных рынках разрешалось торговать лицам, занимающимся индивидуальной трудовой деятельностью, государственным промышленным предприятиям, выполнившим свои обязательства по госзаказу, здесь же торгуют люди, занимающиеся художественным промыслом, и т. д. В июне 1995 г. было разрешено создавать частные предприятия по производству и реализации продуктов питания и прохладительных напитков. В стране открылись сотни частных семейных ресторанчиков — «паладарес», где за умеренную цену можно хорошо поесть практически в любое время суток. Огромное значение имело принятие в сентябре 1995 г. Национальной ассамблеей Закона № 77 об иностранных инвестициях. Он заменил действовавший с 1982 г. с многочисленными поправками Указ № 50, сыгравший важную роль на начальном этапе сотрудничества с иностранным капиталом. Последний закон был разработан с учетом самого современного международного законодательства в данной сфере. С введением этого закона на Кубе был создан один из наиболее

благоприятных инвестиционных режимов в Латинской Америке. Результаты не замедлили сказаться. На начало 1998 г. общий объем внешнего финансирования кубинской экономики достиг 2,5 млрд. долларов. Число совместных предприятий на середину 1998 г. приблизилось к 350. Это вполне сопоставимо с соответствующими показателями для России. Единственное, что несопоставимо, так это масштабы двух стран. Это лишний раз подтверждает эффективность как самого нынешнего кубинского руководства, так и избранного им курса реформ.

Одним из важных шагов, призванных способствовать наиболее адекватной реализации Закона об иностранных инвестициях, явился подписанный в июне 1996 г. Фиделем Кастро Закон-декрет № 1650 свободных зонах и промышленных парках. Причем подготовка к их созданию на практике началась значительно раньше. Первая из них начала формироваться в окрестностях Гаваны под административным управлением иностранной частной фирмы еще в декабре 1993 г. И к моменту издания закона-декрета там уже активно работали предприниматели из Мексики, Венесуэлы, Испании и некоторых других стран. Подобная ситуация достаточно типична для Кубы, власти которой принимают важные законы, предварительно «обкатав» содержащиеся в них идеи на практике.

Можно перечислить огромное количество законов и указов, которые позволили кубинцам запустить механизм реализации новой экономической стратегии, однако уже названного достаточно, чтобы представить себе масштаб и серьезность работы, проделанной на хозяйственном направлении кубинским руководством и лично Фиделем Кастро. О качестве работы принято судить по результатам. В 1994 г. кубинцам удалось остановить общий экономический спад и обеспечить, хоть небольшой, но рост в 0,7%. В 1995 г. ВВП Кубы вырос на 2.5%, а в 1996 г. — уже на 7,8 %. Еще более впечатляющими являются показатели по ряду наиболее важных качественных параметров. Так, производительность труда за 1996 год выросла на 8,5 %, инвестиции — на 54%, экспорт — на 33 %, а импорт — на 33,3%. Значительно окрепла национальная валюта. Если в 1993 г. на Кубе за один доллар давали 150 песо, то в 1996 их соотношение уже стало иным — 1 к 19. Впечатляющих успехов Куба добилась в ряде важнейших отраслей народного хозяйства, в первую очередь в индустрии туризма, сахарной и никелевой промышленности, производстве табака, цитрусовых, нефтедобыче. Поражают успехи острова в биофармацевтической промышленности, по экспорту продукции которой он вошел в число мировых лидеров.

Фидель сдержал свое слово — Куба «приспособилась к новым

условиям» и «нашла новых торговых партнеров». К большому сожалению для нашей страны, Канада и государства Европейского Союза, ставшие сегодня основными контрагентами Кубы, достаточно быстро осваивают то экономическое пространство под кубинским солнцем, которое практически бросила Россия. В результате поставлены под вопрос наши стратегические интересы, омертвлены миллиардные капиталовложения, сделанные в кубинское народной хозяйство Советским Союзом. А ведь они могли бы сегодня с большой пользой служить нашему Отечеству.

Экономические успехи Кубы позволили несколько улучшить материальное положение большинства населения, хотя за столь короткий срок и при усилившейся враждебности США это сделать не так просто. Но и на этом направлении кубинцы шаг за шагом уверенно продвигаются вперед, что внушает оптимизм. Сегодня очевидно: задача, поставленная Фиделем в момент крушения СССР — «спасти родину, революцию и социализм», уже в ближайшие годы будет решена в полном объеме.

В начале 90-х годов Вашингтон лишился важнейших политических козырей, которые он использовал ранее в борьбе против Кубы. Перестал существовать «советский блок» и сам СССР, в сателлиты, к которому три десятилетия пытались записать остров. Гавана нормализовала межгосударственные отношения с большинством латиноамериканских стран, поддержала мирный процесс в Центральной Америке, вывела свои войска из Африки, где они помогали отстаивать суверенитет ангольскому и эфиопскому народам. Таким образом отпало обвинение Кубы в «экспорте революции». С начала перестройки в СССР все проамериканские средства массовой информации кричали о том, что на острове никогда не начнутся реформы, пока во главе страны стоит Фидель Кастро. И вот на Кубе под его руководством и при самом активном личном участии началось их успешное проведение. Это вызывало бешенство у правящих кругов США. Их планы в отношении Кубы рушились, как карточный домик.

Как заметил по этому поводу Фидель Кастро, выступая на Международном конгрессе педагогов в Гаване в феврале 1997 г., правящие круги США вначале рассчитывали, что после распада социалистического лагеря «Куба неизбежно рухнет, для них это был вопрос дней, в крайнем случае — недель; они были убеждены в этом, но здесь... не была закрыта ни одна школа, ни одна поликлиника, и в своем отчаянии они начали прибегать ко всевозможным мерам».

Одним из первых шагов в разворачивании Соединенными

Штатами очередной антикубинской кампании стало принятие в октябре 1992 г. упоминавшегося закона Торричелли, ужесточившего блокаду острова. Активность Белого дома особенно возросла в 1994 г., когда стало очевидным, что кубинцам удалось остановить экономический спад. Это окончательно выбивало почву из-под ног у противников Кубы.

В очередной раз США решили использовать фактор нелегальной эмиграции с острова, связывая его с проблемой прав человека. Естественно, что главным арбитром в этой области они считали себя. С помощью всех доступных средств пропаганды Вашингтон усилил идеологическую обработку населения Кубы, подталкивая кубинцев к нелегальному выезду из страны. Тысячи людей, уставших от экономических трудностей и в надежде обрести в США «потерянный рай», поддались этой пропаганде. При этом США, открыв для них свои двери и встречая как героев, в нарушение соглашения от 1984 и 1987 гг., резко сократили число виз, выдаваемых кубинцам, желавшим покинуть свою родину легальным путем.

Американские власти, например, воздвигли целую систему заградительных сооружений на границе с Мексикой, чтобы остановить поток ее жителей, всеми правдами и неправдами пытавшихся проникнуть в богатые США в поисках лучшей доли. Тысячи из них погибли на этой границе от рук американских пограничников. Те же, кому удавалось попасть в Соединенные Штаты, как правило, подобно другим латиноамериканцам, довольствовались черновой работой и положением людей второго сорта. Десятки тысяч беженцев с Гаити были депортированы в 90-е годы американскими иммиграционными властями. Другое дело кубинцы. Для них были настежь открыты двери самой богатой страны, которая тянет соки из латиноамериканских и других народов мира. При этом «политических беженцев» с острова не тянуло направиться к берегам столь же близких к нему демократических стран региона — Мексики или Ямайки, не влекло на капиталистическую Гаити или в какую-нибудь другую страну Латинской Америки. Все они мечтали попасть лишь в сытые Соединенные Штаты. Здесь им сразу предоставлялся вид на жительство, без помех оформлялось гражданство, выплачивались всевозможные пособия, обеспечивалась профессиональная и языковая подготовка, трудоустройство. Естественно, все это делалось не бескорыстно. Сверхзадачей Вашингтона, начиная с 1959 г., была ликвидация независимого от США режима на острове. Фидель Кастро сумел дать достойный ответ и на этот очередной наскок Белого дома. Умение парировать удары противника, «смирять его пыл» своими решительными и часто

ошеломляюще неожиданными действиями — характерная черта Фиделя. На это не раз обращали внимание многие из тех, кто наблюдал за его политической деятельностью. Кубинский журналист М. Гонсалес Бельо вспоминает один эпизод, свидетелем которого ему довелось быть в июле 1976 года. Ф. Кастро вместе с находившимся на Кубе с визитом первым президентом Анголы А. Нето посетил бывшую тюрьму на острове Пинос. Здесь Фидель рассказывал своему гостю о том, как во время заключения он вел борьбу с тюремным начальством и ставил его на место. В этом разговоре Фидель поведал А. Нето о своем философском кредо, которого он придерживался в противостоянии с противником. «Мы, революционеры, — подчеркнул он, — должны быть укротителями львов. Если лев нападает на дрессировщика и тот отступает, лев съедает его; но если укротитель поднимает хлыст и смело встречает льва, то он укрощает зверя».

Анализ политической жизни Ф. Кастро, в первую очередь решимость, с которой он встречал все атаки североамериканского хищника, подтверждает, что Фидель всегда строго следовал своему правилу. Одну из этих атак он парировал в 1994 г., в разгар развернутой Вашингтоном кампаний дестабилизации Кубы с помощью людей, пожелавших выехать из страны в США. Белый дом попытался использовать их в качестве «пятой колонны».

5 августа несколько сот «претендентов на американское гражданство» вышли группами на гаванские улицы и попытались спровоцировать беспорядки. Они начали бить камнями окна государственных учреждений, крушить витрины магазинов, выкрикивали антиправительственные лозунги. Была предпринята попытка разыграть сценарий «бархатной революции». В ответ моментально на улицы вышли тысячи сторонников революционной власти. Начались стычки между противостоящими сторонами, в ход пошли камни, доски, арматура.

Узнав о происходящем, Фидель отдал приказ полиции воздержаться от применения оружия. В сопровождении всего двух телохранителей, которым он приказал оставить в служебном помещении даже табельные пистолеты, Фидель ринулся в гущу событий. Самой горячей точкой Гаваны оказался участок столичной набережной у гостиницы Дювиль (на углу Малекона и Гальяно). Именно сюда прибыл Ф. Кастро. Когда он вышел из машины на гаванскую улицу и направился в сторону разъяренной толпы своих противников, те на мгновение остолбенели. Появление Фиделя деморализовало их, и в следующий момент они обратились в бегство.

Фиделя окружили жители ближайших кварталов, которые перед этим вели рукопашное сражение с погромщиками. Начался откровенный разговор. И Фидель, обращаясь к народу, стоявшему рядом с ним, вновь повторил слова, которые он говорил много раз раньше, но которые в этот момент прозвучали с новой силой: «Честных людей всегда больше и, когда мы вместе, нас никто не победит!» Народ все прибывал и прибывал. Вдохновленные присутствием Фиделя, охваченные патриотическим порывом, тысячи кубинцев обняли друг друга за плечи и запели национальный гимн. Контрреволюция не прошла.

Через несколько часов после этих событий Ф. Кастро выступил по национальному телевидению. Он задал вопрос: «Чего добиваются США? Они хотят создать кризис? Что ж, Куба не боится этого вызова». И как удар хлыста на арене в ответ на звериный рев империи прозвучали слова Фиделя: «Куба больше не будет охранять побережье Соединенных Штатов, наши пограничники не станут препятствовать нелегальному выезду из страны».

Ответный удар, нанесенный Фиделем, сразу напомнил Вашингтону о Мариэле, и тот был вынужден дать задний ход. Фидель меток в своих ударах. Как истинный мастер, он не суетится. Его ответ не звучит, когда еще рано или уже поздно. Он бьет в нужный момент и точно в цель.

4 сентября 1994 г. правительство США было вынуждено подписать новое эмиграционное соглашение с Кубой, которое отменило прежние преимущества по предоставлению политического убежища кубинским нелегальным эмигрантам в Соединенных Штатах и подтверждало свои обязательства ежегодно предоставлять кубинцам не менее 20 тысяч виз для законного въезда в страну. В апреле 1995 г. соглашение было расширено.

Ф. Кастро держит этот вопрос под жестким контролем, чтобы не дать США возможность использовать его против Кубы. Стоило американцам в августе 1996 г. принять у себя, в нарушение соглашения, маленькую группу нелегальных эмигрантов с Кубы, как тут же последовало строгое предупреждение. Кубинский МИД направил протест американским властям, попытавшимся создать новый прецедент. В нем, в частности, говорилось: «Правительство США должно принять энергичные меры, чтобы положить конец нелегальной транспортировке людей, если оно действительно, как заявляло об этом, желает эффективно выполнять миграционные соглашения, подписанные с Кубой». США были вынуждены отступить перед справедливыми требованиями кубинской стороны.

Правящие круги Соединенных Штатов озабочены в последние годы не только успехами Фиделя Кастро по выводу страны из кризиса и продемонстрированной на деле способностью «защитить независимость, родину и социализм». Их все больше волнует, что Куба весьма успешно наращивает сотрудничество с Канадой, государствами Европейского Союза и латиноамериканскими странами. Их беспокойство прежде всего связано с тем, что позиции, сданные на Кубе Москвой, быстро занимают основные конкуренты Соединенных Штатов по мировому рынку. При этом большинство среди них — это военно-политические союзники Вашингтона. Американские деловые круги с ужасом узнают, что все наиболее перспективные и прибыльные отрасли кубинского народного хозяйства на глазах осваиваются канадским, испанским, французским, немецким, британским, израильским, мексиканским и другим капиталом. Их страшит мысль, что, когда правящие круги США наконец снимут эмбарго, то все лучшие места в кубинской экономике уже будут заняты.

Белый дом загнал сам себя в угол в кубинском вопросе. Судорожно, как игрок, оказавшийся в цейтноте, Вашингтон совершает одну ошибку за другой. Грубым просчетом демократической администрации Б. Клинтона явилось одобрение принятого крайне правым республиканским большинством конгресса так называемого «Акта о кубинской свободе и демократической солидарности», получившего название закона Хелмса-Бертона по фамилиям его главных авторов. Конгресс США проголосовал за него в конце 1995 г., а Б. Клинтон подписал закон 12 марта 1996 г.

Закон не выдерживает никакой критики ни с юридической, ни с экономической точек зрения. Он носит экстерриториальный характер, попирает фундаментальные нормы международного права и соглашения о свободе торговли, подписанные самими США. Будучи формально направленным на ужесточение экономического эмбарго против Кубы, он с неменьшей силой бьет непосредственно по коммерческим интересам крупнейших индустриально развитых государств, осуществивших инвестиции в экономику острова. Закон сталкивает США со своими крупнейшими стратегическими союзниками.

«Акт о кубинской свободе и демократической солидарности» предусматривает многократно завышенные компенсационные выплаты американским гражданам, в том числе кубинского происхождения, эмигрировавшим с острова после революции. Общая сумма их исков оценивается фантастической суммой — 100 млрд. долларов. Один этот факт говорит об абсурдности

документа.

Закон Хелмса-Бертона является прямым вмешательством во внутренние дела Кубы. В нем в ультимативной форме ставятся требования об изменении общественного строя суверенной страны, указывается, кто должен уйти со своих постов в кубинском правительстве, а кто может пока остаться. Одновременно этот закон содержит раздел, предусматривающий особые санкции против бывших республик СССР, если они не откажутся от сотрудничества с Кубой. Вообще всем, кто еще не избавился от иллюзий в отношении имперского мышления Вашингтона, можно посоветовать внимательно изучить этот документ, сравнив его с текстами основных международных договоров, регулирующих современные экономические и политические взаимоотношения цивилизованных государства на мировой арене.

Абсурдность закона была очевидна самому Б. Клинтону, который в течение нескольких месяцев отказывался его подписывать, констатируя невозможность его реализации на практике. Однако интересы предвыборной борьбы и желание заручиться голосами правой части электората, а также влиятельной кубино-американской колонии, сыграли свою неблаговидную роль. В качестве повода для одобрения закона Б. Клинтон использовал инцидент, когда после ряда предупреждений кубинцы 24 февраля 1996 г. сбили над своими территориальными водами два самолета, принадлежавшие одной из антикубинских организаций, базирующихся в США. Они в течение нескольких месяцев разбрасывали листовки над Гаваной, рассчитывая спровоцировать население кубинской столицы на беспорядки. Погибли четыре пилота. Провокационные полеты над кубинской территорией прекратились. Одновременно в США по этому поводу была развернута истерическая пропагандистская кампания, которая постепенно сошла на нет. Международные арбитражные органы признали правоту Гаваны.

Кубинское правительство сразу решительно осудило закон Хелмса-Бертона как неприемлемый и 23 марта 1996 г. направило официальный протест во Всемирную торговую организацию. Фидель Кастро в одном из своих выступлений охарактеризовал его авторов как интеллектуальных инвалидов, неспособных хотя бы внешне замаскировать свою ущербность.

Подписание Б. Клинтоном закона Хелмса-Бертона вызвало настоящую бурю протеста мирового сообщества. С его решительным осуждением выступила объединяющая 14 государств. Группа Рио (27 мая 1996 г.), которая также предложила изучить возможные контрмеры. Мексика и Канада

заявили, что закон нарушает положения Договора о свободной торговле в Северной Америке (НАФТА) и пригрозили своему партнеру по Договору — Соединенным Штатам — ответными коммерческими санкциями. Члены Организации американских государств 4 июля 1996 г. одобрили при одном голосе против (он был подан Соединенными Штатами) резолюцию о свободе торговли и капиталовложений в Западном полушарии, в которой потребовали подвергнуть юридическому анализу экстерриториальные меры, предусмотренные законом Хелмса-Бертона. 26 апреля 1996 г. ЕС осудил экстерриториальные санкции, предусмотренные упомянутым законом, и обратился с протестом во Всемирную торговую организацию. Они были квалифицированы как односторонние, направленные против экономических связей ЕС с третьими странами.

Столь негативная реакция в мире на закон Хелмса— Бертона вынудила Б. Клинтона отложить введение в силу его третьего раздела, касающегося защиты американской собственности на Кубе и направленного в первую очередь против иностранных инвесторов, сотрудничающих с Гаваной сегодня.

Фидель Кастро не ограничил свои ответные действия на очередной выпад Вашингтона лишь правительственными заявлениями и жалобами Кубы в международные экономические организации. Он ответил на эту попытку США изолировать Кубу от ее новых деловых партнеров резкой активизацией своей внешнеполитической деятельности, направленной на укрепление и расширение международных связей своей страны.

В марте 1995 г., вскоре после того как законопроект Хелмса-Бертона был внесен в американский Конгресс, Ф. Кастро совершил европейское турне. Уже само по себе появление Ф. Кастро в Западной Европе было важным политическим событием, так как до этого он посещал лишь Испанию в 1984 и 1992 гг. 10 марта Фидель прибыл в Копенгаген, чтобы вместе с главами государств и правительств из 121 страны принять участие в форуме, посвященном проблемам нищеты в мире. Как сообщали западные информационные агентства, он сразу оказался в центре внимания. Ни кубинское правительство, ни пресс-служба ООН, под эгидой которой проходила конференция, не уведомили заранее о приезде Ф. Кастро. Фактор неожиданности в сочетании с масштабом и колоритом личности Фиделя придали его участию сенсационный характер.

Чилийская газета «Кларин» писала по поводу того внимания, которое неизменно привлекает к себе Ф. Кастро. «Как продемонстрировала последняя встреча в верхах представителей стран Западного полушария, проведенная в декабре 1994 г. в

Майами, на которую Кастро не был приглашен, уже сама возможность его приезда вызвала огромный интерес во всем мире. Как присутствие, так и отсутствие Фиделя неоднократно фокусировали внимание на нем, как в тех случаях, когда речь шла о президентских инаугурациях или других событиях, которые собирают первых политических лиц планеты».

Накануне приезда Ф. Кастро в Копенгаген на конференции развернулась острая дискуссия между делегациями Кубы, поддержанной Группой 77, и США по тексту заключительной декларации форума. Неприсоединившиеся страны отстаивали идею о внесении в нее пункта, в котором содержался призыв «воздерживаться от односторонних репрессивных мер, нарушающих международное право и затрудняющих экономическое и социальное развитие государств». С участием Фиделя был выработан компромиссный по форме вариант резолюции, который по своей сути был совершенно четко направлен против имперского беспредела, к которому прибегали США. Ее текст гласил, что все государства должны «избегать каких-либо односторонних шагов, которые входят в противоречие с международным правом и Уставом ООН и затрудняют коммерческие связи между странами». Для всех было очевидным, что речь шла об осуждении очередных шагов по ужесточению экономического эмбарго Соединенных Штатов против неугодных ему режимов, среди которых самой раздражающей «занозой» для них оставалась Куба.

Ф. Кастро выступил на встрече в Копенгагене с глубоким анализом причин нищеты в современном мире. Он показал несправедливость экономической политики индустриально развитых государств, которые постоянно повышают цены на свою промышленную продукцию, увеличивают процентные ставки по кредитам, стимулируют бегство капиталов из развивающихся стран, утечку умов, сбивают цены на сырье, поступающее оттуда, консервируют в них отсталость и дешевизну рабочей силы, дискриминацию по расовому и половому признаку, затягивают долговую петлю. Задолженность стран «третьего мира» превысила фантастическую цифру — 1,5 триллиона долларов. В результате увеличивается разрыв между развитыми и развивающимися странами, богатые становятся еще богаче, а бедные — беднее.

Фидель направил обличительные стрелы против неолиберализма, который сегодня пытаются навязать миру в качестве модной доктрины. Он подчеркнул, что в жертву неолиберальной модели безжалостно приносятся в развивающихся странах расходы на здравоохранение, образование, культуру, спорт, социальное обеспечение, доступные

народу государственные жилые фонды, коммунальное хозяйство, другие самые элементарные и необходимые для массы населения блага, без которых становится невозможным социальное развитие. «Где отсутствует гуманизм, там не может идти речь о правах человека, — отметил Ф. Кастро. — Где царит эгоизм, там не может быть солидарности. Если общество потребления и расточительства будет навязано в качестве модели всей планете, население которой уже превышает пять миллиардов семьсот миллионов человек, то не останется ни среды *обитания,* ни природных ресурсов, которые будут отравлены или исчерпаны, ни возможностей для социального развития».

Фидель Кастро отметил, что неолиберализм не в состоянии разрешить социальные проблемы даже развитых стран. Огромная безработица, нищета части населения в богатых государствах, рост наркомании и насилия, ксенофобии говорят о моральной деградации общества, бесперспективности господствующей в них системы. Неолиберализм ведет в тупик. Одновременно Фидель в своем выступлении показал, что у развивающихся стран есть альтернатива. Куба, которая 35 лет подвергается блокаде со стороны США, сумела выдержать разрыв экономических связей с бывшим социалистическим содружеством и сохранила все достижения в социальной сфере. Все это возможно только тогда, когда государство регулирует развитие общества и увязывает экономический рост с решением социальных задач, обеспечивая справедливое распределение доходов. Это позволяет, даже обладая скромными ресурсами, гарантировать достойное и здоровое существование всех граждан страны, обеспечивать программы развития. И это были не просто слова одного из государственных лидеров, а констатация реальных фактов. «Несмотря на то, что мы являемся бедной страной, — отметил Фидель в своем выступлении, — мы сегодня имеем самое большое на душу населения в мире количество учителей, врачей, работников культуры, спортивных инструкторов. Детская смертность в нашей стране меньше 10 на каждую тысячу родившихся. У нас нет неграмотных, а продолжительность жизни достигла 75 лет».

Вновь, как это уже не раз случалось на международных форумах, Ф. Кастро решительно и умело, наперекор «политической моде», отстаивал перед лицом руководителей развитых капиталистических государств интересы отверженного большинства человечества. Он говорил то, о чем думали, но не всегда решались сказать главы десятков других развивающихся стран. Выступление Фиделя было охарактеризовано многими из них как речь, наполненная «высоким поэтическим реализмом».

Встреча в датской столице, благодаря активному участию в ней Ф. Кастро, способствовала утверждению в европейском общественном мнении идеи о необходимости более справедливого мирового порядка.

Большой резонанс вызвал в мире последовавший после саммита в Копенгагене визит Ф. Кастро во Францию. Особенно символично, что он прибыл туда по личному приглашению главы французского «Фонда Свободы» госпожи Даниэль Миттеран, жены тогдашнего президента Франции. Состоялись встречи Фиделя Кастро в фонде, в штаб-квартире ЮНЕСКО.

Фидель совершил поездку в Бургундию, где познакомился с сельскохозяйственным производством. Он был принят президентом Франсуа Миттераном. Состоялся обмен мнениями по актуальным проблемам современного мирового развития, обсуждались и вопросы двусторонних связей. Визит Фиделя во Францию показал, что, вопреки давлению Вашингтона, независимая позиция Кубы пользуется уважением в западноевропейских странах, и попытки изолировать ее обречены на провал. По существу, этим визитом было положено начало процессу налаживания системных экономических и коммерческих связей Кубы с Европейским Союзом.

Несомненной демонстрацией высоко поднятого кубинского флага перед лицом империи явилось личное участие Фиделя Кастро в торжествах, посвященных 50-летию ООН. В Латинской Америке и Европе Фиделя Кастро нередко называют «последним рыцарем нашего времени». Действительно, необходимо обладать подлинно рыцарскими качествами, чтобы не только посетить страну, власти которой крайне враждебно настроены к тебе, но и проделать там большую работу. Ф. Кастро тщательно подготовился к поездке сам и провел определенную работу по подготовке общественного мнения в США. Накануне своего визита он встретился с большой делегацией американских деловых, научных и общественных кругов. Обменявшись с ними информацией по вопросу о двусторонних отношениях, Ф. Кастро выразил готовность своей страны к самому широкому деловому и гуманитарному сотрудничеству с Соединенными Штатами.

Пятидневное, с 21 по 25 октября 1995 г., пребывание Фиделя в Нью-Йорке было встречено буквально «зубовным скрежетом» официальных американских кругов. Одновременно присутствие кубинского лидера в США, его выступления и интервью американским средствам массовой информации, где он напомнил об Уставе ООН и нормах международного права, крепко «подперчило» достаточно постно-провинциальную общественно-политическую жизнь в этой стране и способствовало укреплению

международного престижа Кубы.

Когда 2 ноября, неделю спустя после визита Ф. Кастро в Нью-Йорк, Генеральная Ассамблея ООН, четвертый год подряд, осудила американское эмбарго против Кубы, за эту резолюцию проголосовало на 16 стран больше, чем в предшествующем году. Соединенные Штаты оказались почти в полной изоляции. Если в поддержку Кубы высказались 117 стран, то Вашингтон, помимо своего собственного голоса, был поддержан представителями лишь двух государств — Израиля и суверенного Узбекистана.

Особое место во внешнеполитической активности Кубы на современном этапе несомненно занимают ее связи с Китаем и Вьетнамом, успешно идущими по пути социалистических рыночных реформ. Учитывая определенное сходство избранных путей развития и идеологическую близость Кубы с этими странами, можно говорить даже об определенной стратегической проекции их отношений. Мысли о целесообразности визита Ф. Кастро в КНР зародились в кубинском руководстве еще на рубеже 90-х годов. По приглашению Ф. Кастро в 1993 г. Кубу посетил председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь. В октябре 1995 г. в Гаване состоялась встреча Ф. Кастро с китайским премьером Ли Пеном, который находился там проездом в Мексику. Эти встречи подготовили почву для поездки Ф. Кастро в Китай в конце 1995 года.

Мы уже отмечали, что Фидель обладает способностью определять наиболее удачный момент для того или иного шага. Его азиатское турне, 29 ноября — 14 декабря, явилось одним из подтверждений этому. В 1995 году стало очевидным, что Кубе удалось преодолеть кризис, вызванный распадом соцлагеря, навести порядок в экономике, осуществив некоторые осторожные рыночные реформы. Была проделана большая работа по перестройке структуры внешнеэкономических связей. Крупнейшими партнерами Кубы стали Европейское Сообщество (45 % товарооборота), Канада, государства Латинской Америки и Россия. В эти же годы выявилась взаимная заинтересованность в сохранении и развитии взаимовыгодных экономических связей между Кубой и Китаем.

Традиционно дружескими оставались отношения Гаваны с Ханоем. Куба была заинтересована в продолжении японских инвестиций. В течение многих лет Страна восходящего солнца являлась главным кредитором Кубы среди капиталистических государств. Одновременно в 1995 году обозначились признаки очередного антикубинского похода Вашингтона. В ответ на это Куба, активизировав свои внешние связи, заручилась моральной поддержкой мирового сообщества. Именно этот момент Фидель

счел подходящим, чтобы совершить свой первый визит в КНР.

Фидель Кастро пробыл в Китае 10 дней, с 29 ноября по 8 декабря. Столь длительный срок пребывания объясняется стремлением Фиделя не только провести основательные переговоры, но и поглубже ознакомиться с опытом китайских рыночных реформ. Этим во многом объясняется и состав кубинской делегации, прибывшей вместе с Фиделем в Пекин. В нее входили заместитель Председателя Совета Министров, министр экономики и планирования, один из авторов кубинских реформ Хосе Луис Родригес, заместитель министра иностранных дел Исабель Альенде и члены Госсовета Фелипе Перес Роке и Хосе Р. Мияр Барруэкос.

Ф. Кастро провел переговоры с председателем КНР и Генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэминем и премьером правительства КНР Ли Пеном. Переговоры касались как двусторонних отношений, так и международных вопросов. Конечно, отношения между Кубой и Китаем сейчас строятся не на идеологической основе, а на почве широкого спектра общих интересов и взаимной выгоды. И, тем не менее, идеологическое родство и сегодня — пусть не главный, но и не последний фактор, способствующий сотрудничеству и солидарности между нынешними социалистическими странами.

Переговоры Фиделя с китайскими руководителями происходили в дружественной атмосфере. Обе стороны подчеркнули свое стремление к кооперации во всех областях, а также к сотрудничеству и взаимной поддержке в международных делах. Руководители двух стран продемонстрировали общий подход в оценке политических процессов, происходящих на международной арене. Они были единодушны и в вопросе о недопустимости установления однополюсного мира с гегемонией одной сверхдержавы. Во время визита был подписан пакет соглашений об экономическом и научно-техническом сотрудничестве между двумя странами.

Фидель использовал визит и для того, чтобы получше узнать Китай, понять его историю, культуру. Конечно, он не удержался от посещения Великой китайской стены, буддийских храмов, других достопримечательностей страны. Но главное, что интересовало кубинского лидера, — это китайские рыночные реформы, их воплощение на практике, а также социальные последствия преобразований. С этой целью он провел почти целую неделю в центральных, восточный и южных районах Китая, посетил предприятия в особой экономической зоне Шанхая, ознакомился с социальной инфраструктурой ряда китайских городов, вникал в малейшие детали нового хозяйственного

механизма КНР. «Китай — это страна XXI века, гигант, который просыпается», — сказал Ф. Кастро в телевизионном интервью пекинскому телевидению. Успехи огромного Китая, решающего проблемы развития в рамках социализма, стали для Фиделя дополнительным аргументом, подтверждающим правоту отстаиваемых им идей.

Это же подтверждал и пример Социалистической Республики Вьетнам, куда прибыла кубинская делегация 8 декабря, по завершении визита в Китай. Это был второй визит Ф. Кастро во Вьетнам. Впервые он побывал там в сентябре 1973 г. во время войны вьетнамского народа против американских агрессоров. Вместе с тогдашним премьер-министром Вьетнама Фам Ван Донгом Фидель пересек 17-го параллель, по которой проходила граница между Северным и Южным Вьетнамом, побывал в освобожденных районах юга страны, познакомился с героями освободительной эпопеи. В то время посещение Фиделем освобожденных районов, по признанию вьетнамцев, явилось для них большой моральной поддержкой. Теперь на повестке дня в обеих странах стояли созидательные задачи. Ф. Кастро провел переговоры о перспективах сотрудничества с Генеральным секретарем Компартии Вьетнама До Муоем, президентом страны Ле Дук Алом и премьер-министром Во Ван Кьетом. В течение всего периода борьбы Вьетнама против американской агрессии Куба оказывала ему огромную для своих масштабов безвозмездную помощь в самых различных сферах. И сегодня во Вьетнаме работают сотни кубинских врачей, инженеров, техников. На Кубе получили высшее и среднее специальное образование многие тысячи вьетнамцев. Между двумя странами сложились поистине братские отношения.

Когда Вьетнам, развернувший с середины 80-х годов успешные рыночные реформы, прочно встал на ноги, он протянул руку помощи Кубе, оказавшейся в начале 90-х годов в трудном положении. В самый критический для себя момент Куба получила из СРВ десятки тысяч тонн риса, что помогло смягчить трудности со снабжением населения продовольствием. В последние годы Вьетнам превратился в главного поставщика риса на Кубу. Во время пребывания Ф. Кастро в СРВ была подтверждена линия на расширение сотрудничества двух стран в различных областях. Кроме того, перед лицом усиления экономической блокады Кубы со стороны США Вьетнам обязался поставить ей в качестве дара 100 тысяч тонн риса в 1996 г.

Визит Ф. Кастро в СРВ проходил под знаком революционной солидарности. Фидель посетил места боев периода освободительной войны, встречался с ветеранами. Сразу после

официального приема, устроенного в его честь высшими вьетнамскими руководителями, Фидель посетил бывшего премьер-министра страны, ветерана революционной борьбы Фам Ван Донга, которому тогда уже перевалило за 90 лет. Им было что вспомнить. Оба не один десяток лет отдали борьбе в защиту независимости своих народов против самой могущественной империи.

Большой интерес представлял для Фиделя вьетнамский опыт рыночных реформ. Еще раньше он присылал в СРВ для ознакомления с ним Хосе Луиса Родригеса. Свое второе пребывание в этой стране Ф. Кастро активно использовал для того, чтобы на практике ознакомиться с рыночными наработками Вьетнама. Он посетил ряд промышленных предприятий и сельскохозяйственных кооперативов, стремился разобраться в вопросах организации труда, производственного цикла и сбыта готовой продукции на рынке. Фиделя интересовали достигнутый на вьетнамских предприятиях уровень производительности труда, методы стимулирования, организации быта и социальной инфраструктуры, уровень доходов различных категорий населения и другие вопросы. Вскоре все это, переосмысленное и пропущенное через призму кубинской специфики, начнет работать на Кубе.

Эти долгие поездки по Китаю и Вьетнаму имели большое значение. Они подвели определенную черту под прошлым и наметили путь в будущее, позволили Фиделю лучше понять опыт двух социалистических стран, сумевших найти адекватный ответ на вызов современного мира. Фидель уезжал из Китая и Вьетнама воодушевленный успехами, достигнутыми народами этих стран в экономическом и социальном развитии. Это позволило ему, выступая на приеме в Хошемине, заявить: «Сегодня в этот момент мы можем утверждать с большим убеждением, чем когда-либо: будущее за социализмом. Капитализм переживает кризис, он не позволяет решить ни одной проблемы человечества; только народы Вьетнама, Кубы и других стран, которые не отказались от принципов марксизма-ленинизма, народовластия и руководящей роли коммунистической партии, идут вперед и добиваются сегодня успехов, которые не по плечу ни одной другой стране мира».

Поездка по Азии завершилась кратким рабочим визитом Ф. Кастро в Японию, где он до этого никогда не бывал. В Пекине и Ханое Фидель вел деловые переговоры с единомышленниками. В Токио он прибыл как бизнесмен, давно поддерживающий деловые связи с Японией. И тем не менее все три визита имели одну общую основу — поиск партнеров, которые в силу своих

национальных интересов были заинтересованы в сдерживании американского экспансионизма. Япония, ведущая конкурентную борьбу на мировом рынке с Соединенными Штатами, объективно является противником экономического эмбарго против Кубы, Фидель Кастро во время переговоров откровенно говорил о том ущербе, который может нанести свободе торговли новая попытка США ужесточить блокаду с помощью закона Хелмса-Бертона. «Восток — дело тонкое». Японские официальные лица стараются избегать широковещательных заявлений в адрес Вашингтона. Но, помимо их дипломатических заявлений в пользу свободы мировой торговли, об отношении Японии к эмбарго свидетельствовало выделение ею Кубе, в ходе визита Ф. Кастро, безвозмездной финансовой помощи на нужды развития. Другим очевидным результатом визита Фиделя в Токио и его переговоров с японским премьер-министром Томиити Мураямой явилось укрепление атмосферы доверия и взаимопонимания между Кубой и Японией и, пусть небольшое, изменение баланса в пользу развития отношений с индустриально развитыми странами.

В условиях усиливающегося экспансионизма США возрастает значение различных международных политических объединений, способных послужить заслоном на пути формирования однополюсного мира. Одной из таких сил может стать ибero-американское содружество, покоящееся на общности этнокультурных, социально-экономических и политических интересов. Начиная с первого совещания в Гвадалахаре, состоявшегося в 1991 г., встречи глав государств и правительств стран Латинской Америки, Испании и Португалии проводятся ежегодно. Фидель Кастро, выступивший в качестве одного из инициаторов этих совещаний, с самого начала принимает в них активное участие.

VI встреча глав ибero-американских государств состоялась в Чили в ноябре 1996 г., восемь месяцев спустя после подписания Б. Клинтоном «Акта о кубинской свободе и демократической солидарности». Естественно, что вопрос о нем был в числе других внесен в повестку дня. Совещание 23 высших руководителей ибero-американских стран прошло 10-11 ноября. В первый день его участники заседали в чилийской столице Сантьяго в специально построенном для этого Центре конгрессов, расположившемся в аристократическом квартале района Провиден-сия, практически у самого подножия Андийских Кордильер. Завершающие заседания второго дня прошли в знаменитом курортном городке Винья-дель-Мар, во дворце Серро-Кастильо и отеле Мирамар. Король Испании Хуан Кар-лос 1, выступая на приеме, устроенном в честь участников форума

президентом Чили Эдуардо Фреем во дворце Ла Монеда, подчеркнул, что «шестая встреча глав государств и правительств демонстрирует сплочение и единство ибе-ро-амери-канского сообщества наций».

Ф. Кастро прибыл в Чили 25 лет спустя после своего первого посещения этой страны в 1971 г. Как обычно происходит в подобных случаях, Фидель, на которого сразу обрушились проамериканские средства массовой информации, а в защиту выступила левая антиимпериалистическая часть политического спектра Чили, оказался в центре внимания. Жители Сантьяго вышли на улицы, чтобы встретить Ф. Кастро. Корреспондент Франс Пресс, сообщивший о приезде кубинского руководителя в Чили, увидев тысячи чилийцев, выстроившихся вдоль всего 30-километрового маршрута от аэропорта к его резиденции и скандировавших лозунги в его поддержку, поднимавших над головами кубинские и чилийские флаги, портреты Фиделя и Альенде, констатировал, что Ф. Кастро завоевал симпатию улицы. Это резко контрастировало с антикубинской акцией на площади Альмагро, организованной совместно крайне правыми организациями Чили и кубино-американским фондом, где собралось меньше сотни человек. Как сообщило мексиканское информационное агентство Нотимекс, там было «меньше манифестантов, чем журналистов».

Чтобы успокоить ажиотаж, который вызвало появление Ф. Кастро в чилийской столице, сам президент страны Э. Фрей был вынужден призвать средства массовой информации и политические круги к сдержанности и «не превращать Ф. Кастро в ось, вокруг которой вращается саммит».

Первое, что сделал Фидель, прибыв в Сантьяго, почтил память выдающегося сына чилийского народа Сальвадора Альенде. Еще перед началом утреннего заседания в первый день встречи он посетил в сопровождении его дочери Исабель кладбище, где в пантеоне покоится прах президента, погибшего на своем посту во время государственного переворота, совершенного Пиночетом. Фидель возложил венок из белых, красных и синих цветов, соответствующих трехцветному чилийскому флагу. «Сальвадору Альенде, заслужившему величайшую славу и честь, от Фиделя Кастро Рус» — было написано на ленте.

Одним из центральных вопросов на совещании было обсуждение проблемы демократии в иберо-американских странах. Попытка председателя правительства Испании Хосе Аскара, представлявшего правое крыло иберо-американского саммита, выступить с обвинениями Ф. Кастро в антидемократизме не

получила поддержки у его участников. Президент Мексики Эрнесто Седильо отметил, что демократия не может трансплантироваться из одного общества в другое; она не может навязываться путем вторжений, вмешательства во внутренние дела или иностранного давления.

Фидель Кастро в своем выступлении дал отповедь одностороннему подходу к данному вопросу. Он высказался за подлинное воплощение демократии во имя всех граждан, что может быть обеспечено лишь в условиях социальной справедливости. Ф. Кастро показал на примере реальной действительности латиноамериканских стран, какие язвы необходимо излечить, чтобы демократия стала явью. Необходимо решить проблемы десятков миллионов беспризорных и неграмотных детей, живущих в нечеловеческих условиях и подвергающихся беспощадной эксплуатации; необходимо решить проблему безработицы и маргинализации населения, более 50 % которого живет за чертой бедности; необходимо решить проблемы наркомании и разгула преступности, которые захлестнули страны Латинской Америки. Президент Чили Э. Фрей по существу поддержал Фиделя Кастро, подчеркнув, что «демократия в Латинской Америке должна стать более полной, совершенной и теснее увязываться с решением повседневных жизненных проблем каждого гражданина».

Фидель Кастро обратил внимание участников форума на усиливающиеся претензии Вашингтона «навязывать экстерриториальные законы», осуществлять политику «преступной блокады». Позиция Фиделя по этому вопросу нашла единодушную поддержку глав иберо-американ-ских государств. Итоговый документ совещания, который получил название «Декларации Винья-дель-Мар», не только осудил закон Хелмса-Бертона как экстерриториальный, но и призвал правительство Соединенных Штатов пересмотреть вопрос о его применении, поскольку «он посягает на принципы международного сосуществования» и «игнорирует основополагающий принцип уважения государственного суверенитета». Включение этого раздела в итоговую декларацию явилось несомненным успехом кубинской дипломатии и лично Ф. Кастро.

На следующий день, 12 декабря 1996 г., на Генеральной Ассамблее ООН состоялось очередное обсуждение вопроса об экономическом эмбарго США против Кубы. И уже шестой год подряд мировое сообщество подавляющим большинством голосов высказалось за его отмену. Сколько еще таких и подобных ему голосований, деклараций и других актов мирового сообщества потребуется, чтобы твердолобые в американском руководстве

наконец поняли, что претензии на мировое господство и беспардонный диктат не проходят в современном мире.

13 августа 1996 г. Фидель Кастро очень скромно, без всякой помпы отметил свое 70-летие. В этот день он посетил пионерский лагерь под Гаваной, где дети угостили его тортом собственного изготовления. В нескольких кубинских газетах были опубликованы небольшие воспоминания тех, кому посчастливилось в разные периоды быть с ним рядом. Очень коротенькие и очень простые человеческие воспоминания. Этим «торжества» были полностью исчерпаны. И вновь пошли обычные рабочие будни.

Наблюдая за кипучей деятельностью Фиделя, просто забываешь о его возрасте. Он как и прежде полон сил и энергии, молод духом. В этом ему помогает здоровый образ жизни. Фидель никогда не прекращал заниматься спортом. Баскетбол, бейсбол, подводное плавание и многие другие виды спорта — атрибуты его повседневной жизни, для которых он, несмотря на колоссальную загрузку работой, старается выкраивать время. В первые годы после революции образ Фиделя был неотделим от хорошей гаванской сигары, с которой он редко расставался. Однако не все знают, что в 1986 г., когда Ф. Кастро призвал страну начать борьбу за исправление ошибок и недостатков, он, подавая личный пример в борьбе за здоровый образ жизни, бросил курить. С тех пор нигде и никогда его не видели с сигарой.

В октябре 1996 г. на Кубу обрушился мощный тропический ураган «Лили». Это была очередная проверка Кубы на прочность, на этот раз стихией. Фидель работал день и ночь, чтобы организовать спасательные и восстановительные работы. Он объездил все наиболее пострадавшие от циклона районы страны. Вездеход, вертолет, катер были в те дни основным средством передвижения Фиделя. Он беседовал с людьми, выяснял сложность возникших проблем, принимал на месте оперативные решения. Своим примером он «заводил» руководителей, рядовых тружеников, и уже вскоре основные последствия стихийного бедствия были преодолены. Через несколько дней после этого он направился на упоминавшуюся встречу в Сантьяго. Дальний перелет, напряженная работа, эмоциональные дискуссии, в эпицентре которых Фидель отстаивал национальные интересы своей страны. Завершилась встреча в Чили, и снова, без всякой передышки, Фидель бросается в новую политическую битву. Он едет на организованный ООН в Риме Всемирный продовольственный саммит.

В этом форуме приняли участие представители 120 стран.

Активную роль на нем играли различные международные организации, занимающиеся проблемами продовольствия, в первую очередь ФАО. Пять дней, насыщенных интенсивной работой, провел Ф. Кастро в Риме. Он отстаивал здесь интересы развивающихся государств, обездоленного большинства человечества, проживающего в них. В своем выступлении он вновь со всей скрупулезностью раскрыл истинное положение дел с обеспечением продовольствием в странах «третьего мира», указал на причины проблем и пути их решения, которые прежде всего проходят через обеспечение справедливого торгового обмена между развитыми и развивающимися странами и утверждение принципов социальной справедливости.

Эти дни были насыщены десятками важных встреч с высшими государственными деятелями Италии: президентом республики Луиджи Скальфаро, премьер-министром Романе Проди, представителями деловых кругов. Фидель провел переговоры с руководителями ряда других стран, приехавших на совещание.

Однако самым впечатляющим событием во время пребывания Ф. Кастро в Вечном Городе стала его встреча с папой римским Иоанном Павлом II. Средства массовой информации окрестили ее исторической. Конечно, каждый вкладывал в это свой смысл, часто с оттенком журналистской сенсационности. Но тем не менее важно, что все, как сторонники, так и противники Кубинской революции, увидели в ней незаурядное событие. Встреча намечалась уже давно, однако различные обстоятельства достаточно долго препятствовали ей. Одновременно она не была лишь протокольно-официальной. За ней, на наш взгляд, стояло нечто большее. Путь к встрече был не простым. И Фидель и папа прошли свою часть пути.

Никто не станет оспаривать, что Ф. Кастро и Иоанн Павел II являются крупными политическими личностями на мировой арене, которые в течение последних десятилетий играли на ней заметную роль. Мы уже останавливались на вопросе отношения Фиделя к религии. В этом смысле он — первый руководитель социалистической страны, который твердо и убежденно встал на позицию стратегического союза между коммунистами и христианами.

В свою очередь, папа римский, убежденный противник атеизма, с момента восхождения на Святой престол в Ватикане, соприкоснувшись с нуждами своей наиболее многочисленной паствы в Латинской Америке и Африке, с каждым годом все более решительно стал выступать с критикой капитализма. Ему как христианину претит преклонение перед дикими законами рынка, порождающими обман, алчность и стяжательство, коррупцию,

моральную и физическую деградацию, ведущими к трагическому расслоению на богатых и нищих, превращающими обездоленное большинство в изгоев общества.

Показательно, что выступления Ф. Кастро и папы римского на Всемирном продовольственном форуме были очень близки по духу и содержали обличительную критику неолиберальной модели. Оба, обращаясь к его участникам, подчеркнули недопустимость любых экономических санкций, из-за которых страдают миллионы ни в чем не повинных людей.

Беседа Ф. Кастро и Иоанна Павла II в библиотеке Ватикана продолжалась всего 35 минут. Но их хватило, чтобы обменяться мнениями по наиболее животрепещущим для обоих вопросам: положению церкви на Кубе и борьбе против экономической блокады острова со стороны США. Папа сказал, что постоянно молится за Кубу. Личное общение Фиделя Кастро и папы римского позволило им подтвердить возникшее взаимопонимание и по основным проблемам мирового развития. Во время встречи Фидель Кастро вновь пригласил папу римского посетить Кубу, где он еще никогда не был. Иоанн Павел II с благодарностью принял приглашение [Визит Иоанна Павла II на остров состоялся 21 — 25 января 1998 г. Папа посетил ряд кубинских городов, где выступил перед многочисленной аудиторией. Он встречался и обсуждал проблемы католической церкви на Кубе со священнослужителями и кубинскими государственными руководителями. Состоялся обмен мнениями между понтификом и Фиделем Кастро по актуальным проблемам современности. Они выразили общую озабоченность остротой социально-экономических проблем в мире и силовым диктатом Вашингтона. Папа римский осудил экономическую блокаду Кубы со стороны США и, в частности закон Хелмса-Бертона. Интересно, что журналисты, присутствовавшие при встречах главы римско-католической церкви и Ф. Кастро, были поражены знаниями Фиделем всех тонкостей католического «придворного» этикета и умению достойно и свободно держаться в его рамках.]. Встреча Ф. Кастро и папы римского действительно имела историческое значение. Ее истинное величие в том, что впервые произошло братское рукопожатие социализма и христианства. Сегодня, когда человечество столкнулось с массой социальных проблем, которые не в состоянии решить навязываемый ему неолиберализм, встает задача предложить социальную перспективу, способную вывести мир из тупика. И возможно, что именно союз истинных коммунистов и христиан, столь близких по своим изначальным морально-этическим ценностям и целям — быть защитниками униженных и отверженных, создать для всех условия достойного

и братского человеческого существования в гармонии с Высшей Совестью и природой, — окажется той могучей исцеляющей силой, которая остановит человечество на краю пропасти и спасет его от гибели.

Жизнь и борьба продолжаются. И мы надеемся, что Фидель сумеет вписать еще много новых интересных страниц в современную историю. Предприняв попытку написать книгу о Фиделе Кастро, авторы не ставили перед собой амбициозных целей — дать исчерпывающую картину его жизни и деятельности до настоящего времени. Сегодня и в будущем ему посвятят еще многие сотни и сотни исследований, но и они навряд ли смогут исчерпать тот огромный мир, который воплощает в себе этот незаурядный человек. Мы же хотели сделать лишь один из первых скромных шагов в этом направлении и очертить самыми беглыми штрихами отдельные, представляющиеся нам наиболее важными фрагменты его биографии.

Фидель Кастро родился 13 августа. По гороскопу это третья декада Льва. Людей, явившихся на свет под этим знаком Зодиака, если верить астрологии, отличают мужество, ответственность и способность к напряженной работе ради выбранной цели. Третья декада Льва символизирует развитие личности до того уровня, когда она — заметно или незаметно — воплощает волю истории. Третья декада Льва — это труд на невозделанном поле, и ее намерения порой забегают вперед истории. Не беремся утверждать, насколько астрология отражает истинное положение дел во Вселенной, но в нашем случае похоже, что звезды говорят правду.

Может быть, мы действительно не всегда до конца понимаем Ф. Кастро, устремленного в будущее, но ни один человек, который сопереживает боль ближнего и не может оставаться равнодушным, видя царящую в мире социальную несправедливость, не станет отрицать, что именно такие люди, как Фидель Кастро, призваны воплотить волю истории в жизнь.